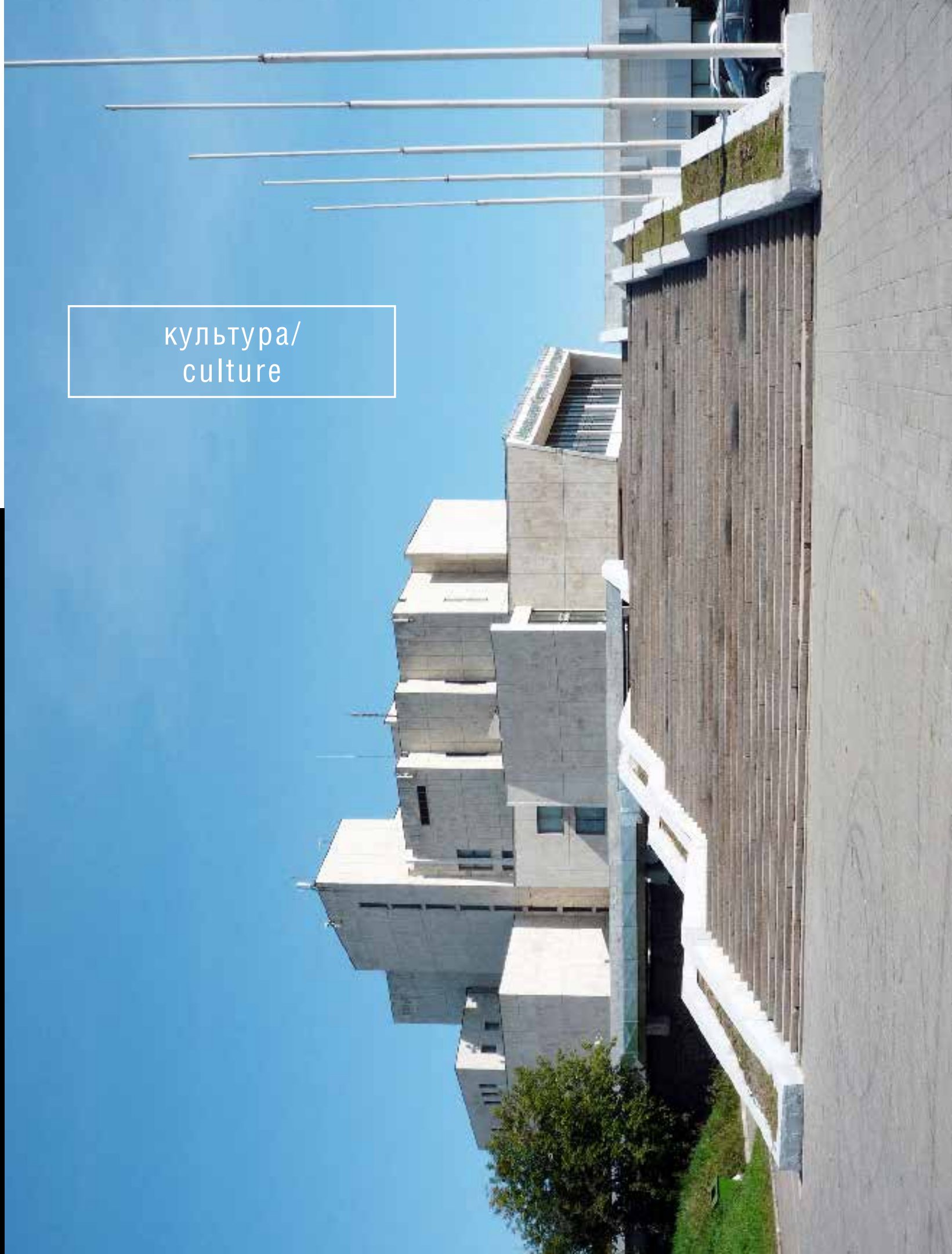
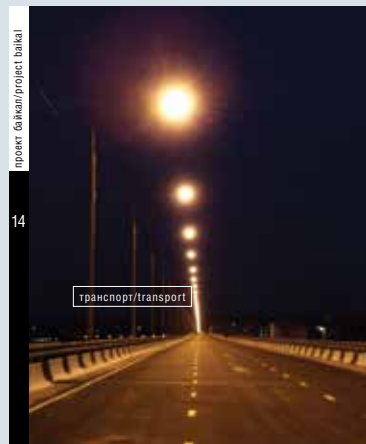
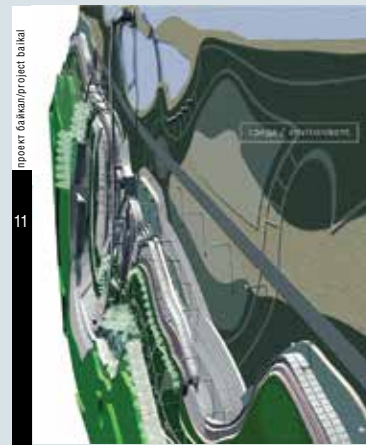
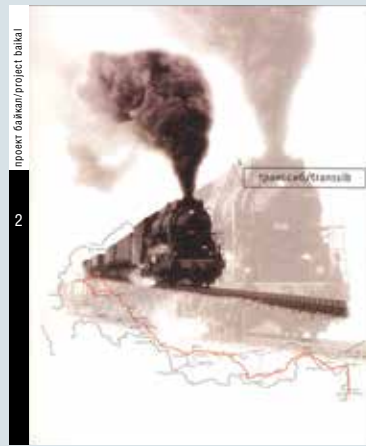
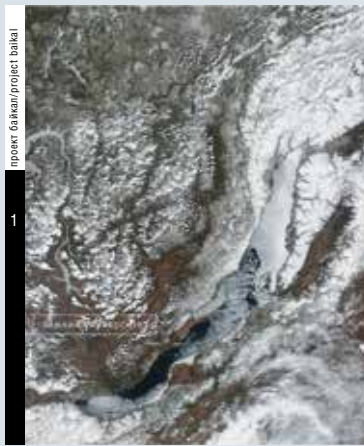

проект байкал/проект байкал

культура/
culture

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Приобрести журнал можно: Дом архитектора, пер. Черемховский, 1а
«Иркутскгражданпроект», ул. Степана Разина, 27, оф. 701
ИрГТУ, архитектурный факультет, методический кабинет

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

17

культура / culture

Спонсоры номера

**Архитектурная Фирма
Н.Жуковского**

события	
Первая Московская биеннале архитектуры	2
150-летний юбилей Хабаровска и «ДВ ЗОДЧЕСТВО–2008»	4
Сессия РААСН	8
Круглый стол в Красноярске	9
Один день. Том II	14
Сезон Лэнд-Арта	18
Архстояние	19
Offline	20
мастера	
Перекрестки судьбы. Интервью с Марком Мееровичем	22
Архитектура – это социально ответственная профессия. Интервью с Андреем Юрьевичем Макаровым	25
Архитектура, наполненная любовью. Интервью с Владимиром Борисовичем Стегайло	28
трибуна	
Цветник. Эстафета создателей	32
выставки	
Ad memoriam (скульптор Владимир Цой, 1954-2007)	34
Неприкаянные	36
новостройки	
Элегантный акцент квартала	38
квартирный вопрос	
Обязан быть роскошным. Стоическая философия интерьера гостиной	42
россия	
Нижнее Приангарье: базовые моменты пространственного развития	47
агломерация	
Когда «местное самоуправление» становится уместным	50
Местное самоуправление в контексте задач инновационного развития	51
наследие	
Государев фабрикант	54
эксперт	
«Что имеем – не храним...» Еще раз о Красных Казармах	56
наследие	
Культурное наследие и самобытность в архитектуре и градостроительстве Грузии	62
наследие XX	
Дальневосточный имперский проект: Магадан – забытая столица Дальстроя	70
Зодчество восточной сибиря	74
XXIII конгресс МСА	104

Издательская группа
выражает благодарность
за помощь и поддержку в
создании журнала главному
редактору журнала проекту
россия Барту Голдхоорну и
издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован
Восточно-Сибирским
управлением Федеральной
службы по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых
коммуникаций и охране
культурного наследия.
Свидетельство ПИ №ФС13-0180
от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева
выпускающий редактор,
корректор
Инесса Бражникова
литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева
редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич
редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов
редактор раздела
«Монитор»
Ирина Теплякова

верстка
Жанна Измайлова
отдел рекламы
Ольга Павлова
Александра Рябенко

Выражаем благодарность
за участие в подготовке
номера
Ольге Смирновой
(Красноярск),
Ларисе Крыловой,
Александре Козак
Татьяне Анненковой
Любови Сенаторовой

печать
ООО «Призма-Пресс»
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 11.09.08

периодичность
4 раза в год

Использование текстовых
и фотоматериалов,
опубликованных в
настоящем издании,
допускается только с
письменного разрешения
редакции. За содержание
рекламной информации
редакция ответственности
не несет. Мнение редакции

не всегда совпадает с
мнением авторов

фото на обложке
Здание Музыкального
театра на площади
Культурного центра
в г. Иркутск. Фото Алексея
Чертилова

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Первая Московская биеннале архитектуры

Умножается число проводимых с той или иной степенью регулярности и успешности биеннале архитектуры: от авторитетной Венецианской до Кванджу, Сан-Паулу, Стамбула... В определенном смысле появление новой – Московской – биеннале свидетельствует о зрелости, культурной и технической насыщенности общества, о формировании новых требований к качеству среды, в которой живет человек.

Первая Московская биеннале архитектуры, проходившая 27 мая – 22 июня 2008 года, была посвящена

очень емко сформулированной теме: «Как жить». Организаторы и кураторы биеннале осуществили проект, весьма актуальный для сегодняшних российских городов – как «центральных», так и удаленных от столиц территориально, но имеющих сходные градостроительные проблемы, ведь именно массовая (а вовсе не элитная) застройка создает облик современных городов. Однако куратор Барт Голдхоорн отметил, что богатые традиции массового жилищного строительства сегодня в России не влияют

ни на повышение качества жилья, ни на привлекательность его архитектурного облика. Поэтому, наряду с проектами известных российских архитекторов и дизайнеров, полезно было показать опыт иностранных архитекторов и бюро, специализирующихся в этой области. Организаторы подчеркивали, что проекты районов массовой застройки – важная часть портфолио любого успешного архитектора. Обязательным условием участия в конкурсах такого рода проектов является их публичность, широкое обсуждение не только лицами, заинтересованными в их осуществлении, но и будущими жителями этих районов и городов. Примечательно также, что наиболее интересные и репрезентативные проекты осуществляются под патронатом организаций и деятелей, имеющих большой вес как в политических кругах, так и в сфере благотворительности.

Европейская практика жилищного строительства ориентирована на то, что нет разницы в архитектуре жилья для богатых и бедных, кроме размера квартир и места их расположения. Важнейшими условиями для тех и других выступают оригинальность проекта, его соотнесенность с уже существующей городской

средой, координированность с перспективными планами застройки городов и интегрированность в природное окружение, сочетание высокой стандартизации, безопасности и долговечности с индивидуальностью участка, на котором строительство происходит. По-разному эти требования удовлетворяются в разных проектах, но они задают «рамку» современной архитектуре больших городских жилых массивов. Помимо этого, важной проблемой является присутствие старых (точнее, устаревших технически и морально) городов и районов, в первую очередь промзон, которые подлежат либо реконструкции, либо уничтожению. Организаторы подчеркивали, что в советской практике жилищного строительства содержалось много конструктивных идей и архитектурных решений, весьма оригинальных и актуальных для сегодняшнего дня. Смотреть в будущее и опираться на традиции прошлого – вот двуединый принцип современного градостроительства, соблюдение которого может как обеспечить непреходящую архитектурную ценность будущим городам, так и сделать их объектами инвестиций.

Важным моментом в программе был организованный Б. Голдхоорном и В.

Глазычевым круглый стол, посвященный проблеме взаимодействия архитекторов и власти. В нем приняли участие приглашенные члены Федерального собрания РФ и представители Московской городской думы. Лейтмотивом круглого стола было обсуждение эффективности осуществляемой в городах архитектурной стратегии, непосредственно связанной с качеством самих проектов, наличием разработанной градостроительной программы и с взаимопониманием между проектировщиками, городскими властями и инвесторами. В Глазычев говорил, что реализация градостроительных проектов зависит от эффективности взаимодействия архитектурного сообщества и городских властей как гарантов соблюдения общегородских

интересов, обеспечивающих цельность городской среды и ее социальную функцию. Интересно, что программы иностранных участников биеннале строились на концептуальных декларациях, воплощение которых было представлено в качестве визуального сопровождения. Проекты российских участников носили по большей части описательный характер с презентацией проектных организаций и бюро. Биеннале показала, что город – не только и не столько «стены», но и способ организации интересной жизни вне этих «стен». Дизайнерские проекты и инсталляции, созданные участниками биеннале, продемонстрировали достаточно мобильные версии публичных пространств, дополняющие архитектуру и создаю-

щие изменяющийся «город внутри города» со своей тематикой, настроением и социальной активностью. Масштабы страны, потребность в обновлении и богатство природных ресурсов могут и должны сделать Россию плацдармом совре-

менной архитектуры и градостроительства, а Московскую биеннале – площадкой для обсуждения стратегических вопросов развития городов в современной социальной ситуации.

Марина Ткачева

150-летний юбилей Хабаровска и «ДВ ЗОДЧЕСТВО–2008»

В последние дни мая в Хабаровске состоялся 12-й по счету архитектурный фестиваль Дальнего Востока. Он проводился в рамках специализированной выставки «Архитектура, стройиндустрия Дальневосточного региона – 2008». Как обычно, фестиваль совпал с празднованием Дня города. Главная же особенность состояла в том, что хабаровчане отмечали в этот раз 150-летний юбилей своего города. Безусловно, все это наложило отпечаток и на сам фестиваль архитектурного творчества, который посетило огромное количество и жителей Хабаровска, и его многочисленных гостей. За последние годы Хабаровск заметно похорошел, сегодня это самый благоустроенный город на Дальнем Востоке. К юбилею преобразились несколько важных для горожан мест. В первую очередь – привокзальная площадь, торговый комплекс на Амурском бульваре, пруды на Уссурийском бульваре, появился новый торгово-развлекательный центр на ул. Большой. Накануне празднований в сквере, недалеко от краеведческого музея, был торжественно открыт памятник основателю города Якову Дьяченко, сооруженный по проекту московского скульптора Ф.А. Рукавишников и хабаровских архитекторов (А.Е. Мамешин, А.А. Мамешина и С.В.Сергейчук).

Празднование юбилея официально состоялось в течение двух дней – 30 и 31 мая. В первый день прошла лишь половина официальных мероприятий: церемония возложения руководителями и гостями города цветов к памятнику Н.Н. Муравьеву-Амурскому, открытие нового монумента основателю города Якову Дьяченко, вручение наиболее отличившимся горожанам премий имени Дьяченко. После этого участники торжеств передислоцировались к вокзалу, где прошла церемония открытия заметно обновившейся Привокзальной площади, тут же, от вокзала, были пущены на линию десять новехоньких трамваев, доставленных незадолго до праздников из Петербурга. Вечером первого дня на площади Славы, у Преображенского собора,

состоялся фестиваль русской духовной и классической музыки «Россия, Русь, храни себя!», а после этого на Уссурийском бульваре состоялась церемония открытия 3-го водного комплекса «Пруды», во время которой тысячи собравшихся горожан наблюдали незабываемое свето-музыкальное шоу.

На следующий день торжества начались с самого утра: мэр города принял у себя различные делегации – зарубежные и из многих российских городов. После этого по улицам города прошло массовое шествие жителей под общим девизом: «Мы любим тебя, Хабаровск», в котором приняли участие более 12 тысяч горожан. Театрализованное шествие с площади Ленина переместилось ближе к Амуру и стадиону, где состоялись Дальневосточный фестиваль национальных культур «Марафон содружества» и праздничный концерт творческих коллективов городов-побратимов Дальневосточного федерального округа.

После обеда в краевом Музыкальном театре состоялось торжественное собрание общественности, посвященное 150-летию города, а после этого мэр города дал прием в Красном зале гостиницы «Интурист». Ближе к вечеру на набережной Амура собравшиеся наблюдали великолепное авиационное шоу, после которого на открытом воздухе состоялось театрализованное представление войсковых частей Пограничного управления ФСБ по Хабаровскому краю. Продолжили концерт звезды российской эстрады.

В парковой зоне на берегу Амура тысячи горожан наблюдали парад пограничных кораблей. По Амуру на теплоходе «Василий Поярко» состоялась прогулка официальных делегаций, которые прямо с теплохода могли любоваться красочным фейерверком. Ближе к ночи в парковой зоне началось самое необычное – праздничный фейерверк и лазерное шоу над акваторией Амура.

Несмотря на то что в дни юбилея города проводилась масса самых разных мероприятий, связанных с его 150-

летием, фестиваль зодчества привлек к себе, можно сказать, повышенное внимание. Дальневосточные архитекторы, стараясь не оставаться в стороне от праздничных мероприятий, накануне фестиваля устроили первый бильярдный турнир для архитекторов Дальневосточного региона, посвященный 150-летию Хабаровска. Организаторами и спонсорами турнира выступили сразу несколько коммерческих организаций. В финальном поединке встретились Андрей Островский и Дмитрий Храпаты, а победителем этой пары достался главный приз – туристическая поездка в Таиланд.

Теперь непосредственно об архитектурном фестивале. На смотр-конкурс фестиваля «ДВ Зодчество–2008» съехались представители не только Хабаровского края, но и Республики Саха (Якутия), Приморского края, Амурской и Сахалинской областей. Все представленные на конкурс работы были разделены, как обычно, на две части: раздел «Постройки» и раздел «Проекты». После отбора работ жюри конкурса признало правомочным участие 49 работ по разделу построек и 95 работ в разделе проектов. Причем в каждом разделе имелись свои номинации. Так, в разделе «Постройки» по 13 работ вошли в номинации «Архитектура жилых зданий и комплексов» и «Архитектура общественных зданий и комплексов», а также 4 работы в номинации «Архитектура культовых зданий», 3 работы – «Реставрация и реконструкция зданий, сооружений и комплексов», и 16 – «Дизайн интерьеров и городской среды». Такое же подавляющее превосходство первых двух номинаций наблюдалось и в разделе «Постройки» (36 и 35 работ). Как ни странно, ни одной работы не было представлено в разделе культовых построек, зато 9 – в номинации «Реставрационная практика», 8 – по градостроительной тематике и 7 – в дизайне.

Приятно отметить, что наряду с маститыми, опытными архитекторами, признанными на Дальнем Востоке мастерами в фестивале приняли участие со своими работами и молодые архи-

текторы, лишь несколько лет назад пришедшие со студенческой скамьи в мастерские проектных организаций и фирм. Надо сказать, что местная архитектурная школа уже давно заявила о своей самостоятельности, за 35 лет существования из ее стен вышли более 1150 архитекторов, многие из которых достигли больших успехов в своем творчестве, а некоторые даже стали лауреатами Государственной премии России. Архитекторы, выпускники ТОГУ, работают на всем Дальнем Востоке, в городах Сибири и даже в Москве и Санкт-Петербурге. Далеко не каждый архитектурный вуз может похвастаться такими достижениями.

В номинации «Архитектура жилых зданий и комплексов» Золотого диплома удостоен жилой дом перестроенной этажности со встроенно-пристроенным объемом и подземной автостоянкой, построенный на ул. Гайдара в Хабаровске (архитекторы А.Г. Горковенко и В.А. Васильев). Новая высотка удачно вписалась в застройку территории города от вокзала до Центрального рынка и доминирует не только своей высотой, но и архитектурой. Особенно хорошо смотрится эта высотка из верхних этажей здания проектного института, расположенного на противоположной стороне Амурского бульвара. От этапа разработки проекта до награждения построенного объекта прошло более 8 лет. Серебряный диплом в этой же номинации получил архитектор А.В. Аleshchenko за возведенный по его проекту жилой дом на углу улиц Серышева и Льва Толстого, а Бронзовый достался архитекторам Ю.В. Подлесному, В.В. Кириченко и А.Е. Семёнову за дом на углу улиц Серышева и лейтенанта Шмидта. Как правило, все новые жилые многоэтажные дома в Хабаровске сегодня возводятся с набором пристроенных вспомогательных служб (торговые, административные) и гаражами-автостоянками в нескольких подземных уровнях. Не стали исключением в этом плане и дипломированные в данной номинации объекты.

Любопытно, что Золотой, Серебряный и Бронзовый, а также два простых диплома фестиваля за жилье получили только хабаровские архитекторы.

В номинации «Архитектура общественных зданий и комплексов» Золотой диплом присужден приморским архитекторам (А.И. Мельник, В.А. Смотриковский, Е.Я. Батищева, Д.Н. Батищев, О.Н. Котельникова, А.Б. Юрченко, Н.Д. Колбина) за выставочный комплекс технохолдинга «Сумотори»

в г. Артеме, на трассе Владивосток–Хабаровск. Второго Золотого диплома в этой же номинации удостоились архитекторы Амурской области Хэ Вэньань и Л.А. Чаюн за торгово-гостиничный центр «Азия» в квартале 45 Благовещенска. Здание новой гостиницы заметно украсило центральную часть Благовещенска. Фасады монолитного объема отделаны алюминиевыми композитными панелями и стеклом. Хабаровский архитектор А.В. Иванов удостоен

Серебряного диплома за построенное по его проекту административное здание с магазинами и подземной автостоянкой по ул. Ленинградской в Хабаровске, а якутские зодчие Ф.И. Шишигин и И.И. Местников отмечены Бронзовым дипломом за построенную по их проекту школу на 264 учащихся в с. Усть-Татта в Якутии. В этой же номинации жюри присудило два дополнительных диплома.

Несколько построенных объектов оценивало жюри в номинации «Архитектура культовых зданий». Здесь безоговорочное первенство и Золотой диплом получили опытный архитектор С.С. Вялкина и ее молодая коллега М.И. Рухлова за православный храм Ильи Пророка в Комсомольске-на-Амуре. Интересно, что в данной номинации на конкурс представлялись не одни только храмовые постройки. Второй премии удостоилась группа хабаровских архитекторов (Н.Н. Прокудин, Е.Н. Семенов, Ю.А. Живетьев, С.В. Юдина и М.И. Головина) за комплекс Хабаровской духовной семинарии, возведенный на площади Славы, рядом с Преображенским собором. Следует отметить, что это первый подобного рода комплекс на Дальнем Востоке. И наконец, Бронзовый диплом присужден приморским архитекторам А.С. Котлярову и В.В. Чиртику за объект «Восстановление историко-архитектурного ансамбля

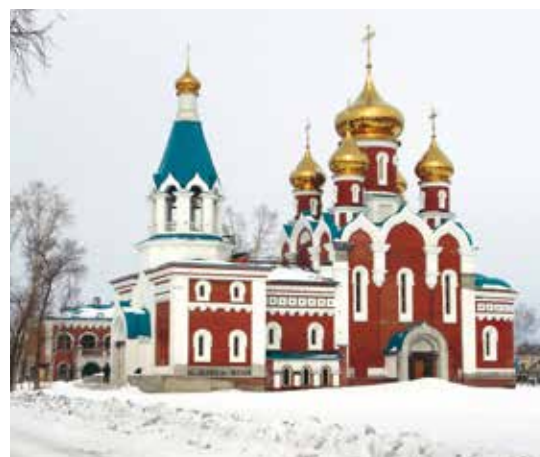

Покровского парка (с собором) во Владивостоке».

Всего три работы, представленные по разделу реставрации и реконструкции, не позволили жюри использовать все имеющиеся премии, поэтому присужден был один только Серебряный диплом за объект «Реконструкция и надстройка здания столовой ДВГУ для размещения библиотеки в г. Владивостоке», которого удостоился архитектор из «Приморгражданпроекта» В.В. Дзюба.

Жилой дом по ул. Гайдара в Хабаровске. Арх. А.Г. Горковенко, В.А. Васильев. Общий вид. Фрагмент верхней части дома. Вид с юго-восточной стороны. Фото Н.П. Крадина

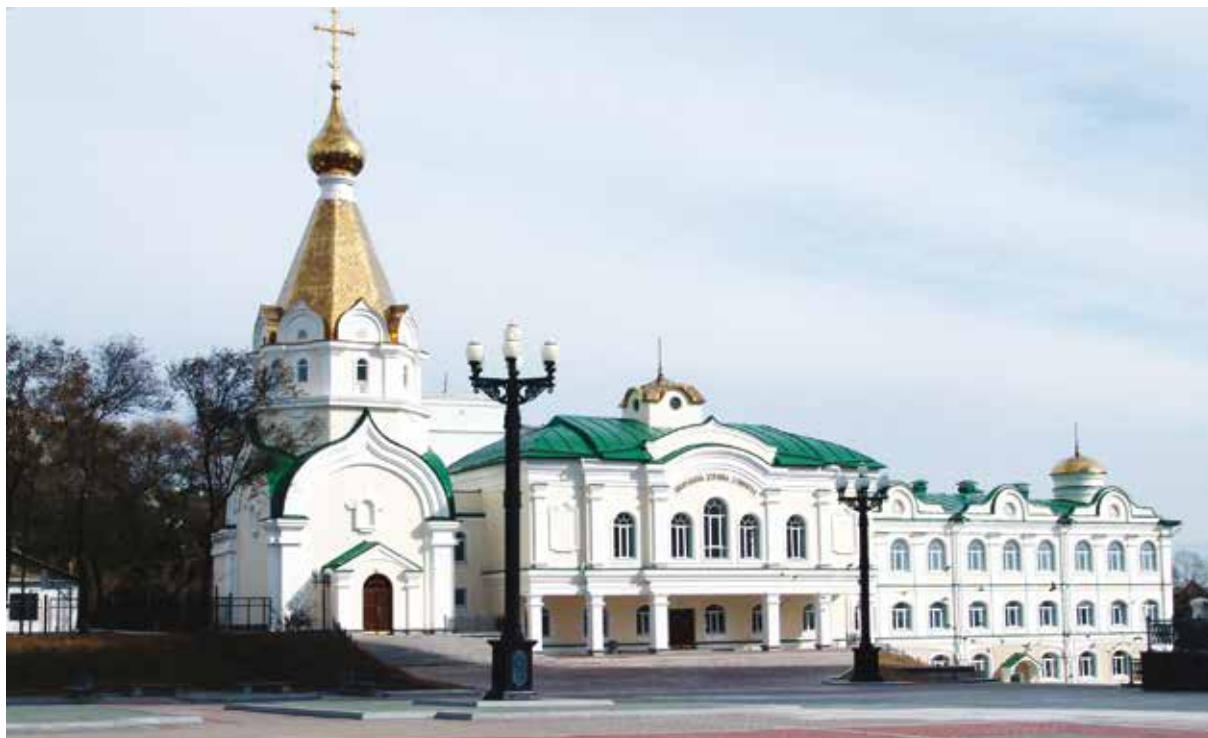
Гостиница «Азия» в Благовещенске. Арх. Хэ Вэньань, Л.А. Чаюн. Общий вид

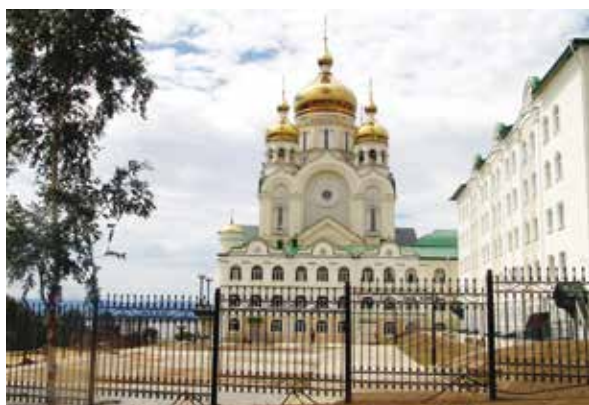
Труднее пришлось жюри при выборе победителей в номинации «Дизайн интерьеров и городской среды», в которой рассматривалось 16 работ. Жаль, что в основном в дизайне были представлены почти только одни интерьеры. Тем не менее, жюри расщедрилось и присудило не только Золотой диплом, но

Церковь Ильи Пророка в Комсомольске-на-Амуре. Арх. С.С. Вялкина, М.И. Рухлова. Общий вид. Фото Н.П. Крадина

Жилой дом по ул. Серышева – Лейтенанта Шмидта в Хабаровске. Арх. Ю.В. Подлесный, В.В. Кириченко, А.Е. Семенов. Общий вид

Хабаровская духовная семинария. Арх. Н.Н. Прокудин, Е.Н. Семенов, Ю.А. Живетьев, С.В. Юдина, М.И. Головина. Вид со стороны площади. Вид комплекса с северной стороны. Фото Н.П. Крадина

считавшихся «высотками». В Хабаровске и Владивостоке уже появились новые здания, по высоте достигающие 30 этажей, и мы видим, как с их помощью изменяется, становится более разнообразным и выразительным силуэт города.

В номинации «Архитектура жилых зданий и комплексов» по разделу «Проекты» рассматривалось 36 работ. Не просто оказалось для жюри выбрать из них самые лучшие. Золотой диплом присужден за проект

жилого дома в районе ул. Русской, 33, во Владивостоке авторскому коллективу из ООО «ПромстройНИИпроект» (арх. В.Н. Демидов, Д.В. Максимум, Р.В. Новокшенов). Интересные по архитектуре жилые дома представили хабаровские архитекторы из ООО «ПМ Атриум», в котором плодотворно работают три архитектора – лауреаты Государственной премии в области архитектуры (А.П. Редькин, В.Н. Белошниченко, Г.Ю. Бычковская). Они-то и

Монумент в Якутске. Арх. И.С. Андросов

еще по два Серебряных и Бронзовых. Лишь «Монумент в честь вхождения Якутии в состав Российского государства в г. Якутске» (арх. И.С. Андросов, скульпторы Э.И. Пахомов, Б.А. Осипов, М.М. Павлов, П.Г. Слепцов, А.А. Романов) удостоился поощрительного диплома. На мой взгляд, этот объект заслуживал более высокой оценки, но, как говорится, жюри виднее.

Посетители выставки подолгу рассматривали проектные предложения дальневосточных зодчих. В этих проектах – завтрашний облик наших городов. Особое внимание привлекли разнообразные жилые дома. Сегодня в крупных дальневосточных городах возводятся здания гораздо более 16 этажей, еще несколько лет назад

получили два Серебряных диплома за свои проекты: жилой дом по ул. Шеронова в Хабаровске (В.Н. Белошниченко, Г.Ю. Бычковская) и дом «PleaSure» (А.П. Редькин, Г.Ю. Бычковская, ил. 9). Лауреаты Золотого диплома в этой номинации удостоились еще и Бронзового диплома за проект жилого дома в районе Океанского проспекта, 68, во Владивостоке (арх. В.Н. Демидов, Д.В. Максимов, Д.А. Карагодин).

Проект гостиницы в районе ул. Капитана Шефнера во Владивостоке, разработанный в ООО «Востокпроект» (арх.

Н.А. Фоменко, Ю.А. Цыцарец), удостоен Золотого диплома, а Серебряный за проект «Крытый ледовый стадион для хоккея с мячом в Хабаровске» получила большая группа архитекторов и конструкторов (9 человек) из института КГУП «Хабаровскгражданпроект». Давно известно, что хоккей с мячом в Хабаровске любят, здесь имеется одна из сильнейших российских команд, поэтому давно назрел вопрос о строительстве крытого ледового стадиона. Следует отметить, что проектирование этого уникального для Дальнего Востока комплекса – это в первую очередь инициатива

губернатора Хабаровского края В.И. Ишаева. Еще одна творческая группа архитекторов в составе 6 человек из этого же проектного института получила Бронзовый диплом за проект многоэтажной гостиницы по ул. Гоголя в Хабаровске. Как показывает практика дальневосточных архитектурных фестивалей и смотров зодчества, всегда успешно выступают на них якутские архитекторы, получая почти в каждой номинации дипломы разного достоинства. И здесь, в рассматриваемой номинации, они также удостоены диплома за проект гостиницы (ил. 10) на 95 номеров в г. Ленске

(ООО «РПИИ Якутпроект», архитекторы В.Н. Яковлев, И.А. Николаев, П.Р. Режин, В.Г. Атласов).

Очередной архитектурный фестиваль Дальнего Востока прошел успешно, архитекторы разъехались по своим городам и мастерским. Хочется надеяться, что многие из премированных проектов мы скоро увидим представленными на следующих фестивалях, уже в номинации «Постройки». Увидим и интересные проекты, а с ними – новые имена молодых дальневосточных зодчих.

Николай Крадин

Гостиница на 95 номеров в г. Ленске. Арх. В.Н. Яковлев, И.А. Николаев, П.Р. Режин, В.Г. Атласов. Общий вид

Жилой дом по ул. Шеронова в Хабаровске. Арх. В.Н. Белошниченко, Г.Ю. Бычковская. Общий вид

Дом «PleaSure». Арх. А.П. Редькин, Г.Ю. Бычковская. Общий вид

Сессия РААСН

28-30 мая 2008 года состоялось ежегодное собрание Российской академии архитектуры и строительных наук. Для архитектурной элиты стало хорошей традицией проводить эти заседания в разных городах России, погружаясь в жизнь и своеобразие регионов. На этот раз годичная сессия Общего собрания Российской академии архитектуры и строительных наук проходила в Белгороде на базе Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. В работе участвовал губернатор Белгородской области Е.С. Савченко, за значительные успехи в развитии экономики региона и улучшении качества жизни его жителей, а также пристальное внимание к решению важнейших социальных вопросов признанный лауреатом премии «За обустройство земли Российской» в номинации «За единство Российского государства». Для участников сессии опыт области в разумном управлении земельными отношениями, правильной стратегии в сфере строительства для привлечения людей был весьма поучительным примером государственного подхода к демографическим процессам, трезвого и гуманного отношения к человеческому капиталу.

С отчетным докладом, посвященным основным итогам деятельности РААСН, на сессии выступил президент академии А.П. Кудрявцев.

Научная часть сессии была посвящена теме «Здоровье населения – стратегия развития среды жизнедеятельности». С основным докладом выступила академик С.Б. Чистякова.

В России принят национальный проект «Здоровье». Соответственно и программы, разрабатываемые в его рамках, непосредственно должны быть связаны с формированием общества здорового во всех отношениях – физически, психологически, эмоционально и духовно. В содержание национального проекта включены конкретные обращения, ограниченные темой создания материально-технической базы в области здравоохранения и лишь косвенно связанные с архитектурно-строительной деятельностью.

Однако Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет, что здоровье – это не только отсутствие болезни, но и способность организма адаптироваться к постоянно меняющимся условиям среды обитания. По данным экспертов ВОЗ, состояние здоровья населения на 40% зависит от состояния окружающей среды. Среда обитания – это

пространство, в котором происходит многоплановая жизнедеятельность людей в различных сферах их деятельности. Оно включает в себе реально действующие позитивные и негативные факторы материально-материального характера, которые воздействуют на окружающую человека среду, соответственно и на его здоровье, безопасность и комфортность проживания, включая социально-психологические аспекты (необходимо учитывать и обратное воздействие процессов жизнедеятельности на окружающую среду). На современном этапе совместная задача архитектуры, градостроительства и строительных наук состоит в том, чтобы в каждой сфере деятельности найти наиболее эффективные пути решения проблемы «Здоровье – гражданам России». В понятие «здоровье» входит не только физическое состояние человека, но и духовное, образовательное, культурное развитие, создание такой среды жизнедеятельности, которая радует глаз своей красотой и гармоничностью, создает определенное настроение, способствующее оптимальному проявлению жизненной энергии. Здесь особая роль принадлежит зданиям, сооружениям, городским ансамблям, их взаимоотношениям. Архитектурное

качество города и его отдельных частей, красота места, где человек живет и работает, оказывают прямое влияние на его гармоничное развитие не только в физическом, но и в духовном отношении.

Обсуждение означенной проблемы показало необходимость ее рассмотрения в системе градостроительной и архитектурно-строительной деятельности – от регионально-территориального планирования, генеральных планов городов, поселков, жилой застройки до объемного проектирования и создания экологически чистых строительных материалов нового поколения.

Отдельный интерес представляло обсуждение вопроса о проектировании образовательных, медицинских, общественных учреждений. Теперь, когда города получили материальную возможность заказывать проекты таких зданий, зачастую вопрос решается без учета специфики их профиля и требований к их долгосрочному функционированию. Обоснованную тревогу участников сессии вызвало и стремление городских властей сократить затраты на проектирование общественных зданий за счет привлечения не всегда компетентных архитекторов на условиях тендера.

Были избраны новые члены академии (в их числе

по отделению архитектуры – действительным членом избран А. В. Боков, официальный гость нашего фестиваля ЗВС-08, членами-корреспондентами С.В. Гнедовский и Н. П. Крадин,

авторы ПБ). В период проведения Общего собрания действовала выставка научных и творческих работ членов и советников академии.

На пленарном заседании 30 мая состоялось вручение

дипломов новым членам РААСН, медалей и дипломов РААСН лауреатам конкурса на лучшие научные и творческие работы за 2007 год.

Разным аспектам заявленной темы были посвящены

круглые столы, участниками которых стали крупнейшие архитекторы России, ближнего и дальнего зарубежья.

Марина Ткачева

Круглый стол в Красноярске

3 августа в Доме архитекторов Красноярска состоялся круглый стол «Роль общественных и экспертных организаций в развитии Красноярской агломерации». Его авторитетность и особая интонация были заданы – помимо присутствия красноярских архитекторов, прессы, политических фигур на уровне зам. губернатора по социальным вопросам и депутата Законодательного собрания – доктором искусствоведения, профессором МАРХИ, членом общественной палаты РФ Вячеславом Леонидовичем Глазычевым. Выступление почетного гостя, по мнению участников-красноярцев, отличалось и ораторскими красотами, и точным пониманием специфики ситуации в городах, осуществляющих агломерационные проекты. Далее мы приводим выдержки из отзывов на пребывание В. Глазычева в Красноярске.

«Глазычев пропагандирует совершенно другую систему

взаимоотношений с властью, основанную на последовательном поиске союзников для решения градостроительных вопросов. Власти этот подход импонирует, а для наших архитекторов он совершенно непонятен. Также нашим архитектором непонятно, почему власть не понимает, что мы очень нужны ей и без нас у нее ничего не получится... А по агломерации никаких готовых рецептов нет, надо будет пробираться в потемках на ощупь» (Евгений Зыков, архитектор).

«...По наблюдениям московского гостя Вячеслава Глазычева, никто из тех, кто приглашал к себе варягов, желаемого так и не получил...» («НоЖКА», № 115).

«...И власти, и архитекторы к обучению готовы. Несмотря на взаимное и во многом обоснованное недовольство друг другом они, по всей видимости, вполне искренне стремятся к диалогу. И эта

искренность имеет крепкое основание – из сказанного многоопытным и многознающим Вячеславом Глазычевым, приемлемой такому диалогу альтернативы пока нигде не обнаружено. Потому ничего не остается, как совместными усилиями создать инструмент, этот диалог обеспечивающий» («НоЖКА», № 115).

Очевидно, что авторитет «мистера Монблана» обес-

печивает не только содрожательность обсуждения важных вопросов регионального развития, но и конструктивность взаимодействия градостроителей с властью. Хочется верить, что присутствие Вячеслава Глазычева на Байкальском экономическом форуме будет интересно и полезно. Иркутские архитекторы надеются на встречу с ним и позитивную дискуссию.

текст
Марина Ткачева

При подготовке были использованы материалы виртуальной газеты НоЖКА (Новости Жизни Красноярских Архитекторов – внутренний орган КОСА).

ООО «Стальные системы»

Входные
металлические
ДВЕРИ

Стальная
о не ащитная
дверь

автоматические
секционные
ВОРОТА

Панорамные ворота

Ворота с тиснением в виде
микроволн с калиткой

Павильоны,
вагончики

Гаражи
с автоматическими
воротами

Щиты распределительные

Автоматические
шлагбаумы

Индивидуальный подход к каждому клиенту

ООО «Стальные системы»

666034, Иркутская область, г. Шелехов,
пр-т Строителей и монтажников, 16
☎: (3952) 550-777, (39550) 280-86
✉: 550777@mail.ru www.gatesystem.ru

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**16 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Лицензия: Д 730489 от 15.05.2006, выдана Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

**Взвешенный
учет**

**Вашей
недвижимости!**

100%

федеральное
бюро технической
инвентаризации

ФГУП "Ростехинвентаризация -

Федеральное БТИ"

ИРКУТСКИЙ ФИЛИАЛ

664007, г. Иркутск, ул.Софьи
Перовской, д. 30/1, 4 этаж.

тел. /факс (3952) 29-10-58

web: r38.rosinv.ru e-mail: irkutsk@rosinv.ru

- Техническая инвентаризация и учет объектов недвижимости любой сложности;
- землеустройство;
- услуги геодезии и картографии;
- оценка недвижимости;
- юридическое сопровождение.

1 ДЕНЬ .ТОМ II

Один день. Том II

«Грани времени»

1-2 июня во второй раз Иркутск стал местом проведения эксклюзивного арт-события. Члены Клуба молодых архитекторов (КМА) Иркутской региональной организации Союза архитекторов России Михаил Шпешиллов, Никита Баженов, Илья Пономарев, Евгения Гомонова и Мария Белик совместно с компанией «МегаФон» организовали и провели акцию «Один день», сочетающую в себе конкурс фотографии и фото-перформанс – презентацию лучших работ. Они посвятили конкурс Дню города.

Общая тема – один день жизни города. Участниками могли стать все желающие. Начинающие художники, архитекторы, дизайнеры и просто творческие личности (всего более 150 человек) представили свой взгляд на Иркутск. Соседство исторических памятников

и современных зданий, эклектика архитектурных стилей, фрагменты городской повседневности, портреты горожан – все это попало в фокус участников конкурса. Номинации: «Архитектура (исчезающий Иркутск)», «В ритме города (чувства, настроение, эмоции, движения)», «Не формат». «МегаФон» предложил свою специальную номинацию – «Круглый и смешной».

Компетентность жюри не оставляла сомнений. В него вошли: генеральный директор ООО «Графика+» Галина Константиныди, актер-мим Валерий Шевченко, председатель Иркутской региональной организации Союза архитекторов Елена Григорьева, фотограф Артем Астафьев, режиссер и продюсер Юрий Дорохин, члены Союза дизайнеров Дмитрий Галин и Любовь Можаяева, представитель компании «МегаФон»

Анна Писарева. Этим людям предстояло сделать нелегкий выбор, определяя победителей из числа прошедших во второй тур 60-ти работ.

В номинации «Архитектура (исчезающий Иркутск)» лучшими были признаны работы Е. Морозюк, К. Токарского, А. Фонарева, Г.Этвандаш, С. Зуева (команда «Кают-компания», 1 место); Г. Уварова (1 место); А. Алимова (2 место); В. Бастрикова, Е. Дробковой (команда «Б.А.О.», 3 место).

В номинации «В ритме города» первое место не присуждалось; второе и третье призовые места поделили Михаил Зыков и команда «Кают-компания».

Победителями номинации «Не формат» были названы команда «Кают-компания» (1 место); У. Скоморохова (2 место), Е. Кожин, Е. Кожина, Н. Кожин (команда «СМС-ка», 3 место).

В номинации «Круглый и смешной» лучшей стала О. Просекина.

Призовой фонд составлял 50 000 рублей. Кроме денежных премий, победители получили возможность

опубликовать свои работы в печатных изданиях.

Организаторы и участники фотоконкурса «Один день. Том II» выражают глубокую благодарность генеральному спонсору этой акции компании «МегаФон», официально-

му партнеру ночному клубу «Панорама», благодарят за техническую поддержку ООО «Графика +», за информационную поддержку – компанию «ВЕСТИ-Иркутск».

Акция «Один день» показала неожиданный Иркутск –

динамичное противоречивое пространство жизни молодых людей, не отягощённых художественными штампами и бытовыми стереотипами.

Марина Абдуллина

«Дети – цветы жизни»

«Поехали»

«Фиолетово»

«Летние прогулки»

«Форест, Форест Гамп»

«СМС-ка»

«Зе-е-елёньки!»

Серебряный диплом

Центр управления перевозками Восточного региона в г. Иркутске

Раздел: Проекты
Номинация: Интерьер

Вокзал станции Вихоревка

Раздел: Проекты
Номинация: Интерьер

Сезон Лэнд-Арта¹

1. Печатается по изданию: Государственное управление ресурсами. 2006.

Пожалуй, сегодня это словосочетание, которое сродни грибоедовскому «смесь французского с нижегородским», уже не режет слух приверженцев традиционного искусства с его устоявшейся системой художественных ценностей и взаимосвязей. Мы привыкли к смешению и обновлению терминов, как привыкли к тому, что концептуальное искусство вытесняет понятие конкретности, харренинг сменяет понятие замысла, саморазрушающееся искусство – понятие постоянства, а body-art – неизменности. Современные художники не ограничиваются рамками холста, все чаще их привлекает трехмерность изображения.

«Земляное искусство» В поисках альтернативы коммерческому искусству, а одновременно и новых форм творческого самовыражения они устремляются на обширные пространства полей, гор и лесов. В конце 60-х годов прошлого века на Западе, а позже и в России появилось новое направление в искусстве, названное лэнд-артом. В переводе с английского этот термин означает «искусство земли» или «земляное искусство», поскольку основано оно на использовании реального пейзажа в качестве главного художественного материала и объекта.

Первые «пейзажные инсталляции» отличались гигантскими размерами. Майкл

Хейзер, например, рубил утесы, перекапывал до 240 тысяч тонн земли. Виднейший лэнд-мастер Кристо (Христо Явачев) упаковывал в ткань или полиэтилен крупные природные и культурные объекты – острова во Флориде, мост Пон-Неф в Париже, рейхстаг и т.д.

На Большом Солёном озере в штате Юта (США) Роберт Смитсон возводил из черных камней, земли и соли насыпь-мол в виде спирали длиной 1500 футов. Гигантомания, присущая пионерам зарубежного лэнд-арта, не свойственна художникам, творящим на нашей, отечественной почве. Достаточно вспомнить одного из зачинателей этого движения в России Александра Голиздрина, который привез из Швейцарии 16 килограммов гальки и высыпал ее у железнодорожного полотна в Саратовской области, назвав эту акцию «Похищением Европы».

В отличие от западных коллег, которые нередко превращают лэнд-арт-акции в грандиозные хэппенинги, привлекая к их созданию богатые фирмы-рекламодатели, российский лэнд-арт является, коммерческим мероприятием. Его авторы не без основания считают, что суть заключается не столько в масштабе объекта, сколько в художественном воздействии на зрителя. При этом важной составляющей становится «действие в

среде»: непосредственный контакт творца с созданным им объектом, а по возможности – и с публикой. Один из свежих примеров – лэнд-арт-проект «Сиреневые шахматы», представленный 20 мая этого года в усадьбе Александра Блока Шахматово в рамках «Сиреневого фестиваля» дизайн-студией «Треугольное колесо». 12 светлых и 12 сиреневых фигур-метафор – 12 апостолов поэзии и сирени – разыгрывали шахматную партию на огромной красно-желтой доске в присутствии многочисленных зрителей. В данном проекте искусство лэнд-арта соединилось с игрой и поэзией, превратившись в розыгрыш-перформанс. Блажь и блаженство творчества.

Нередко подобные акции затеваются лишь как забава, блажь самих художников, хотя некоторые из авторов не отрицают, что преследуют вполне определенные амбициозные цели, стремясь выгладеть современными, не отстать от моды. Так, московский художник Николай Полисский, осуществляющий свои многочисленные акции в деревне Никола-Ленивец Калужской области, рассказывает: – Мне всегда хотелось быть «современным» художником. Но в то же время я любил природу, деревню, писал пейзажи. Как при этом можно стать «актуальным», было непонятно. Мне пришлось очистить голову

от культурных наслоений, которые дает академическая школа. Еще хотелось какого-то пафоса, древности, историзма – и пришла идея зиккурата. Форма винта мне показалась интересной, да и из сена ничего другого не сделаешь! Самое странное, что проект «Башня» (семи-метровое подобие башни Татлина) стал интересен и народу, и высококолым интеллектуалам». Самой первой арт-акцией Полисского в этой деревне были «Снеговик», в огромном количестве усеявшие близлежащие поля. За ними последовали внушительные сооружения из дров («Дровник»), сена («Сенник»), лозы («Медиабашня») и другие. Для своих построек художник использует только естественные материалы, что особенно привлекает его западных коллег, посещающих подобные акции.

Не удивительно, что за последние годы деревня Никола-Ленивец и окружающие ее ландшафты, поразительные по красоте и живописности, превратились в уникальное для России арт-пространство. Сегодня здесь работает некоммерческое партнерство «Никола-Ленивецкие промыслы», устроенное в традициях свободных художественных мастерских Талашкина и Абрамцева. В создании ландшафтных объектов Полисского, кстати,

Архстояние

стоявшего в свое время у истоков движения питерских «Митьков», самое активное участие принимают местные жители. Постепенно добровольные (хотя и материально заинтересованные) помощники Полисского превратились в его соавторов, и новые инициативы художника уже не воспринимаются ими как «сумасбродство барина».

И вот каникулы кончились...

Летом каждый хочет отдохнуть так, чтоб зарядка внешних источников света хватило на внутреннее сияние на всю будущую осень-зиму, а фотокарточек с путешествий сделать столько, сколько снов не сможет присниться за весь период будущей «спячки».

Архитекторы этим летом дали достаточно поводов запомнить и запечатлеть. 19-20 июля прошел очередной фестиваль «Архстояние» в калужской деревне Никола-Ленивец, в Запорожье состоялся фестиваль изобразительного искусства в стиле лэнд-арт: на острове Хортица художники из Киева, Днепропетровска и Запорожья за один день создали около десятка художественных объектов в стиле лэнд-арт. 2 июля завершился «съезд» лэнд-мастеров во Владивостоке «Лабиринты русского острова», с 12 по 14 июля в селе Воробьевке, близ украинского города Немиров, состоялся этнофестиваль «Шешоры-2008». Группой КМА в рамках

проекта «Offline» построена смотровая площадка на паромной переправе в поселке МРС.

Но даже если вы не успели прочувствовать – как это быть в творческом единении с природой, у вас еще есть шанс попасть с 6 по 14 сентября на возведение легендарного ЗУРБАГАНА – города счастья, города-мечты, концепт-проект мастерской А. Асадова. И посетить фестиваль «Арт-поле», во время которого художники из записной книжки Айдан Салаховой украшают объектами какое-нибудь подмосковное поле (пока время, место и состав участников не определены – но состоится он точно, утверждают организаторы).

В общем, забытое Западом и поднятое Востоком искусство лэнд-арта с каждым годом набирает обороты, охватив умы «творческих и актуальных» от Москвы до самого Владивостока, что, на мой взгляд, говорит о подъеме российской архитектуры и активной жизненной позиции перспективной молодежи.

Лэнд-арт – вид концептуального искусства 1970-х годов, использующего в качестве объекта отражения предметы и явления природы и общества.

В основу концепции лэнд-арта положено противопоставление современной организации общества жизненным формам архаических обществ, социально-природному, рациональному и инстинктивному.

Тема летнего «Архстояния», прошедшего в калужской деревне Никола-Ленивец, Калужской области, – «Ноев ковчег».

Июль 2007 – наводнение в Великобритании.

Август 2007 – наводнение в Австралии.

2005 – ураган «Катрин».

2004 – Цунами в Индийском океане.

2003 – наводнение в Аргентине.

2002 – интенсивное таяние ледника, откалывается самый крупный айсберг длиной 270 км и шириной 40 км.

Вода мирового океана не только дала жизнь на Земле, но и часто становится источником природных катаклизмов. Потребность органичного существования человека в водной стихии воплощается в идее плота – экологичного плавучего дома.

Концепция такого временного «пристанища» воплощена в плотах, спроектированных художниками и архитекторами, приглашенными к участию в фестивале.

Сплавливали чудо-дома по реке Угре от Юхнова до Никола-Ленивца два дня, после чего их перенесли в уже разросшийся «музей под открытым небом», где они стали постоянными объектами музея и одновременно гостевыми домами.

Во время парада плотов каждый из участников и гос-

тей фестиваля смог испытать плавсредства на прочность, вместимость и устойчивость на воде. Попеременно подплывая к берегу, ковчеги принимали на борт желающих и становились их убежищем (погода в тот день соответствовала тематике: дождь лил стенами). Несмотря на внешнюю легкость конструкций сооружений и их небольшой масштаб, думается мне, что если б и правда случился потоп – все присутствующие спаслись бы.

В течение 9 лет на этой «плодородной» земле десятками творческих коллективов создавались разнообразные инсталляции, арт-объекты, проходили ворк-шопы и перфомансы. Теперь же в ногу со временем и мировой глобализацией архитекторы ставят перед собой задачи не только творческие, но и необходимые: «Ноев ковчег» – воплощение общей идеи возвращения к природе и беспокойства о будущем. Кроме того, на примере «Архстояния» явно прослеживается эволюция лэнд-арта в России – трансформация от эскизно придуманного арт-объекта, воплощенного в легких материалах или вообще из подручных средств, в четко продуманный и разработанный проект, способный «выстоять» в любых условиях.

Александра Козак
Фото Наталья Носова

OFFLINE

Клуб молодых архитекторов (КМА) при ИРООСАР 28 июля открыл новый долгосрочный проект – Благоустройство береговой линии озера Байкал «OFFLINE».

OFFLINE – твори автономно! И первым объектом стала СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА на паромной переправе в поселке МРС.

Клубу два года, в составе около 20 творческих коллективов, которые уже не раз показали себя на фестивале «БухАрт», «Шаман Город», а также провели самостоятельные акции. В этот раз мы решили строить все вместе – новый уровень – миссия выполнима – трансформация от эмоциональной инсталляции до арт-объекта в контексте места, времени, с определенной задачей. Цель всего проекта – череда не фееричных ситуаций, а система центров – не памятников, но символов.

Место строительства – возвышенность возле паромной переправы на о. Ольхон – Байкальские ворота, одно из красивейших мест. Смотровая площадка в месте скопления туристов, ожидающих переправы, даст

возможность сконцентрировать свои ощущения от места и, может быть, задуматься о величии природы и необратимости процессов человеческой «аккумуляции».

В основу проекта легла легенда об орле, охраняющем Ольхон на Большой земле, – образ птицы, сидящей на обрыве и чутко смотрящей за островом.

В проекте приняли участие «кандидаты» и все желающие, причем в стройотряд легко вписались представители спонсоров и даже местного населения.

Главной задачей стало строительство объекта на ДЛИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД, поэтому в ход пошли не только экоматериалы, но и около 1500 гвоздей и шурупов. Конструкция продумана так, что унести или сдвинуть ее невозможно, проверку на стойкость она прошла на закрытии фестиваля – вся команда «строителей» устроила диско-тест.

Команда стройотряда получилась небольшая, – можно сказать, что это был самый продуктивный корпоратив этого лета, но в

следующий раз мы надеемся на подкрепление. Так что до встречи...

КМА благодарит за помощь в подготовке и реализации акции «OFFLINE»:
– генерального спонсора компанию ООО «Драйв – алюминиевые конструкции»
– рекламно-производственную компанию «Братья Пилоты»

За постоянную поддержку спасибо:

Иркутской региональной общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России»

За доставку стройотряда благодарим компанию ЗАО «Единство».

Информационная поддержка: журнал «ОСОБНЯК», журнал «ВЫБИРАЙ», журнал «СТРОИМ ВМЕСТЕ».

А также спасибо за музыкальное сопровождение:

– DJ Mag
– Александру Маковееву

Фотоотчет подготовили:

Алексей Кулинич,
Александр Маковеев,
Дмитрий Фролов.
www.kma-club.ru

В этом году архитектурный факультет Иркутского государственного технического университета будет отмечать очередную юбилейную дату – 35 лет со дня основания в Иркутске специальности «архитектура».

Вероятно, появятся материалы, отражающие вклад факультета в культуру и экономику, в строительство и городское управление Приангарья, Забайкалья и Восточной Сибири в целом. Можно будет узнать, сколько было подготовлено архитекторов, где они сейчас работают и каких успехов достигли.

Готовясь к предстоящему юбилею, редакция журнала «Проект Байкал» представляет трёх архитекторов – выпускников архитектурного факультета

ИрГТУ, тех, кто получил дипломы среди первых выпускников факультета, и к настоящему времени достиг серьезных профессиональных успехов.

Представляемые мастера Андрей Макаров, Марк Меерович и Владимир Стегайло поступили на архитектурный факультет в первые годы его существования, учились у ведущих иркутских зодчих 1970-х годов – Владимира Павлова, Миры Ашихминой, Владимира Буха, Люциана Антипина, Юрия Дмитриевского. Сегодня их объединяет то, что они выдвинулись в число лидеров иркутской архитектурной школы и их достижения составляют тот общий высокий профессиональный уровень иркутских зодчих, который делает замет-

ным Иркутск в архитектурной панораме России.

По поручению журнала интервью с Марком Мееровичем провел Константин Лидин, а с Андреем Макаровым и Владимиром Стегайло – Андрей Ляпин.

У каждого из представленных мастеров – своя дорога к успеху, свои сильные стороны. Андрей Макаров – директор крупнейшего иркутского проектного института, организатор проектного процесса, блестящий администратор, который не оставляет в стороне от своей работы художественные аспекты и поиски современной архитектурной формы. Марк Меерович стал первым иркутским профессиональным теоретиком архитектуры, его работы известны в

общероссийском масштабе, а также он широко практикующий мастер интерьерера. Через все творчество Владимира Стегайло красной нитью проходит проблема градостроительного значения проектируемых объектов. Большое количество возведенных построек, их «заметность» в архитектурной среде Иркутска делают этого мастера одним из наиболее интересных иркутских архитекторов.

Кроме архитектурного образования, этих трёх мастеров объединяет неравнодушное отношение к своему родному городу – Иркутску. Они думают о нем, стараются найти общие решения, переживают его успехи и неудачи.

Андрей Ляпин

ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ Интервью с Марком Мееровичем

22

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Какие моменты в своей жизни вы считаете поворотными, решающими?

Для вас как для личности, профессионала, гражданина какие-то были особенные «перекрестки судьбы», на которых вы сделали выбор?

МАРК МЕЕРОВИЧ

Первым поворотным моментом в моей жизни были длившиеся около полугода беседы с другом нашей семьи военным штурманом, подполковником Геннадием Борисовичем Амбаршумовым. Они произвели на меня огромное духовное воздействие и позднее были осмыслены мною как контакт с Личностью Учителя. Мне было тогда 15-16 лет. Мы часами разговаривали обо всем, так как Геннадий Борисович обладал не просто энциклопедическим комплексом знаний, но, и это самое главное, самостоятельным, острым, критическим мышлением, подвергавшим постоянному усомнению и интеллектуальной проверке любые истины и постулаты, лично мне до этого казавшиеся абсолютно очевидными. Эти беседы стали поворотным моментом в моей жизни,

так как произвели на мою личность глубокое трансформирующее воздействие, погрузив меня в мир «великой альтернативы». Они заставляли искать истину не в общепринятой очевидности, а в результате проблематизации и обдуманности.

Следующие перекрестки моей профессиональной судьбы были обозначены такими фигурами, как Илья Георгиевич Лежава, Александр Гербертович Раппапорт и Вячеслав Леонидович Глазычев. И.Г. Лежава был моим научным руководителем по кандидатской диссертации, и именно в общении с ним формировались мои навыки собственно академической научной работы. А А.Г. Раппапорт и В.Л. Глазычев встретились на моем профессиональном пути почти сразу, как только я приехал после окончания Иркутского политехнического института на годичную стажировку в Московский архитектурный институт (в те далекие времена существовали такие оплачиваемые государством «подарки» молодым педагогам, как годичная стажировка в головном столичном вузе). По совету И.Г.Лежавы я поехал

в Сенжскую студию, чтобы послушать лекции о проектной культуре А.Г. Раппапорта и В.Л. Глазычева, с которыми тут же познакомился и разговорился. Вячеслав Леонидович через полчаса беседы интеллигентно свернул разговор, но за это время мне удалось разглядеть, на какую высоту способны возноситься индивидуальная профессиональная культура и интеллект. Александр Гербертович продержался в разговоре со мной несколько дольше – минут примерно 45. А затем как-то очень проникновенно и с искренней заботой произнес: «Марик, я знаю единственное место, где вы, при предельном сосредоточении воли и всех ваших душевных, а возможно, и физических сил, сможете преодолеть вашу дремучую интеллектуальную непросвещенность. Это Московский Методологический Кружок ...» Так я попал в ММК, вступив на свой следующий – «методологический» – перекресток, который оказался обозначен именем Георгия Петровича Щедровицкого.

О ММК и Георгии Петровиче Щедровицком так много написано, что повторять какие-то избранные

обрывки в данном интервью я не стану. Желаящие смогут забраться в Интернет и прочитать там все, что смогут найти и захотят понять. Скажу лишь, что школу ММК я проходил без малого 7 лет. И в итоге превратился в тот сплав личностных, профессиональных и иных качеств, который вы видите перед собой.

ПБ

Будучи весьма успешным, признанным и авторитетным дизайнером, вы поменяли специальность. Кем вы себя ощущаете теперь? Насколько ваша новая профессия приносит вам удовлетворение?

ММ

Специальность я менял несколько раз. Кандидатскую диссертацию я писал на кафедре основ теории градостроительства Московского архитектурного института, то есть в профессиональной среде градостроителей. Она была посвящена генезису и устройству архитектурной типологии – в те годы главной форме организации прикладных архитектурно-градостроительных знаний, закономерности формирования которой были непонятны даже тем, кто посвятил ее развитию всю свою профессиональную жизнь.

Случившаяся перестройка принесла не только взрыв социального оптимизма, но и оскудение государственного бюджета – задержки заработной платы госслужащим (в том числе и преподавателям), убийственно высокие цены, проблемы вести концы с концами. В это время мой друг Игорь Александрович Ширшков (мы жили в одном дворе, и я, уже будучи студентом,

уговорил его идти учиться в политех на архитектуру) делал весьма успешные шаги в самостоятельном освоении нового пространства профессиональной деятельности – проектировании интерьеров. Он пригласил меня поработать под его началом. И свои первые шаги в дизайне интерьера я делал под руководством своего ученика (я, как молодой преподаватель, успел немного поучить Игоря в институте).

В следующий «поворот» меня утянула тяга к знаниям, желание ответить на вопросы истории отечественной архитектуры, которые не только не имели ответов, но даже не были поставлены на тот момент: почему советская власть сначала горячо приветствовала, а потом резко запретила города-сады; как связаны индустриализация, коллективизация и «концепция соцрасселения», которая широко дискутировалась в конце 1920 – начале 1930-х годов и которая, в конечном счете, задавала направления для развития всего советского градостроительства вплоть до 1960-х годов. С самых пер-

вых шагов моя работа стала вынужденно захватывать широкий социально-культурный контекст, в котором оказалось совершенно невозможным определить, где заканчивается предмет архитектуры и начинается нечто иное. А предметом интереса выступили два глобальных белых пятна отечественной истории – жилищная и градостроительная политика.

ПБ

Какими своими работами вы гордитесь больше всего – в профессиональном плане дизайна и в том, чем вы занимаетесь сейчас? Почему именно этими работами, чем они выделены для вас?

ММ

Честно говоря, больше всего я горжусь своими теоретическими трудами, а также своими учениками.

Трудами потому, что через них я нашел в себе силы докапываться до правды и не бояться писать ее. Я горжусь ими потому, что логика развертывания исследований подталкивала меня к той работе, которую я не слышком любил делать, – сидеть

Родился в 1956 году. Окончил архитектурный факультет Иркутского политехнического института в 1978 году. С 1979-го по 1984 год учился в аспирантуре Московского архитектурного института. Кандидат архитектуры. С 1978 года по настоящее время занимается научно-педагогической деятельностью. Доктор исторических наук, профессор. Автор 11 монографий, 230 научных статей, 215 архитектурно-дизайнерских проектов. Советник Российской академии архитектуры и строительных наук. Действительный член Международной академии наук о природе и обществе по отделению «Художественный и индустриальный дизайн».

Основные публикации

1. Биография профессии. Очерки истории государственной организации профессии архитектора в СССР 1917– 1941 гг.: Монография. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2002. – 211 с.
2. Биография профессии. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917-1941 гг.: Монография. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 217 с.
3. Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг.: Монография. – Stuttgart. Ibidem-Verlag, 2005. – 138 с.
4. Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921-1941 гг.: Монография. – Stuttgart. Ibidem-Verlag, 2005. – 210 с.
5. Иркутск – середина земли: Годы. Свершения. Судьбы – Хабаровск. Приамурские ведомства, 2005. – 240 с. (в составе авторского коллектива)
6. Социалистический город: формирование городских общностей и советская жилищная политика в 1930-е гг. (раздел коллективной монографии) / Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант», ЦГСПИ, 2007. – 432 с., С. 84-117.
7. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924-1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2004. – 272 с.
8. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917-1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 340 с.
9. Рождение соцгорода: градостроительная политика в СССР. 1926-1932 гг. (концепция социалистического расселения – формирование населенных мест нового типа). Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 472 с.

Основные проекты

1. Жилые интерьеры, получившие премии и награды на международных, российских, региональных конкурсах – 34 шт.
2. Общественные интерьеры, получившие премии и награды на международных, российских, региональных конкурсах – 5 шт., в том числе:
3. Переговорный пункт Центрального телеграфа г. Иркутска.
4. Элитный развлекательно-оздоровительный комплекс «Голден Гавас» (совместно с С. Ананьевым, Д. Штановым, Б. Статенко, А. Якубовским, О. Железняк)
5. Ресторан «Лица» (совместно с А. Якубовским)
6. Офис фирмы «Ликон»
7. Фирменный магазин «Хронос» (совместно с И. Ширшовым)
8. Ресторан «Хуан-Хэ» (совместно с А. Якубовским)
9. Офис газеты «Комсомольская правда-Байкал» (совместно с А. Якубовским)
10. Фирменный магазин «Сказка» (совместно с А. Якубовским)
11. Коттедж «Дом-корабль» (совместно с С. Зуевой)
12. Коттедж «Одинокая башня»

в архивах, листать старые журналы и прочитывать толстые своды законов советского правительства. Через них я изживал в себе «раба официальных версий» и обретал критическое восприятие действительности.

Учениками горжусь потому, что они во многом и способнее, и талантливее меня. И делают прекрасные, смелые, яркие, нестандартные работы.

ПБ
Человеку, молодому душой (как вы), присуще мечтать. О чем ваши мечты,

если совсем оторваться от реальности и допустить, что все возможно?

ММ
Я мечтаю начать жизнь заново, но при сохранении всего имеющегося груза знаний и накопленного жизненного опыта. Скорее всего, я наделал бы тех же самых ошибок, так как, побродив жизненными тропами, я искренне уверовал в то, что повороты («перекрестки») судьбы, о которых мы говорили чуть выше, это «кармические перепутья», которых трудно избежать (можно, впрочем, и избежать, но это

уже изотерика, которой я всегда побаивался). На них и правильный выбор направлений, и наши ошибки, которые во многом предопределяются совсем не нами. Но если бы начинать все заново, с жизненным багажом и сегодняшним миропониманием, то можно было бы попробовать пуститься в более рискованные предприятия и изведать те превратности, которых в свое время благоразумно поостерегся.

ПБ
Представьте себе, что за праздничным столом вашего юбилея собрались все, кого вы хотели бы видеть. Вам предстоит сказать три тоста: молодым, своим сверстникам и старшим.

Ваше слово!
ММ
Молодым – расскажу одну байку, которую слышал от моего Учителя. Однажды некий мастер каратэ, решив, что он достиг уровня, позволяющего ему иметь учеников, объявил об этом. Когда желающие стать его учениками собрались в условном месте, он повел их высоко в горы и подвел к широкой пропасти. Настолько широкой, что перепрыгнуть ее было совершенно невозможно. «Прыгайте», – приказал он.

Все, кроме одного, здраво поразмыслив над тем, что они пришли для того, чтобы учиться, а не для того, чтобы глупо умирать, вернулись обратно в селение. А один, отчаянно разбежался и прыгнул... на верную погибель. В последний момент, стоявший на краю ущелья мастер, дал ему сильнейшего пинка под зад, позволившего тому долететь до противоположного края. Ученик был избран... Хочу пожелать вам подлинного ученичества и истинного знания!

Сверстникам: «Друзья, не нужно подарков, мы уже находимся в таком возрасте, когда следует задумываться не о том, с чем пришел, а о том, с чем уходишь».

Старшим: «Простите мне те невольные обиды, которые и сейчас наносит вам моя амбициозность и глупость (особенно ощутимые на фоне вашей житейской мудрости). Надеюсь, что когда-нибудь и я достигну этой мудрости. И надеюсь, что мои молодые ученики (также, как и я сейчас) поймут и оценят, в какой степени вы научили меня бескорыстно и щедро вкладывать в других свой жизненный опыт, знания и силы. Спасибо вам за все, что вы для меня сделали! Здоровья вам и долгих счастливых лет жизни!»

АРХИТЕКТУРА – ЭТО СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННАЯ ПРОФЕССИЯ

Интервью с Андреем Юрьевичем Макаровым

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

В 1974 году вы поступили на архитектурный факультет Иркутского политехнического института. Почему вы выбрали профессию архитектора?

АНДРЕЙ МАКАРОВ

Мне всегда было интересно сочетание знаний точных наук и художественного творчества. Сейчас я могу осмысленно и твердо сказать то, что чувствовал тогда интуитивно: одаренные личности, обладающие самым главным для создания образных, ярких художественных произведений – буйной фантазией, способные к высокому взлету творческого Духа, без, казалось бы, абсолютно «ненужных» и «скупных» знаний: математических, политических, экономических, финансовых, технологических и др. – никогда не станут успешными архитекторами.

В школе я учился хорошо. По физике и математике у меня были пятерки. После окончания средней школы я долго думал, куда пойти учиться, – колебался в выборе профессии между точными науками и сферой гуманитарного знания. Сомневался, взвешивал – физико-математический факультет университета или журналистика. А в итоге, ни то, ни другое – поступил на архитектурный факультет в политехнический институт. Свою роль в этом сыграло неплохое владение рисунком, правда, лишь в рамках школьной программы. Архитектурное образование было тогда совершенно новым делом для Иркутска. Факультет недавно открылся. Это было что-то новое, абсолютно открытое и манящее.

ПБ

Кто из архитекторов был для вас ориентиром в учебе и работе?

АМ

Мне было очень интересно учиться. Владимир Федорович Бух, Владимир Азарьевич Павлов, Виктор Петрович Шматов – достойные архитекторы. Они создавали атмосферу подлинного архитектурного творчества.

Но главное, это архитектурные книги. Обучение

архитектора не заканчивается вместе с получением диплома. Оно только начинается. Самообразование – важнейшая часть вхождения в профессию. Прогресс настолько стремителен, что, не отслеживая постоянно меняющиеся тенденции, не выискивая признаки смены общепринятой стилистики, не разбираясь в устройстве все новых и новых типов конструкций и специфике технологий, невозможно идти в ногу с современностью. И делать это нужно регулярно и самостоятельно – после начала персональной проектной работы, только ты сам способен, как барон Мюнхгаузен, вытаскивать себя за волосы из творческого болота.

Профессиональную литературу нужно уметь выбирать, нужно уметь ее правильно читать. Выбирать книги сначала мне помогал Владимир Федорович Бух, потом я начал сам ориентироваться и самостоятельно пользоваться библиотекой. Информация, пропускаемая через себя, дает внутренний «стержень профессионального знания» – опору в проектном творчестве. Замечу, что в те времена профессиональная литература была в огромном дефиците. Сейчас у студентов гораздо больше возможностей для саморазвития.

Вообще, молодых людей во многом воспитывает и обучает интеллектуальная среда профессионального общения: книги, журналы, библиотеки, профессиональные дискуссионные клубы, конференции, круглые столы, обсуждения, выставки, творческие курсы. В наше время на архитектурном факультете была творческая среда. Было много ярких, талантливых личностей, и многие из них искренне стремились достичь профессиональных высот, желали кем-то стать.

Архитектор обязательно должен видеть другие народы и страны, смотреть на иную архитектуру, знать и понимать причины различия архитектурных стилей. Он должен уметь «расшифровывать» специфику местных архитектурных школ и пони-

мать различия культур, эту специфику породивших. Но самое главное, он должен владеть методом воплощения особенностей и нюансов собственной культуры, той, в которую он включен.

Первый раз я попал за рубеж в 1995 году, через многие годы после окончания факультета. Сейчас для молодых архитекторов выезд за рубеж стал много проще – мир кажется доступнее и шире. Каталония в Испании – очень необычный и интересный регион. Воочию можно видеть, как многие культуры, развиваясь и смешиваясь, породили живописность, динамичность и художественную непредсказуемость, даже некую неукротимую образную стихийность этого региона. Но самое интересное – это то, как мастерски, как профессионально весь этот колорит культуры вписан в современную жизнь, в современную экономику. Во Франции многие места по характеру формирования архитектурной среды мне очень напомнили Иркутск – немного спонтанно, немного хаотично, очень своеобразно, очень разнородно. А вот в Германии совершенно иная картина. Здесь порядок и четкость исполнения проектно-строительной процедуры – «святое», и потому проект здесь до самой мельчайшей детали неукоснительно реализуется.

ПБ

Какие ваши проекты и постройки вы считаете наиболее важными?

АМ

Из того, что сделано, спроектировано, могу отметить только чуть больше десятка построек. Честно признаюсь, что многими реализованными постройками не могу быть доволен. У нас по-прежнему является обычным делом, когда строители уже в ходе самой стройки, отклоняются от проекта и вносят изменения. В итоге архитектурные качества построек сильно страдают. Последние годы я много занимался г радостроительными проектами, делал проекты застройки и планировки

Родился в 1956 году. Окончил архитектурный факультет Иркутского политехнического института в 1979 году. С 1980 года работает в институте «Иркутскгражданпроект». С 1992 года – руководитель архитектурной мастерской «Литос». С 1999 года – генеральный директор ОАО «Иркутскгражданпроект». Лауреат Межрегионального фестиваля «Зодчество Восточной Сибири», Международного фестиваля «Зодчество», триенале Международной академии архитектуры «Интерарх-2003» в Софии.

Основные работы

1. Гостиница артистов цирка в Иркутске, проект 1987 г., строительство 1989 г.
2. Проект детского дома в Иркутске, 1991 г.
3. Проект спортивного комплекса по ул. Гоголя в Иркутске, 1992 г.
4. Жилой дом с магазином в Иркутске, проект 1995 г., в составе авторского коллектива.
5. Реконструкция квартала в историческом центре Иркутска, совместно с С. Карповым, А. Колесниковым, проект 2002 г., строительство 2004-2007 гг.
6. Проект застройки по проспекту Жуковского в Грозном, совместно с В. Распутиным, Е. Григорьевой, Г. Терехинским, В. Бызовым, С. Муллаяровым, 2005 г.

Проект застройки по проспекту Жуковского в Грозном.
 Авторы: арх. А. Макаров, В. Распутин, Е. Григорьева, Г. Тербинский, В. Бызов, С. Муллаяров.
 Проект 2005 г.

кварталов. Из ранних работ с каким-то постоянным теплым чувством и почти удовлетворением вспоминается общежитие артистов цирка по улице Свердлова в Иркутске.

Одна из лучших работ – квартал жилых домов по улицам Чкалова – Марата. Проект получил признание – был награжден Серебряной медалью на Международном архитектурном конкурсе в Софии. Центр города – место ответственное. Идеология этого проекта сложилась сразу. С одной стороны мы стремились сохранить масштаб, ритм, атмосферу исторического центра Иркутска, с другой – хотели, чтобы наш проект придал ей новое качество, стал ступенью в развитии архитектурной структуры городского центра.

Мне кажется, что это удалось. И конечно, большой вклад в этот проект внесли Александр Колесников и Сергей Карпов.

ПБ
 Можно ли сформулировать смысл, который вы стараетесь вложить в каждый создаваемый вами объект?

АМ
 Любое сооружение в понимании архитектора это совокупность пространств. Внутренних – составляющих

«организм» здания. И внешних – объемлющих сооружение. Организации интересного, пластического, образного, производящего незабываемое впечатление пространства – вот стержень проектного творчества в архитектуре. Главное – это пространство. Формообразование, берущее свое начало от внутренней структуры и назначения внутреннего пространства, обеспечивает большую композиционную целостность объекта, обеспечивает новому зданию больший потенциал и большую гибкость при сохранении основной архитектурной идеи.

Проблема нашей российской архитектуры в том, что фактически в стране есть только две сложившиеся архитектурные школы – московская и петербургская. Этого совершенно недостаточно для большой страны с разнообразным климатом и многими региональными традициями и особенностями. И потому меня сейчас так беспокоят вопросы архитектурного образования и повышения общей культуры проектирования.

ПБ
 Вы возглавляете ведущий проектный институт Иркутска. Имеет ли административная работа в архитектуре свою специфику?

АМ
 Реальность профессии архитектора состоит в том, что кто-то обязательно должен быть в ней лидером. Но тот, кто хочет стать лидером, обязан иметь твердую позицию перед обществом, уметь убеждать строителей, иметь волю доказывать властям свою убежденность в правильности решений, уметь объяснить архитектурную идею заказчику. Те, с кем я учился, сейчас являются настоящими профессионалами и лидерами – Евгений Третьяков, Елена Григорьева, Александр Колесников, Владимир Стегайло.

В институте «Иркутск-гражданпроект» всегда существовала традиция внимательного отношения к творческим поискам каждого архитектора. Творческие поиски формы, образа новой архитектуры – необходимая составляющая процесса реального проектирования конкретных объектов.

Сегодня мощной притягательной силой становится дизайн. Многие яркие, талантливые молодые ребята сейчас уходят в дизайн. Они там и быстрее, и легче зарабатывают деньги, проектируя интерьеры кафе, магазинов, ресторанов, квартир. Они формируют среду обитания современного

человека и делают свою профессиональную карьеру. Но в итоге профессия архитектора, под этим мощным оттоком молодых сил, возвращенных в рамках системы архитектурного образования, начинает испытывать дефицит кадров. А профессия архитектора по-прежнему важна и актуальна. Особенно профессия градостроителя, которая сегодня для всего нашего государства в целом и для нашего региона и города в частности является по-настоящему драгоценной. Стремительно и качественно обновляются наши города. Причем этот процесс неразрывно связан с пониманием и формированием более глобальных процессов – территориальной реорганизации общества, территориального планирования, концептуальной проработки перспектив развития крупных административных образований (агломераций, русел расселения, рекреационных зон международного масштаба, свободных экономических зон и т.п.).

Я считаю, что практикующие проектировщики должны более активно участвовать в процессе обучения. Современное архитектурное и градостроительное образование нуждается в изменении самой парадигмы подготовки специалистов, в реформиро-

вании подходов к обучению и профессионализации. В частности, в профессии современного градостроителя на ведущих основаниях должен входить менеджмент. Проектировщик-градостроитель сегодня – это человек, который уже не способен обходиться только традиционными средствами и категориями формирования образа, такими, как планировочная композиция, фасад, улица, композиция площади и т.п. Он вынужден учитывать существующую сложнейшую систему разнородного землепользования и владения недвижимостью, состояние и перспективы капитализации земли, культурно-исторические ограничения объектов и целых зон размещения архитектурного наследия, состояние ландшафтов и микроклиматические предпочтения, транспортные и энергетические возможности и иные сдерживающие и регулирующие факторы

Он обязан оперировать экономическим, энергетическим, финансово-ресурсным, организационно-управленческим, социально-демографическим содержанием не менее успешно, чем традиционным художественно-планировочным.

Только в этом случае возможно появление грамотных градостроительных решений и качественной архитектуры.

Хорошая архитектура – это всегда продукт совместных усилий, властей, заказчика и проектировщика. Перспективы развития городов, планировка их исторических центров, строительство нового массового жилья, качество архитектуры – все это очень сильно зависит от того, как заказчик представляет себе, к чему он стремится, от того, как он формулирует задание на проектирование. Современный заказчик с каждым годом очень сильно меняется. Он становится более грамотным в отношении понимания качественной архитектуры. Он все больше ездит за рубеж и начинает ориентироваться на тот уровень качества, который он видел за границей.

Очень важна роль властей. Те изменения, которые произошли с момента открытия «железного занавеса» очевидны, но далеки от идеала. Улучшений много, но много и несовершенства и несоответствия задач тому состо-

янию, к которому нам всем следует стремиться. У многих представителей власти недостаточно знаний, позволяющих им принимать грамотные, взвешенные решения. Может быть, нужно проводить градостроительные курсы для муниципальных служащих, подобно тому, как это делается за рубежом. Надо, чтобы и у нас учили чиновников, учили, в том числе, хорошей архитектуре, правильному градостроительству. Нужно осваивать передовые прогрессивные идеи и подходы к градостроительству и современным архитектурным формам. Нужно учиться тому, как это организовано и реализуется на Западе. Может быть, и учиться этому нужно прямо там, за границей. Там есть образцы, которые, может быть, и не следует перенимать. Но знать их и осмысливать, осваивать и применять – нужно.

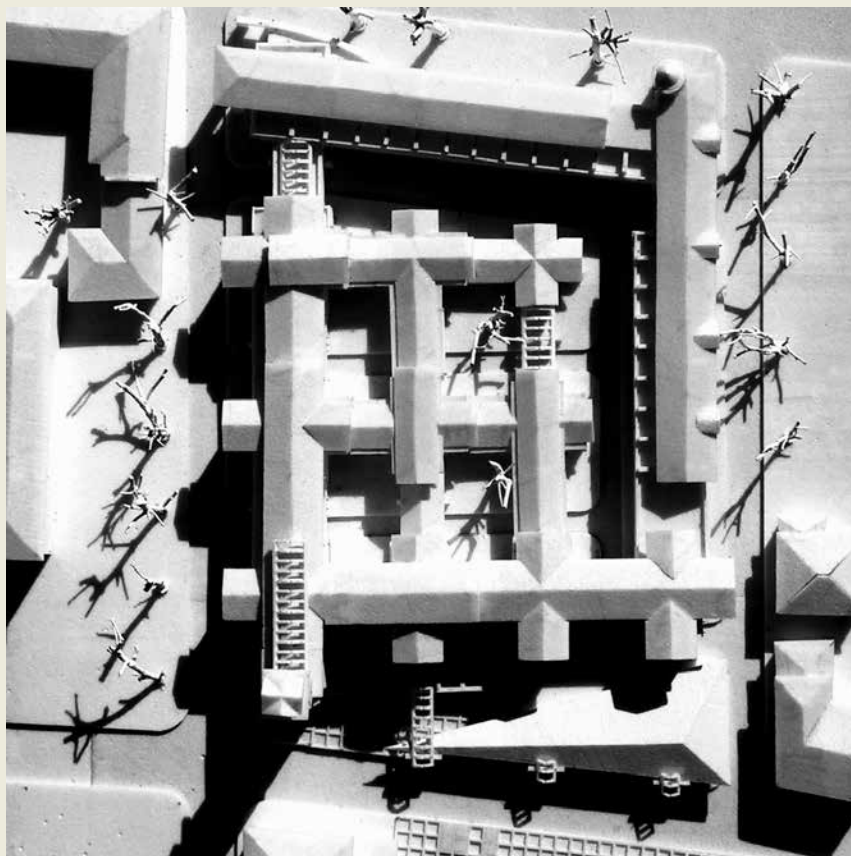
В Иркутске сейчас нет твердых ориентиров на будущее. Нет крупных масштабных перспективных проектов, подобных тем, что реализуются в Москве, Петербурге, Сочи.

Огромный опыт принесла мне работа в Чечне. Она сильно изменила мое отношение к Иркутску. Такое впечатление, что нам здесь, в Иркутске, сложнее приспособиться к порядку и цивилизации, чем там, в далекой Чечне. А в современном мире очень важно уметь добиваться компромисса, уметь договариваться. У нас же предпочитают стоять «до последнего». И дело, «ожидая» окончательного решения, тоже стоит. Не двигается с места... Перемены должны происходить в нас самих. Только в результате этого, понимая смысл современной архитектуры, можно рассчитывать на улучшения в окружающей жизни. Нам нужно входить в цивилизованный мир, улучшая и совершенствуя тот, в котором мы живем.

Реконструкция квартала в историческом центре Иркутска. Авторы: арх. А. Макаров, С. Карпов, А. Колесников. Проект 2003-2007 гг. строительство 2003-2007 гг.

План. Фото с макета

Вид со стороны ул. Марата

АРХИТЕКТУРА, НАПОЛНЕННАЯ ЛЮБОВЬЮ

Интервью с Владимиром Борисовичем Стегайло

Родился в 1956 году. Окончил архитектурный факультет Иркутского политехнического института в 1978 году. В настоящее время работает главным архитектором предприятия «Фортуна», директор Архитектурно-проектного центра, руководитель персональной творческой мастерской «АС». Заслуженный архитектор России, член правления Иркутской организации Союза архитекторов.

Основные работы

1. Жилой дом по ул. Депутатской в Иркутске, проект 1980-1983 гг., строительство 1983-1987 гг.
2. Городская телефонная станция в Иркутске, проект 1985-1987 гг., строительство 1989-1991 гг.
3. Реконструкция Ивано-Матренинской детской больницы в Иркутске, совместно с М. Захарчук, проект 1990-1992 гг., строительство 1992-1994 гг.
4. Храм Святой Ксении Петербургской в Иркутске, совместно с О. Бадулой, проект 1997-1999 гг., строительство 1999-2003 гг.
5. Жилой дом в исторической части Иркутска по ул. Марата, совместно с Л. Улкудовой, проект 2000 г., строительство 2001-2002 гг.
6. Католический кафедральный собор в Иркутске, совместно с О. Бадулой, А. Хвалибогом, Т. Агафоновой, проект 1999-2000 гг., строительство 2002 г.
7. Проект градостроительной концепции развития территории Иркутского государственного университета, совместно с О. Бадулой, И. Логвановым, Ю. Лифантьевой, 2002 г.
8. Проект торгово-развлекательного центра «Фортуна Сити Молл», совместно с О. Бадулой, Ю. Петрук, Н. Манаковой, 2006 г.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Двадцать лет назад в общественном сознании горожан и архитекторов доминировала идея «исторического Иркутска». Сегодня эта идея едва теплится в профессиональном сознании архитекторов и городских властей. Некоторые считают, что идея исторического города обанкротилась. Что вы думаете о целесообразности учёта исторического архитектурного контекста в центре города?

ВЛАДИМИР СТЕГАЙЛО

Для мирового сообщества, для нас самих, живущих здесь, Иркутск интересен двумя своими аспектами. Первое, он находится на Байкале, и второе – это деревянный исторический город. Именно это надо брать за основу выработки градостроительной политики. А затем определять планы реконструкции, реставрации, нового строительства. Сохранение исторического Иркутска должно стать единственным критерием при определении объемов нового строительства в центре города и конкретных мест возведения современных зданий.

Сегодняшняя ситуация печальна. Мы до сих пор не можем определиться, по какому пути идти. Перед нами альтернатива – снести все (ветхое, неблагоустроенное, некомфортное) и построить новое или сохранить наследованное от предков (расселять, восстанавливать, благоустроить и т.п.). У меня, к сожалению, нет однозначных рецептов и рекомендаций, как следует поступать, что нужно делать, как решать конкретные проблемы центральной части города. Некоторое время назад я старался в своей проектной практике совмещать два пути – «сохранение» и «возведение нового», я стремился к равновесию «нового» и «старого», я искренне думал, что можно создать баланс «прошлого» и «будущего». Сейчас моя позиция несколько трансформировалась. Я больше склоняюсь к убеждению в том, что старую историческую центральную часть города нужно оградить от нового

строительства. А все новые функции следует реализовывать в реставрируемых старых зданиях, – так, как это делается во всем мире, где в неприкосновенности сохраняются старые центры исторических городов. Но при этом они не консервируются, а продолжают интенсивно жить нормальной, постоянно развивающейся современной жизнью. Просто они как бы «измельчаются», превращаясь в маленькие Интернет-кафе, крохотные торговые точки, малюсенькие ресторанчики, крошечные, в одну комнату, на 2-3 сотрудников офисы (кассы продажи билетов, парикмахерские, приемные отделения почты) и т.д. И в результате, они органично входят, тактично вписываются в исторические здания, не ломая, не сокращая и не корежа их.

Общее впечатление от современного Иркутска – удручающее. В настоящее время архитектурно-градостроительных потерь больше, чем приобретений. Современные объекты, появляющиеся в центре города, к сожалению, не делают наш город привлекательнее. Новые постройки не просто изменяют исторический облик. Они игнорируют старый город, уничтожают его. Невосполнимы утраты отдельных исторических объектов, целостных фрагментов исторической среды, ансамблей рядовой застройки – всего того, что отличает Иркутск от многих городов Сибири и Дальнего Востока. Деревянная историческая среда старого Иркутска уникальна. Такого не осталось больше нигде в крупных городах Прибайкалья и Забайкалья.

Стремление осовременить старый Иркутск имеет свое объяснение. И заказчики, и мы, архитекторы, испытываем, подчас даже не осознанное, желание сделать наш город моднее, «столичнее», более соответствующим современной жизни – ее новым функциям, ее новому облику. Но это стремление не всегда идет городу на пользу. Как объект градостроительства сегодня Иркутск находится в глубоком кризисе.

То, что я сейчас скажу, для многих прозвучит уди-

вительно. Мне и самому это представляется невероятным. Но получается, что в городе никто не контролирует реальные процессы, связанные с исторической застройкой. Памятники горят, становятся ветхими, сносятся, непонятным образом исчезают, на их месте возникает нечто совершенно незапланированное.

У меня был совершенно необъяснимый случай. На улице Декабрьских Событий мы делали проект нового административного здания. Ситуация проектирования была сложной, потому что рядом с проектируемым объектом находился красивый деревянный дом с барочной иркутской резьбой. Мы поставили перед собой задачу создать новый многоэтажный объект таким, чтобы он не заслонял, не подавлял этот старый дом. И мы создали проект, который решил задачу соединения нового и старого: фасад нового дома сделали предельно нейтральным, он играл роль своеобразной театральной кулисы, задника «сцены», на которой достойно занимал свое место старый тактично сохраняемый дом. Фасад возводимого здания специально сделали зеркальным, чтобы он как бы «растворялся» в окружающей среде деревянной застройки и, отражая небо, не давил своей массой на малозэтажные здания вокруг. И что в итоге? Тот старый дом – представитель исторической застройки, который явился основой замысла современного здания, ради сохранения которого мы мучились над проектом, исчез... Он почему-то был разобран и перенесен на новое место.

Причем жаль не только этой очередной утраты исторической частички старого Иркутска, но и архитектура нового здания от этого не выиграла, не стала лучше. Она пострадала оттого, что деревянное здание не стало рядом, потому что изначально формировалась в неразрывной связи с ним.

Примеров негативного отношения к архитектурному и культурному наследию много. И давнишних и совсем свежих. Например, жилые

дома рядом со Знаменским монастырем. На протяжении нескольких лет выполнялись варианты застройки этой территории, с учетом сохранения деревянной застройки, окружавшей монастырь. Они были прекрасным средовым дополнением к этому культовому комплексу. Они сохраняли дух времени и способны были усилить обаяние этого места. Исходя из этого понимания, были сделаны эскизные предложения, учитывающие трассировку транспортной магистрали, выполнены проектные проработки с размещением на этом месте общественной зоны с перспективой того, что эта зона в будущем должна стать местом общественно-культурной жизни. В конечном счете, на месте планируемой общественной зоны возник жилой комплекс. Историческая архитектура исчезла, культурная среда была уничтожена. Что этот комплекс дал городу? Ничего! Внешние виды на храмовый комплекс с многих точек утрачены. Монастырь сильно проиграл от столь тесного соседства с современной высокоплотной жилой застройкой и всеми ее сопутствующими факторами – парковками личного автотранспорта, сплошным рядом магазинов в первом этаже комплекса, активной архитектурой фасадов, мирской повседневной суетой. В выигрыше оказался только инвестор, который получил прибыль. А также небольшая часть жителей города, которые получили возможность жить в этом комплексе.

Сегодня сторонники массового сноса исторической среды города Иркутска и замены ее на новостройки обосновывают свою позицию словами о том, что ценным в иркутской исторической застройке являются только каменные здания. Это не так. Именно деревянная историческая архитектура, в том числе и рядовая застройка, формирует исторический имидж нашего города. И эту среду нужно сохранять и оставлять в качестве жилой, активно живущей, обитаемой городской территории, а не засохшего музеефицированного фрагмента. Только в этом случае Иркутск сохранит свою уникальность. Повторю: она заключена не в отдельных домах, а в обаянии старой среды, с частным жилищем, с садами, дворовыми постройками (которые легко приспособить под современные функции – гаражи, локальные технические системы), узкими тротуарами, палисадниками. Безусловно, ее нужно технически оборудовать и благоустроить, расселять ветхое жилище, но на его месте создавать такое же, а не современные высотные здания.

Я уверен, что через 5-7 лет Иркутск ждет очередная волна страстного интереса к сохранению исторических зданий. Боюсь только, что к этому времени мало что останется сохранять. У нас почему-то так часто бывает: что имеем – не храним, зато потом долго плачем по утраченному. Только вернуть, как правило, уже ничего невозможно – поздно.

ПБ
 В 1970-80-х годах в Иркутске существовали крупные и самобытные школы в литературе, в живописи. Сложилась ли в Иркутске, по вашему мнению, какая-то самостоятельная школа в архитектуре?

ВС
 Общеизвестно, что в 1970-е годы оформилась самобытная Иркутская архитектурная школа. Московские, петербургские, зарубежные архитекторы – все признавали это. Сейчас мы многое утерjali из выработанного в те годы подхода к концептуальной и проектной разработке городской среды. И сегодня мы не столько развиваем, сколько растранижируем творческое наследие тех лет.

Понятно, что политические условия изменились, строительная индустрия изменилась. Но ведь не только в этом дело. Пришла точечная застройка, разрушающая общее целое, локальные элементы которой оказываются не связанными ни друг с другом, ни с общей структурой города.

Да, в городе за прошедшие годы появились отдельные новые красивые объекты, – выбрав видовую точку, можно сделать даже очень красивую фотографию. Но даже если эту фотографию представить на конкурс или напечатать в журнале и немного прославиться, то общее впечатление от самого города останется тем же: теряется целостный образ городской среды, она не воспринимается как единое гармоничное целое.

Я государственник, в том смысле, что считаю необходимым предельно твердое и бескомпромиссное государственное регулирование процессов жизнеобеспечения и муниципального развития вместо «псевдосвободы» рыночного подхода. Вседозволенность в архитектуре не дает ничего хорошего. Ведь архитекторы не просто самовыражаются, не просто воплощают свой талант и знания в проектных решениях. Они создают среду, в которой люди будут потом жить долгие годы. И это накладывает особую ответственность на любое, пусть, казалось бы, самое незначительное проектное решение. Здание не живописное полотно или фотография: надоело – перевесил или заменил, а захотел и вовсе убрал. Здание возникает на долгие годы и его уже не убрать.

На этом основана ответственность архитектора за создаваемый объект, за формируемую среду обитания, за город как целое. Архитектурный чиновник тоже несет ответственность за город. Причем, подчас, еще большую. Так как от его решений зависит, что конкретно будет спроектировано и построено в данном месте. Он еще на стадии формирования задания на проектирование предопределяет функцию, параметры будущего объекта, характер его соответствия окружению, высотность, характер силуэта и, как результат, значимость в прилегающей застройке.

Чем отличалась иркутская архитектурная школа 1970-х годов от нынешней популяции

Проект торгово-развлекательного центра «Фортуна Сити Молл». Авторы: арх. В. Стегайло, О. Бодула, Ю. Петрук, Н. Манаква. Проект 2006 г.

Храм Святой Ксении Петербургской в Иркутске. Авторы: арх. В. Стегайло, О. Бадула. Проект 1997-1999 гг., строительство 1999-2003 гг.

архитекторов? Прежде всего, комплексным подходом к застройке, пониманием того факта, что город это целостный организм. К сожалению, события последних десятилетий привели к разрушению не только традиций этой школы, но и самих зданий, возведенных представителями этой школы. Последний пример – снос недостроенного здания городской администрации, возведенного в 1980-х годах по проекту В.А. Павлова возле сквера им. Кирова. Этот снос обосновывался различными доводами, в том числе и экономическими (хотя и тогда, и теперь эти доводы представляются больше сомнительными, чем очевидными), но по существу это была расчистка места под новый крупный девелоперский проект. И в итоге произошло физическое уничтожение не просто хорошей архитектуры, а здания, ставшего даже в недостроен-

ном своем состоянии памятником прогрессивной советской архитектуры, во многом обогнавшей свое время и принятую в те годы стилистику. Это здание было ярчайшим доказательством творческого потенциала сибирских архитекторов, создававших в провинции сооружения воистину мирового масштаба. Это не только мое мнение. Об этом неоднократно заявляли многие зарубежные архитекторы и писала архитектурная пресса.

Второй пример – Дворец профсоюзов. Здание уничтожено как самостоятельное архитектурное сооружение. Хотя, уверен, можно было реконструировать его так, чтобы получить дополнительные площади, но при этом сохранить оригинальный художественный образ.

ПБ
Расскажите о своих недавних работах. Как вы считаете,

какие из ваших проектов наиболее полно отражают дух современной жизни?

ВС

В последние годы я работаю в системе предприятия «Фортуна». Это динамичное, развивающееся предприятие, инициирующее появление многих новых объектов. Один из них – ставший сегодня широко известным – благоустройство пешеходной зоны возле комплекса «Фортуна».

Мой приход в «Фортуну» был вызван целым рядом обстоятельств. Ведущим было то, что предприятие «Фортуна» активно развивало направление «общественные здания». Этот тип сооружений в Иркутске проектируется больше по «накатанной» традиции. В отнесении к современным условиям и тенденциям он, фактически, не осмыслен. Критический советский опыт до сих пор не проанализирован и не обобщен. Не выявлены его положительные и отрицательные аспекты. Нет сопоставлений с современными зарубежными аналогами. Отсутствует понимание специфики нынешней отечественной ситуации, как в финансовом, так и социально-культурном смысле. Нет ответов на вопросы, без которых проектирование современных торговых комплексов становится случайным, а не закономерным: как современные торговые сооружения должны входить в существующую историческую среду, как они должны быть увязаны с функционированием города в целом, должны ли они тяготеть к центру или оттягиваться на периферию – в спальные жилые районы, какая концентрация торговых площадей оказывается избыточной, какой должна быть мера децентрализации торговых функций, на какой стадии «измельчение» функции входит в конфликт с эффективностью технологией продаж и логистикой?

Мне интересно этим заниматься потому, что тип «торговые здания» очень динамично развивается и постоянно совершенствуется. А предприятие «Фортуна» делает серьезные шаги в поиске концептуально-теоретических ответов, которые ложатся в основу принятия конкретных проектных решений. Оно прилагает усилия к тому, чтобы заменить устаревшие при-

нципы организации торговых пространств новыми, стремится ассимилировать новые подходы к организации самой коммерческой архитектуры, вывести торговый бизнес на качественно иной уровень, который способен связать новые технологии торговли, современную архитектуру зданий и требования исторической среды. Это предприятие пытается реструктурировать процессы торговли, перейти на новое качество взаимоотношений больших масс покупателей и многообразных товаров, позиционировать торговлю как элемент общественной инфраструктуры города.

Разрабатываемые нами проекты следуют городскому развитию. Сейчас вместе с городскими властями мы рассматриваем предложения по развитию торговой оси ул. К. Маркса с завершением ее новым крупным торгово-офисным центром. «Фортуна» успешно обустроивает набережные Ангары и Ушаковки. Мы обсуждаем новые проекты возле нового ангарского моста. Есть проект по формированию стрелки на соединении Ангары и Ушаковки, проектные предложения по надземному переходу через ул. Рабочую. Деятельность предприятия «Фортуна» – хороший пример объединения целей и интересов бизнеса и городского сообщества.

ПБ

В ваших работах всегда чувствовалось глубокое внимание к деталям и пропорциям зданий, внимательное отношение к материалам фасадов, кровель, оконных проемов – всей фактуры поверхностей. Что меняется в архитектуре с приходом новых современных материалов?

ВС

Резко расширились возможности, архитекторы могут лучше доводить свои замыслы до завершения. К сожалению, качество строительных работ в Иркутске часто «убивает» архитектурные объекты. Около трети моих работ мне просто стыдно показывать. Человек надевает красивый пиджак и гордо ходит в нем среди людей. Но ему будет неудобно, если его пиджак окажется помятым и порванным. Также и с архитектурным объектом. Испорченное качество работ на фасаде бросается

в глаза и вызывает такое же чувство стыда, как и неряшливость в одежде.

Если говорить о традиционных материалах, то и они до сих пор сохраняют свою художественную выразительность. Штукатурка придает брутальность, которую трудно достичь с помощью даже самых наисовременнейших облицовочных материалов. Я считаю, что традиционные материалы должны и дальше использоваться, наряду с новейшими достижениями индустрии стройматериалов. Уверен, будут совершенствоваться и технологии их изготовления.

ПБ

В последние годы усиливается влияние зарубежной архитектуры на отечественную теорию, педагогику и практику. В вузах в качестве иллюстраций к лекционному материалу повсеместно демонстрируют фотографии проектов иностранных архитекторов. Журналы публикуют теоретические статьи зарубежных специалистов. На российских проектных конкурсах победу одерживают западные. Вот-вот в российской проектной сфере в массовом порядке войдут зарубежные архитекторы и зарубежные строительные фирмы. Как вы оцениваете возможности и потенциал сибирских архитекторов в сравнении с зарубежными коллегами?

ВС

У меня нет комплекса неполноценности. Наша профессия устроена так, что практически каждый может сделать себя настоящим специалистом в том или ином направлении, наработать уникальные навыки проектирования отдельного типа сооружений или фрагмента среды, выработать в себе оригинальную творческую манеру. Не обязательно это резко продвинет его в карьере – позволит занять высокую административную должность, хотя и такое не исключается. Но точно – придаст ему понимание уникальности своего профессионального существования, сформирует высокую самооценку.

Мой опыт, накопленный многими годами, честно скажу, лично ответственного и скрупулезного труда позволяет мне уже на уровне интуиции чувствовать тенденции развития отечественной, местной

и мировой архитектуры. Я выработал подход, который необходим сегодня для проектирования в исторической среде и на открытых, осваиваемых территориях, я понимаю, что нужно делать для развития того или иного фрагмента городской среды и города в целом. Я без каких-либо внутренних препятствий принимаю идеи и московских, и зарубежных архитекторов. Я думаю на одной с ними волне, говорю с ними на одном языке. Нет никакого барьера в общении с зарубежными архитекторами. Правда, присутствует хорошая творческая зависть – они имеют больше технических, конструктивных, материальных возможностей делать то, о чем мы уже давно думаем, но практически воплотить пока не в состоянии.

Не можем прежде всего потому, что наши заказчики недостаточно амбициозны. И не всегда обладают серьезными финансовыми возможностями. У нашего заказчика нет стремления иметь самую лучшую архитектуру. Часто он ориентируется далеко не на самые прогрессивные образцы и аналоги. Городское сообщество, которое также способно выступить в роли законодателя вкусов, тоже не всегда на высоте. Порой вообще никак не ставится задача создать значительные по качеству и красоте архитектурные или градостроительные объекты. Получается, что это нужно одному лишь архитектору. Это он, а не заказчик, не городские власти, не общество стремится создать лучший архитектурный объект в городе, регионе, стране.

Вторая причина – возможности строителей. Подрядчик, к сожалению, не все умеет исполнить из того, что способен придумать архитектор.

Наше предприятие «АрхЦентр» имеет хорошую репутацию. Мы получаем за свои проекты и реализованные постройки награды на крупных профессиональных конкурсах, не только отечественных, но и международных (в Новосибирске, Москве и других городах). В частности, мы получили диплом в Каннах. И замечу, что при общении с зарубежными коллегами мы не чувствуем себя скованно или дилетантски. Мы обсуждаем современные архитектурные и градостроительные

вопросы абсолютно нормально, на одном уровне с ними. Мы не ощущаем никакой провинциальности.

В Иркутске статус и роль архитектора в формировании города все же очень низки. Многие решения принимаются исходя не из их мнения, а только из сиюминутных экономических факторов, внезапно изменившейся конъюнктуры, ведомственных интересов.

У нас в России есть одно принципиальное отличие в устройстве профессиональной сферы деятельности от запад-

Архитектор определяет не только весь замысел, всю философию объекта, но и контролирует его создание вплоть до ввода в эксплуатацию. Причем обладает способностью реально воздействовать на исполнителей и смежников не просто уговорами и увещаниями, – деньги у него в руках.

У нас все устроено не так. И потому наши объекты отстают по уровню исполнения даже тогда, когда возможности и способности строить и отделять качественно у подрядчика есть. Это ключевая проблема.

Католический кафедральный собор в Иркутске. Авторы: арх. В. Стегайло, О. Бадула, А. Хвалибог, Т. Агафонова. Проект 1999-2000 гг., строительство 2002 г.

ной. Архитектор у нас практически не связан с финансами, направляемыми на реализацию проекта. В западной практике архитектор контролирует практически все финансовые потоки, направляемые на возведение объекта. В этом смысле он абсолютно точно оправдывает название своей профессии – «архитектор» – «главный строитель».

Он обеспечивает экономию средств. Но не в ущерб проекту. Он обеспечивает привлечение за эти деньги самых передовых технологий. Опять же на благо будущему сооружению. Он заинтересован, чтобы использовать самые качественные материалы: сооружение – это его детище.

За рубежом заказчик огромные полномочия делегирует архитектурной фирме. И она это доверие честно оправдывает, потому что тем самым обеспечивает себе наилучшую рекламу и будущую работу.

Россия сегодня стремительно идет по пути, который ассимилирует все лучшее в мировой культуре и архитектурной практике. Она способна формировать уникальную, комфортную для человека среду обитания, находить свои собственные оригинальные организационно-управленческие решения. Сегодня создается новая российская архитектура, новое качество городской среды, в которой современное не уничтожает старое, в которой все больше начинает господствовать культура благоустройства и бережного отношения к каждому историческому феномену, в которой во главу угла ставится человек, его эмоциональное состояние, визуальное восприятие и эстетические переживания, а не строительный погоняж. Я уверен, что мы способны формировать полноценную архитектуру и среду обитания.

Цветник. Эстафета создателей

Наша жизнь, в принципе, очень похожа на цветник: рождаемся, начинаем цвести, что-то понимать в себе и вокруг, понимаем, что можем что-то сделать, и даже что-то делаем – и тут всё заканчивается. Приходит время зимы.

Цветник – это маленькая модель жизни, в которой творцом – демиургом – выступает сам человек. В эту, казалось бы, бесполезную и абсолютно не утилитарную вещь, он вкладывает труд, знания, желания и даже амбиции, а ведь, по сути, это – совсем не рационально. Но, что удивительно, в нашем сибирском городе, где лето очень короткое, стремление людей к этой иррациональной красоте весьма велико. Может быть, это потому, что длинная графичная зима вызывает у людей «цветовой» голод. И от этого мы почти всегда находимся в той стадии, когда нам, как детям, нужно яркое. Глаза просто требуют цвета, а цветы этот голод на короткое время и утоляют.

Почти все садовые цветы изначально были в природе.

В цветниках же мы видим их в модифицированном виде. Роза когда-то была шиповником, хризантема – ромашкой. Улучшив природное, сделав сочетания более красивыми, демиург-человек получил красоту просто ради красоты, судьба которой выражена словами поэта – «процвеств и умереть».

Однако поэт был не совсем прав. Все живое приходит в этот мир не только чтобы процвести, но и для того, чтобы оставить после себя подобие себя – дать себе продолжение. Для этого и цветет. Цель однолетнего растения именно в этом – дать семена, размножиться.

Но человек-демиург – хитрец. Ему нужна лишь красота цветка, и хочется, чтобы она длилась дольше. И что он продельвает с ним? Он отщипывает семенную коробочку сразу же, как только цветок увял. Растение в растерянности: как? Нет семян? И зацветает опять. Так человек заставляет его цвести до самой зимы, пока снег не ляжет на цветы, заставив их умереть.

Это не расстраивает человека-демиурга. Закупая зимой готовые семена, он сеет их в тепле под стеклом, и пока на улице сыплет снег, растит и холит для нового будущего цветника, который продумал, спроектировал, который уже цветёт в его мыслях.

Напрашивается сравнение с жизнью? Решать вам.

Но все выше сказанное – об однолетниках. А цветники из многолетников более долговечны, и так просто их не перехитришь – они размножаются еще и отростками. Но вот незадача – тратя силы на размножение, они не могут цвести всё лето. Поэтому демиургу-садовнику нужно сочетать их: время цветения одних, других, третьих. Опять он пытается из того, что придумала природа, создать что-то ещё более красивое и совершенное. Конечно, каждый делает это на уровне своего понимания. Но все равно – это эстафета природы и человека как эстафета учителя и ученика, отца и сына, мастера и подмастерья.

Причём этот процесс доступен всем и везде – перед подъездом, в квартире, в школьном фойе, на приусадебном участке. По сути, это создание живописно-объёмной картины из живых материалов, под живым небом, на живой почве. Конечно, специалист сделает это на более высоком уровне, но для любого, кто этим займется, – нет предела для совершенства.

К тому же живопись и скульптура не дадут наслаждения обонянию. А у кого нет любимого аромата летних цветов? Еще одно отличие: с самого того момента, как скульптура закончена, а картина дописана – она начинает медленно и незаметно стареть. Момент окончания произведения – это момент начала его разрушения. А ситуация с цветником напоминает ребёнка – после создания он развивается, и всегда можно и нужно что-то корректировать и, конечно же, – ухаживать за ним. Иначе с ним получится, как и с ребенком: все хорошее зарастёт бурьяном и не сможет пробиться

Цветник многолетников и однолетников (Красноярск)

сквозь него, чтобы показать свои лучшие качества.

Иногда цветник совсем как иной человек, – может, и замечательный сам по себе, но не вписывающийся в окружающий мир. Причина же может быть совсем простой – агрессивный цвет красного кирпича, из которого у нас построено так много домов, забывает тонкую изысканную гамму цветника, и он просто не смотрится. А вот нейтральный цвет здания как однотонное платье для броши – хороший фон для множества вариантов, которые можно менять каждое лето.

А удивит ли вас мысль, что можно сначала сделать цветник, а потом его съесть? А ведь это – огород. Взгляните на огородные растения по-другому. Изначально многие из них были известны именно как декоративные. Кочанная капуста и помидоры в средние века, картофель чуть позже...

А обратите внимание на огромные цветы кабачков и их роскошные плоды! А клубника! В Англии в цветнике оранжереи Королевского ботанического сада можно

Сочетание огородных и луговых растений (Челси)

увидеть кусты свёклы с их фиолетовыми прожилками. В Москве на Манежной площади попытались сделать нечто подобное с капустой, было очень красиво, но наш менталитет помешал оценить этот прием по достоинству.

А есть ведь и вовсе нива непаханая – создание цветников из диких растений, луговых, полевых, лесных, и

тех, которые считаются сорняками. Вглядитесь – в них тоже есть своя красота, и она все еще ждет своего дизайнера-новатора.

До зимы ещё есть время, чтобы присмотреться и переосмыслить... Полюбоваться на это чудо: цветник – сотрудничество Создателя и создателя.

На приложенных иллюстрациях – цветники с самой

знаменитой выставки садов, которая ежегодно проходит в конце мая в лондонском районе Челси.

Ольга Смирнова
Печатается по виртуальной газете НоЖКА (Новости Жизни Красноярских Архитекторов : внутренний орган КОСА). № 119. 2008. 25 августа.

Цветник миксбордер

Цветник-узор (Красноярск)

Цветник из многолетников и однолетников

Ad memoriam (скульптор Владимир Цой, 1954-2007)

Теперь это легкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе...
И. Бунин

29 октября 2007 года на шоссе Пенза – Саранск произошла автомобильная катастрофа. Погиб пензенский скульптор Владимир Цой, ехавший, чтобы провести мастер-класс для молодых скульпторов. Учителя, ученики и друзья, проекты, планы, подготовка к первой персональной выставке – все остановилось, сохранившись отныне только в памяти тех, кто его знал или видел его работы. Все было настроено на долгую творческую жизнь, все только начиналось.

Были удачи, поиски, работа «для денег». Трудно писать об этом мне, ни разу не видевшей его, не прикоснувшейся к его разнообразной, выходящей далеко за рамки привычного представления о скульпторах, жизни. Многие из того, что им было сделано, утрачено, пропало, невосстановимо испорчено. Иногда даже нет точного названия той или иной работы. Приходится обращаться к воспоминаниям близких, коллег, к

немногочисленным публикациям и каталогам выставок.

Удивительна траектория жизни этого одаренного человека. Уроженец маленького рыболовецкого поселка на Камчатке, с раннего детства он лепил фигуры из снега, устраивая на берегу и улицах Кихчихе настоящие выставки. Уже в первых пластилиновых, пенопластовых и снеговых скульптурах был виден точный взгляд, пространственное воображение и твердая рука. Володя перечитал все книги по искусству в местной библиотеке. Но долгое время увлечение мальчика не казалось серьезным ни учителям в школе, ни отцу, да к тому же семья не имела большого материального достатка, чтобы задуматься о его художественном будущем. Только счастливая случайность (отзыв приехавшего в поселок командированного) подтолкнула семью на поиски подходящего по профилю художественного учебного заведения. Таким местом оказалась отделение скульптуры Пензенского художественного училища. По словам младшей сестры, это была чистой воды авантюра, потому что «мы не

представляли, как это далеко от нас, как это будет трудно».

Действительно, жить оказалось нелегко. Но Цой попал в очень сильную и талантливую группу училища (из 11 ее студентов 9 стали членами Союза художников), а Пензенское училище давало крепкую профессиональную закваску, классическую школу пластических искусств. Коллектив педагогов и единомышленников сумел увидеть дарование и возможности молодого художника. Друг и ровесник Цоя Александр Бем признавался, что трудно было с мастерскими, с инструментом. «Но у нас есть свобода для работы. Наша среда заставляет быть самостоятельным, заставляет быстрее взрослеть... Нужно, чтобы у художника было побольше от земли, чтобы он сам на ней стоял» – такие установки сформировали определенную «генеральную линию» творчества – серьезный, полноценный реализм. Глядя на работы Владимира Цоя и его окружения, понимаешь ресурсы этого художественного метода, его жизнеспособность и перспективность.

Судя по сохранившимся фотографиям, Цою были доступны и монументальная скульптура, и скульптура садово-парковая, и портрет, и мелкая пластика. Он равно успешно работал в бронзе, глине, мраморе. А ведь каждый из материалов требует своей техники обработки, особого видения объема, всякий раз иной обработки деталей или обобщенности пластических масс.

Работая после окончания училища в поселке Абашево Пензенской области, Владимир Цой успешно осваивал своеобразие и приемы народной скульптуры. Созданная в этот период скульптура «Пензенское чаепитие», отличающаяся компактностью и особой «плотностью» фактуры, была представлена на нескольких выставках и отмечена как пример творческой переработки традиций непрофессиональной пластики. Критики согласны отмечают, что опыт работы с художником-самородком Т.Н. Зоткиным оказал благотворное влияние на становление творческой индивидуальности Цоя. Полагаю, что и сам художник осознавал масштаб личности этого человека. Мне

Лошадка пони. Шамот

кажется, что скульптурный портрет Т.Н. Зоткина – тому свидетельство. Небольшой по размеру, он соединяет в себе грубоватую обработку поверхности, взрыхленную резцом, и крупную лепку головы с резкими, значительными чертами лица. В нем проступает и характер этого человека, и его сосредоточенность на своем внутреннем мире, обособленность и некоторая замкнутость.

Не совсем удачно складывается судьба монументов, созданных коллективами художников, в число которых входил Цой. Их судьба во многом зависит не столько от художественного замысла и мастерства исполнения, сколько от значимости изображенного персонажа. Так произошло с мемориалом Федора Гладкова, создание которого можно отнести к творческим удачам его авторов. Но изменившаяся иерархия литературных авторитетов передвинула и Гладкова, и памятник на периферию художественного сознания. Еще более печальна судьба монумента, над которым Цой работал в течение нескольких лет – «Белочешский мятеж». Он не был закончен и оказался попросту уничтоженным, так как стал не востребовавшимся в годы перестройки.

Время подталкивает скульптора обратиться к более ком-

пактным и идейно-нейтральным жанрам. Такими стали садово-парковая скульптура и мелкая пластика. Пленэрная скульптура по своей сути менее индивидуализирована, нежели портретная или монументальная. Но для нее требуется – одновременно – детализация, соразмерная природному контексту и постоянному взаимодействию с человеком, и обобщение, без которого она превратится в назойливо-натуралистический макет, лишающий зрителя возможности помедитировать и пофантазировать, глядя на нее. Участие во всероссийском симпозиуме «Скульптура в камне» (Пенза, 1990) стало свидетельством незаурядного умения Владимира Цоя создавать пленэрные фигуры, имеющие мощное «энергетическое поле», поддерживающее своим настроением состояние окружающего пространства («Мечта»). Не зря эта скульптура имеет и еще одно название – «Песня». Создавая другие скульптуры, Цой предлагает человеку вступить с ними в диалог: потрогать лапу каменного животного, посидеть на троне с глазом, изображенным в наивысшей спинки. Эти действия ни в коей мере нельзя считать запретными для пленэрных изображений: именно таким

образом реализуется особая активность зрителя, соучастие в «жизни памятников», которого монументальные скульптуры лишены по определению. Такая активность делает скульптуру центром притяжения для людей, дает возможность продолжить творчество скульптора, предусмотренное по-настоящему тонким и понимающим художником.

Наиболее привлекательной показалась мне мелкая пластика Цоя, «нежное прикосновение к жизни маленьких людей». В ней полно проявилось его умение минимальными средствами создать максимально убедительные образы, обращаться с тем материалом, в котором создана скульптура, создавать ощущение ее особой «телесности», теплоты («Тхэквандо», «Пони», «Двое в лодке»). Искусствоведы говорят, что по-настоящему добротное изображение, независимо от его истинного размера, в слайдировании кажется монументальным. Именно такое ощущение и возникает, когда смотришь на сравнительно небольшие фигурки, созданные Цоем. Их хочется греть в руках, перерачивать так и этак («Темка», «Замораживающий голубь», «Сиреневая луна»). Они сохраняют свойство «держат пространство»: создавать ощущение податливого скольжения – и равновесности устойчивых масс, невесомости, легкости – и плотности, податливости, мягкости – и упругости. Полагаю, что именно в этом жанре художника еще ждали находки и открытия.

Чем дальше, тем образ Владимира Цоя кажется мне все более значительным и интересным. В нем видна стихийная философичность, целостное, не почерпнутое из книг, самостоятельное осмысление мира. Его творчеству присуще поистине «звериное чутье» в трактовке темы, баланс меры, природный и развитый творческим отношением к профессии вкус. Сказалось и его восточное происхождение, определившее особенную утонченность, точность деталей, цельность и чеканность образов, лиричность, сочетающуюся с лапидарностью и статуарностью.

Но есть и самая уязвимая и быстро исчезающая сторона его натуры, которую

Двое в лодке.
65x30x45. Бронза

невозможно найти в самих скульптурах. Друзья, коллеги, единомышленники отмечают его щедрость, человечность, бескорыстную поддержку, которую он оказывал молодым художникам, «чувство потенциала», позволявшее ему видеть перспективы их роста. Для своих коллег Цой был не только советчиком: кто с уважением, кто с досадой вспоминает, что благодаря его стараниям при отливке скульптуры приобретали законченность и необходимое «выставочное» качество. Некоторые скульпторы признаются, что без технической помощи Владимира их работы вообще не были бы завершены.

«Случай Владимира Цоя» наводит на размышления, связанные с изменением характера современного пластического искусства. До последнего времени работа специалиста, отливающего скульптуру, не считалась творческой, принадлежащей самой сфере пластического искусства. Имя его (точно так же, как имя создателя архитектурного макета или резчика японской гравюры) нигде не указывалось, труд его почитался лишь техническим. Возможно ли предположить в обозримом будущем изменение этой стороны скульптуры? Время покажет...

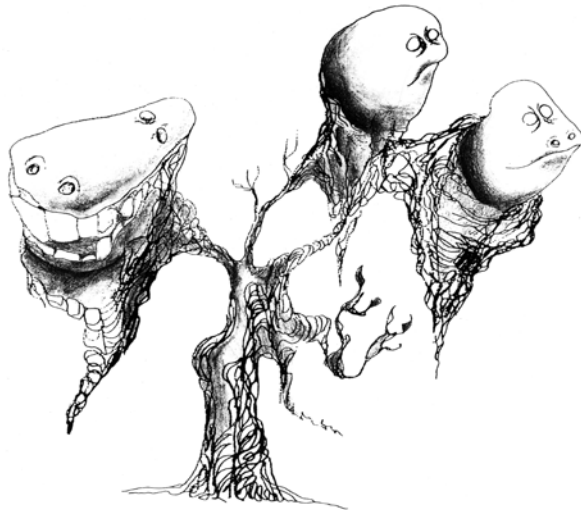
В заключение хочу выразить глубокую благодарность сестре художника Валентине Кирбуновне Цой, предоставившей фотографии работ Владимира Цоя, критические материалы по его творчеству и семейный архив, которые стали основой этой публикации и без которых она не могла бы появиться в печати.

Марина Ткачева

Тхэквандо. 7x5x5. Бронза

Неприкаянные

Поколения принято именовать по десятилетиям, в которые они формировались. Есть шестидесятники. Вроде бы есть семидесятники (хотя смысл этого слова уже не так определенно выглядит). Семидесятников легко спутать с восьмидесятниками, они мало отличаются друг от друга и не отграничены от прочих поколений. А вот «девяностников» вообще нет. А как называть тех, кто формируется сейчас, кому сейчас пятнадцать – двадцать? «Нулевики»? Словечко «миллениумы» в русском языке тоже так и не прижилось.

Язык – сущность весьма властная. Журналист и писатель А.В. Амфитеатров написал в начале XX века роман под названием «Концы и начала». В него входят две книги: «Восьмидесятники» и «Девятидесятники». Но язык не обманешь, и первая часть романа продолжает переиздаваться и привлекать внимание критиков, а вторая почти забыта.

«Восьмидесятники» Амфитеатрова состоят из двух частей. Первая называется «Разрушение воли», вторая – «Крах души». Последняя четверть XIX века осталась в памяти современников как эпоха людей растерянных, разобщенных и потерявших цель жизни. Федор Сологуб в стихотворении «Восьмидесятники» так описал это поколение:

...Хирели груди их,
согнутые над книгой,
Слабели зоркие,
пытливые глаза,
Слабели мускулы,
как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан,
как тонкая лоза.

И вышли скромные,
смирненные людишки.
Конечно, уж они не будут
бунтовать:
Им только бы читать
печатные коврижки
Да вкусный пирожок
казенный смаковать.
3 августа 1892

Семидесятые и восьмидесятые годы XX века тоже

нельзя назвать эпохой торжества оптимизма. Суровые радости шестидесятых приелись. Тексты «Битлз» перестали казаться откровением, да и сами кумиры рассорились и разбрелись. Вместо озорных гениев самостоятельности умами и душами завладели тоскливые песни «Пинк Флойд». На рубеже семидесятых и восьмидесятых появился грандиозный спектакль этой группы «Стена», который, похоже, и стал гимном поколения. Блистательное, технически великолепное шоу на фоне рождающегося «глем-стиля» странно контрастировало с беспредельным пессимизмом текстов. «Розовые гвоздички» пели:

Тише, деточка, не плачь.
Мамочка сделает все
твои кошмары явью.
Мамочка набьет твою
головку своими страхами.
Ты вечно будешь под
крылышком у мамочки.
Она не позволит тебе
взлететь,
Но, может, разрешит
тебе петь.
Мамочка согреет своего
деточку.
Конечно, мамочка
поможет ему построить
стену.
(Перевод И. Кукушкина)

Впрочем, наибольшую популярность завоевал другой сингл из «Стены» – «Мы не хотим вашего образования». В фильме Алана Паркера этот мрачный марш сопровождает жутковатый видеоряд из школьников, превращаемых в фарш в гигантской мясорубке.

В Советском Союзе близящийся распад системы сигнализировала «подпольная популярность» песен «Воскресения» и «Наутилус Помпилиус». Рядом с ними бодрые рифмовки преддущего поколения («Солнце в небе светит мудро, / Молодеет древний край!..») воспринимались как невыносимо фальшивые, предательские подделки под настоящую культуру молодых.

Ощущение обмана, предательства пропитывает

культуру семидесятых – восьмидесятых. В архитектуре надежды шестидесятнической оттепели сменяются заморозками брежневской «культуры-два» (в терминологии В. Паперного), и хрущевская революция в домостроении оборачивается унылым серым однообразием панельных микрорайонов. Легендарный Оскар Нимейер бежит из родной Бразилии, где он только что всему миру на удивление строил новую столицу, потому что власть захватили военные. В Европе мастер строит традиционные, добротнo-тяжелые здания (здание ЦК компартии Франции в Париже), а бескомпромиссной юности и это кажется предательством.

Архитекторы конца брежневского безвременья уходили от скуки и мелкотемья в «бумажное» проектирование. Первая выставка «бумажников» прошла в редакции журнала «Юность» в 1984 году. В течение всего десятилетия эти проекты безо всякой надежды на реализацию – плоды чистой игры разума – странным образом побеждали на международных конкурсах и публиковались в престижных журналах Европы, США и Японии. Самые талантливые уходили в мечту, в фантазии психоделического, почти наркотического отрыва от невыносимой реальности. Об этом времени Вагрич Бахчанян сказал (а народ подхватил): «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

Биография Жени Сержант коротка, блестяща и трагична. Родилась и сформировалась в семидесятых – восьмидесятых. В девяностых училась. В первые годы нового века много и плодотворно работала, стремительно росла как дизайнер и художник. И внезапная смерть от рака – предательства собственного тела.

Конфетюшки Жени похожи на нее саму и на ее поколение. Они талантливы, ироничны, парадоксальны и пропитаны тем одиночеством, которое для семидесятников стало привычной средой обитания.

Константин Лидин

Элегантный акцент квартала

В Первом поселке ГЭС завершилось строительство угловой 5-этажной блок-секции внутри жилого квартала. Взяв за отправную точку проект застройки 1-го посёлка ГЭС, разработанный Николаем Беляковым и Николаем Жуковским, архитектор Инна Дружинина сформировала ясную архитектурную концепцию жилого дома, где на первое место выдвигаются функциональность и комфорт.

Новое здание расположено в углу трапециевидного участка застройки и находится на границе квартала. При кажущейся простоте объёмно-пространственного решения на основе Г-образного плана в реальности новое здание формирует вокруг себя целую гамму разнообразных пространств – от подчеркнута внешнего со стороны магистрали до камерного дворового возле главного входа.

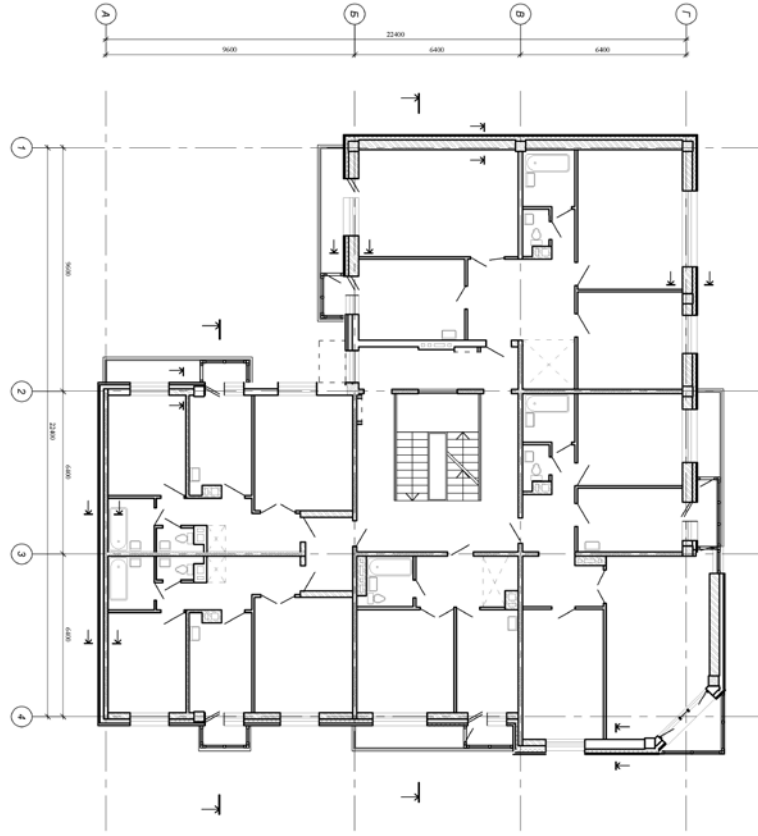
Конструктивная схема здания сразу была ориентирована на применение вентилируемых фасадов «Краспан», что позволило добиться не только выразительной пластики на всех неповторяющихся фасадах дома, но и эффектной фактуры и представительного вида всего здания. Умелое колористическое решение и грамотный подбор цвета отдельных частей дома выгодно подчеркивают

архитектурный образ всей постройки.

Заслуженным успехом автора стало присуждение этому объекту «Золотого диплома» фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 2008» в разделе «Постройки».

Андрей Ляпин

Комплексный подход – залог успеха

Рынок напольных покрытий становится все более требовательным к предоставляемому сервису. Заказчик хочет получать готовое решение при выборе напольного покрытия, начиная от грамотной консультации по техническим характеристикам покрытия и до профессионально выполненной укладки. И это правильно, ведь для того чтобы покрытие выглядело безупречно и прослужило долго, оно должно быть уложено квалифицированными специалистами с применением профессионального инструмента.

Как показывает практика, основная часть претензий к полу связана с такими причинами, как плохая укладка, некачественная обработка основания и неправильный уход за покрытием. Именно поэтому сегодня повысились требования, предъявляемые укладчикам. Это должны быть специалисты высокой квалификации, умеющие работать руками, знающие все последние технологии, способные создать креативные решения для напольных покрытий, то есть настоящие «художники пола». Немногим Компаниям-производителям удается в полной мере уделить внимание так называемой постпродажной поддержке своей продукции, то есть практиковать сервисный подход.

Таркетт в данном случае – едва ли не исключение. Компания старается предвидеть будущее, быть на шаг впереди остальных, поэтому уже на протяжении нескольких лет в подмосковном Голицыно успешно работает Tarkett Centre.

Что такое Tarkett Centre?

С помощью Tarkett Centre Компания создает платформу для развития профессионализма, на базе которой встречаются эксперты напольного бизнеса, где они приобретают профессиональные знания и улучшают навыки своей работы. Tarkett Centre организован совместно с Международным Таркетт Центром в г. Седане (Франция), что гарантирует высокие европейские стандарты.

Презентации проводятся для трёх групп участников, с учетом уровня их подготовленности: для

укладчиков начального уровня, для укладчиков с большим опытом работы, для менеджеров по продажам напольных покрытий.

Для презентаций Tarkett Centre было выбрано очень удачное место: Подмосковье, учебно-методический центр «Голицыно», где и проводятся занятия, и, к удобству участников, расположены столовая и гостиничные номера.

Как проходят презентации?

Занятия проходят в течение трех-пяти рабочих дней. Специально для проведения практических занятий здесь оборудованы боксы, рассчитанные для работы по два человека. В этих боксах компанией Таркетт созданы все возможные варианты укладки (лестница, овальные стены), чтобы имитировать реальные помещения и обучить участников семинара всем особенностям укладки коммерческих покрытий. Для того, чтобы реально оценить усвоенные знания и навыки, среди участников презентаций проводится тестирование. А по окончании семинара на основе результатов теста и оценки работы в боксах участникам обоих уровней выдаются сертификаты:

– сертификат для участников начального уровня, подтверждает прохождение полного курса программы Tarkett Centre

– сертификат для укладчиков с большим опытом, подтверждает навыки участника и выдается западными специалистами от международного центра Tarkett.

Темы презентаций Tarkett Centre:

- Технические характеристики напольных покрытий Таркетт
- Оценка основания
- Подготовка основания
- Укладка покрытий:
  - Гомогенные покрытия
  - Гетерогенные покрытия
  - Токопроводящие покрытия
  - Натуральный линолеум
  - Паркетное направление
- Уход и уборка напольных покрытий

Эксперты:

Теоретическую и практическую часть по укладке коммерческих покрытий для укладчиков с большим опытом работы проводят западные специалисты компании Tarkett – Ж. Брауерс и Л. Фоллман.

Теорию и практику по укладке для укладчиков с маленьким опытом работы и для менеджеров по продажам – высококвалифициро-

ванные российские специалисты компании.

Желание Tarkett сделать презентации максимально предметными обусловило привлечение к работе Центра представителей ведущих производителей клея и сухих смесей (Uzin, Henkel, Bostik, Litokol), холодной сварки (Werner Muller), чистящих средств (Dr Schutz). Такое сотрудничество, безусловно, обеспечивает комплексный подход к процессу и делает занятия более эффективными.

Tarkett Centre в России – это не просто новый эффективный маркетинговый инструмент, который способен обеспечить Компаниям превосходство и лидирующие позиции на рынке напольных покрытий в России. Это еще и отличная возможность внести свой вклад в развитие этой концепции и разделить совместный успех, превратить свои знания в конкурентные преимущества вместе с Tarkett Centre!

За более подробной информацией и для направления заявок по поводу участия в презентациях Tarkett Centre обращайтесь по телефону + 7 (495) 777 6983 и посетите сайт <http://www.tarkett.ru>.

Станьте профессиональным укладчиком
вместе с Tarkett Centre

В Tarkett Centre опытные укладчики рассматривают следующие темы:

- Подготовка основания
- Правила укладки коммерческих ПВХ-покрытий
- Концепт "Влажных комнат"
- Работа с токопроводящими покрытиями и покрытиями для лестниц
- Инсталляция натурального линолеума
- Горячая и холодная сварка
- Уход за коммерческими напольными покрытиями

По результатам участия выдается сертификат от Международного Tarkett Centre, подтверждающий навыки укладчика.

За дополнительной информацией обращайтесь в компанию Tarkett по телефону +7(495) 777-69-83

e-mail: tarkett-centre@tarkett-ee.com

www.tarkett.ru

VINYL

ОБЯЗАН БЫТЬ РОСКОШНЫМ

Стоическая философия интерьера гостиной

1. Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения. М. : Научно-изд. центр «Ладомир», 1993, XIV-31.
2. Dio Cassius. Roman History. Vol. VIII, book 62. – London: Loeb Classical Library edition, 1925.
3. Грималь П. Сенека, или Совесть империи. М. : Молодая Гвардия, 2003.
4. Вероятно, цитата из Эпикура. Упоминание сада в позднеимперской традиции обычно связывается с учением эпикурейцев.

Мраморный бюст Сенеки (Берлинский музей искусств). Справа: Сенека на протяжении двух тысячелетий считался одним из величайших учителей нравственности

Статуя, изображающая королеву Боудикку (в латинском варианте – Боадиица). Лондон, Вестминстерский дворец

Иллюстрация из средневековой лондонской рукописи (1325-1335 гг.), изображающая великих философов античности – Платона, Сенеку и Аристотеля

В середине I века нашей эры римские войска захватили Оловянные острова (Касситериды) или, как их теперь называют, Великобританию и Ирландию. Десятки народов, прежде живших в непрерывных междоусобицах, оказались включенными в единую имперскую структуру.

Одним из таких народов, иценами, правил тогда богатый и мудрый царь Прасутаг. Чтобы не допустить разорения и истребления своего народа, он объявил своим наследником римского императора Клавдия и принял на себя союзнические обязательства. Уловка сработала: пока были живы Клавдий и Прасутаг, ицены оставались формально свободными и независимыми союзниками Рима.

Однако после смерти короля Прасутага оказалось, что по римским законам его дочери не могут наследовать трон, да и от легендарных богатств царя мало что осталось. Римляне отказались воспринимать старшую дочь короля Боудикку в качестве королевы, а имущество ее семьи уже давно утекло к римским ростовщикам, услугами которых пользовался Прасутаг. Попытки королевы предъявить претензии на отцовское наследство привели

лишь к тому, что свирепые римские легионеры высекли Боудикку плетьюми и изнасиловали двух ее дочерей.

В ответ на оскорбление Боудикка заключила союз с народом тринобантов. Соединенными силами ицены и тринобанты обрушились на римлян, разбили их, захватили города Камулодунум (современный Колчестер), затем Лондиниум (Лондон) и Веруламиум (Сент-Олбанс) и истребили население. По свидетельству Корнелия Тацита, около семидесяти тысяч римлян были зверски убиты, а их имущество разграблено.¹ Наконец, в битве при Уэст-Мидлендс губернатор британской провинции Гай Светоний Паулин одолел повстанцев, уничтожив восемьдесят тысяч иценов и тринобантов. Итого восстание Боудикки унесло жизни не менее чем полутора миллиона человек, – при том что все население Европы в тот момент вряд ли превышало десять миллионов. В пропорции получается, как если бы в сегодняшней Европе вспыхнул локальный конфликт с четырьмя миллионами погибших.

Романтическая фигура королевы-воительницы привлекает внимание людей вот уже две тысячи лет. Но

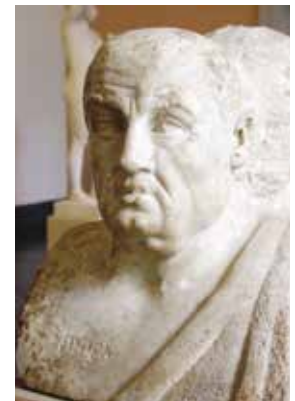
самое странное в истории восстания иценов, пожалуй, не это. По свидетельству римского историка Диона Кассиуса², одной из главных причин восстания стала ростовщическая деятельность Луция Аннея Сенеки-младшего, воспитателя и советника императора Нерона. В историю философской мысли Сенека вошел как виднейший представитель римского стоицизма, автор проникновенных и мудрых «Нравственных писем к Луцилию». В этой книге стоическая этика, учение о нравственности, достигает своего наиболее полного и точного выражения.

Будучи стоиком, Сенека официально презирал богатство, что не помешало ему нажить огромное состояние, доходившее, как говорили, до трехсот миллионов сестерций (около двенадцати миллионов долларов). Большинство этих денег он собрал, предоставляя займы правящим особам Британии.

В конце жизни Сенека впал в немилость и был обвинен в заговоре против императора Нерона. В признание его прошлых заслуг, ему было позволено покончить с собой. Философ вскрыл себе вены и умер, не переставая беседовать со своими секретарями. Его

красноречие не прекращалось до последней минуты.

В последующие века о Сенеке судили скорее по его восхитительным поучениям, чем по несколько сомнительной жизненной практике. Некоторые из святых отцов пытались сделать из него христианина, и предполагае-

мая переписка между ним и св. Павлом принималась как подлинная такими людьми, как, например, св. Иероним.³

Сенека пишет Луцилию: «Узнай, что приглянулось мне сегодня (и это сорвано в чужих садах): «Бедность, сообразная закону природы, – большое богатство».⁴ Знаешь ты, какие границы ставит нам этот закон природы? Не терпеть ни жажды, ни

голода, ни холода. А чтобы прогнать голод и жажду, тебе нет нужды обивать надменные пороги, терпеть хмурую спесь или оскорбительную приветливость, нет нужды пытаться счастье в море или идти следом за войском. То, чего требует природа, доступно и достижимо, потеем мы лишь ради избытка.

Ради него изнашиваем мы тогу, ради него старимся в палатках лагеря, ради него заносит нас на чужие берега. А то, чего с нас довольно, у нас под рукой. Кому и в бедности хорошо, тот богат.

Будь здоров».⁵

Довольно трудно совместить подобные мысли с практикой ростовщика и царедворца. Неужели Сенека лгал в своих философских текстах, притворяясь последователем стоицизма? И неужели люди верят такой бессовестной лжи и принимают обман за чистую монету – в том числе самые образованные и умные люди Европы в течение двадцати веков? Ну нет, что-то здесь не так. Скорее уж можно поверить в то, что роль жадного властолюбца была обманом, маской. Сенека и его последователи носили эту личину, чтобы не выпасть из современного им социума императорского Рима, чтобы оставаться членами общества, пропитанного духом безудержной, претупной жадности.

Зададимся предположением, что в некоторых обстоятельствах совестливый, честный человек ощущает обязанность жить в роскоши и стяжать огромные богатства. Как в этом случае должен выглядеть интерьер гостиной, которая по сути своей является зоной самодемонстрации – зоной жилья, в которой отображается наиболее социализированная часть личности жильца, его маска?

Представления о том, как именно должен выглядеть (презентовать) полноценный член общества, разумеется, зависит от особенностей этого общества. В римском обществе времен Клавдия и Нерона представитель аристократической фамилии был обязан жить в чрезмерной, неестественной (или даже проивоестественной) роскоши. Ссылаясь на

авторитет Эпикура, Сенека пишет: «Если в жизни ты сообразишься с природой, то никогда не будешь беден, а если с людским мнением, то никогда не будешь богат.

Природа желает малого, людское мнение – бесконечно многого. Пусть ты накопишь столько же, сколько множество богачей, пусть фортуна увеличит твою казну свыше меры, отпущенной частному человеку, пусть она осыплет тебя золотом, оденет в пурпур, даст столько наслаждений и богатств, что ты покроешь землю мрамором и сможешь не только владеть своим добром, но и топтать его ногами. Пусть будут у тебя вдобавок и картины, и статуи, и все, что только создало искусство в угоду роскоши, излишества лишь научат тебя желать еще большего».⁶

Впрочем, перечисленные излишества далеко не каждому богатому римлянину были в радость. Достаточному количеству людей, которые не только могли, но и обязаны были по общественному долгу жить в роскоши, эта роскошь была тягостна. Отсюда любопытная практика «бедных каморок», которые упоми-

нает Сенека в шестнадцатом письме к Луцилию. Имеются в виду специальные комнаты, куда богатый римлянин мог удалиться, переодеться в грубую бедную одежду и прожить несколько дней, питаясь мучной похлебкой и ячменным хлебом. Считалось, что подобные ритуалы примиряют человека с богиней справедливости Немезидой.

Образ интерьера, который обязан выглядеть богато и роскошно, вернулся в эпоху Возрождения. Экономические успехи итальянских городов Флоренции, Рима, Венеции, Генуи создали заметный слой людей богатых и очень богатых, а специфическая ситуация в политике и торговле породила потребность в демонстративной роскоши. Когда же эти тенденции столкнулись с мощной личностью глубоко порядочного и совестливого художника, появились на свет шедевры дизайнерского искусства.

Микеланджело Буонарроти начал проектировать интерьер публичной библиотеки имени св. Лауренциана в 1524 году, одновременно с работой над сакристией Сан-Лоренцо и гробницей семейства флорентийских

герцогов Медичи. Еще неоконченный интерьер вызвал восторги современников. Джорджо Вазари писал: «Но затем он придумал и нечто лучшее и пожелал показать это там же, в библиотеке Сан-Лоренцо, в прекрасном членении окон, в разбивке потолка и в дивном входе в это помещение. Никогда еще не видано было изящества более смелого как в целом, так и в частях, как в консолях, в нишах и в карнизах; не видано было и лестницы более удобной, с ее столь причудливыми изломами ступенек, и все это настолько отличалось от общепринятого другими, что поражало каждого...»⁷

Работа неоднократно прерывалась: Микеланджело требовал к себе римский папа Климент, затем соглашался отпустить художника обратно во Флоренцию. В 1534 году Климент умер, и работы совсем остановились. Закончилось строительство библиотеки только через двадцать лет, в 1555 году. Уже состарившийся Микеланджело так писал о лестнице библиотеки: «...будто бы взял я несколько овальных ящиков с днищем в одну пальму каждый, но разной длины и ширины, и

Альма-Тадема, сэр Лоуренс. Римский любитель искусств. Так академический художник, большой знаток античных древностей, представлял дом богатого римлянина. Все излишества, а которых пишет Сенека, налицо

5. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию, письмо IV. М.: Наука, 1977.
6. Письма к Луцилию. Письмо XVI.
7. Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Феникс, 1998.

Мощным потоком лестница изливается навстречу входящему. Сложный ритм и разнообразие пространственных приемов при скупом наборе выразительных средств – так возникает ощущение «сдержанной роскоши»

8. Микеланджело. Поэзия, Письма. Суждения современников / сост. В.Н. Гращенков. М.: Искусство, 1983.

Усадьба Солмсбери-холл. Построенное в XVI веке, здание остается жилым и даже уютным. Фахверковая технология позволяет использовать разнообразные объемно-пространственные решения, а аскетичная черно-белая гамма облагораживает впечатление и создает ощущение сдержанного достоинства

самый большой и первый я будто поместил на полу на расстоянии от стены с дверью, зависящим от того, какой вы пожелаете сделать лестницу: отлогой или крутой. На первый ящик я положил бы второй, настолько во всех направлениях меньше первого, чтобы он над ним выступал не более того, сколько требуется для подъема ноги, так, чтобы в направлении

двери ящики по отношению друг к другу уменьшались и отступали опять-таки ради подъема и чтобы верхняя, самая маленькая, ступень равнялась проему двери. А к описанной овальной части лестницы должны примыкать как бы два крыла с той и с другой стороны, со столбиками же ступенями, но не овальными. Средняя из этих лестниц предназначена для государя – от середины

Усадьба Пархем-хаус. Длинная галерея с цилиндрическим сводом, типичная для ренессансных дворцов Италии. Хотя богатейшая Британия нередко приглашала итальянских мастеров, но те чаще исполняли роль декораторов и художников, но не архитекторов и не строителей

до верха названной лестницы, а повороты названных крыльев должны возвращаться к стене, от середины же вниз до самого пола они должны, как и вся лестница, отстоять от стены приблизительно на три пальмы так, чтобы нижняя часть помещения не была занята ничем и оставалась свободной со всех сторон. Я описываю смешные вещи, но отлично знаю, что вы кое-что полезное в них найдете».⁸

Работа над библиотекой Лауренциана, впрочем, осталась несколько в стороне от основного потока развития европейской культуры – направления от Ренессанса, через маньеризм, к открытиям барокко. Идеология «долженствующей роскоши»

в каком-то смысле прямо противоположна барочной – вместо требования видного, демонстративного богатства здесь главенствует тезис неочевидного, сдержанного избытка.

Движение Ренессанса на север Европы, в Британию, вызвало к жизни стиль, переключившийся с «линей Лауренциана», – стиль тюдор. Ранний тюдоровский стиль (конец XV века) еще слабо связан с открытиями Возрождения и тяготеет скорее к готике. Но причины, вызвавшие его появление, – ускоряющееся развитие экономики, появление и рост среднего класса – те же. Появляется класс людей, расположенных по социальному статусу ниже

аристократии (живущей во дворцах), но по имущественному положению достаточно преуспевающих. Эти люди – торговцы, ремесленники, чиновники – стали в массовом порядке строить небольшие дома, в основном двухэтажные, на основе фахверковой технологии. Дубовые балки удобны в обработке – ведь свежесрубленный дуб мягкий и влажный, а по мере высыхания древесина становится все тверже и в конце концов приобретает почти каменную долговечность. Но растет дуб медленно и стоит дорого. Отсюда и вырастает домостроительная технология, по которой дом состоит из сложного пространственного деревянного каркаса, а стены заполнены весьма разнообразным материалом, от кирпича до ивовой плетенки.

Стоечно-балочная каркасная технология тюдоровского стиля оказалась достаточно гибкой, чтобы возводить разнообразные коттеджи, городские дома и усадьбы, в том числе богатые, с обширными галереями и залами.

Поздний тюдоровский стиль связывают с именем королевы Елизаветы I. Необычайная, романтическая личность «королевы-девственницы», последней в династии Тюдоров, сменившей на престоле свою сестру «кровавую Мэри» (королеву Англии в 1553–1558 годах, не путать с популярным коктейлем) и процарствовавшей с 1558 по 1603 год. Елизаветинский век многие считают веком высочайшего развития английской культуры, веком Шекспира, Марло и Бэкона, веком разгрома испанцев на морях и основания Ост-Индской компании. Среди женихов Елизаветы Тюдор побывали такие разнообразные фигуры, как вдовец ее сестры Филипп II Испанский, габсбургские эрцгерцоги, шведский кронпринц и даже царь всяя Руси Иоанн IV Грозный (англичане называют его Ivan the Terrible, Иван Ужасный), но все они были отвергнуты.

Растущее богатство тюдоровской Англии не выставлялось напоказ.

Пуританский нрав королевы диктовал всей стране сдержанный стиль, в котором роскошь прикидывалась необходимостью.

Сырой и промозглый (особенно зимой) климат обусловил необходимость обшивать стены каким-либо теплоизолирующим материалом. В континентальной Европе стены обтягивали тканью, завешивали гобеленами и коврами. В Англии с той же целью использовали деревянные панели, украшенные сложной резьбой. Развилась знаменитая английская школа резьбы «по твердому (то есть, уже просушенному и затвердевшему) дубу». Прихотливая резьба по темному дереву со сложной собственной текстурой и глубоким чернобурым цветом действительно выглядит богато, роскошно. Однако эта роскошь о себе не кричит, чтобы ее оценить или хотя бы заметить, – в нее надо вглядываться.

Иногда аналогичную роль предмета роскоши, замаскированного под предмет первой необходимости, играли

декоративные детали: охотничьи трофеи, оружие или солонки. Соль в Англии была вся привозная, стоила дорого, и это служило оправданием для изготовления солонок из драгоценных камней и металлов.

Противостояние между богатством (вернее, стремлением его продемонстрировать) и стремлением к порядку (соблюдению долга, чести и совести) наполняет энергией не только тюдоровский стиль. После недолгой моды на легкий, изящный стиль королевы Анны (1702–1714) английский дизайн вступил в период своего наиболее знаменитого и широко распространенного стиля – георгианского.

Здесь следует внимательно разобраться с тонкостями искусствоведческой терминологии. Вечное соперничество Англии и Франции выразилось, в частности, в названиях и датировках стилей, которые позже приобрели значение международных «больших» стилей.

Очередная попытка возрождения античных традиций (вернее сказать, очередного комплекса представлений об античности) связана с именем Андреа Палладио. Великий архитектор был убежден, что именно ему удалось возродить основы греко-римской идеологии проектирования и строительства. Основу и стержень этой идеологии составил расчет, разум, симметрия и выверенная пропорция. Любое отступление от математической гармонии объявлялось ошибкой.

Резная дубовая стенная панель. Такими панелями стены покрывались для защиты от холода и сырости. Попутно панели играли роль чисто декоративную, придавая интерьеру солидный имидж сдержанного богатства

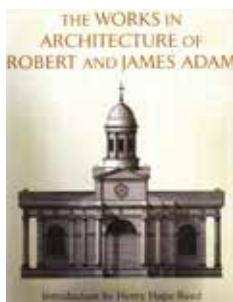
Интерьер гостиной в особняке Хатфилд Хаус. Резные панели покрывают боковые стены на два метра от пола, а торцовую стену – почти до самого потолка. Их рисунок рифмуется с потолочной лепниной и витражами огромных окон

Солонки поздней тюдоровской (елизаветинской) эпохи. Такая солонка ставилась посередине стола или напротив самого уважаемого гостя

Джеймс и Роберт Адам.
План особняка Лутон-Ху,
Бедфордшир, 1767 г.
1 коридор
2 спальня графа Бьюта
3 главная лестница
4 дополнительная лестница
5 туалетная
6 ватер-клозет

- 9. Пайл Дж. Дизайн интерьеров : 6000 лет истории. М. : АСТ Астрель. 2006.
- 10. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию, письмо XVIII. М.: Наука, 1977
- 11. Там же, письмо XII

Руководство по архитектурному проектированию «Архитектурные работы Роберта и Джеймса Адам» впервые издано в Лондоне в 1773-1778 гг. С тех пор этот труд регулярно переиздается и служит практическим пособием по проектированию интерьера. Обложка издания книги братьев Адам 1975 года (издательство «Академия», Лондон).

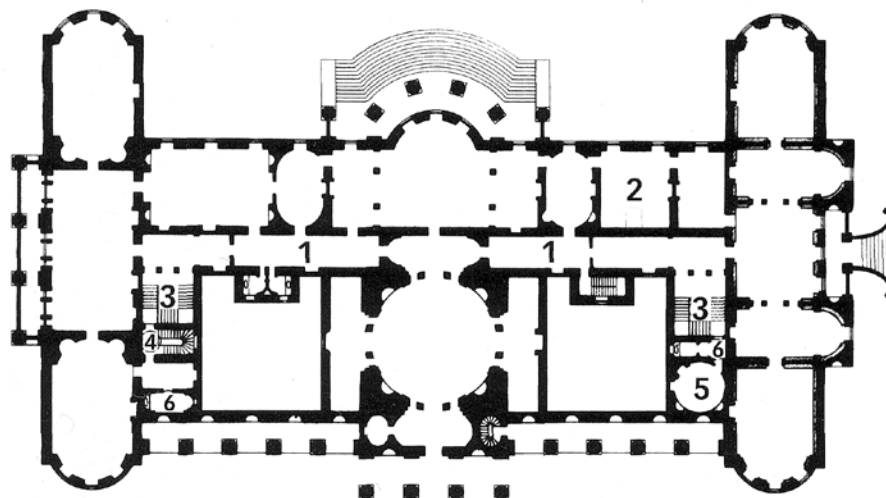
Современный интерьер в георгианском стиле братьев Адам. Принципы перетекающего пространства и минималистическое обилие пустого пространства неплохо сочетаются с традиционной продуманностью функционального зонирования и даже с дубовыми панелями

Трудно представить себе, что мог бы изобрести Палладио, получи он, как мечтал, доступ к градостроительным ансамблям Венеции. Возможно, в этом случае беспощадная логика его системы ярче проявила бы свои недостатки и не получила бы столь широкого распространения. А так, строя в крошечной Виченце и в просторных полях вокруг нее, Палладио создал исключительно долговечный и притягательный стиль.

В следующем, XVII, веке французский король-солнце Луи XIV построил на зависть всей Европе дворец Версаль, в котором принципы палладианства выросли в законченный стиль. Во Франции он получил название неоклассицизм (французское слово от латинского classicus – образцовый). Позже, когда стиль Луи Каторз действительно стал образцом и эталоном, в России и Германии он стал называться классицизмом.

Путаница в терминологии возникла не случайно, а почти намеренно: в конце XIX века реакция на вольности модерна привела к реабилитации принципов XVIII столетия, к очередной попытке вернуться к античным первоисточникам. Архитекторы снова стали использовать палладианские принципы, на фасадах снова появились классические ордера, и это течение получило название историзма (во Франции) или неоклассицизма (везде, кроме Франции, где этот термин оказался уже «занят»).

Эстетическая программа георгианского стиля не сов-

падает ни с классицизмом (неоклассицизмом), ни с историзмом (опять же неоклассицизмом). Очередной ренессанс рассудочного начала, который так ярко выразил Иниго Джонс, все-таки оказался слишком похож на итальянские прототипы и образцы. Английская аристократия и средний класс, привыкшие свысока относиться к «материковой культуре», предпочли опираться на собственные традиции с элементами готики и римской архитектуры не столичного, а провинциального типа. Античность предлагалось изучать не в итальянских руинах, а в остатках римских поселений на юге Англии времен Адриана, Клавдия и Нерона.

Поздний, зрелый георгианский стиль связан с именами братьев Адам – Роберта и Джеймса. Их авторский стиль приобрел огромную популярность сначала в Англии, а затем в Америке, в том числе бла-

годаря дистанцированию от французских образцов.

Шотландская бережливость и здравый смысл братьев Адам особенно заметны в планах их построек. В отличие от палладианского подхода, братья придавали большое значение практическим аспектам построек и удобству планировки. Вот, скажем, особняк Лутон-Ху в графстве Бедфордшир. В середине здания расположен коридор, соединяющий комнаты. К столовой примыкает буфетная, где можно перекусить «на ходу», на кухню ведет лестница вниз. В спальню графа можно попасть только из соседних комнат, например из библиотеки, где граф может взять книгу, чтобы почитать перед сном. В противоположных концах коридора расположены служебные лестницы и уборные. Снаружи портик составляет основной элемент фасада, а по бокам от него расположены световые

колонды, снабжающие светом и воздухом помещения подвального этажа.⁹

Сенека писал: «Только тот достоин бога, кто презрел богатства. Я не запрещаю тебе владеть ими, но хочу сделать так, чтобы ты владел ими без страха, а этого ты не достигнешь иначе, как убедившись, что можно счастливо жить и без них, и привыкнув смотреть на них как на нечто преходящее».¹⁰

Но он же писал так: «Жить в нужде плохо, но только нет нужды жить в нужде».¹¹

Эстетический принцип сдержанного богатства, подконтрольной разуму роскоши возвращается снова и снова, – а вернее сказать, никуда и не уходит. Особенно в интерьерах гостиных, где общественный долг подсказывает образ спокойного, уверенного в себе богатства.

Константин Лидин,
Марк Меерович

Нижнее Приангарье: базовые моменты пространственного развития

Нижнее Приангарье – это единственный за последние 30 лет проект создания в России нового территориально-промышленного района.

Губернатор Красноярского края А. Хлопонин

Настоящей статьёй Институт урбанистики начинает публикацию по градостроительному развитию территорий Красноярского края – одного из крупнейших (второе место по площади после Республики Саха – Якутия) и наиболее сложных регионов РФ в плане территориального обустройства. Первая статья посвящена стратегическим направлениям территориального планирования одной из важнейших зон опережающего развития края и Сибири в целом – Нижнего Приангарья.

Нижнее Приангарье – это часть северной территории Красноярского края, расположенная в нижнем течении Ангары, при впадении ее в Енисей, в состав которой входят 5 муниципальных районов с общей численностью населения около 240 тыс. человек. В пределах обширного региона сосредоточены уникальные природные ресурсы, определяющие направления экономического и территориального развития:

- гидроэнергетические ресурсы рек Ангары и Енисея, составляющие 7% общероссийских;

- возобновляемые лесосырьевые ресурсы федерального масштаба;

- углеводородные ресурсы федерального значения;

- минерально-сырьевые ресурсы твердых полезных ископаемых: золото, руды, черных и цветных металлов, месторождения редкоземельных металлов, марганцевые руды и др.;

- высокая обеспеченность водными ресурсами для развития крупных водоемких производств.

Территория Нижнего Приангарья, как и в целом Красноярского края, отличается сложным сочетанием ресурсов и ограничений развития:

- огромные размеры (по площади это две Англии) – что, безусловно, осложняет процессы управления территорий, но, вместе с тем, позво-

ляет реализовать в территориальном плане масштабное промышленное строительство;

- коммуникационная разобщенность – в настоящее время характер освоения носит сугубо очаговый характер, населенные пункты, промышленные зоны территориально и инфраструктурно разобщены;

- в современной структуре земель Нижнего Приангарья 97% площади занимают земли лесного фонда, на земли населенных пунктов, промышленности, транспорта приходится менее 1% территорий;

- сложные инженерно-геологические условия, определяющие ограниченный выбор площадок для инвесторов и строительства жилой, социальной инфраструктуры;

- планировочные ограничения по климатическим и экологическим факторам, требующие обязательного приоритетного учета при размещении жилых образований и промышленных объектов.

На современном этапе интеграции России в глобальную экономику Программа развития Нижнего Приангарья – это крупномасштабный государственно-частный проект по формированию нового полифункционально-промышленного района. Фактически создание последних крупных ТПК в нашей стране было завершено в 80-е годы прошлого века – в последующие годы достраивались и строились только отдельные стратегически важные для экономики страны и регионов объекты (Бурейская ГЭС, морские порты, автомобильные заводы в западных, густонаселенных районах России на основе трансфера технологий, нефте- и газоперерабатывающие комплексы). Нижнее Приангарье завершает создание крупнейшего в Сибири промышленного пояса индустриализации в бассейне Ангары и Енисея (также в составе Иркутских ТПК – Братско-Усть-Илимского, Ангарско-Черемховского).

Справедливо будет отметить, что решения по пространственной организации территории в схеме территориального планирования являются логическим продолжением адаптированных к современным экономическим

и институциональным условиям исторически сложившихся, как в дореволюционной России (С. Витте¹, В.И. Вернадский²), так и методических подходов советской школы создания крупных территориально-промышленных комплексов (Институт экономики и организации промышленности СО РАН, СОПС, академик А. Г. Гранберг, д. э. н. М. К. Бадман), разработок исследователей, проектировщиков – всех тех, кто в течение нескольких десятилетий занимался изучением территории Нижнего Приангарья, его природных ресурсов и условий освоения, создавал модели, экономическую структуру нового ТПК. Проект интегрирует результаты многочисленных исследований и конкретных практических предложений научных и проектных институтов и организаций.

Безусловно, в первую очередь перед проектировщиками ставилась задача создания проекта в соответствии с требованиями технического задания, положениями Градостроительного кодекса и действующих нормативных документов. Вместе с тем неординарность задач и масштабы территории потребовали многокомпонентного, неформального подхода к разработке проекта.

Основная цель проекта схемы территориального планирования Нижнего Приангарья – обеспечение градостроительного развития промышленного района на принципах комплексного, устойчивого развития территории, в соответствии со стратегией развития России до 2020 года.

В соответствии с положениями Градостроительного кодекса, в схеме решаются стратегические задачи развития территорий Нижнего Приангарья с учетом программных решений федеральных, краевых программных документов социально-экономического развития, ведомственных программ, программ социально-экономического развития муниципальных образований, а также планов развития бизнес-структур. Впервые освоение территории такого масштаба началось на новой институциональной

основе – в формате частно-государственного партнерства.

Экономическое ядро схемы составляют системно увязанные крупные инвестиционные проекты, федеральные решения по строительству транспортной и энергосетевой инфраструктуры, формирующие основу развития промышленного комплекса.

На территории Нижнего Приангарья формируются точки роста – центры развития национального и транснационального уровней:

- новые энергоресурсные центры федерального уровня на основе гидроресурсов р. Ангары – Богучанская ГЭС, Мотыгинская ГЭС;

- федеральные ресурсные центры нефте-, газодобычи на базе освоения месторождений углеводородного сырья Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса;

- центры газопереработки и газохимии;

- крупнейший федеральный центр золотодобычи в Северо-Енисейском и Мотыгинском районах;

- инновационный лесной кластер национального уровня в Лесосибирском и Богучанском районах;

- комплекс современных металлургических предприятий и комплексирующих производств, обеспечивающих диверсификацию экономики региона – Богучанский алюминиевый завод, Горевский ГОК, Тагарский ГОК и другие крупнейшие проекты.

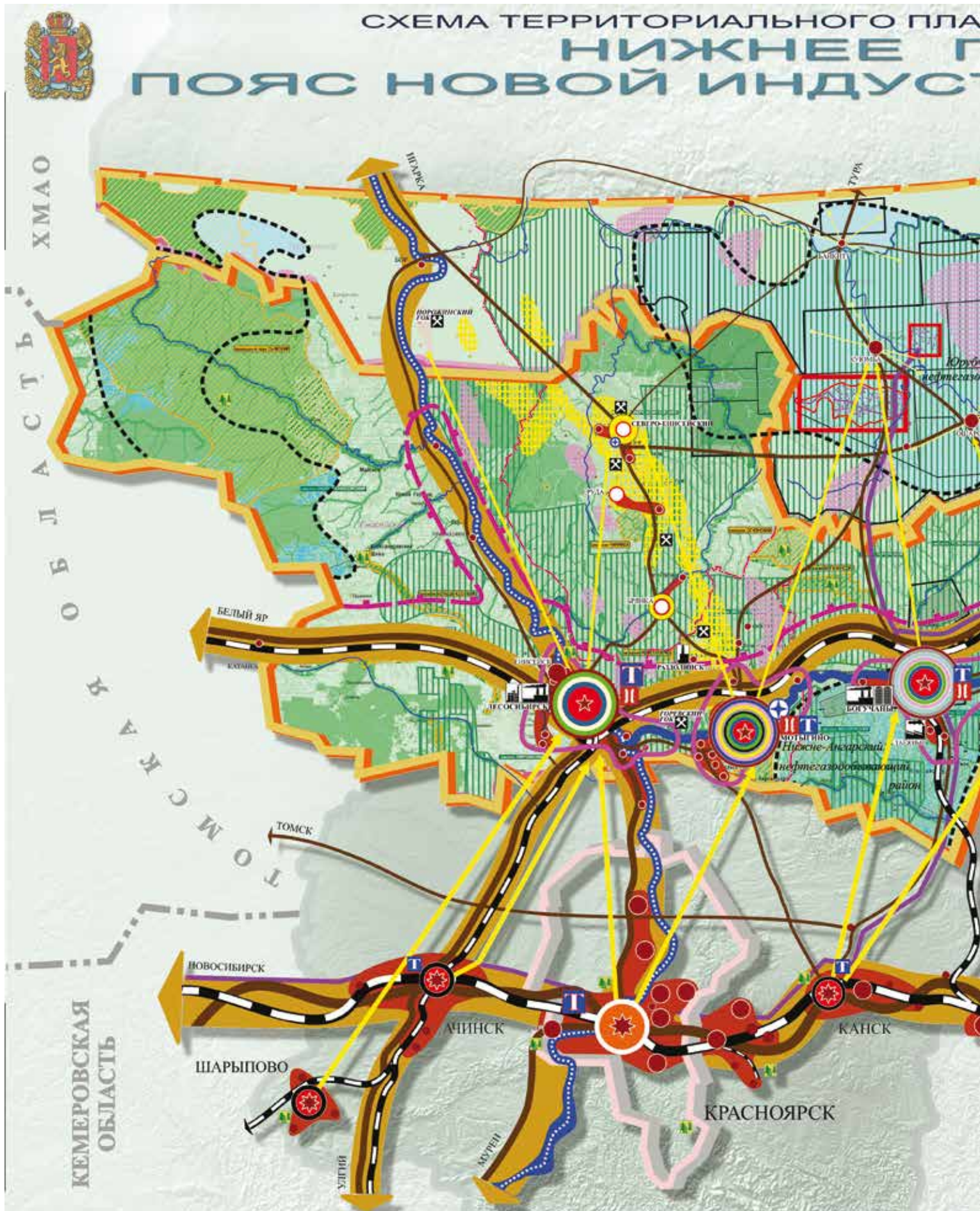
Проектом разработаны основные направления градостроительного развития промышленного района:

- формирование оптимальной для жизнедеятельности системы расселения, комплексное развитие поселений, городских округов;

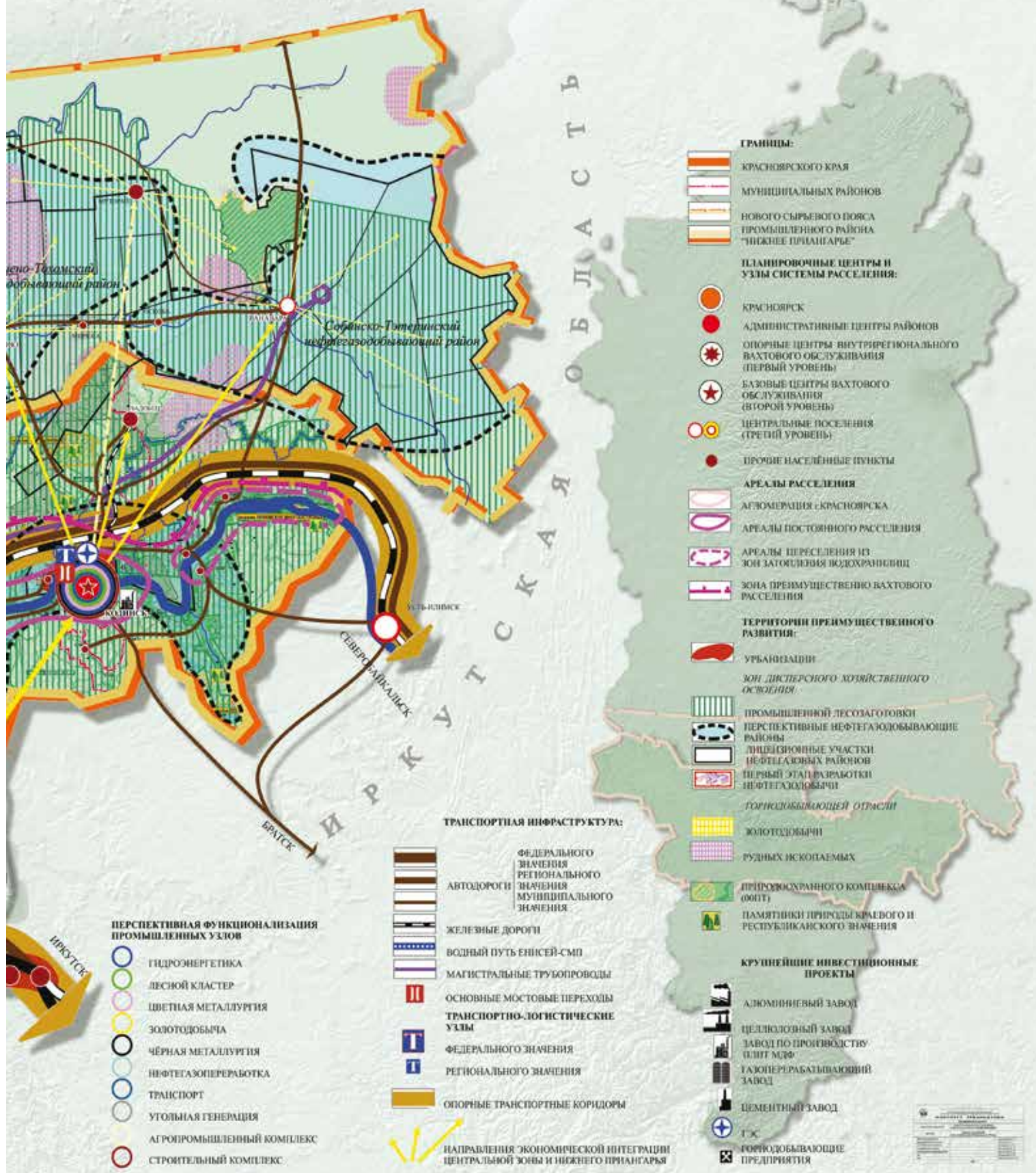
- перспективное функциональное зонирование территорий – размещение зон и точек роста – промышленных узлов, зон добычи полезных ископаемых, промышленной лесозаготовки;

- формирование транспортного каркаса – системы взаимосвязанных автомобильных и железных дорог, мостов через крупнейшие сибирские реки Енисей и Ангару, обеспечивающих внутренние и внешние коммуникационные связи районов Приангарья;

1. Витте С.Ю. Всеподданнейший доклад управляющего министерством финансов о способах сооружения великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела. 6 ноября 1892 г. // Собр. соч. и докум. материалов. Т.1. Кн. 2. Ч.1. С.159-83.
2. Кольцов А.В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914 - 1918 // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 128-139.

ПЛАНИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА ТРИАНГАРЬЕ- ТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

– опережающее развитие энергетики, включающее новые генерации и электросетевые объекты федерального и регионального уровня;

– развитие системы транспортировки нефти и газа.

В пределах промышленного района выделены следующие основные типы функциональных зон:

– интенсивного хозяйственного и градостроительного освоения с максимальным допустимым преобразованием окружающей природной среды – зоны концентрации производственных объектов, транспортных, инженерно-инфраструктурных сооружений, зоны формирования городского расселения;

– экстенсивного градостроительного освоения и локального преобразования окружающей природной среды – зоны расселения сельского типа, районы промышленной лесозаготовки, зоны освоения месторождений полезных ископаемых;

– ограниченного градостроительного и хозяйственного освоения и максимального сохранения природной среды – зоны рекреационного назначения, зоны преимущественного размещения

природоохранных комплексов – природные заказники, защитные лесные зоны, водоохранные зоны рек.

На основании современных экологических требований и комплексного анализа территории приняты важнейшие принципы экологически устойчивого развития территорий:

– приоритетный учет низкого природно-экологического потенциала региона;

– дисперсное территориальное размещение экологически вредных производств с целью распределения антропогенных нагрузок на территорию;

– выделение природно-экологического каркаса территории – системы особо охраняемых природных территорий (ООПТ), зеленых зон городов;

– соблюдение системы действующих планировочных ограничений – зон с особыми условиями использования территорий (санитарно-защитные зоны предприятий, охранные коридоры инженерных и транспортных коммуникаций, зоны санитарной охраны источников водоснабжения и пр.).

В основу проектных решений заложена одна из важнейших задач – интеграция

Нижнего Приангарья в экономическое пространство края:

– формирующиеся новые транспортные меридиональные и широтные коридоры обеспечивают современную транспортную логистику и устойчивую связь территории нового освоения с центральными районами края;

– исторически сложившийся каркас расселения вдоль Транссиба, включая опорные центры – Красноярск, Канск, Ачинск, Шарыпово – обеспечивает вовлечение имеющихся в регионе трудовых ресурсов в развитие Приангарья.

Реализация проектных решений схемы территориального планирования Нижнего Приангарья существенно зависит от принятия приоритета ценности человеческого фактора. В условиях нарастающего дефицита трудовых ресурсов, на фоне общей депопуляции, как в крае, так и в России, острой конкуренции за трудовые ресурсы между Европейским центром с более благоприятными условиями проживания и регионами Сибири и Дальнего Востока, основная ставка должна быть сделана на рациональное использование собственных внутрикраевых трудовых ресурсов. Концепция

градостроительного развития Нижнего Приангарья предусматривает развитие системы расселения с учетом:

– потребности реализуемых на территории Нижнего Приангарья инфраструктурных и промышленных проектов,

– опорной системы расселения центральной и южной зоны края,

– процессов переселения из северной зоны,

– специфики климатических, экологических и медико-санитарных условий территории.

Предлагаемые проектом решения по формированию современных институтов территориального развития, инфраструктурному строительству, развитию системы расселения, созданию благоприятных условий жизнедеятельности в целом создадут основу для долгосрочного инновационного развития региона и направлены на обеспечение привлекательности территории для инвесторов.

Джамия Шалахина

Виктор Безгочев

Графические материалы

статьи подготовлены

архитекторами РосНИПИ

урбанистики Г. А. Вороновой и С. С. Гохберг.

Когда «местное самоуправление» становится уместным

Среди проблем местного самоуправления, которые у нас так активно и широко обсуждаются на протяжении последнего пятнадцатилетия, как-то в стороне остаётся выяснение условий, при которых местное самоуправление вообще оказывается реальной достижимой целью. Ведь при нашей отечественной истории демократических установлений «сверху вниз», от государства к городам, в отличие от европейской истории «снизу вверх» – от городов к государствам, трудно не задаться вопросом о том, что должно произойти в нашем Отечестве, чтобы его граждане по достоинству, наконец, оценили значение и роль городов, своего городского окружения. Чтобы они, наконец, задумались над тем, что существуют не только «национальные» цели и интересы общества, но и цели, интересы «локальные», цели городов, где они живут.

В этой связи нельзя не вспомнить, что почти двадцать лет назад автор настоящей статьи специально подчеркивал, что «каждый город в силу своих социальных, исторических, экономических, демографических, природных, градостроительных и других условий развития, связей с другими городами кроме общих для всей страны, всего общества целей и интересов, имеет и свои, специфические, цели и интересы. Эти две группы целей постоянно взаимодействуют, и это взаимодействие полно противоречий».¹

Однако исследования городских целей и интересов, их взаимодействия с общенациональными целями у нас до сих пор практически никак не обозначены, о них даже не говорят. Более того, вся активность отечественных борцов за развитие местного самоуправления направлена, в основном, на завоевание своего места в

политической жизни страны и выяснение отношений с губернскими, региональными властями. Сам же процесс выявления местных, городских целей и интересов ещё ждёт своего времени.

Ведь эти цели и интересы должны быть осознаны, выношены самими городскими сообществами, они не могут быть просто навязаны, внесены центральной властью. Но при всем обилии комментариев и программ в СМИ, посвященных проблемам местного самоуправления, отношениям мэров и губернаторов, в них нет опоры на анализ представительных натуральных исследований, обследований населения. Да и теоретической концепции происходящих в этой сфере процессов, их связей с процессом урбанизации общества пока не видно. Повторяю, речь идет о теоретическом анализе реальной ситуации, а не о желательных моделях, которых в избытке.

Зондаж общественного мнения, проведенный для газеты «Либерасьон» в преддверии муниципальных выборов во Франции 2008 года показал, что 79% избирателей, голосуя за кандидатов, предпочитали руководствоваться прежде всего целями и интересами своего города, и только 20% – общенациональными целями.² Как мы видим, французские избиратели осознают существование этих двух групп целей и интересов, и вполне решительно в данном случае отдают приоритет именно первой группе целей. Более того, в газетных комментариях говорилось о том, что зондаж показал нежелание французского общества превратить муниципальные выборы в «национальный тест» левых и правых.

Очевидно, что где-то за границами рассмотрения остается проблема соотношения «центрального», «общенационального» – с одной стороны,

1. Коган Л. Город и политика // Архитектура и строительство России. 1989. № 1. С. 8.

2. «Liberation», Lundy, 14 Janvier, 2008, p. 3.

и «локального», «местного» – с другой. И трудно пред- ставить, что это «центрально-», «общенациональное» может одновременно быть и «локальным», «местным». Более того, от уровня, качества этого «местного общенационального» зависит и качество «центрального общенационального» в целом.

В европейском сознании городские цели, интересы городов пробивали себе дорогу ещё в средневековье, и сегодня естественность их существования уже никому не надо доказывать. В этом отношении, достаточно сложно нашему отечественному сознанию согласиться, пускай даже мысленно, с тем, что не государственное устройство, не степень просвещенности народа и власти, не богатство страны были ведущим фактором. Как отмечает известный французский исследователь средневековья, именно европейский город был мерилем исторического прогресса во всей Европе.³ Эту врожденную, генетическую историчность изначально позитивного отношения к понятию «город» нашему разрыхленному последним пятнадцатилетием сознанию совсем не просто воспринять и усвоить.

Ссылаясь на исследования французских историков, в специальном разделе «Определение города и горожанина средневековой Европы», автор уже цитированной монографии подчеркивает, что «в противоположность традиционному времени, которое обрамляется и отсчитывается регулярным перезвоном церковных колоколов, это широкое городское общество

отвоевывает право на свое собственное, общественное время, отмеченное уже не церковными, а мирскими колоколами, которые через неравные промежутки времени призывают к мятежу, к оброне, к взаимопомощи».⁴

Эта врожденность осознания города как цивилизационного «позитива» органически в течение европейской истории входила и в большую партийную политику.

Поэтому, при всей жесткости коммунистической идеологии, установки Коминтерна в 1930-е годы включали и коммунальную политику. В феврале 1930 года расширенный Президиум исполкома Коминтерна рекомендовал активизировать работу в местном самоуправлении.⁵ В 1950–70-е годы, при всех сложностях политической ситуации, большая цивилизационная продвину- тость западно-европейских компартий естественным образом требовала выдвигания городских проблем, и прежде всего проблем местного самоуправления в качестве приоритетных.

В нашей истории в начале XX века была ситуация, которая описывалась формулой «верхи не могут, а низы не хотят». Сегодня другое время, «верхи» и «низы» выглядят по-другому, есть и промежуточные слои. Но осознания ситуации, сложившейся с городами, нет. Как мне уже приходилось писать в этом журнале, отставание в процессе осознания важности урбанистического знания, «граничащее практически с обскурантизмом, грозит обернуться... серьезными долго-

временными политическими последствиями в городах и обществе в целом».⁶

Понятно, что соотношение «общенациональных» целей и интересов с «локальными» – городскими целями и интересами – в стране с такой территорией и таким населением, находящимся на разных ступенях цивилизационного развития, проблема чрезвычайно сложная.

В этом плане уместность местного самоуправления определяется органикой совместимости исторического общеевропейского городского сознания и необходимости укрепления его «центрально-» как ведущего начала в процессе урбанизации, освобождения пространства для развития срединных структур и элементов.

Я убежден, и эта убежденность основана на конкретном материале исследований крупнейших городов в 1970-90-х годах и «включенном наблюдении» за практикой разработки и принятия градостроительных решений и их реализацией, в частности в Москве, что за последние пятнадцать лет резко ослаблен интерес к аналитической стороне развития городов и градостроительства как таковых. В действительности игнорируются закономерности процесса урбанизации, интеграционное значение крупнейших городов и агломераций, их «центральных структур» как таковых. И происходит это при явно выраженном давлении периферийных, негородских структур непосредственно на крупнейшие исторически сложившиеся городские центры. В этих условиях происходит

выдавливание естественной историчности среды центральных районов, их атмосферы.

Речь идет о размывании «центрально-» в городских процессах не только у нас, но и в Европе в целом. Процесс урбанизации в мире оказался как бы отодвинутым на второй план политическими, экономическими и другими проблемами. В этом плане вполне логичной стала замена целостного городского цивилизационного подхода к проблемам государства подходом «местническим», «территориально-региональным», «утилитарно-коммерческим», «этно-территориальным». Вплоть до всплывшей на поверхность формулы «каждому этносу – свое государство».

Хорошо известно начало «Коммунистического манифеста»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Я думаю, что сейчас есть все основания, перефразируя это, сказать: «Призрак бродит по Европе – провинциализма!» Поэтому на современном этапе особенно важно укрепление «центрально-» городского сознания граждан, апелляция к городской цивилизованности. Наше профессиональное знание может и должно охватывать самые различные уровни городских сообществ – от кварталов жилых домов до городских районов, городов, агломераций и регионов. Но любое городское знание должно опираться и работать на городское сознание, общенациональное, являющееся оплотом интернациональной городской цивилизации.

Леонид Коган

3. Гофр Жак Ле. Рождение Европы. – СПб., 2007. – С. 170.
4. Там же, с. 171.
5. Ефимова А. Л. Французские коммунисты в муниципалитетах. – М.: Мысль, 1975. – С. 46.
6. Коган Л. Урбанизация, глобализация и городская политика // Городское управление. – 2007. – № 12. – С. 11.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ Тезисы выступления на круглом столе «Эффективное местное самоуправление – опора гражданского общества» Иркутск, 6 июня 2008 года

Это сообщение, состоящее из трех частей, будет строиться вокруг хорошо известного противопоставления «текущее функционирование – перспективное развитие». Общим местом давно стало

утверждение, что существующие институты управления не приспособлены к постановке задач развития, не говоря уже об их решении. Более того, сами задачи развития в минувшие годы на

долгое время ушли с общественного небосвода, уступив место задачам выживания. Свою роль сыграло и ученическое освоение механизмов выборной демократии: горизонт постановки задач

оказался ограничен в лучшем случае четырехлетним электоральным сроком.

Сейчас тема развития начинает возвращаться в государственную риторику. Но продолжает оставаться

актуальным вопросом о субъекте, способном формулировать и удерживать задачи развития. Особенно на местном уровне. Наш саровский опыт показывает, что определенные возможности здесь может дать формирование общественной экспертной позиции, происходящее на основе аналитической и проектной работы в клубном формате. То есть таком, где все участники работы задействованы не как должностные единицы, но как сугубо частные лица, сохраняющие, однако, в полном объеме весь набор своих компетенций.

С чего все началось? С начала 90-х годов общественность Сарова пыталась вернуть первый в мире храм, освещенный в 1903 году во имя преподобного Серафима Саровского. На собственном опыте мы убедились, что все попытки сделать это в лоб не дают результата. И семь лет назад было принято решение сменить масштаб, выйти за привычные рамки и проектировать событие всероссийского и международного уровня. В мае 2001 года состоялся первый общественный проектный семинар «Восстановление Саровской пустыни: взаимодействие Церкви, государства и общества». Затем проектно-аналитическая работа в этом направлении стала постоянной.

Разработанная на основе широкого общественного обсуждения концепция праздника была хорошо воспринята властями предрежущими, как церковными, так и светскими. В результате праздник прошел, храм был возвращен. Но одновременно начавшееся по этому конкретному поводу проектное движение принесло, по меньшей мере, еще два значимых результата.

Результат первый. Проведение праздника привело к тому, что наш город сильно продвинулся на пути от монофункционального ведомственного объекта (а это та скорлупа, в которой по сию пору существует чуть ли не большинство городов России) к полноценному городу. Жители Сарова наглядно увидели, что их будущее богато, многовариантно и не связано только лишь с ядерным оружейным центром – при всей его

исключительной важности для России. Я бы сказал, что в 2003 году Сарову была сделана сильнодействующая инъекция стратегического видения, позволяющего ставить и решать задачи развития. Для меня как церковного человека немаловажно, что это было связано с именем преподобного Серафима.

Результат второй. Общественная деятельность по подготовке праздника привела к тому, что в Сарове сформировался неформальный, но достаточно устойчивый субъект, способный вырабатывать представления о развитии, своего рода «клуб развития». В его состав входят сотрудники Ядерного центра, муниципалы, депутаты Городской думы, предприниматели, учителя, журналисты, прихожане, а также представители московского экспертного сообщества.

Дальнейшее движение подобной структуры в сторону выработки стратегических представлений о развитии Сарова в целом было естественным. С весны 2004 года мы провели целый ряд общественных проектных семинаров и исследовательских работ на общую тему «Будущее Сарова». Изначально острая нужда в подобной работе была очевидной. В определенный момент она стала приобретать институциональные очертания. В 2006 году «клуб развития» получил и выполнил муниципальный заказ на работу «Стратегия развития ЗАТО Саров до 2020 года». В марте 2007 года мы вместе с нашими партнерами подготовили и провели общественные экспертные слушания «Стратегии социально-экономического развития закрытых административно-территориальных образований в Российской Федерации», прошедшие под эгидой Общественной палаты России и Федерального агентства по атомной энергии.

Формат данного сообщения не позволяет мне разворачивать здесь предметное содержание нашей работы – оно весьма объемно. Тем, кому это интересно, готов оставить соответствующие материалы. Скажу несколько слов о ее институциональной стороне.

Сам по себе «клуб развития» существует достаточно

устойчиво, обладая сравнительно небольшим ядром и быстро соорганизуемой в зависимости от задач периферией. Надо обратить внимание на мягкие очертания этого образования, его неформальность. Он существует одновременно в нескольких социальных оболочках. Так, в 2005 году «клубу развития» совместным решением муниципального руководства, директора Ядерного центра и ректора Саровского физико-технического института был придан статус постоянно действующего экспертного совета по вопросам перспективного развития города Сарова. С 2007 года постоянной площадкой для клубных встреч стал управленческий лекторий «Современное гуманитарное знание в развитии высоких технологий», созданный в Сарове по гранту Института корпоративного развития группы компаний «Ренова» благодаря замещению председателя нашей Комиссии Олегу Борисовичу Алексееву, к сожалению, здесь отсутствующему.

Работа в клубном формате имеет свои очевидные преимущества. Среди них простота конфигурирования рабочего коллектива под задачу, несвязанность жесткими должностными рамками, возможность организации многостороннего диалога и междисциплинарной работы. Важным преимуществом клубного формата следует считать возможность прямого обращения к ценностям.

Но столь же очевидны и ограничения клубного формата. Здесь перед нами встают достаточно болезненные проблемы. В первую очередь это проблема сосуществования неформального экспертного сообщества и структур текущего управления, как принято говорить, аппарата, будь то муниципального, государственного или корпоративного. С одной стороны, именно на этой острой грани между аппаратом и неформальным экспертным сообществом и появляются новые проектные представления, новое управленческое знание. С другой стороны, канала устойчивой и полной (без потерь) передачи нарабатываемых знаний, проектных представлений и

компетенций от экспертного сообщества к аппарату пока не создано. Не выстроена и устойчивая схема ресурсного обеспечения работы.

Итак, наш опыт говорит о том, что роль общественности в постановке задач развития, в формировании самого стратегического видения весьма велика и в современных условиях ничем не заменяема. Но для того, чтобы эта роль могла в полную меру раскрыться, развернуться и, так сказать, сыграть, нужно существенно продвинуться, по крайней мере, по трем направлениям.

Первое. Сегодня перед нами стоит необходимость институционализации идущей клубной работы, но институционализации, если можно так сказать, вменяемой, то есть гибкой, адекватной предметному содержанию этой работы и ее способу организации. Возможно, следующим шагом в этом движении могло бы стать образование агентств развития, независимых, но создаваемых при поддержке местных самоуправлений и ведущих корпораций, работающих на территории.

Второе. Сегодня перед нами стоит необходимость создания политической рамки этой клубной работы. Возможно, такие политические институты как общественные палаты Российской Федерации и регионов сумеют внести свой вклад в конфигурирование многосторонней политической поддержки муниципального общественного движения по выработке представлений о достойном будущем.

И третье. Сегодня перед нами стоит необходимость втягивать в эту клубную работу политический класс России, в том числе на региональном уровне. Потому что лишь при освоении нашим политическим классом личного искусства работать в содержательном и ценностно определенном пространстве постановки стратегических задач развития можно будет говорить о том, что перспектива восстановления национальной элиты в России реальна. Понятно, что это втягивание в клубную работу политического класса может быть успешным лишь в одном случае – если сама эта

клубная работа будет содержательна в содержательном и человеческом отношении.

Насколько мне известно, все эти задачи в полной мере актуальны и для Иркутска, где есть значительный действительный общественный потенциал, обладающий не только благими намерениями, но и волей, и немалыми компетенциями в различных областях муниципальной жизни.

Второе, о чем я хотел сказать, это вызовы развития, встающие сегодня перед муниципалитетами. У нас на глазах совершается принципиальный поворот от решения задач выживания к решению задач развития – масштабным структурным реформам, образованию современных корпораций. В условиях демографического провала конкуренция за людей между городами все ужесточается. Так что каждый из наших городов (а они до сих пор во многом остаются монофункциональными поселениями при заводах) сегодня стоит перед серьезными вызовами, без ответа на которые этот город не сможет оставить сколько-нибудь конкурентоспособным.

– Это реструктуризация персонала основных предприятий с эффективным трудоустройством высвобождающихся.

– Это привлечение талантливой амбициозной молодежи.

– Это создание институциональных условий для привлечения значительных частных капиталовложений в инновационное предпринимательство.

– И это интенсивное развитие образования на основе партнерства крупного предпринимательства и государства.

Масштаб предстоящих преобразований и их возможных издержек таков, что значение местных самоуправлений с очевидностью выходит на первый план. Из главной штаб-квартиры любой корпорации, – неважно, где она находится: в Москве, Нью-Йорке или Сингапуре, – не разглядишь всего, что происходит «на местах», да часто и задачи такой не стоит.

В этой ситуации муниципалитеты неизбежно должны становиться самостоятельными субъектами стратегирования – практически наравне

с крупнейшими корпорациями, как государственными, так и частными.

Во многих местах этот важнейший процесс становления современного муниципального самосознания уже происходит. О том, что делается в Сарове, я только что рассказывал. Естественно, встает вопрос: а что же дальше? Как монопофильные, так и иные города все разные. Прямое тиражирование стратегических решений здесь невозможно, равно как невозможно спускать их на уровень местного самоуправления «сверху». А на пути становления на местах самостоятельных форм управления развитием стоят существенные препятствия. Назову лишь два из них.

Первое. Сегодня будущее городов, где нет нефти и газа, а таких у нас все-таки большинство, неразрывно связано с развитием инновационного предпринимательства и образования. Речь идет и о промышленных городах тоже. Но эти вопросы не входят в стандартный список полномочий даже городского округа, а уж тем более поселений более низкого ранга. При местном бюджете, обремененном на дефицитность, расходование муниципальных средств на создание инфраструктуры развития и даже на соответствующие аналитические и проектные работы (а без этого невозможно сколько-нибудь серьезное привлечение частных средств) становится уголовно наказуемым деянием.

Необходимо срочное и существенное расширение полномочий местного самоуправления в названных мною направлениях. Либо простые, понятные и доступные схемы делегирования на этот уровень полномочий региональных и федеральных.

И второе, – видимо, более трудное. Необходимо серьезная корректировка Бюджетного и Налогового кодексов с существенным перераспределением налоговых потоков в сторону муниципалитетов. Принцип «средства идут вслед за полномочиями» сегодня с очевидностью нарушается. К сожалению, внятные предложения по изменению законодательства лично мне пока неизвестны. Мы будем

благодарны вам за все конкретные предложения.

Теперь третья часть моего сообщения, совсем короткая. Она касается человеческого ресурса развития, который только еще предстоит превратить в капитал. С 8 февраля, дня выступления президента Путина на расширенном заседании Госсовета, ведущие эксперты непрерывно говорили о том, что поставленные президентом масштабные задачи определенно не могут быть выполнены нынешним составом чиновничества.

Так, известный всем г-н Павловский 13 февраля сказал: «...Задачи, о которых говорит Путин, нереализуемы просто силами аппарата... даже если весь этот аппарат будет состоять из гениев и выложится полностью, что трудно вообще предположить».¹

А двумя днями ранее он же сказал в интервью «Российской газете»: «...Все не сводится к тому, чтобы дать деньги на инновации. Деньги надо дать субъекту инноваций. Держателю ума, таланта и знаний, который сможет ими распорядиться. А такого субъекта еще надо создать. Для его появления нужны особые условия. И в большинстве своем это не те люди, которые слушали Путина в Георгиевском зале Кремля».²

Думаю, подобные суждения по праву можно отнести не только к чиновничеству, но и к иным сословиям, которые принято называть «элитными». Или государствообразующими. К предпринимателям. Военным. Ученым. Журналистам. Общественным деятелям. И так далее.

В своем выступлении 8 февраля Путин определил развитие человека как абсолютный национальный приоритет. Это сказано обо всем обществе. Но для меня развитие человека – это прежде всего развитие личности. Эти слова должны быть сказаны о государствообразующих сословиях.

На мой взгляд, большая проблема состоит в том, что различные компетенции наших «служащих верхов» всецело находятся в слое управленческой техники и соответствующих плоских мыслительных схем, нисколько не переходя в политический план. Политический, а зна-

чит живой, гуманитарный, ценностный, смысловой, мотивирующий, образный, объемный, энергичный, обращенный к людям как людям, а не колесикам и винтикам. Даже то личное и живое человеческое чувство, которое сами господа руководители испытывают к предмету своих занятий (а это в очень многих случаях бесспорно так) не находит достойного и адекватного выражения ни в языке, которым они владеют, ни в рабочем инструментарии, который они применяют.

Все это лишь часть нашей общей ситуации дефицита политического, стремления это политическое технологизировать и обналчить. Особенно остро и болезненно этот дефицит политического проявляется на уровне местного самоуправления. Вспомним Аристотеля и Полибия. Они считали, что совершенное государство возможно лишь при гармоничном сочетании трех основных типов власти. Это монархия, аристократия и демократия. Для нашей русской жизни при всей значимости в ней монархической традиции всегда была характерна сильная и широкая низовая демократия. Сегодня есть все предпосылки для того, чтобы восстановить эту силу и широту, не умалив при этом законные prerogatives двух других участников политической жизни – верховного единовластия наряду с региональными и корпоративными элитами.

Главное, что для этого нужно, – это открытый, широкий, доверительный и безбоязненный диалог между всеми, кто заинтересован в развитии, в том, чтобы наши города и иные поселения формировали свой образ достойного будущего и шли по пути к нему. Задача местного самоуправления – втянуть в этот процесс как можно больше новых людей, способных принести с собой новые компетенции. А для этого нужны переговорные площадки, самые разные, как чисто общественные, так и организуемые совместно с государством.

Не будем забывать о том, что и наш мир, и мы сами созданы Словом (Ин. 1, 1).

Дмитрий Сладков

1. <http://www.kreml.org/opinions/173416095>
2. <http://www.kreml.org/media/173226764>

Государев фабрикант

В 1789 году в Иркутск прибыл новый управляющий «комиссариатским комиссионерством» Осип Иванович Новицкий. Чиновники этого ведомства занимались вопросами материального снабжения армии и не имели в то время военных чинов. В военной иерархии они занимали незавидное место, хотя были среди них очень толковые и сведущие в своем деле люди.

Комиссариатские чиновники не подчинялись местным губернским властям. Они состояли в ведении комиссариатского департамента Военной коллегии и вели денежные расчеты помимо местных финансовых органов. Осип Иванович Новицкий относился к категории специалистов, которые не просто добросовестно исполняли свои обязанности, но и проявляли творческую инициативу. Во времена Петра Великого таких людей называли прибыльщиками. Как правило, они были выходцами из социальных низов, людьми смекалистыми, с творческой жилкой. Их задачей было изыскание

способов пополнения государственной казны, с чем они достаточно успешно справлялись, не забывая, впрочем, и о собственных «доходах».

Иркутский летописец, а возможно и современник, лично знавший Новицкого, записал, что «это был человек умный, грамотный и тонкий, чтобы не сказать проницательный». Особенно напряженных трудов исполнение этой должности не требовало. По заявкам полковых и батальонных командиров необходимо было распорядиться о приобретении амуниционных вещей, проверить их добротность и направить по месту назначения. Сукно на обмундирование и другие припасы завозились в Сибирь из европейской России, причем правом приобретения в первую очередь пользовались полевые полки на западных и южных границах империи, — соответственно, в Сибирь попадали товары не самого лучшего качества, и тамошние воинские части, особенно гарнизонные батальоны и инвалидные роты, имели

достаточно неприглядный вид. Комплект обмундирования выдавался солдату того времени на год. Мундир, камзол и рабочая одежда за это время изнашивались буквально до дыр, поэтому командиры требовали, чтобы заплатки ставились одного цвета с мундиром.

Новицкий увидел в Сибири колоссальные возможности для развития предпринимательства, причем не частного, а именно государственного. Прежде всего, имелись почти неограниченные возможности сбыта продукции. Потребность войсковых частей в сукне различных цветов исчислялась тысячами аршин, а еще требовались сапожный товар, изделия из кожи, солдатские шляпы и многое другое. Ежегодная доставка всего этого в Сибирь требовала огромных затрат. В целях экономии казенных средств О.И. Новицкий предложил развернуть производство сукна на месте, рядом с Иркутском. Он не строил грандиозных планов и не давал несбыточных обещаний. В своих расчетах он был абсолютным прагматиком,

и средства для реализации своей идеи просил небольшие. Проект Новицкого заключался в реанимировании прекратившей свою деятельность Тельминской суконной фабрики и налаживании на ней производства. Фабрика, основанная в 1731 году группой купцов, работала с перебоями, переходила из рук в руки и в 1789-м была взята за долги от разорившегося купца Сибирякова в казну. При осмотре фабрики Осип Иванович обратил внимание на исправное состояние немногочисленного оборудования и возможность его дальнейшей эксплуатации. Самое главное заключалось в том, что фабрика имела приписных крестьян и мастеровых с опытом производства сукна, но за неимением работы занимавшихся хлебопашеством.

Новицкий, радея об успехе своего предприятия, был вынужден применять наиболее прогрессивные способы производства и обеспечения жизни рабочих.

В момент наивысшего развития фабрики — в конце 1790-х — на ней работал

всего 91 человек. Сюда включены не только занятые на основном производстве 50 работников, но и красильщики, кузнецы и даже мельники. К работе на фабрике не привлекались старики и дети, они были заняты на заготовке дров, не привлекались и женщины – по распоряжению начальства они были заняты на сезонных работах, в частности занимались заготовкой растительного сырья для покраски сукна. Все это было не характерно для мануфактур того периода, когда прибыль извлекалась за счет безудержной эксплуатации рабочих, привлечения к труду даже малолетних детей и экономии буквально на всем.

Тот, кто бывал в Тельме даже проездом, знает большой, ныне совершенно запущенный пруд. В свое время он был основой системы водоснабжения фабрики, источником даровой энергии, используемой в производстве. Сырьем для фабрики стала шерсть овец, в большом количестве имевшихся у местных бурят. Пока в Петербургской коммерции дебатировали о недостатках шерсти российской по сравнению с английской,

Новицкий поощрял местных тайшей продавать очищенную шерсть в казну и увеличивать поголовье овец. Он на практике доказал, что для переработки выгодно возить шерсть даже из Забайкалья. Вопреки обычаям того времени, за поставленное сырье расплачивался немедленно, звонкой монетой, и этим заслужил у местного населения абсолютное доверие. Платил он и рабочим суконной фабрики, причем не только вольнонаемным мастерам, но и работникам из крепостных, за каждый выделанный стандартный кусок сукна.

Новый этап развития производства на Тельминской суконной фабрике начался в эпоху царствования императора Павла I, когда колоссально возрос спрос на собственное, российское, сукно. Известно, что император интересовался производством сукна в Сибири, и ему было доложено об успехах О.И. Новицкого в Иркутске, продемонстрированы образцы изделий. Ободренный таким вниманием, Новицкий представляет государю предложения о расширении Иркутской

суконной фабрики, где говорит не просто о расширении производства, но намечает вполне обоснованный план создания в Тельме нескольких мануфактур, в том числе по производству стекла и даже хрустала. В феврале 1797-го проект был принят, и началась его реализация. Надо упомянуть, что к этому времени изменилось и личное положение Новицкого – ему был пожалован чин полковника.

За недолгие годы правления императора Павла не все удалось сделать. Были тому объективные и субъективные причины. Местная администрация буквально навязывала Новицкому для размещения на фабрике сосланных в Сибирь на поселение. Одним из правительственных указов было отдано распоряжение заселить Забайкалье и Камчатку ссыльнопоселенцами – в итоге Сибирь наводнили тысячи бродяг и разбойников. Новицкий выбирал из ссыльных только тех, кто имел специальность, пригодную для фабрики, он был принципиальным противником использования каторжного труда на мануфактуре.

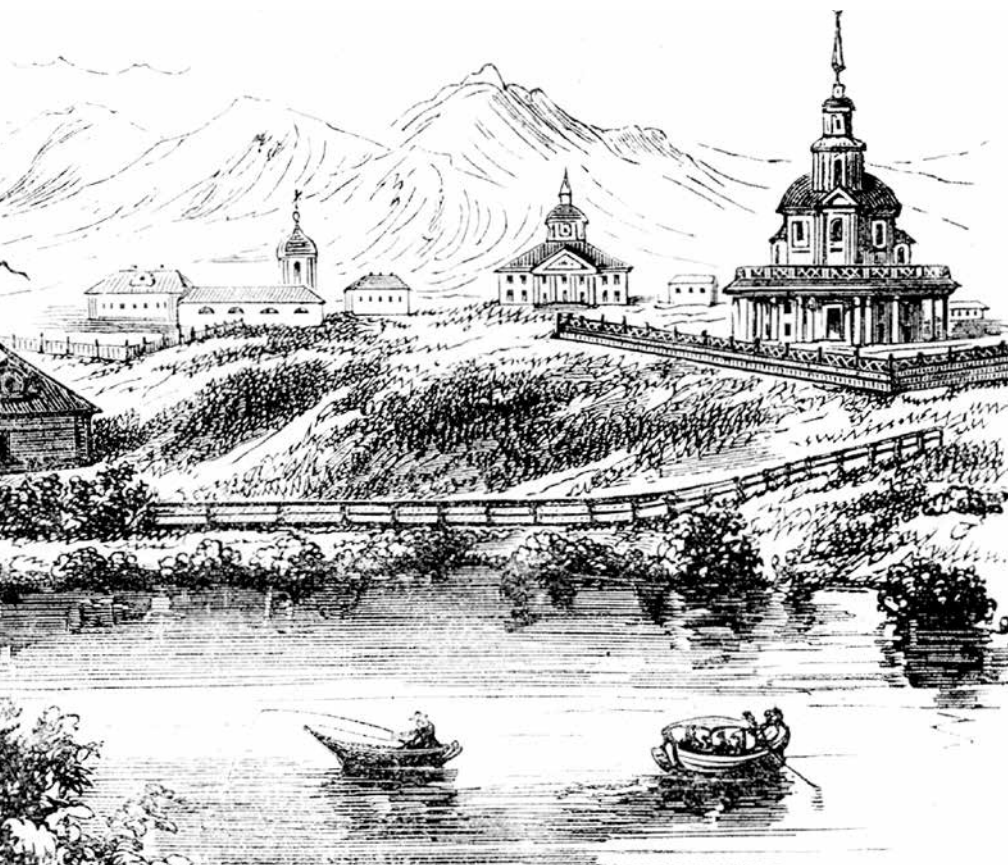
В январе 1802 года в Иркутск с ревизией прибыл сенатор Селифонтов, будущий сибирский генерал-губернатор. По-видимому, в столице новые царедворцы не верили донесениям Новицкого и считали сообщения о его достижениях преувеличенными, если вообще не фиктивными. Буквально в день прибытия сенатор поехал осматривать суконную фабрику, а через два дня убыл в Забайкалье, посетив по дороге остров Ольхон. Сюда генерал-губернатор Леццано требовал перевести фабрику из Тельмы. Итоги ревизии были неожиданными. Произведенный в последние месяцы царствования Павла в генерал-майоры, Новицкий был вызван на прием к сенатору. Губернские чиновники, заполнившие приемную, ждали скорой расправы с независимым, строптивым и скороспелым генералом от суконной мануфактуры.

Улыбающийся сенатор-ревизор вышел вместе с Новицким из кабинета и представил собравшимся кавалера ордена Святой Анны 1-й степени: мундир Осипа Ивановича пересекла алая с золотом лента одной из высших гражданских наград империи. Более эффектного признания заслуг перед государством даже трудно представить.

Ориентация правительственной политики Александровского царствования на Запад не способствовала реализации замыслов по расширению производства на крупнейшей сибирской фабрике. После отъезда Новицкого из Сибири фабрика очень быстро стала сворачивать производство; представляя бракованные изделия, чиновники требовали вообще закрыть фабрику, уверяя в ее неспособности конкурировать даже с российскими производителями.

Всего этого Осип Иванович уже не увидел. После недолгой службы в европейской России по комиссариатскому ведомству он вышел в отставку. Остаток жизни «государев фабрикант» Новицкий провел в унаследованном от отца имении, которое расширил и благоустроил.

Евгений Шободоев

Современный вид Красных Казарм. 1 и 2 здания.
Фото 2008г.

«Что имеем – не храним...» Еще раз о Красных Казармах

Десять-пятнадцать лет назад, когда начиналось изучение и обследование находящихся в нашем городе так называемых Красных Казарм, невозможно было предположить, что их ожидает такая безрадостная судьба и когда-нибудь они вызовут конфликт между защитниками и противниками сохранения в Иркутске этого уникального памятника. Напомним вкратце основные моменты этой непростой истории.

В поле зрения исследователей, среди которых был и автор данной статьи, Красные Казармы попали в начале 1990-х, в связи с отводом части исторической территории под строительство жилого микрорайона. Тогда казармы только-только, после вывода армейских частей, утратили закрытость военного объекта, и был получен допуск для их обследования. До этого было известно лишь то, что

здесь расположен военный городок, возведенный в начале XX века на тогдашней окраине города. Постепенно, по мере накопления информации, возникло ощущение редкой профессиональной удачи: при достаточно глубокой на тот момент степени изученности культурного наследия Иркутска в целом удалось выявить новый, редкий по типу и значению, исторический памятник, к тому же пребывающий в жизнеспособном техническом состоянии. Стало понятно, что обстоятельства возникновения комплекса, причастность его к значимым моментам российской истории, связь с деятельностью выдающихся исторических личностей разных периодов наделяли объект несомненной историко-культурной ценностью, дающей основание для постановки комплекса под государственную охрану. Такая оценка

исследователей отражала отношение органа охраны историко-культурного наследия Иркутской области к вопросу о статусе объекта. Более того, она нашла поддержку и в обществе. Газета Восточно-Сибирская правда поместила статью «Эхо Порт-Артура», в которой говорилось, что памятник представляет собой редкий образец комплекса каменных военных казарм начала XX века и связан с военной российской историей.

В 1994 году Красные Казармы были включены в «Список вновь выявленных памятников истории и культуры г. Иркутска» и рекомендованы к постановке под государственную охрану местного (регионального) значения.

То, что происходит вокруг Красных Казарм сегодня, напоминает Зазеркалье. За последние полтора-два десятка лет постсоветского периода произошла естес-

твенная смена идеологии, девальвировались многие принципы, которыми ценилось наше общество. Не миновала эта участь и культурное наследие. Очевидно, что подобные метаморфозы с переоценкой значения многих исторических памятников происходят не только в нашем регионе. Не стоит сбрасывать со счетов и конъюнктуру сегодняшнего дня, возводящую во главу угла экономическую составную и личную заинтересованность. Все это требует вдумчивого и тщательного подхода, чтобы избежать, как не раз это случалось, непоправимого. Давайте попробуем разобраться, можно ли сегодня считать комплекс казарм потерявшим историческое значение. Может быть, сейчас названия «Цусима», «Варяг», «Порт-Артур» уже ничего не говорят русскому уху? А может быть, дело в недостаточной информиро-

ванности общества? Ведь у нас, в Иркутске, сторонники и противники сохранения Красных Казарм оперируют, как правило, немногочисленными аргументами на уровне: «памятник» – «псевдопамятник», «Порт-Артур». – «Ну и что?» Это и вынудило еще раз обратиться к истории объекта спора, к тем обстоятельствам, которые вызвали появление в нашем городе подобного интереснейшего объекта.

Красные Казармы – комплексный памятник, обладающий и архитектурными достоинствами, и исторической значимостью. Принято считать, что ценность объекта культурного наследия зависит от важности отраженного в нем исторического события, значимости его для страны, региона, места, где он находится. Что же могут рассказать Красные Казармы нашему современнику? Чтобы понять это, придется обратиться к событиям столетней давности.

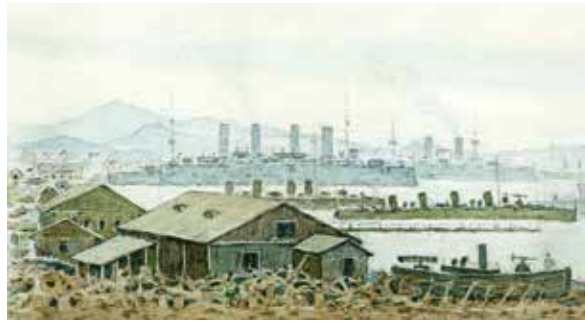
Оборона Порт-Артура
Возможности возникновения Русско-японской войны царское правительство не опасалось. Некоторые «политические авантюристы» в окружении царя, напротив, рассматривали ее как маленькую победоносную войну, способную отвлечь народ от набиравшего силу революционного движения. На деле поражение от небольшого островного государства обернулось для военной истории России одной из наиболее позорных страниц, катализатором, запустившим в действие механизм последующих трагических событий, окончившихся крахом прежней России.

При всей бесславности этой войны, вызванной неподготовленностью России и бездарностью русского военного руководства, она продемонстрировала примеры величайшего мужества солдат и матросов, отстоявших честь русского оружия. В этом смысле оборона Порт-Артура стала не только для русской, но и для мировой истории символом военного подвига: «Как по продолжительности осады, так и по пущенным в ход ужасным средствам разрушения, как по мужеству защитников, так и по упорству атакующих, осада

Порт-Артура представляет исключительный пример в истории осад. Нравственные страдания гарнизона станут особенно понятны, если вспомнить, что в течение восьми месяцев защитники крепости были совершенно отрезаны от всего света». Поражение России породило со стороны правительства политику некоторого замалчивания ее итогов, но в памяти народа эта война оставила глубокий след, а в русский песенный фольклор вошли многие названия, бытовавшие на тихоокеанских берегах (это отсюда – «На солках Манчжурии», «Амурские волны», «Прощайте, Скалистые горы»). По России стали возникать поселения под названием Порт-Артур. К слову, свой «Порт-Артур» был и у нас, в Иркутске: он возник на левом берегу Ангары в районе Иркутного моста как стихийный поселок, давший начало будущему Вознесенскому предместью.

Непосредственным поводом для начала войны послужили разногласия России и Японии в сфере раздела влияния в Манчжурии и Китае. Камнем преткновения стал китайский город Люйшунь, расположенный на южной оконечности Ляодунского полуострова. В 1895-ом он был захвачен Японией после победоносной войны с Китаем, но под дипломатическим давлением России, при поддержке Франции и Германии, Япония в конце того же года вынужденно отказалась от прав на эту территорию. 15 марта 1898-го Россия и Китай заключили конвенцию, предоставившую России Ляодунский (Квантунский) полуостров в аренду на 25 лет для строительства крепости, получившей название Порт-Артур и ставшей базой главных сил Российской Тихоокеанской эскадры.

Русско-японская война началась в ночь на 27 января 1904 года, когда на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура внезапно, без объявления войны, напал отряд японских миноносцев. К началу военных действий русский гарнизон крепости насчитывал 42,5 тысячи сухопутных войск и около 8 тысяч моряков. Основу гарнизона составляли 4-я

Русская эскадра в Порт-Артуре

и 7-я Сибирские стрелковые дивизии, которыми командовали генерал-майор Фок и генерал-лейтенант Р.И. Кондратенко. Крайне неудачные действия сухопутной армии в Манчжурии под командованием генерала Куропаткина оставили Порт-Артур один на один с отборной 180-тысячной армией генерала Ноги, снабженной мощной осадной артиллерией и постоянной возможностью быстрого пополнения. При такой разнице в силе оборона Порт-Артура выдержала 11 месяцев осады, в том числе – 8 месяцев полной блокады. За это время защитники крепости успешно отбили четыре штурма превосходящих сил противника. В состав 7-й дивизии Кондратенко входили 25-й, 26-й, 27-й и 28-й Восточно-Сибирские стрелковые полки. В дневнике одного из участников обороны Порт-Артура встречаем: «Войск, находящихся в крепости, вообще не хватает даже для занятия оборонительной линии и батарей, не говоря уже о множестве других непредвиденных работ. Несмотря, однако, на все это... из крепости выступил на Ялу 10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Таким образом, с 29 января в Порт-Артуре оставалась лишь одна 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, в которой из четырех полков только 25-й был сформирован два года тому назад и потому был несколько знаком с крепостью. Остальные же полки совершенно молодые и несплоченные; между прочим, один из них, а именно 28-й, пришел в крепость только накануне 26 января и, конечно, совершенно еще не успел сориентироваться на новом месте».¹ Таким образом мы узнаем, что 28-й Восточно-Сибирский полк, для которого в Иркутске будут выстроены

Красные Казармы, прибыл в Порт-Артур перед самым началом войны.

Общепризнано, что Порт-Артур так долго и успешно мог выдерживать осаду благодаря деятельному руководству генерала Р.И. Кондратенко, и неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба крепости, а с ней и общие итоги войны, если бы не его гибель.

После начала военных действий Кондратенко, помимо командования дивизией, стал начальником сухопутной обороны крепости, сумев значительно укрепить и усилить ее позиции еще до начала японской осады. Один из участников обороны Порт-Артура Я.У. Шишко, описывая деятельность командующего обороной, писал, что он «одновременно душой, мыслью и делом был и на позициях в бою, где личным примером ободрял всех и поднимал твердость духа, и в Артуре не было места, куда бы он не заглянул, не было высоты, куда бы он не поднялся, чтобы указать, где немедленно должны явиться форты, укрепления, батареи. То, что должно было быть сделано за семь лет, он, насколько это было возможно, создал в несколько месяцев. И вот его мыслью, его трудами, его настойчивостью явилась целая цепь укреплений кругом Артура. Явились укрепления там, где даже не предполагалось строить ничего, как, например, на горах: Угловой, Высокой, Длинной и проч., на которые впоследствии противник вел настойчивее всего свои штурмы, понимая важность этих пунктов, и под которыми он положил десятки тысяч жертв, чтобы взять их. Генерал Кондратенко для Артура был все: и сила, и душа, и мысль, и дух героя».² Деятельность Кондратенко по достоинству

1. Лилье М. Дневник осады Порт-Артура. www.bookz.ru
2. Герой Порт-Артура генерал Кондратенко. www.russkiyclub.com

Ил. 4. Последний бой за гору Высокая

оценил назначенный командующим Тихоокеанской эскадрой адмирал С.О. Макаров, однажды сказавший ему: «Я скоро перестану здесь с кем-либо говорить, кроме Вас. Какого вопроса не коснись, все упирается в Кондратенко. Жаль, что вы не моряк».³ Но 31 марта 1904 года Макаров погиб, и защитникам Порт-Артура уже было трудно надеяться на помощь флота.

Кольцо японской осады постепенно сжималось, в сентябре противник подвез 11-дюймовые гаубицы, снаряды которых разрушали русские форты, своды которых были рассчитаны выдерживать попадания 6-дюймовых орудий. Все меньше оставалось надежд на помощь со стороны армии Куропаткина, терпевшей одну за другой неудачи в Маньчжурии. Ожесточенное противостояние русских и японских солдат в боях за крепость дошло до предела. Вот как описал последний штурм японцами одной из главных позиций обороны – горы Высокой – очевидец, английский журналист Э. Бартлет: «Редко во время войны представляется случай обнаружить столь высокие качества храбрости, стойкости и преданности долгу, какие были проявлены японскими и русскими солдатами в борьбе за эту высоту. Укрепления на гребнях обеих вершин были разрушены до неузнаваемости. Среди этого смешения каменных глыб, гранат, исковерканного оружия лежали сотни трупов японских и русских солдат. И

японские, и русские войска выказали в эти ужасные дни такое мужество и неустранимость, что подвиги их затмили все героические эпизоды, имевшие место во время этой осады. Слава в этой борьбе в равной степени принадлежит обеим сторонам».

И все же 22 ноября 1904-го японцы захватили русские позиции на горе Высокой, что позволило им обстреливать с суши остатки русской эскадры. Несмотря на критическую ситуацию, Порт-Артур не сдавался. Однако все изменилось после гибели 2 декабря генерала Кондратенко: «Утром всю крепость облетела печальная новость: около 11 часов минувшей ночи в бетонном каземате 2-го форта случайно попавшей 11-дюймовой лиддитовой бомбой убиты находившиеся там: начальник 7-й В.-С. стр. дивизии генерал-майор Кондратенко. Командующий 28-м В.-С. стр. полком Генерального штаба подполковник Науменко. Военные инженеры подполковник Рашевский и штабс-капитан Зедгенидзе. 26-го В.-С. стр. полка поручик Сенкевич. 28-го В.-С. стр. полка штабс-капитан Кавицкий... Убиты храбрейшие защитники крепости, которая в лице их понесла ничем не вознаградимую тяжелую утрату».⁴ 4 декабря Р.И. Кондратенко вместе с другими погибшими был похоронен у батареи Плоского мыса. С его смертью решимость руководящего состава Порт-Артура оборонять крепость иссякла, и 20 декабря 1904-го гене-

рал Стессель, начальник Квантунского укрепрайона, подписал капитуляцию и сдал город японцам.

Корреспондент лондонской газеты «Дейли Мэйл» Б.В. Норригаард, во время осады Порт-Артура находившийся в армии генерала Ноги, в книге «Великая осада (Порт-Артур и его падение)» писал: «...я не думаю, чтобы крепость была сдана, если бы генерал Р.И. Кондратенко не был убит 11-дюймовым снарядом на форте Северный Кикван 15 декабря (н. ст. – Н.Б.). Слава, связанная с обороной Порт-Артура, о которой будет повествовать история, не приписется А.М. Стесселю. Генерал Р.И. Кондратенко являлся истинным героем. Совместно с инженер-полковником С.А. Рашевским он составил план обороны и неутомимо работал днем и ночью над сооружением и улучшением укреплений. Вечно живой, он постоянно бывал на позициях, где шел бой, руководя солдатами и ободряя их, разделяя с ними тяжелые лишения, всегда готовый прийти на помощь и уметь помешать наступлению японцев искусно задуманным контрдвижением. Это был природный вождь, перед которым все преклонялись; благодаря сильной воле, широким познаниям и большой личной храбрости он стал душой всей обороны. Р.И. Кондратенко был кумиром солдат, знавших его твердое намерение биться до последней капли крови. Когда его не стало, казалось, все пришло в упадок, все растерялись, и руководство обороной во главе с А.М. Стесселем признало необходимым сдать».⁵

Признательность русской армии и всех слоев российского общества Кондратенко

за его доблестную деятельность была настолько велика, что после окончания войны его останки было решено переправить для торжественного захоронения в Петербург. Доставленный в Одессу морским путем, гроб с его телом перевезли в столицу, и всюду на железнодорожных станциях его встречали толпы народа. В Петербурге тысячи горожан и военных провожали героя Порт-Артура на кладбище Александро-Невской лавры. Позже место погребения увенчал мраморный памятник. Обелиски в память Кондратенко были поставлены в Николаевском инженерном училище, в Сувалках (в 20-м полку) и в Полоцком кадетском корпусе. В русской истории имя этого человека стоит в одном ряду с Нахимовым и Макаровым, его именем были названы корабль Балтийского флота и 25-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, который после войны дислоцировался в Иркутске. Тогда же полуостров на острове Русский стал носить имя Кондратенко.

Среди защитников Порт-Артура находился человек, к памяти которого у иркутян в последние годы сложилось особое отношение, – Александр Васильевич Колчак. У нас в городе стал хрестоматийно известен факт его венчания в Харлампиевской церкви с Софьей Омировой в 1904 году. Гораздо меньше известна причина, по которой этому событию была придана такая срочность: для совершения этого обряда невесту и отца жениха необходимо было вызвать в далекую Сибирь. Дело в том, что Колчак был назначен начальником экспедиции, снаряженной Императорской академией наук на Новосибирские острова и

3. Там же.
4. Лилье М. Дневник осады Порт-Артура. Электронная версия: www.bookz.ru
5. Норригаард Б.В. Великая осада (Порт-Артур и его падение). СПб., 2004.
6. Генерал-майор В.А. Колчак, участник Севастопольской обороны.

Схема осн укреплений Порт-Артура

Землю Беннета для поисков пропавшей экспедиции Толля. Весть о начале Русско-японской войны застала Колчака уже по пути в Иркутск. Отсюда он, с разрешения Морского Генерального штаба, отправился 9 марта 1904 года в Порт-Артур – через несколько дней после венчания. Колчак стал командиром миноносца «Сердитый», а после гибели флота, в ноябре 1904-го, перешел на сухопутный фронт, возглавив батарею 120-ти и 47-миллиметровых орудий вооруженного сектора Скалистых гор. Он один из первых русских офицеров начал боевое применение воздушных мин, предложенных мичманом Васильевым. События этого периода сохранились в дневнике, который вел Колчак: «В Порт-Артуре усиливалась цинга, участились случаи заболевания куриной слепотой. Люди постоянно прос-тужаются, не имея теплого платья, едят брюкву и черствые сухари... На форте № 5 начался пожар. Японцы выбили нас из окопов... Орудия подбили дальноточные 6-дюймовые пушки – еще одно доказательство того, что ставить открыто пушки на фортах нельзя... Говорил с Васильевым по поводу воздушных мин. Надо отвечать японцам и бросать воздушные мины. Это очень трудно в таком месте, но надо попробовать. Затопленные суда минируются и готовятся на всякий случай к полному уничтожению. Положение вещей в Артуре очень серьезно».⁷

После капитуляции крепости А.В. Колчак отправился (не попал, а именно отправился, сознательно сделав свой выбор) в японский плен. Дело в том, что японцы, потрясенные мужеством защитников Порт-Артурского форпоста, предоставили возможность почетной сдачи: сохранить холодное оружие и вернуться в Россию при условии выполнения клятвы не участвовать в сражениях до окончания войны. Многие из офицеров, в том числе и Колчак, отказались от такой возможности, решив разделить судьбу рядовых солдат и матросов, вынужденных идти в плен. В японском плену оказалось около 22 тысяч оставшихся в

живую защитников крепости, что составляло примерно половину гарнизона Порт-Артурского форпоста к моменту начала военных действий.

14 января (по н. ст.) 1905 года Николай II подписал приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Порт-Артур перешел в руки врага. 11 месяцев длилась борьба за его защиту. Более 7 месяцев доблестный гарнизон его был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно неся все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере успехов противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага. С гордым чувством следила за их подвигами Россия, весь мир преклонялся перед их доблестью. Но с каждым днем ряды их редели, средства борьбы истощались, и под натиском все новых и новых вражеских сил, свершив до конца великий подвиг, они должны были уступить... Волею Всевышнего не суждено было увенчать Ваш подвиг успехом, но беззаветным мужеством Вашим Отечество всегда будет гордиться! Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт-Артурского форпоста! Да исцелит Господь ваши раны и немощи и дарует вам силу и долготерпение перенести новое тяжкое постигшее вас испытание. Доблестные войска мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе. Враг смел и силен, беспримерно трудна борьба с ним вдали, за десятки тысяч верст от источников нашей силы. Но Россия могуча».⁸

Обвиненные в преждевременной сдаче Порт-Артурского форпоста генералы Стессель, Фок, Смирнов и Рейс в 1907 году были привлечены к военному суду. Последних трех оправдали. Стессель приговорили к смертной казни, затем смерть заменили десятью годами заключения, но в конце концов по высочайшему повелению Николая II Стессель был помилован.

25 августа (5 сентября по н. ст.) 1905 года между Россией и Японией был подписан Портсмутский мирный договор, по которому Порт-Артур и все прилегающие к нему территории вместе с

арендными правами на них отходили к Японии. Кроме того, Россия теряла южную часть Сахалина. Но и для Японии победа обошлась слишком дорого, война истощила людские и финансовые ресурсы: только под Порт-Артурском она потеряла более 100 тысяч солдат и офицеров.

Героизм русских солдат, проявленный ими при обороне города, настолько поразил японцев, что они решили построить для увековечения памяти воинский мемориал. При этом было решено воздать почести в равной степени солдатам обеих сторон и кроме воинских кладбищ построить отдельные памятники-obelisks на вершинах тех сопков, где шли наиболее кровопролитные сражения. К созданию воинских мемориалов японским и русским солдатам, погибшим при осаде крепости, японцы приступили сразу же после окончания войны. Эти памятники стали особо почитаемыми местами для японцев в Порт-Артуре. Бывший командующий японской Осадной армией генерал Ноги, потерявший при осаде двух сыновей, выразил это в своей поэме:

...Обломки и трупы
покрывали склоны гор,
Взрывы снарядов
изменяли
их очертания,
Такой трагедии не было
на земле
С тех пор, как появились
боги.
Пока будет длиться
вечность,
Эти горы останутся
священными для нас,
И сегодня я даю им новое
имя –
Горы победного высокого
духа.

Для японских солдат памятный мемориал возвели на горе Перепелиной, для захоронения русских солдат использовали прежнее русское кладбище у подножия горы Саперной. На кладбище устроили 12 братских могил, под белыми крестами – офицерские захоронения, под чугунными – солдатские. Всего в братских и отдельных могилах захоронили 14 631 русского защитника Порт-Артурского форпоста. Центром этого мемориала стала православная часовня высотой 15 метров,

построенная из гранита и мрамора. С лицевой стороны часовни на беломраморной колонне была сделана надпись: «Здесь покоятся бранные останки доблестных героев, павших при защите крепости Порт-Артур. Памятник сей поставлен японским правительством в 1907 году». Позднее, в 1912-ом, перед входом на Русское кладбище уже русские мастера установили беломраморный христианский крест высотой 8 метров. На его лицевой стороне высекли слова: «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артурского форпоста, жизнь свою положившим за Веру, Царя и Отечество. Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».⁹

Русско-японская война, происходившая на дальневосточной окраине России, затронула Иркутск в гораздо большей мере, чем европейскую часть. В Сибирском военном округе уже 2 февраля 1904 года началась мобилизация запасных нижних чинов. Нелишне вспомнить, что костяк обороны Порт-Артурского форпоста составляли Восточно-Сибирские полки двух Сибирских дивизий. Наш город стал главным транзитным пунктом, через который на восток шли эшелоны с военными грузами и войсками, а на запад поезда везли вагоны с ранеными. С начала войны и до 1 октября через железнодорожную станцию Иркутск на театр военных действий в Манчжурию проследовало 466,5 тысяч солдат, десятки тысяч лошадей, пушки, снаряды и различное снаряжение.¹⁰ Вскоре после начала войны в Иркутске начали разворачиваться военные госпитали, под которые приспособлялись общественные и частные здания.

Влияние военного времени чувствовалось во всех сферах общественной жизни Иркутска. Вот что писал современник, редактор газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов: «Война!.. Внешний вид Иркутска изменился. Он не был военным городом, а теперь улицы кишели военными, лицами с повязками «Красного Креста», сестрами милосердия, военными врачами...

Генерал Р.И. Кондратенко (1857-1904гг.)

7. Потемкина А. Россия помнит Вас, адмирал. Прощайте, скалистые горы // Кисловодская газета. 2005. 2 марта (№ 81).
8. Дневник осады Порт-Артурского форпоста www.bookz.ru
9. Коваль А. По материалам журнала «Проблемы Дальнего Востока». Портал «Соотечественники» www.rusedina.org
10. Колмаков Ю.П.. Иркутская летопись 1661-1940 гг. Иркутск, 2003. С. 163.

11. Попов И.И. Забытые иркутские страницы : записки редактора. Иркутск, 1989. С. 223.
12. Там же. С. 224.
13. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1904 гг. Иркутск, 1994. С. 31-51.
14. Ращупкин Ю. Русско-японская война : судьбы, связанные с Иркутском // Земля Иркутская. 2004. № 2 (25).
15. Последние типы солдатских казарменных помещений и офицерских квартир // Военный сборник. СПб, 1900. № 11-12.

На улицах появились моряки и даже группы простых матросов, которых Иркутск, кажется, никогда не видал. Гостиницы были переполнены. Почти с первых же дней войны стал ощущаться жилищный кризис. Во многих домах были постой солдат. Одно время даже городские училища были превращены в казармы. У иркутян под солдат отняли кайские дачи». ¹¹ Психологически война была рядом, она проникла в массовое сознание: «В острой форме стал вопрос о продовольствии города и топливе... Все подорожало, а в некоторых вещах и предметах продовольствия чувствовался недостаток... На почве кризиса начались грабежи среди белого дня, воровство. Грабежи достигли таких размеров, что Дума постановила ходатайствовать перед генерал-губернатором об отмене обязательного постановления о запрещении иметь и носить оружие...». ¹² Никогда еще наш город не знал присутствия такого количества высокопоставленных и известных персон: через Иркутск, по пути на Дальний Восток, проезжали великие князья Кирилл и Борис Владимировичи, адмирал Алексеев, генерал Куропаткин... В нашем городе останавливались русские писатели В.И. Немирович-Данченко и Н.Г. Гарин-Михайловский, стремившиеся увидеть и описать театр военных действий. ¹³

В Русско-японской войне участвовали люди, чья жизнь в какой-то период была связана с Иркутском, впоследствии ставшие видными военными и общественными деятелями России. В их числе – иркутский генерал-губернатор (1906–1910) А.Н. Селиванов, барон П.Н. Врангель, С.А. Сухомлин (в Первую мировую войну начальник штаба армий у Брусилова), А.А. Таубе (один из первых видных военачальников, перешедших на сторону советской власти), и многие другие. ¹⁴

Строительство Красных Казарм После эпоклочений войны и недолговременного плена на Японских островах, военные части занимали места новых дислокаций. Так в Иркутске появилась 7-я Сибирская стрелковая дивизия, принимавшая участие в обороне Порт-Артура. Входившие в нее Восточно-Сибирские стрелковые полки должны были усилить Иркутский гарнизон. Имевшиеся для размещения войск возможности к этому времени уже были исчерпаны, и единственным выходом могло стать строительство новых казарм.

Обратимся к предыстории строительства. В начале XX века в армии действовала Высочайше утвержденная в 1887 году и уже опробованная в Европейской России программа по возведению военных объектов. После

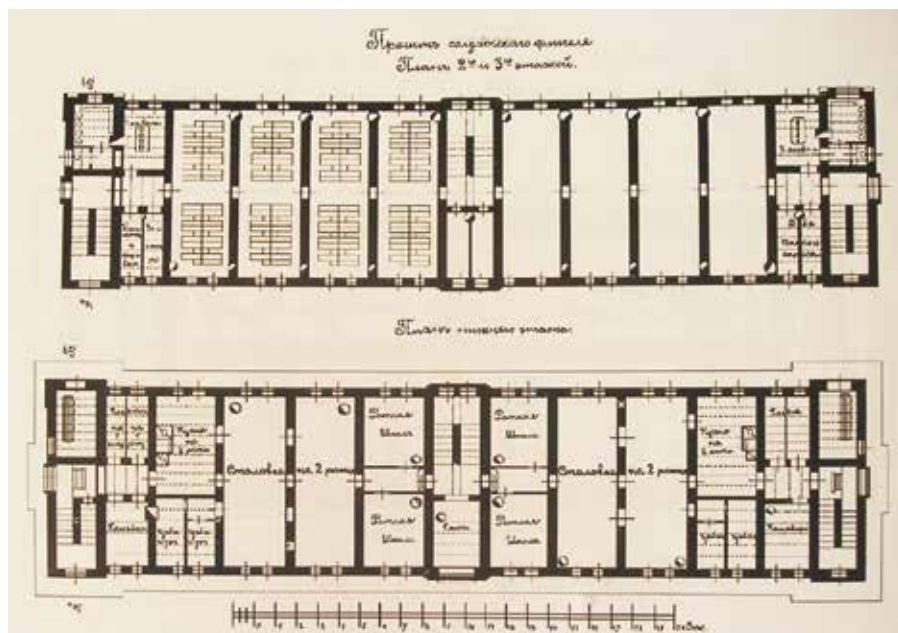
перехода российской армии на всеословную воинскую повинность (январь 1874) численность войск была увеличена, и проблема размещения их стала чрезвычайно острой. Сокращение сроков службы нижних чинов русской армии и флота вынуждало военное командование сокращать сроки обучения молодых солдат. Но в ситуации, когда воинские команды находились в разных, подчас удаленных друг от друга, жилых помещениях, организовать систематические занятия было значительно труднее, чем в воинских частях, расположенных компактно – в казармах. Как отмечали в своих донесениях военные власти, во многих сибирских городах найти свободные пустующие помещения было достаточно сложно. По свидетельству документов, нередко между командованием военного округа и командирами воинских подразделений, с одной стороны, и местными гражданскими властями – с другой, возникали конфликты на почве отсутствия удобных помещений для расположения воинских команд и частей. Выход был один: в отказе от квартирной повинности и переводе армии на казарменное размещение.

Постройка военных объектов производилась хозяйственным способом «через образуемые для этого на месте особые казарменные комиссии из войсковых

чинов с назначением в состав этих войсковых строительных комиссий инженеров или архитекторов для наблюдения за технической стороной дела». Для руководства таких войсковых комиссий были разработаны и изданы упрощенные правила для постройки казарм, в которых были указаны общие условия постройки и нормы размеров казарменных помещений. И уже самим войскам, ближе ознакомленным с требованиями удобного размещения в казармах и наиболее заинтересованным в устройстве удобных для себя помещений, было предоставлено избирать наиболее соответствующие по местным условиям типы построек и способы выполнения отдельных работ. В некоторых местах «с строителькою казарм для нескольких войсковых частей образовались целые военные города, по своему значению и населенности оставившие, в некоторых случаях, позади себя поселки, близ которых они были выстроены». ¹⁵ Начиная с первых опытов постройки казарм, выяснилось преимущество каменных казарм перед деревянными, как более прочных и долговременных. Постройка деревянных казарм допускалась почти исключительно для достижения быстрого улучшения расквартирования войск. Каменные казармы для нижних чинов в пехотном полку строились на батальон. Здание батальонного корпуса возводилось в три этажа, но только два верхних предназначались для жилья людей, нижний же, по возможности заглубленный в землю, предназначался для нежилых помещений.

Этот принцип лег в основу строительства Красных Казарм в Иркутске. В 1907 году Городская дума выделила военному ведомству на Иерусалимской горе, на окраине города, 32 пустующих квартала. Строительные работы велись военно-инженерными частями под наблюдением военного инженера Ф.Ф. Коштыля и в основном были закончены в два года (1908-1910). По завершении их комплекс Красных Казарм представлял собой автономное военное поселение, включающее все необходи-

Проект солдатского флигеля «Последние типы солдатских казарменных помещений и офицерских квартир (с чертежами)». Военный городок в Новониколаевске. Первые годы истории

мые для обеспечения жизнедеятельности объекты: солдатские и офицерские казармы, церковь, жилые дома для семей офицеров, различные хозяйственные и вспомогательные постройки, интендантские склады, открытые полигоны для учений и т.д. Сгруппированные по функциональному назначению, постройки образовывали замкнутые обособленные группы, сохранявшиеся, до недавних пор, в первоначальном виде до тех пор, пока не началось целенаправленное уничтожение этого памятника.

Первой, в конце 1920-х, была разрушена уникальная полковая церковь во имя Святого Николая Чудотворца. Возведенная на пожертвования, собранные, в основном среди чинов полка, она имела ярко выраженный мемориальный характер: подобно многим православным храмам, была воздвигнута в ознаменование важного для страны момента истории. Изначально предполагалось, что построена она будет в «молитвенную память героев-мучеников, погибших на полях Порт-Артура, где 28-й полк стяжал себе неувядаемую славу среди доблестных защитников крепости». За время обороны, длившейся 329 дней, полк потерял более тысячи своих воинов. (К слову сказать, именно генерал Кондратенко и простые солдаты являются главными

героями известного исторического романа Александра Степанова «Порт-Артур».) Мемориальный характер храма нашел отражение во многих деталях, начиная от наружных архитектурных особенностей и заканчивая внутренним убранством, оформление которого значительно отличалось от приходских церквей города. Символичны были и окна, в форме которых отчетливо читался Георгиевский крест, и цветовая гамма отделки, где преобладали цвета полкового малинового знамени. А размещенные на стенах внутри храма двадцать досок «с именами животворящих воинов полка, во главе со своим незабвенным героем-начальником Р.И. Кондратенко» придавали храму значение достойного памятника героических подвигов и любви к Родине «ея верных сынов». Огромный интерес вызывает и тот факт, что иконостас состоял из икон, написанных художниками-офицерами по рисункам известного русского художника Виктора Васнецова¹⁶.

Потеряв память... Бездумное уничтожение Свято-Никольского храма, как и продолжающееся разрушение комплекса в целом, вызывает протест и негодование. Ведь существование

в Иркутске такого объекта, как Красные Казармы, представляется абсолютно закономерным и неслучайным – слишком многое связывало наш город с событиями той эпохи. Вот уж поистине: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Наши соседи оказались мудрее: в Новосибирске сохраняется военный городок, сооруженный в 1910–1913 годах. Он насчитывает около 40 объектов, имеющих историко-культурную ценность. Большая часть их до сих пор используется по первоначальному назначению – под размещение воинских частей, некоторые здания приспособлены под жилые дома или общежития, используются как административные здания.¹⁷

А между тем сегодня интерес к событиям того периода не только не утрачен, но и возрастает. Недавняя прошедшая дата – 100-летие Русско-японской войны – и проведенные в стране посвященные ей широкомасштабные мероприятия в виде выставок, военно-исторических конференций, открытия памятных знаков, новых публичных мероприятий, говорят о том, что те давние события на Дальнем Востоке рассматриваются как одна из важных страниц не только военной, но истории России в целом. Заслуживает внимания реализуемый в

настоящее время совместный проект Минобороны РФ и «Гуманитарного фонда Андрея Скоча «Поколение»», одной из главных задач которого значится восстановление воинского мемориала в Порт-Артуре.

Не хочется верить, что у нас, в Иркутске, который долгие годы гордился своими культурными корнями, существует иной взгляд и иное отношение к историческому наследию. А пока то, что происходит сегодня вокруг Красных Казарм, заставляет думать о сознательном уничтожении этого памятника: продолжается «вымораживание» двух из четырех зданий казарм, и именно тех, которые «держат» историческую территорию, на которую положили «глаз» застройщики нового строительства. Между тем органом охраны историко-культурного наследия принята заказная экспертиза, на основании которой «аварийное» здание казарм вместе с солидной частью исторической территории было исключено из состава комплекса – в нарушение действующего законодательства об охране объектов культурного наследия, по которому плохое техническое состояние объекта не является основанием для вывода из числа памятников.

Надежда Бубис

Полуразрушенное здание Красных Казарм.

16. Бубис Н., Калинина И., Ладейщикова Е. Эхо Порт Артура // Вост.-Сиб. правда. 1999. 27 января.
17. Военный городок в Новониколаевске. Первые годы истории. НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2004. С. 10.

Культурное наследие и самобытность в архитектуре и градостроительстве Грузии

В современном понимании культурное наследие – это не только отдельные памятники архитектуры. Сегодня большая часть городского пространства в исторической среде, селения и целые города также имеют статус объектов культурного наследия.

Культурное наследие в городской среде – это не только памятники архитектуры (культовые здания, дома и сооружения), но и сама исторически сложившаяся городская среда, ее социально-культурные связи, городские традиции, городской фольклор.

В Грузии существует традиция в выходные дни выезжать за город и в другие регионы страны для ознакомления с памятниками архитектуры. Таким образом, культурное наследие становится фактором, способствующим интеграции страны, мощным стимулом укрепления социально-культурных связей населения. В свою очередь, туризм, в основе которого лежит ознакомле-

ние с культурным наследием, содействует укреплению дружественных связей населения разных стран, интеграции на региональном и мировом уровнях.

Маленький экскурс в историю культурного наследия Грузии
Древнейшие следы человеческой деятельности на территории Грузии восходят к эпохе палеолита, а самые ранние образцы архитектурного искусства – к позднему неолиту. Есть следы поселений в Восточной Грузии, датируемых V и VI тысячелетиями до н.э. (т.н. Шулаверис-гора и Имирис-гора) с группами круглых в плане жилых и хозяйственных ячеек, перекрытых конической, то плоской кровлей. Памятники эпохи ранней бронзы – поселение в 10 км от г. Гори (селище Квацхелеби), датируемое III тысячелетием до н.э. (самые ранние слои – начало и середина III тысячелетия до н.э.) и т.д.

По свидетельству греческих и римских авторов (Ксенофонт, V-VI вв. до н.э.; Страбон, I в. до н.э. – I в. н.э.; Витрувий, I в. до н.э.), в I тысячелетии до н.э. в Грузии существовали укрепленные благоустроенные города, крытые черепицей и построенные согласно правилам архитектурного искусства дворцы, дома, рынки и др. общественные сооружения. Витрувий дает описание колхидского жилого дома со сложным из деревянных брусьев пирамидальным перекрытием и с верхним отверстием – своеобразного прототипа крестьянского жилья типа «дарбази», получившего в дальнейшем широкое распространение и послужившего одним из источников формирования средневековой монументальной купольной архитектуры.

В Грузии сложилось несколько типов культовых зданий – базилика и несколько разновидностей центрально-купольных

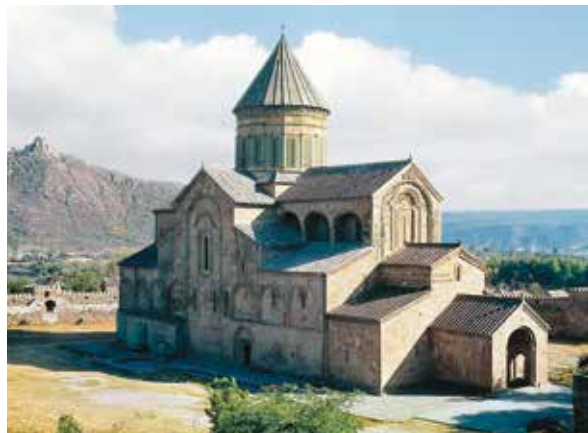
церквей. Это так называемый *croix libre* (свободный крест) с одной апсидой и тремя прямоугольными рукавами, с крестообразным внутренним планом, снаружи имеющим вид прямоугольника или многоугольника. Этот тип достиг наиболее полного развития; в Грузии выработался специфический вариант с угловыми комнатами, известный как «тип Джвари» (Мцхетский Джвари, 586-604 гг.; Атенис Сиони, VII в.).

К первой трети VII века относится храм в Цроми – один из наиболее ранних законченных образцов широко распространенного типа «вписанный крест» (*croix inscrit*). В отличие от более ранних храмов, купол здесь опирается не на стены, а на четыре свободно стоящих столба. Храм Цроми – с удлиненной продольной осью, с двумя треугольными нишами на восточном фасаде, с фронтонными завершениями всех 4-х рукавов

Гелати – Гелатский монастырь

Светицховели

Alaverdi Cathedral, 11th Century

Jvari, 6th Century

креста, создаваемого массивными сооружениями – предвосхищает дальнейшее развитие грузинской купольной архитектуры.

Отличительная черта грузинских купольных храмов – ступенчатость постепенно вырастающих масс, состоящих из рукавов креста, перекрытых двускатной кровлей, и угловых, более низких помещений, перекрытых на один скат. Все увенчано единственным куполом на высоком барабане с пирамидальной кровлей: это

основная доминанта, объединяющая сооружение в одно компактное целое.

Памятники архитектуры и культуры Гелати – Гелатский монастырь – основан в 1106 году Давидом Строителем. Расположен в Западной Грузии на расстоянии 11 км от г. Кутаиси. Ансамбль окаймляет крепостная стена. Он включает здания, выстроенные в разное время; в основном в XII-XIII веках. Главный храм Успения

Богоматери – это центрально-купольное здание площадью (включая пристройки) 35x36 м, высота до 34 м, облицованное шлифованным экарским камнем. Фасады декорированы арками со сложным ритмом и почти лишены орнамента.

Это был научный и культурно-просветительский центр Грузии. Здесь функционировала известная Гелатская академия, где преподавали и работали такие известные грузинские ученые, как Иоан

Петрици. Остались развалины Академии (пл. 300 кв. м). Здесь похоронены почти все цари Грузии. В Главных воротах храма похоронен Давид Строитель. С 1923 года функционировал как филиал Кутаисского Государственного историко-этнографического музея.

В абсиде алтарной части храма – известная мозаика с изображением Богоматери, памятник настенной живописи (1125-1130 гг.). Стены храма расписаны. Среди фресок есть изображение

Dabi's Church

Ateni sioni, 7th Century

Ananuri Monastery 17th century

Samtavisi Church, 1030

Bagrat's Cathedral, 1003

самого Давида Строителя с макетом храма в руках.

Светицховели («животворящий крест») – памятник грузинской архитектуры XI века. Самый большой из сохранившихся храмов – Патриарший храм – расположен в г. Мцхета в 20 км от Тбилиси. Возведен на месте первого христианского храма IV века при первом христиан-

ском царе Мириане и царице Нане на месте, указанном св. Ниной, просветительницей Грузии. Следы фундамента церкви IV века, выстроенной при св. Нине, и первой базилики V века, стоявшей на этом же месте, были обнаружены при проведении ремонтно-реставрационных работ в 1970-1971 годах. В плане это сильно вытянутый

прямоугольник. Образ креста создается в пространстве. От купола во все 4 стороны простираются 4 рукава. Рукава в плане прямоугольные, кроме восточного рукава, который завершается абсидой. Купол опирается на 4 мощных столба. В барабане купола 16 проемов. Пропорции храма подчиняются расположенному в центре высокому купо-

лу, под которым под двухскатной крышей расположены рукава креста. Между рукавами низкие, перекрытые односкатной крышей помещения. Несмотря на то что храм подвергался многократным изменениям, он и сегодня предстает перед нами в своем величии.

Культурное наследие Грузии представлено как

отдельными памятниками архитектуры и культуры, так и целыми урбанистическими образованиями. Урбанистическое наследие многообразно. Сюда входят исторические города и селения, имеющие статус музеев-заповедников (Мцхета, Сигнахи, Ушгули и т.д.), в том числе не функционирующие или частично функционирующие в настоящее время, но известные на протяжении веков, высеченные в скалах древние городища и монастырские комплексы (Вардзия, Уплисцихе, Давид Гареджи); исторически сложившиеся части современных, но имеющих многовековую историю городов (Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Телави); урбанистическое наследие, культурные пласты которого исчисляются веками до нашей эры и которые становятся достоянием страны в результате современных археологических раскопок (Нокалакеви, Дманиси).

Музеи-заповедники

Музей-заповедник Уплисцихе – высеченный в скале город. Это один из

древнейших городов на Кавказе. Расположен на правом берегу реки Куры в 10 км от г. Гори. В летописи он упоминается впервые в VII веке. В окрестностях Уплисцихе есть археологические и архитектурные памятники, первые из которых относятся к раннебронзовому веку.

Город создавался в первой половине I тысячелетия до н.э. Основная часть города высечена в скале в раннеантичный (VI-VII вв. до н.э.) и эллинистический (III-I вв. до н.э.) периоды. Есть несколько комплексов, высеченных в средние века.

Сравнительно хорошо сохранилась внутренняя часть города (площадью 4 га), которая представляет собой композиционный центр памятника: сохранились остатки крепостной фортификационной стены, высеченная в скале сеть улиц, одна из которых является магистральной. Важным элементом планировки является двор, а все жилые комплексы имеют сходную планировочную структуру с определенным

расположением помещений. В верхней части пещерного комплекса находится высеченная в скале большая зала с полусферным перекрытием и восьмигранными кессонами. Город функционировал вплоть до XIII века.

Музей-заповедник Вардзия – высеченный в скале монастырский комплекс XII-XIII веков (в основном 1156-1203 гг.) – расположен в исторической местности Джавахетии на правом берегу реки Куры (Мтквари). Монастырский ансамбль был освящен в 1185 году в период правления царицы Тамары. Монастырский комплекс играл большую роль в политической жизни страны, был очагом культурно-просветительской деятельности. Разрушен в 1551 году чужеземными захватчиками. В 1938 году получил статус музея-заповедника. Монастырский комплекс высечен в отвесной скале горы Эршети (горная порода – туф-брекчия). Длина комплекса 500 м. Комплекс выстроен по определенному градостроительному плану, куда вошли кельи, культовые, оборонительные

и ирригационные сооружения. Расположен комплекс на 13 этажах. Состоит из исторически сложившихся двух частей – монастыря и скального селения Ананаури более раннего периода (X-XII вв.). Композиционным центром высеченного в скале многоэтажного ансамбля является большой храм Успения Богоматери с портиком. Жилые и общественные палаты состоят из 2, 3 и 4-х комнат. В монастыре 120 жилых комплексов, включающих 420 помещений. Целиком или частично сохранились 242 пещеры, есть залы размером 5,6x8 м. Имеется природный источник воды. Водоснабжение осуществлялось каналом длиной в 3,5 км. Есть имеющие водоснабжение туннели, где обитатели скрывались при нашествии врагов.

Храм расписан в XII веке. Вместе со сценами из жизни Христа изображены царь Георгий Ш и царица Тамара. Роспись храма – значительный памятник грузинской монументальной живописи.

Музей-заповедник Давид-Гареджа – высеченный в отвесной скале монастырский

Вардзия

Давид-Гареджа

ансамбль, основанный в первой половине VI века св. отцом Давидом в полупустынной скалистой местности Юго-Восточной Грузии. Иверское плато, на котором в основном расположены монастыри Гареджа, – самое безводное и лишенное растительности место в Грузии. В нижнем дворе монастыря сохранились кельи первых веков его строительства, в том числе и келья св. Давида. Свой окончательный облик монастырь принимает в XVI-XVII веках. В эту эпоху возводится ряд церквей (св. Николая, Успения Богородицы и св. Марины). На протяжении веков Давид-Гареджа был центром духовной жизни Грузии. В настоящее время в монастыре снова возрождается религиозная деятельность, вместе с тем он становится одним из центров туризма.

Музей-

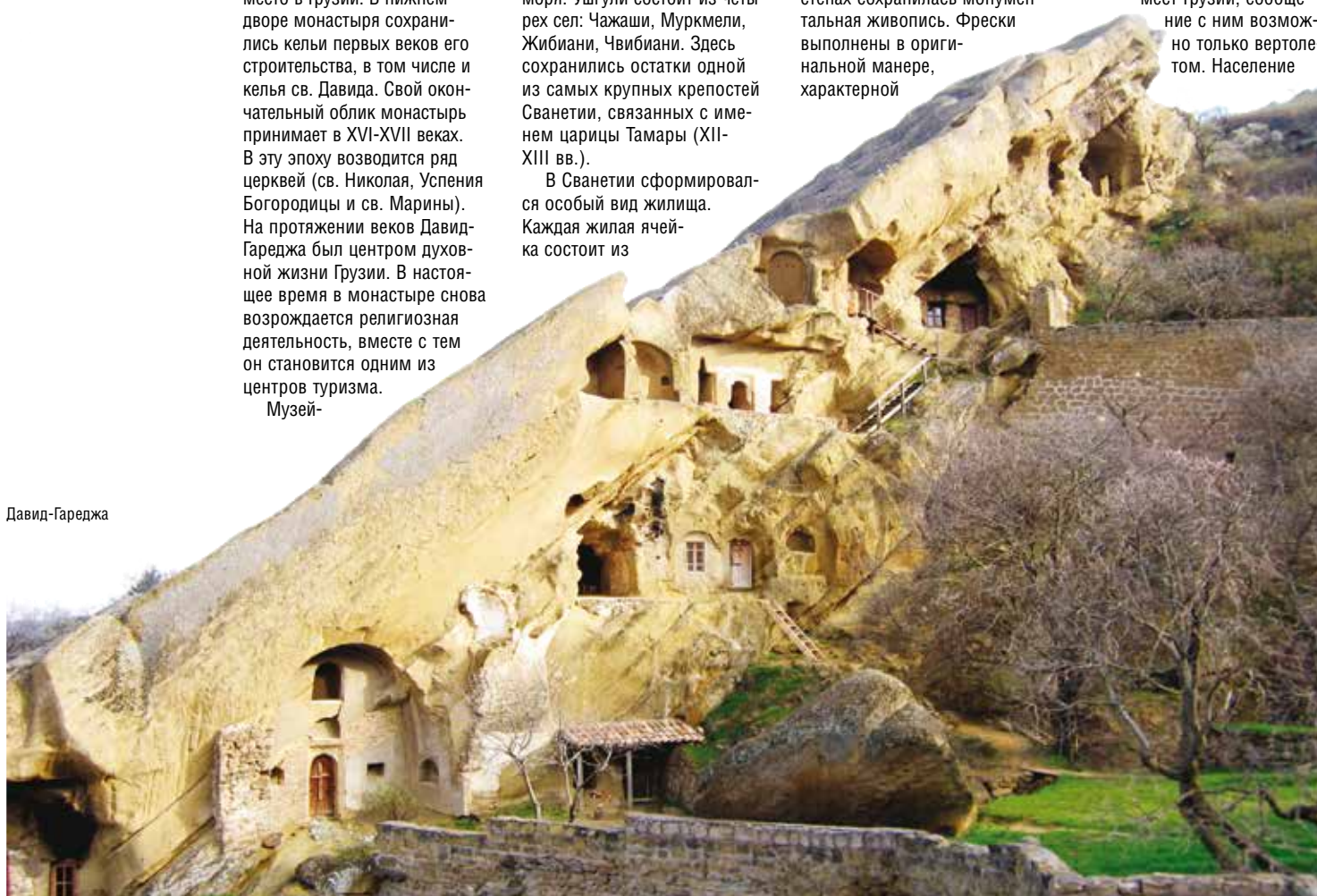
заповедник Ушгули – историческое поселение на крайнем востоке верхней Сванетии, высокогорного района Западной Грузии. Ушгули считается одним из самых высокогорных поселений в Европе. Он расположен на высоте 2 200 м над уровнем моря. Ушгули состоит из четырех сел: Чажаши, Муркмели, Жибиани, Чвибиани. Здесь сохранились остатки одной из самых крупных крепостей Сванетии, связанных с именем царицы Тамары (XII-XIII вв.).

В Сванетии сформировался особый вид жилища. Каждая жилая ячейка состоит из

фамильной оборонительной башни, жилого дома, хозяйственных помещений. Башни в плане представляют квадрат, высота башен до 25 м. В Ушгули функционируют и по сей день жилые, хозяйственные и культовые сооружения, в том числе 37 башен; на их стенах сохранилась монументальная живопись. Фрески выполнены в оригинальной манере, характерной

именно для этой местности. В Сванетии сложилась своя, оригинальная школа монументальной живописи, школа чеканки по серебру и золоту. Из-за больших снегов в течение почти 6-7 месяцев Ушгули оторван от других населенных мест Грузии, сообще-ние с ним возмож-но только вертоле-том. Население

Давид-Гареджа

Svaneti, village of Ushguli

занимается, в основном, скотоводством. Ушгули включено в туристические маршруты Грузии.

Музей-заповедник Шатили – уникальный памятник грузинского строительного искусства. Это селение на северном склоне Тушетско-Хевсурской части главного Кавказского хребта, в ущелье р. Аргуни на высоте 1400 м над уровнем моря.

Расположенное на скале, Шатили одновременно было и жилым поселением, и крепостью. На протяжении веков она защищала Грузию от врагов со стороны северных переходов Кавказского хребта. По градостроительному плану Шатили делится на кварталы, в которых стоящие рядом дома-крепости создают единую неприступную

стену, надежно защищающую селение. Застройка Шатили террасная. Основной тип зданий – жилой дом с плоской кровлей и жилой дом-башня. Между зданиями на всю высоту селения поднимается узкая каменная лестница. В некоторых местах сохранились дощатые переходы, по которым можно было при нашествии врагов оббежать всю деревню, не выходя на улицу.

В начале селения отдельно расположено одноэтажное здание – место собрания мужчин.

Древние городища, где проводятся археологические раскопки

Нокалакеви – исторический город-крепость, датированный III веком до н.э. Археологические раскопки

начались здесь в 1930 году. По мнению археологов, возведение города-крепости было обусловлено стратегическими соображениями и большим количеством населения. Вначале он именовался Цихе-Годж; в более поздних византийских источниках упоминается как Археополис (старый город).

Это был один из больших и развитых городов Грузии. Здесь найдены остатки цитадели – внутренней крепости, царского дворца, датированного IV веком, трехнефной базилики V века, городских ворот с башнями, двух бань и др. зданий и сооружений, выстроенных из тесаного камня. Найдены также остатки керамических изделий, монеты, украшения местного производства и иностранного

происхождения (в том числе клад из 23 золотых монет с изображением византийского императора Маврикия VI-VII вв.), что свидетельствует о развитых торгово-экономических связях Накалакеви с другими государствами.

Дманиси – древнее городище в горах на юге Грузии, где в настоящее время ведутся всемирно известные археологические раскопки. Раскопки начались здесь в 1936 году. Территория Дманиси была населена с раннебронзового века. Здесь проходил караванный путь в Переднюю Азию. В городе были развиты ремесло и торговля, действовал монетный двор. При раскопках обнаружены части высокой крепостной стены из грубо обработанного базальтового

Нокалакеви

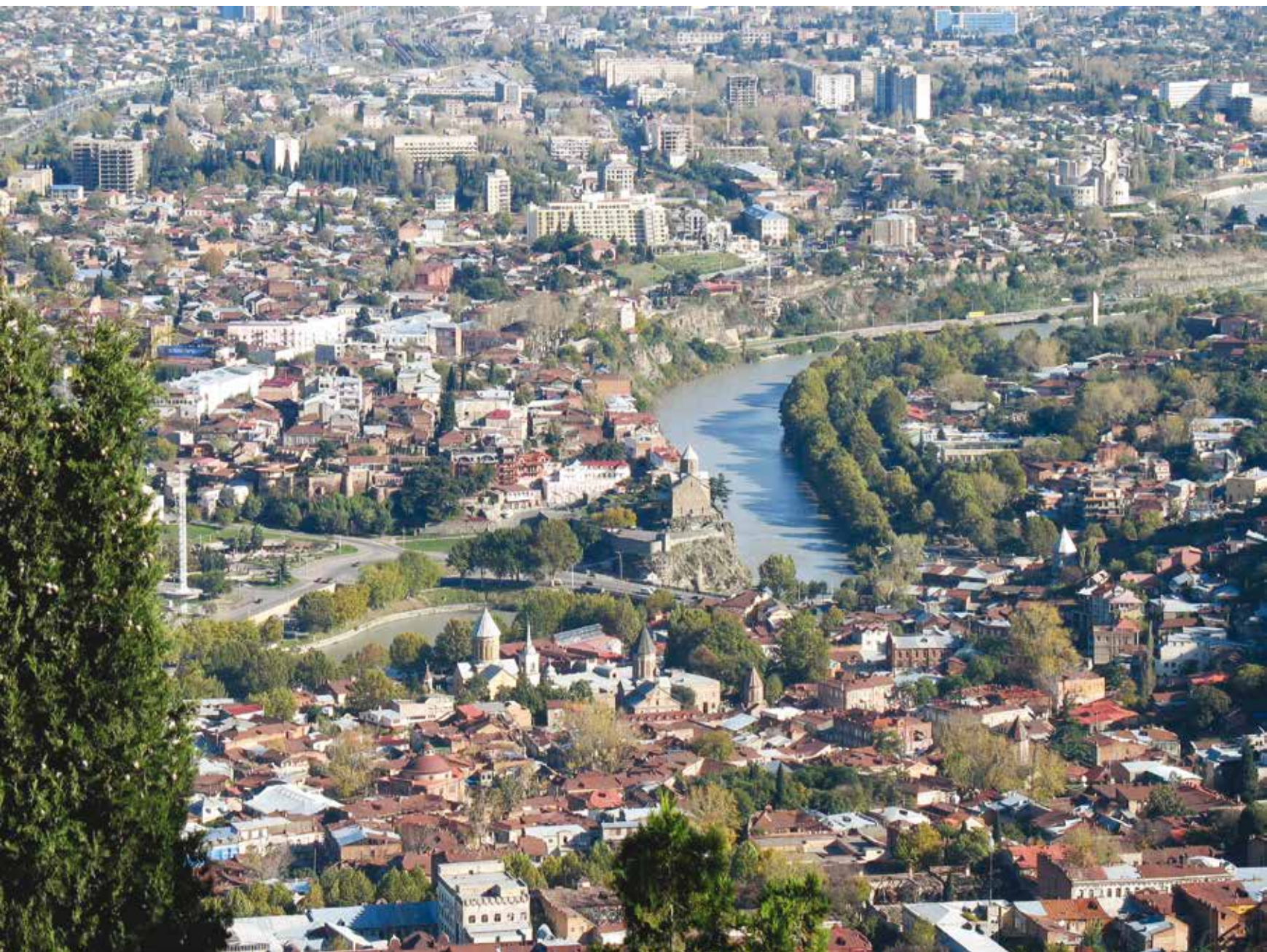

Дманиси

камня на полукруглых опорах с контрфорсами, которая окаймляла город площадью 13 га; городские ворота; вымощенные улицы; туннели, выходящие к реке; развалины жилых домов, выстроенных из грубо обработанных базальтовых камней; маслобоя; мастерские; ясли; винные погреба; бани; мечеть с минаретами; остатки медресе. Ниже внутренней крепости стоит трехнефная базилика (т.н. «дманисский Сион», VI в.). Здесь же – церковь и колокольня позднефеодалного периода. В большом количестве найдена керамика IX-X, особенно – XI-XIII веков, монеты XI-XIII веков (в основном грузинские), орудия труда и боевое оружие, золотые и серебряные украшения XII-XIII веков.

Тбилиси

Сенсацией было обнаружение в 2004 году скелетов мужчины и женщины, возраст которых исчисляется в 1 800 000 лет. Международным сообществом они были признаны первыми европейцами. Их облик восстановлен французскими специалистами; теперь под именами Зезва и Мзия они экспонируются в Государственном историческом музее им. Джанашиа в Тбилиси.

Законодательство Грузии в сфере охраны культурного наследия В Грузии действует Закон о культурном наследии. Исторически сложившиеся, имеющие многовековую историю части современных городов, где сконцентрированы памятники архитектуры и культуры, включены в границы охранных зон. Это зона охраны исторической застройки, зона регулирования застройки и зона охраны ландшафта. Такие зоны есть в городах Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Телави. В границах этих зон действуют соответствующие режимы, в рамках которых осуществляется строительная деятельность. В 2007 году под руководством министерства культуры Грузии были выполнены историко-культурные опорные планы по городам Тбилиси и Батуми.

Была произведена инвентаризация всех зданий и сооружений и уточнены списки памятников архитектуры.

Пример современных реабилитационных работ, осуществляемых государством по сохранению градостроительного наследия, – г. Сигнахи.

Основная тенденция государственной политики по культурному наследию Грузии заключается в комплексной реабилитации крупных урбанистических образований, а не только в восстановлении отдельных памятников архитектуры и культуры. Это реабилитация всей городской инфраструктуры, которая включает инженерные коммуникации, мощение улиц, отделку фасадов жилых и общественных зданий. Целью работ является включение реабилитированных градостроительных образований в туристическую сеть.

Примером современных реабилитационных работ, осуществляемых при финансовой поддержке государства, может служить исторический город Сигнахи, музей-заповедник в Восточной Грузии. Он расположен в 113 км от Тбилиси на склонах Гомборского хребта, на высоте 790 м над уровнем моря. Впервые в

летописи он упоминается в 1 половине XVIII века. В 1762 году царь Ираклий II на развалинах крепости выстроил город с крепостной стеной. Сигнахи был престольным городом. Население занималось торговлей и ремеслом. Государство в 2007 году провело широкомасштабные реабилитационные работы. Были восстановлены фасады жилых домов и общественных зданий, мощение улиц и т.д. Городская среда обогатилась современным дизайном, подчеркивающим самобытность этой местности. Здесь и традиционные мотивы – скульптура по рисунку выходца из этих мест известного грузинского художника Нико Пиросманишвили, и стилизованная скульптура путешественника Дон Кихота, может быть, бывавшего и в этих местах. По примеру Сигнахи планируются реабилитационные работы исторической среды в других городах Грузии – Батуми, Кутаиси.

Марина Туманишвили

Батуми

Сигнахи

Дальневосточный имперский проект: Магадан – забытая столица Дальстроя

В настоящее время сложилось два подхода к изучению культурного наследия советской эпохи 1930–50-х годов (в том числе и архитектуры указанного периода): условно их можно назвать традиционным – к ним относятся труды А. Иконникова, С. Хан-Магомедова, Г. Ревзина, В. Седова¹ – и постструктуралистским. Это, прежде всего, работы Б. Гройса, И. Голомштока, В. Паперного, М. Золотоносова, Д. Хмельницкого.² Традиционная школа трактует сталинскую архитектуру как составную часть евро-американского неоклассицизма, расцвет которого «был обусловлен естественным процессом художественной эволюции»³; постструктуралисты, вслед за М. Фуко, рассматривают советский культурный ландшафт как репрессивное пространство, особо подчеркивая его сходство с тоталитарной эстетикой Италии и Германии.⁴ Между тем сравнение того и другого не дает оснований для аналогий. Для того чтобы опровергнуть абсурдность подобных аналогий, достаточно сравнить легионерские поселки Муссолини⁵, построенные на колонизируемых территориях, и новые города, воздвигаемые советской властью на Дальнем Востоке.

В предлагаемом исследовании авторы рассматривают советское освоение Дальнего Востока как закономерное развитие российской имперской традиции. Общеизвестно, что для устойчивого существования империи необходимо ее постоянное территориальное расширение. Этому процессу, как правило, сопутствует стремление оформить ключевые точки колоний с помощью официальной имперской эстетики. При анализе дальневосточной архитектуры 1930–50-х годов мы предлагаем использовать термин «сталинский эллинизм», описывающий трансформацию государственного классицизма под влиянием местной культурной и природно-климатической специфики.

Предметом исследования является архитектура города Магадана 1930–50-х годов. Со времен перестройки социокультурное значение Магадана традиционно рассматривалось в свете «Колымских рассказов» В. Шаламова. Данная статья написана на основе периодики, издававшейся в Магадане в 1940–50-е годы.⁶

Дальстрой как главный фактор успешной колонизации северо-востока СССР Магадан, по сути, являлся столицей Дальстроя, поэтому следует коротко остановиться на роли, которую сыграла эта могущественная организация в освоении северо-востока страны. За Дальстроем была официально закреплена территория от Лены и Алдана до Берингова пролива и побережья Чукотского, Белого, Восточно-Сибирского морей; вся территория Магаданской области (более 800 тыс. кв. км), восточная часть Якутской АССР (1,2 млн. кв. км), Корякский автономный округ Камчатской области (около 200 тыс. кв. км), значительная часть бывшей Нижне-Амурской области Хабаровского края (около 200 тыс. кв. км). Общая численность рабочих Дальстроя в 1955 году составляла 100 тысяч человек (для сравнения: население Магадана в это же время составляло всего 50 тысяч человек). Генеральным направлением деятельности Дальстроя являлась золотодобыча; попутно решалась проблема освоения территории, начиная от геологоразведки и заканчивая возведением благоустроенных населенных пунктов. Объем капиталовложений в строительство постоянно увеличивался: с 1933 по 1941 годы в 4 раза, в 1946 году – в 5 раз, в 1951 – в 13 раз, в 1953 – в 13,5 раз. Возросший объем капитального строительства в 1941–1947 годах не был обеспечен остродефицитными стройматериалами. «Не хватало цемента, металла, сантехники. На местах изыскивались стройматериалы, разрабатывались и внедрялись облегченные типы конструкций и фундаментов».⁷

Все, что было возведено на территории Дальстроя, снабжалось стеновыми материалами местных кирпичных заводов (в 1956 году 11 заводов выпускали 23 млн. кирпичей в год). Местный шлак использовался для изготовления шлакоблоков (3 млн. шлакоблоков ежегодно заменяли 21 млн. кирпичей). На севере региона распространение получил крупнопористый бетон, на изготовление которого шел гравий или щебень; расход цемента в таком бетоне был ниже, а морозостойкость выше, чем в шлакобетоне. Раствор на цементе повсеместно заменяли известковыми вяжущими. Известь обжигали в напольных печах. Лесоперерабатывающая промышленность поставляла 750 кубометров леса ежемесячно; в 1954 году в Магадане завершлось строительство цеха ж/б изделий (5 тыс. кубометров в год); в 1958 году вступил в действие гипсовый завод, выпускавший 5 тыс. тонн гипса в год.

Основой проблемой являлась механизация строительных работ. В 1945–1946 годах удельный вес механизированных работ в дорожном строительстве составил 80 процентов от общего объема работ. В Дальстрое на 100 млн руб. строительство-монтажных работ приходилось 1,8 башенных крана (в Москве – 75, в Норильске – 6), 37 бульдозеров (в Москве – 22, в Норильске – 5), 6,8 автомобильных крана (в Москве – 40, в Норильске – 3).

К 1956 году (юбилейный год 25-летия организации) Дальстроем было возведено: 36 поселков городского типа и 220 рабочих поселков общей жилой площадью 724 кв. м, 50 больниц, 93 детских садов, 158 клубов, 123 школы и 3 порта.

«Комплексное строительство (с электричеством, горячей водой, канализацией, теплоснабжением, школами, яслями, клубами, поликлиниками) стало нерушимым правилом проектировщиков и строителей Дальстроя. И это хорошее правило получило воплощение в благоустро-

енных поселках, созданных вокруг новых промышленных объектов».⁸

Магадан – столица Дальстроя
Первые землянки на склоне Магадано-Нагаевского водораздела появились в 1928 году. Первоначально Магадан выполнял функции «перевалочной базы для грузов, поступающих морским путем в Нагаево». Строительство административной столицы Дальстроя предполагало вести «в 500 км от порта Нагаево, на заболоченных террасах р. Колымы».⁹ Но исключительно удобная для навигации бухта повлекла за собой создание морского порта, доков, ремонтных мастерских, постепенно превращающихся в заводы. В 1932 году, когда началось трассирование шоссе Нагаево – Алдан, на заросших стлаником сопках стали прорубаться просеки, намечающие структуру будущего города. В 1933 году на пароходе «Смоленск» прибыли молодые инженеры – первостроители города: Б.Т. Суворов, И.И. Лукин, Л.Н. Морозов, П.А. Петровский, В.А. Коротун. Один из них, восторженно описывая великолепную бухту, осторожно отмечал: «Нас встревожили огромные массы снега, которые лежали в распадах прибрежных сопки в разгар лета... Строители впервые столкнулись с такими препятствиями, о которых никогда не подозревали. Зимние температуры здесь ниже -50 градусов».¹⁰ Требовалось выяснить поведение вечной мерзлоты, режим рек, возможность использовать местные строительные материалы – узнать их свойства и запасы; выбрать наиболее приемлемые конструкции зданий и наиболее экономичные типы фундамента. Так как геологи настаивали на безотлагательном начале разработок открытых месторождений, «нам пришлось немедленно, не имея еще законченных наблюдений за поведением вечной мерзлоты, за режимом рек, проектировать и строить».¹¹

1. Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997. С. 405–488.
2. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. С. 608–670.
3. Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. www.archi.ru Голомшток И. Тоталитарное искусство. М., 1994. www.archi.ru Паперный В. Культура Два. М., Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
4. Золотоносов М. Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков: сб. статей. М.: Ладомир, 1999. 830 с.
5. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 376 с.: 184 ил.
6. Хмельницкий Д. Новые версии советской архитектуры // «22». № 116. Тель-Авив, 2002.
7. «Внешнее сходство советского и фашистского искусства бросается в глаза любому». Цит. по: Хмельницкий Д. О книге «Тоталитарное искусство» Игоря Голомштока / «22». № 104. Тель-Авив, 1997.
8. Ревзин Г. Доната Пицци. Шедевры Муссолини // Проект Классика. № 1. 2008. С. 116–149.
9. Газета «Колымская правда»; лит.-худож. альманах «На севере дальнем».
10. Васильев В. А. Роль Дальстроя в развитии народного хозяйства северо-востока СССР. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1956. С. 225.
11. Там же, с. 223.
12. Софронов В. Город строится // На севере дальнем: лит.-худож. альманах. № 2 (13). Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1959. С. 118.

Первоначально поселок Магадан (Нагаево), расположенный на правобережном склоне реки Магаданки, состоял из землянок, ситцевых палаток и барачков. Собирались привозные сборные щитовые домики, в одном из которых размещалось Главное управление Дальстроя. Очевидец вспоминает «старые общежития дальстроевских времен – огромные многокочные казармы коридорного типа, где нормальный культурный отдых после работы – сложнейшая проблема». ¹² В поселке имела одна локомотивная станция на 990 киловатт (замененная паротурбинным генератором в 1943 году). Современники запомнили «сажу, копоть и пепел, извергающиеся на город из шести «Везувиев» – центральной котельной и множества более мелких труб». ¹³ Только к 25-летию Дальстроя была введена в строй мощная теплоэлектростанция.

Первые каменные постройки (здания телеграфа и горного техникума) относятся к 1934 году. Два года спустя завершилось строительство десятилетней школы на проспекте Сталина и жилых каменных домов на углу пр. Ленина и пр. Сталина. Эти здания, увенчанные башенками, акцентировали ключевые перекрестки в намечающейся городской структуре.

В 1935 году сформировался проектный отдел Дальстроя, в задачу которого входило проектирование первых горнорудных предприятий, энергетических баз, ЛЭП и т. д. Именно в этом году в Магадан прибыли первые архитекторы Н.Н. Юргенсон и Ю.М. Миронов. Со временем «Дальстройпроект» переехал в «желтое здание с белыми пилястрами». В 1939 году были построены фундаментальное здание Главного управления, 57-квартирный жилой дом на пр. Ленина, новый больничный городок, первая поликлиника. В 1943 году на пр. Ленина строилось 6 домов, при возведении которых по инициативе инженера Головнина впервые стали применяться крупные фундаментные блоки.

Застройка «столичного» Магадана, велась одновременно со сносом деревянных барачков и временных (последнюю палатку ликвидировали

в 1958 году), «доставшихся городу по наследству от необозначенного ни на одной карте населенного пункта. Еще в 1945–1947 годах вся территория от ул. Коммуны до пр. Ленина была огорожена высоким серым забором, за которым виднелись скучные крыши каких-то складских помещений». ¹⁴ Возможно, это замаскированное указание на уничтожаемые лагеря. На заболоченных пустырях за рекой Магаданкой, рассквавшей город надвое, стояли «покосившиеся хибарки Глинобитки», на месте которых проектировался новый жилой район из четырехэтажных домов, а также парк и стадион. Современник отмечает: «Проектировщикам... повезло: в их распоряжении был огромный кусочек ничем по существу не занятой городской территории. Можно было проектировать сразу большой ансамбль зданий, разместив их с учетом солнечного освещения, господствующих ветров и других немаловажных факторов». ¹⁵

Послевоенный Магадан раскинулся от бухты Нагаево до бухты Гертнера. В 1956 году город представлял собой «огромный прямоугольник», поднимающийся по обеим сторонам реки Магаданки от бухты к Дукчинскому водоразделу, где находилась главная городская вертикаль – телевизионная башня, увенчанная красной звездой.

Акваторию бухты занимали склады и овощехранилища Колымснаба, а также промышленная зона с «мрачными заборами, деревянными складами и горами утильного железа», постепенно вытесняемая «новыми белыми зданиями жилых домов». Портовая улица – нижняя грань прямоугольника – шла параллельно акватории бухты. Перпендикулярно ей, вверх на водораздел поднимался «прямой, как Невский проспект» пр. Ленина. За водоразделом он сливался с Колымским шоссе, уходящим на полторы тысячи километров вглубь материка. Параллельно пр. Ленина была проложена ул. Коммуны. Замкнуть прямоугольник должна была улица, намеченная от телевизионной вышки до Нагаевской стрелки.

Еще в 1956 году ул. Коммуны производила двойственное

впечатление: ее правая сторона уже была сплошь застроена «каменными громадами» с центральным отоплением, ваннами и горячей водой, среди которых выделялись большое здание ВНИИ и дом №6 со скошенным углом, в то время как по левой стороне еще ютились «закопченные домишки». От ул. Коммуны сворачивала ул. Пролетарская, которая вела на северную окраину Магадана – Колымскую заставу, где располагались новые гостиница, дощатый автовокзал и здание телеграфа. Здесь «к 41-й годовщине Октябрьской революции» на месте старого деревянного моста, смытого наводнением 1955 года, был возведен первый на северо-востоке страны мост из сборных железобетонных блоков, огороженный металлической решеткой и освещенный «4 шаровыми светильниками на 8-метровых бетонных столбах». Генпланом предполагалось превращение Пролетарской улицы в основную автомобильную магистраль, застроенную 4-этажными жилыми домами, фабриками и заводами.

Сердцем города являлась площадь Ленина с бронзовой фигурой вождя, который призывно указывал на север, поощряя дальнейшую колонизацию края. Памятник располагался перед зданием обкома партии и облисполкома. Площадь фланкировали «простые и строгие архитектурные формы» здания совнархоза. На колористическое решение городского центра косвенно указывают слова В. Сафонова: «Посмотрите, как преобразилось здание обкома и облисполкома после того, как его оштукатурили и окрасили. Куда делась мрачная тяжесть, которая когда-то точно сковывала это здание: оно стало легче, гармоничнее – точно выросло». ¹⁶

Для исправления неудачной планировки перекрестка ул. Сталина с пр. Ленина, в районе ул. Дзержинского, на месте частных маленьких домиков и Музея санитарного просвещения, намечалось создание нового городского центра с большой площадью, оформленной «цветниками-террасами широкой эспланады», переходящей в площадь им. Ленина. «Широкая ул. Сталина будет естествен-

но и свободно вливаться в новую площадь, органически с ней соединяясь». ¹⁷ Таким образом, намечалось создание цельного градостроительного ансамбля, архитектурными доминантами которого являлись клуб им. Островского, «красивое» здание горно-технологического техникума, здание областной типографии, многоэтажный Дом геологов и комплекс из четырех многоэтажных кирпичных домов (общая жилая площадь которых составляла 5–6 тыс. кв. м, т. е. – 150 квартир). Реконструированная улица Дзержинского превращалась в продолжение ул. Сталина, «отданной школьникам и пешеходам». На ул. Пушкина были построены здания обкома профсоюза и детского комбинат, а также высокие жилые дома. К 20-летию города открылись «современный универмаг, отличная поликлиника, прекрасное здание театра».

Современники отмечали высокий уровень городского благоустройства: «тротуары, вазоны с цветами, залитые асфальтом автомобильные проезды». Хрестоматийная строка: «Вдали нам сиял Магадан – столица Колымского края» – точно описывает впечатление от морского фасада ночного города, главные улицы которого освещались двойными рядами «пушкинских» фонарей. Косвенное подтверждение «иллюминированности» города можно увидеть в стихах 1939 года: «Бушующую порою / с винтовкою и кайлом / идет инженер Дальстроя / сквозь воющий бурелом... Раз в месяц он приезжает / в сияющий Магадан...». ¹⁸ Хроники свидетельствовали: «Море огней заливает правый склон долины от устья Каменушки до самой бухты Гертнера». ¹⁹

Большое внимание уделялось созданию спортивно-парковой городской зоны, главным украшением которой стал Дворец физкультуры (арх. Машинский): «Легкое, светлое, крылатое здание вписалось в ансамбль стадиона и парка; его фотографии обошли все журналы СССР». Широко обсуждалось строительство бассейна в парке культуры и отдыха.

Магадан возник в дебрях заполярной тайги, которая, впрочем, была полностью

10. Лукин И. И. Строительство на северо-востоке. Дальстрой : к 25-летию. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1956. С. 168.
11. Там же, с. 170.
12. Там же, с. 119.
13. Там же, с. 125.
14. Там же, с. 120.
15. Там же, с. 120.
16. Там же, с. 121.
17. Там же, с. 120.
18. Долматовский Е. Инженер // На севере дальнем : лит.-худож. альманах. № 2 (13). Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1959. С. 127.
19. Софронов В. Город строится // На севере дальнем : лит.-худож. альманах. № 2 (13). Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1959. С. 117.

20. Лукин И. И. Строительство на северо-востоке. Дальстрой : к 25-летию. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1956. С. 121.
21. Иконников А. В. Историзм в архитектуре. М. : Стройиздат, 1997. С. 432.
22. Там же, с. 430.
23. Там же, с. 324.
24. Золотоносов М. Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX-XX веков : сб. статей. М. : Ладомир, 1999. С. 600.
25. Ревзин Г. Столп и утверждение мнимости // Проект Классика. № 1. 2006. С. 49.

сведена на дрова. В хрониках есть упоминания о «последних лиственницах, которые вырубил ретивые прорабы в 1947 году». Уже в 1950-е годы перед городом остро встала проблема озеленения. В ландшафтном благоустройстве использовались вновь посаженные лиственницы, карликовые рябины, шиповник. Разбивались партеры и клумбы, наиболее популярными цветами являлись астры и табак; проспект Ленина «пламенел махровыми маками». Набережная была украшена скверами, с широкими аллеями для пешеходов. К 1959 году намечалось высадить 20 тыс. кустов и деревьев, дополнительно озеленить парк культуры и отдыха, оформленный новой входной зоной (арх. Леповский). В саду Областного краеведческого музея удалось вырастить ели, белые березы, черемуху, акацию и смородину, что позволяло строить оптимистичные прогнозы по поводу расширения ассортимента растений, озеленяющих город.

Живописные сопки в окрестностях Магадана были покрыты зарослями непролазного вечнозеленого стланика, низкорослой рябины и березовыми рощами. В районе бухты Нагаева, на ручье Холодном, в Каменном Венце, на Черном Ключе, в поселке Новая Веселая и по дороге на Старую Веселую предполагалось создание дачных пригородов, связанных регулярным автобусным сообщением с центром.

Стилистический анализ архитектуры Магадана

История Магадана с 1928 по 1956 год включает следующие стадии: «ситцево-палаточную», барачную,

деревянно-двухэтажную и каменно-многоэтажную.²⁰ Именно на последней стадии складывается «столичный» дальстроевский стиль, основными чертами которого являлись: ансамблевость, парадность, иерархичность. Магаданская архитектура стала заполярной ветвью «сталинского эллинизма».

А.В. Иконников, объясняя поворот к классицизму, писал, что ретроспективность имеет авторитет привычного²¹ и что «в 1930-е годы архитектура прошлого уже не воспринималась как символическое воплощение враждебных социальных сил»²². Неоклассицизм в качестве официальной имперской эстетики был выбран благодаря «убеждению в плодотворности принципов, а иногда и конкретных форм классики для гармоничного упорядочивания современной предметно-пространственной среды»²³.

Поразительной особенностью культурного ландшафта Магадана является контраст между «приморской», курортной архитектурой с вычурными барочными деталями и чудовищными природно-климатическими условиями, как бы принципиально игнорируемыми градостроителями. Зрелище изящных коринфских портиков, декорирующих здания, возведенные на вечной мерзлоте, и сегодня производит сильное впечатление. «Магистральная» архитектура Магадана более нарядна и празднична, чем, например, архитектура Комсомольска-на-Амуре, ближайшего от Магадана города, возводимого в то же самое время среди глухой тайги. Благодаря одинаковой этажности (4 этажа) и повторяющемуся приему

декорирования фасадной плоскости (рустовка цокольного этажа, оформление попеременно лучковыми и прямоугольными сандриками оконных проемов второго этажа, гипертрофированные ордерные элементы, объединяющие входную группу с окнами второго-третьего этажа, сильно развитые карнизы на фигурных кронштейнах), отдельные дома образуют цельные ансамбли. Классицистический принцип трехчастной симметричной композиции переносится с фасадной плоскости на оформление целых кварталов, центральные и угловые части которых выделяются ризалитами или эркерами с навесными трехчетвертными колоннами квадратного сечения, соединенными балкончиками и – в верхнем ярусе – разорванными лучковыми навесными фронтонными. На нижнем уровне здания связаны нарядно оформленными арками; для визуального объединения верхнего уровня используются сквозные балюстрады высоких парапетов с вазонами необычной вытянутой формы, не встречающейся более в дальневосточных городах.

Наиболее интересным памятником архитектуры рассматриваемого периода, выявленным в Магадане, является здание Областного драматического театра. Его сложная объемно-пространственная композиция, асимметричность главного фасада, геометрический рисунок переплета, расчленяющего огромные «цеховые» окна, являются пережитками конструктивизма. Приход нового большого стиля манифестирует могучий гиперпортик с четырьмя квадратными в сечении колоннами коринфского ордера, несущий профилированный карниз

и высокий глухой аттик, в свою очередь увенчанный четырьмя скульптурами «новоязыческих идиолов»²⁴ с сакральными орудиями в руках. Помимо портика на влияние классицистической традиции указывают изящные балюстрады французских балконов, которые выглядят инородными вкраплениями на аскетичной конструктивистской плоскости правого крыла главного фасада. На боковых фасадах ордер редуцирован до чередования лопаток и нейтральных заполнений окон.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что основной задачей сталинского эллинизма являлась культуртрегерская миссия: адаптация великих образцов для неподготовленного зрителя, образование этого зрителя и снабжение его информацией об истории и культуре. Сталинский эллинизм, частной версией которого является архитектура Магадана, успешно интегрировал классические образцы в народное хозяйство, преднамеренно редуцируя сложные смыслы специализированной культуры на уровень обыденного понимания.

В завершение статьи можно привести слова Г. Ревзина: «Классический ордерный язык говорит многое – о традиции, в которую встроена архитектура, о месте, в котором она располагается, о возможности встроить этот дом и этих, живущих в нем людей, в общий замысел гармонии или о невозможности это сделать, о самой мировой гармонии – ее существовании или принципиальном отсутствии»²⁵.

Алина Иванова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

VIII

CATALOGUE
КАТАЛОГ

СІÄ×ÅÑÒÂÎ
ĂÎÑÒÎ×ÍÎÉ
ÑÈÁÈÐÈ

Учредители Межрегионального фестиваля
«Зодчество Восточной Сибири»:

Департамент культуры и архивов администрации Иркутской области;
Иркутская организация Союза архитекторов России;
Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук

Генеральный спонсор фестиваля:

Группа компаний ПАЛП_НОРД
(Генеральный директор Т. В. Снимщикова)

Компания SCHUECO

Составы жюри:

Раздел «ПОСТРОЙКИ»

Председатель Драховский М.
вице-президент Международного Союза архитекторов, главный архитектор г. Кошице (Словакия)

Секретарь Апциаури В.А.

Члены жюри Буйнов А.Н.
главный архитектор Иркутской области
Красильников А.Г.
и.о. главного архитектора Желдорпроект
Березинский В.В., г. Красноярск

Секретарь Носова Н.А.
архитектор, лауреат премии губернатора Иркутской области

Члены жюри Лидин К.Л.
кандидат технических наук, доктор психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского института путей сообщения
Ляпин А.А., доцент ИрГТУ

Раздел «ПРОЕКТЫ»

Председатель Астраханцева В.В.
заслуженный архитектор России, советник РААСН, председатель правления Братской организации СА России

Зам. председателя Бух В.Ф.
заслуженный архитектор России, советник РААСН

Секретарь Теплякова И.А.
Иркутск, ГИПРОДОРНИИ, архитектор

Члены жюри Дементьева О.А.
архитектор, ведущий методист Красноярской организации СА России
Чертилов А.К.
эксперт-консультант Восточно-Сибирского управления Федеральной Службы Росохранкультура, член ИКОМОС, доцент ИрГТУ

Раздел «ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ»

Председатель Козлов В.В.
декан архитектурного факультета ИрГТУ

Секретарь Иоффе Т.Ч.
архитектор ОАО Иркутский Промстройпроект

Члены жюри Селянцев К.Г.
руководитель агентства экспертизы
Чумаков С.А.
архитектор ОАО Иркутский Промстройпроект
Демков С.Б.
главный архитектор ИркутскГипродорНИИ
Сидоренко Л.Г.
главный архитектор г. Ангарска
Мыльников Ю.А., архитектор, г. Красноярск

Раздел «ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО»

Председатель Стегайло В.Б.
заслуженный архитектор России, руководитель Архцентра

Зам. председателя Хлебников А.Ю., архитектор, г. Иркутск

Секретарь Речкина Д.И.

Члены жюри Раппапорт А.Г.
член Союза дизайнеров, член Международной Ассоциации архитектурных критиков
Крылова И.Н., архитектор, г. Красноярск
Березинский В.В., архитектор, г. Красноярск
Ананьев С.А.
главный архитектор Востсибпроекта

Раздел «ПРОПАГАНДА АРХИТЕКТУРЫ»

Председатель Раппапорт А.Г.
кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Международной Ассоциации архитектурных критиков

Зам. председателя Железняк О.Е.
кандидат искусствоведения, зав. кафедрой ИрГТУ

Партнеры:

ЗАО ПИИ «ИркутскЖилГорПроект»
(Генеральный директор Н.А. Кузаков)
Иркутскгражданпроект
(Генеральный директор А.Ю. Макаров)

Поддержка:

ОАО Иркутский Промстройпроект
(Генеральный директор А.С. Заиграев)
Архитектурное бюро Н. Л. Жуковского
Компания «Драйв»
(Генеральный директор Ольга Иванова)
Сибэкспоцентр (Генеральный директор А. Л. Коцарь)

Спонсоры:

ИркутскГипродорНИИ
(Генеральный директор А.Я. Косяков),
Предприятие «Фортуна»
(директор Н.А. Чекотова)
ООО «Габр»
Президент Совета директоров ОАО АК «Классик Банк»
Ю.И. Ковалев

Информационное сопровождение:

журналы:
«Проект Байкал»,
«Технологии строительства», Москва,
«Красивый берег», Красноярск,
«Особняк в квадрате», Иркутск

Список участников

ПОСТРОЙКИ

ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ

Дружинина И.Е.
Очиров М.Г.
Денисов А.Б.
Агеева А.В.
Домашкина Е.П.
Сизова Е.Н.
Капустин А.В.
Козак И.В.
Филиппова О.Г.
Кузин Ю.И.
Яков А.Ю.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ

Ляпин А.А.
Горчакова М.А.
Баженов С.В.
Баженов И.В.
Солнышков В.В.
Смирнова О.И.
Фетисова Т.
Жуковский Н.Л.
Нючева О.В.
Посохов Г.
Казаков М.
Хамаганов Д.
Виноградов П.А.
Прокофьева А.М.
Климова Г.Ю.
Малиновский П.Г.
Шулика О.К.
Скворцов Д.А.
Максимова Н.В.
Тигунцев А.В.

ИНТЕРЬЕР

Мыльников Ю.А.
Крылова Н.Н.
Заварзин А.А.
Михайлик А.В.
Стегайло В.Б.
Меерович М.Г.
Якубовский А.П.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Стегайло В.Б.
Бадула О.Б.
Мионов М.Ю.
Зимица К.В.
Михайлик А.В.

РЕСТАВРАЦИЯ

Жуковская Н.
Сенцова Л.
Егорова Н.

ЛАНДШАФТНАЯ

АРХИТЕКТУРА
Дружинина И.Е.

ПРОЕКТЫ

ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ

Чумаков С.А.
Никифоров В.С.
Иоффе Т.Ч.
Лапшин М.С.
Зильберман П.Г.
Зильберман О.П.
Лбова-Зильберман Ю.П.
Мыльников Ю.А.
Крылова И.Н.
Высоцкая Е.А.

Козелецкая И.В.
Сударчиков А.А.
Касьянов С.Н.
Попов А.И.
Гусевский А.С.
Цыганкова Ю.А.
Готовский С.И.
Горбенко В.Ю.
Беляков С.Н.
Распутин В.В.
Муллаяров С.В.
Залуцкая О.А.
Думитрашку А.Н.
Шевченко Ю.В.
Франго А.А.
Бызов В.А.
Сушкова Е.Д.
Александров С.А.
Бадула О.Б.
Зимица К.В.
Петрук Ю.П.
Бадула Ф.Р.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ

Медиевский В.В.
Чернышева М.В.
Краснопеева Л.П.
Зильберман О.П.
Семизоров М.В.
Киселев А.Н.
Дресвянкин Д.С.
Таргашин Ю.С.
Антипина А.С.
Стегайло В.Б.
Бадула О.Б.
Михайлик А.В.
Пожидаев А.А.
Беспалко М.И.
Папанян К.А.
Белозерова Е.С.
Григорьева Е.И.
Муллаяров С.
Шевченко Ю.
Яковлева В.
Ляпин А.А.
Чертилов А.К.
Гусева Г.А.
Горчакова М.А.
Баженов В.Ф.
Баженова Г.А.
Красильников А.Г.
Старовойтов О.П.
Нечаев А.Г.
Носова Н.
Козак А.
Распутин В.В.
Бызов В.А.
Сушкова Е.Д.
Сергеев А.С.
Болтенкова Д.В.
Крутиков А.А.
Шумкова В.А.
Щеглова М.А.
Папушева Т.П.
Очиров М.Г.
Денисов А.Б.
Агеева А.В.
Железнов В.Д.
Сизова Е.Н.
Капустин А.В.
Петрук Ю.П.
Бадула Ф.Р.
Логванов И.В.
Волох Т.Г.
Болдакова М.В.
Бутакова К.А.

Морозова Н.Г.
Однокурцев Н.В.
Агафонова С.В.
Пермякова Т.Н.

ИНТЕРЬЕР

Паплаускене Е.Н.
Старовойтов О.П.
Дякивская К.Р.
Красильников А.Г.
Свистунова О.С.

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Горчакова М.П.
Концевой А.Ю.
Нагаева Н.Ф.
Середкин К.В.
Дорошенко Е.Ю.
Пожидаев А.А.
Беспалко М.И.
Папанян К.А.
Горбенко В.Ю.
Нечаев А.Г.

РЕСТАВРАЦИЯ

Молоев А.С.
Сергеева В.И.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Нимаев Б.Ц.
Большаков Г.П.
Аляскина И.Б.
Мохосоев А.А.
Гармаева М.Б.
Стегайло В.Б.
Мионов М.Ю.
Мыльников Ю.А.
Крылова И.Н.
Козелецкая И.В.
Сударчиков А.А.
Михайлов Б.Б.
Прокудин А.Н.
Молоев А.С.
Саргаева А.Н.
Сергеева В.И.
Хулукшинова Н.Е.
Егорова Н.А.
Жамсуева Д.С.
Гурьянов М.В.
Конов В.П.
Митьпова Е.С.
Урбанов А.А.
Мальцев Т.П.
Мальцева Л.В.
Нельдушкин А.Н.
Андреева Т.П.
Горбенко В.Ю.
Филиппова О.Г.
Соловей В.Т.
Хазыкова Е.
Григорьев С.М.
Распутин В.В.
Александров С.А.
Сергеев А.С.
Билтуев И.Х.
Сушкова Е.Д.
Бызов В.А.
Протасова Е.В.
Хазыкова Е.П.
Смирнов Н.В.
Фролова О.В.
Вильке Н.Б.
Мамонтова М.В.
Марценович А.
Косолапова А.
Самосват Л.М.
Красная Н.Н.
Бардунаева В.А.

Басина Л.Г.
Таурина В.О.
Зелент Е.А.
Хотулев Р.А.
Куцакова О.Ю.
Очиров М.Г.
Денисов А.Б.
Полуэктова И.С.
Капустин А.В.
Батомункуева Д.Ц.
Ушаков Д.В.
Агеева А.В.
Железнов В.Д.
Сизова Е.Н.
Капустин А.В.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АРХИТЕКТОРОВ И СТУДЕНТОВ

Андреева С.А.
Иванец В.С.
Журавлева Е.Г.
Витебская П.В.
Макогон И.С.
Яйлова А.Г.
Зюрб Артем
Татарина Д.
Хабарова А.А.
Руднева Е.
Потапова А.
Тигунцев М.
Лесняк Е.
Михалев Ю.
Колесников Р.
Тхоревская О.
Серова Л.
Крылова Л.
Чиркова А.
Карпова Л.
Сафонова А.
Речкина И.
Бибикина В.
Набокова И.
Николаева Т.
Подельницкая А.
Вебицкая А.
Буркут Д.
Жамсуева Э.
Зуйкова Г.
Зайцев А.
Никитина Е.
Бураков Е.
Дорофеева А.В.
Некрасова Ю.С.
Ягольник Е.С.
Лесняк Е.В.
Березовский В.Е.
Васильев В.О.
Шаргаева И.М.
Гришук М.В.
Мокрецова Ю.А.
Кукуруза А.М.
Иванова Е.Ф.
Кашеева А.А.
Демидова М.И.
Николаева А.Н.
Созинова Н.Н.
Волосатова И.Ю.
Картопольцева С.А.
Сафронова А.В.
Зибров П.А.
Сивушкова И.Е.
Руднева Е.Б.
Иванова А.С.
Ри А.У.,
Ри Е.У.,
Свиридов Л.В.
Ананьев Д.С.

Григорьев М.С.
Нечаев А.Г.
Краюшина Е.В.
Апулари В.А.
Грудинина С.А.
Гладкова А.
Пашкевич И.Е.
Оманкин В.В.
Золотухин Е.В.
Потапова А.В.
Шатнева Т.Г.
Меерович М.Г.
Рогачева Н.Г.
Концевой А.Ю.
КМА
Ольшевич А.
Баженов Н.И.
Блошкина Е.А.
Ладейщиков А.Ю.
Муравьева Н.А.
Чертилов А.К.
Баранова Т.Г.
Языков А.А.
Куркин И.А.
Пономарев И.С.
Шишканов В.С.
Молчанова А.А.
Обыденнов И.

ДЕТСКОЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

МОУ ДОД ДУХ №1 г. Ангарск,
ул. Маяковского, 26
Руководитель авторского
коллектива:

Сморода Г. П
Авторский коллектив:
Пашинина О.В.
Шубникова С. А.
Уварова С. Н.

МОУ ДОС ДУШ №4
г. Иркутск,
мкр-н Юбилейный, 90
Руководители:

Петрова О. А.
Баранова Т. В.

МОУ Средняя общеобразовательная школа № 67
(Краеведческий кружок
«Хранитель времени»)
г. Иркутск, ул. Акад.
Образцова, 23
Руководители:

Пономарёва Н. С.
Судаков Н.А.

ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ
г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 89
Руководитель:

Ремизова Н.В.

Преподаватели:
Шнитко М.И.
Гочарова О.А.
Речкина Д.И.
Поречная О.О.
Молочило Т.А.
Командовский М.Г.
Кукалёв В.С.
Ремизова Н.В.
Кручинина У.О.
Митюкова О.В.

VIII международный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2008»

История

Самый первый фестиваль ЗВС прошел в Иркутске весной 2001 года. Идея возникла под влиянием нескольких факторов. Деятельности Иркутской организации Союза архитекторов необходима была систематизация. Архитектурные выставки проводились и раньше, но нерегулярно, от случая к случаю. Смотров-конкурсов не проводилось вообще. Иркутские архитекторы и на московском фестивале «Зодчество» выставлялись не часто, не хватало выставочной культуры, традиций.

Еще одним импульсом стал пример хабаровчан, которые за несколько лет до этого организовали архитектурный фестиваль «Дальневосточное зодчество». В конце 90-х годов после общения с председателем Хабаровского отделения САР Александром Сергеевичем Ческидовым Елена Григорьевна вынесла на правление ИРО САР предложение о проведении своего, Восточно-Сибирского, фестиваля.

Так сложилось, что первый фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» прошел в 2001 году. Таким образом, порядковые номера фестивалей удобно и символично совпадают с цифрой года проведения. Дебютный фестиваль прошел на одной площадке с выставкой дизайнеров в «СибЭкспоЦентре». Архитекторам отвели небольшое пространство внутри выгороженного конференц-зала. Было тесно, но начало было положено. Тогда же сложилась структура смотров-конкурсов фестиваля, включающая пять основных разделов: постройки, проекты, пропаганда архитектуры, молодежь и студенты, детские студии.

В дальнейшем фестивали проводились ближе к Дому архитектора – удобной площадке для общения, мастер-классов, круглых столов и другие фестивальные мероприятия. Экспозиционной площадкой был Иркутский областной художественный музей.

Первый фестиваль открывал президент СА России Юрий Гнедовский, официальными гостями восьми фестивалей «Зодчество Восточной Сибири» были звезды российской архитектуры Александр Асадов, Александр Скокан, Алексей Бавыкин, Владимир Плоткин, Андрей Савин, Андрей Чельцов, Сергей Киселев и Андрей Боков.

В круглых столах и дискуссиях участвовали Андрей Кафтанов, Александр Цивьян, Александр Высоковский, Борис Нелюбин, Александра Павлова из Москвы, руководители сибирских организаций СА России Владимир Бородин (Новосибирск), Владимир Ульянов

(Красноярск), Виктория Астраханцева (Братск), Сергей Серебряков (Ангарск), Владимир Старостин (Чита), Бронислав Михайлов (Улан-Удэ), Борис Руднев (Кызыл), главный редактор «Архитектурного вестника» Дмитрий Фесенко и его заместитель Андрей Иванов, известные градостроители из Москвы доктор архитектуры Леонид Коган (ЦНИИЭПградо) и Эмма Вайнберг (ГИПРОгор), научный сотрудник Института географии РАН Ольга Вендина, автор территориальной схемы Иркутской области Антон Финогенов (Санкт-Петербург) и архитектурный критик и философ Александр Раппапорт.

С мастер-классами выступили голландский архитектор Марк А Кампо и архитектор из Словакии, вице-президент Международного Союза архитекторов Мартин Драховский.

В течение восьми лет фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» играет свою объединяющую роль в архитектурной жизни огромной территории от Алтая до Читинской области. В последние годы кроме традиционных восточносибирских регионов и городов в смотрах-конкурсах начали принимать участие архитекторы из Омска, Барнаула и Москвы.

Хроника фестиваля
VII фестиваль «Зодчество Восточной Сибири» стартовал 10 июня, во вторник, открытием

выставки в Художественном музее.

В церемонии открытия с приветствием к участникам и гостям обратились главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов и Андрей Красильников, исполняющий обязанности главного архитектора города Иркутска. Поздравила участников фестиваля с открытием и депутат Городской думы врач Ирина Ежова.

Новшеством в этом году был НОНСТОП, который включал в себя персональные презентации объектов московского участника Петра Виноградова, одного из лидеров иркутской архитектуры Владимира Стегайло и руководителя проектно-подразделения MIRAX GROUP из Москвы Леонида Глебова.

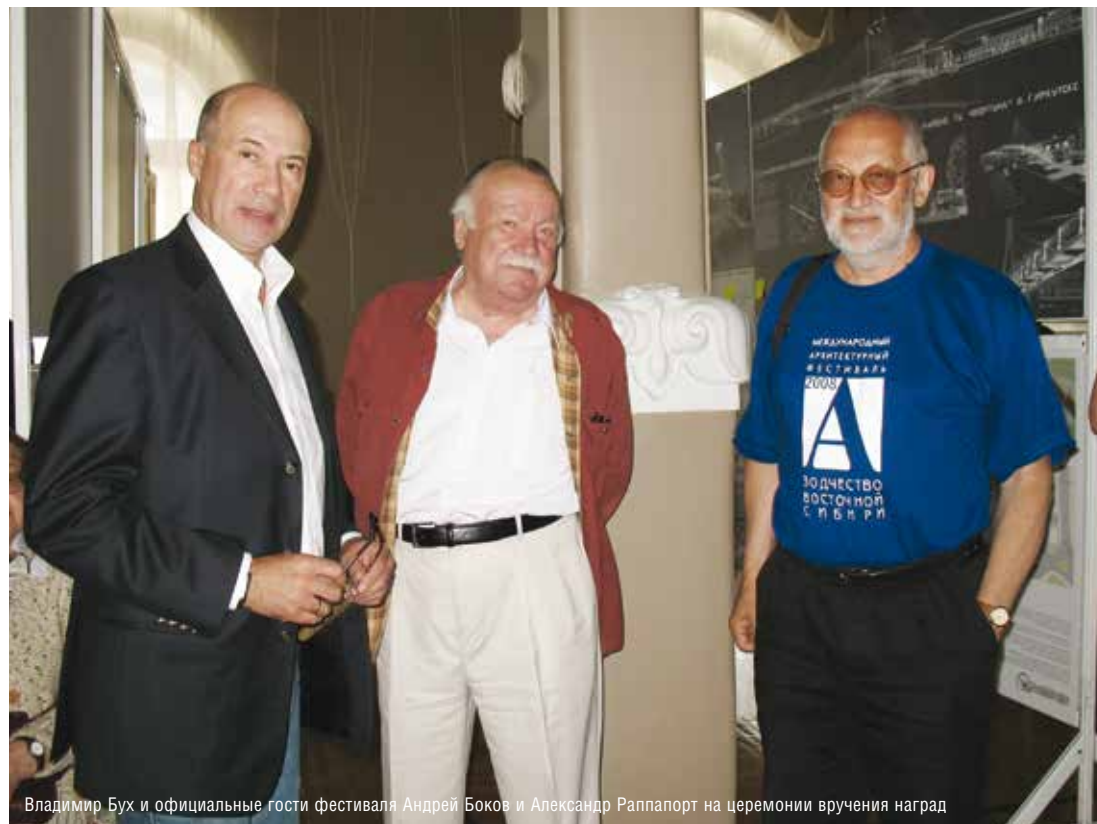
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ.

Александр Раппапорт Встреча с гостем фестиваля Александром Раппапортом, приехавшим из Латвии, состоялась вечером первого дня в Доме архитектора. Иркутские архитекторы давно знакомы с ним заочно по регулярным публикациям в журнале «Проект Байкал». Стенограмма встречи с блестящим интеллектуалом, философом от архитектуры и публицистом Александром Раппапортом опубликована в этом номере ПБ.

АВТОРСКИЙ НАДЗОР В среду 11 июня состоялась традиционная

экскурсия по городу – «Авторский надзор». Ее провели заслуженный архитектор России, главный архитектор ОАО «Архцентр» Владимир Стегайло и исполняющий обязанности главного архитектора Иркутска Андрей Красильников. Экскурсантам предьявили, сопроводив авторским комментарием, новый мост через Ангару, бизнес-центр «Академический» (архитектор Игорь Логванов), строящееся здание РЦУП на углу улиц Маяковского и 2-й Железнодорожной (архитектор Андрей Красильников), жилую застройку на бульваре Гайдая, новое здание института ГипродорНИИ, со смотровой площадки которого участники смогли увидеть весь город, новое здание торгового центра «Сезон» (архитектор Николай Жуковский).

МАСТЕРСКАЯ-1. Мартин Драховский Вечером 11-го июня состоялась лекция Мартина Драховского, архитектора из словацкого города Кошицы, вице-президента Международного союза архитекторов. Первая часть лекции была посвящена деятельности Международного Союза архитекторов в преддверии Туринского конгресса, а вторая – архитектурным проектам. Кредо мастера – сохранение этнической идентичности в условиях тотальной глобализации. Рассказал Мартин и о новой своей

Владимир Бух и официальные гости фестиваля Андрей Боков и Александр Раппапорт на церемонии вручения наград

ипостаси – полгода назад он стал главным архитектором второго по величине в Словакии города Кошице.

СПОРТКЛУБ Уже во второй раз в рамках архитектурного фестиваля «Зодчество ВС» прошли соревнования по дартсу. 1 место занял Олег Бадула, 2 место – Артемий Михайлик, 3 место – Юрий Петрук. Победители получили ценные призы.

ПЛЕНЭР 12 июня, государственный праздник День России прошел на Байкале под лейтмотив государственной важности – «Байкал зона особого внимания».

ГРАДСОВЕТ на берегу акватории в конференц-зале отеля «Анастасия» в поселке Никола собрал иркутских, столичных и зарубежных архитекторов и градостроителей, представителей компаний Палп Норд и Schiesso для разговора о Байкале. В начале автор территориальной схемы Иркутской области Антон Финогенов (Санкт-Петербург) и разработчик схемы Иркутского района Екатерина Протасова (Иркутскгражданпроект) рассказали

о проектном видении территории у Озера. Полный текст круглого стола опубликован в этом номере ПБ.

Остальная часть дня прошла в путешествии по водам Байкала на корабле «Бабушкин». В программу входило общение, обед на борту корабля, высадка на берег в районе Кругобайкальской железной дороги, ознакомление с красотами озера и тем самым более глубокое осознание темы Зодчества – «Байкал зона особого внимания». Активная группа Клуба молодых архитекторов в составе 20 человек добавила игровой момент: несмотря на погодные условия и «высокий градус» участников фестиваля, их ввели в «Монополию». Суть игры знают все, в этой же ситуации главными объектами купли-продажи стали основополагающие предприятия и места прибайкальской зоны, такие, как паромная переправа, лимнологический музей, клубничные плантации. Задача игроков – заполучить господство. Но в итоге глобальный смысл отошел на второй план, и главным стало коллективное действо: ход пешкой, передача смешных цветных бумажек в виде «Корофф», радость приобретения и снова на обгон – вся наша жизнь игра...

Подведение итогов сопровождалось раздачей призов от Schiesso, открытием подарочных бутылок шампанского и вручением дипломов, фоновой картинкой на котором лежала, казалось бы, совершенно безобидная, но, на взгляд организаторов, абсолютно дикая и непокорная Корова.

ПЛЕНЭР ЗВС-08 вошел в историю рекордным количеством участников заплывов. Побит рекорд массовости, установленный на ЗВС-06 АртБля с сыновьями и Владимиром Плоткиным. В экстремально холодной воде-2008 плавали полтора десятка отважных аборигенов, столичных гостей под командой Андрея Бокова и даже представитель международной архитектурной общности в лице, как оказалось, профессионального пловца Мартина Драховского. В отличие от олимпийских, байкальские традиции допинг не возбраняли.

МАСТЕРСКАЯ – 2. Андрей Боков На следующий день с утра в Доме архитектора состоялась долгожданная встреча с Андреем Боковым. Высокий гость ЗВС-08 доктор архитектуры, действительный член РААЧН, лауреат Государственной

премии РФ, вице-президент Союза архитекторов России Андрей Владимирович Боков подробно рассказал о решениях недавнего пленума СА в Ульяновске по поводу сохранения наследия. Подробному разбору подверглась актуальная тема о саморегулируемых организациях страховании деятельности. Затем были показаны архитектурные работы Моспроекта-4 – грандиозные спортивные сооружения, театры и крупный градостроительный комплекс на Ходынке.

В пятницу 13 июня, кроме лекции Андрея Бокова, прошли заседания сразу трех дискуссионных клубов. В Зеленом зале Доме архитектора состоялся круглый стол молодежных клубов ИРО СА России и Союза московских архитекторов, на первом этаже – камерная неформальная вторая встреча с Александром Раппапортом. На музейной площадке – круглый стол детских студий.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ КМА В этом году на ЗВС кроме официальных столичных и иностранных гостей были молодые гости-участники из Москвы – архитектор Петр Виноградов, архитектор Арсения

Новикова и конструктор Камиль Абдуллин.

Ребята представили свои работы на Зодчестве и получили поощрительные дипломы. Самый известный нашей публике объект – муниципальный жилой дом в Москве, ул. Нижняя Красносельская, вл. 21, получивший премию «Успешный старт» в смотре-конкурсе «Перспектива-2006». Именно эта работа стала отправной точкой становления ребят как самостоятельных архитекторов и дала толчок новому творческому коллективу.

На круглом столе КМА в пятницу, в последний день фестиваля, собралось около 40 человек, большей частью студенты, но были и такие

известные представители иркутской архитектурной элиты, как Мира Яковлевна Ашихмина.

Рабочая тема дискуссии – «Как стать архитектором?». Становление творческой личности было прокомментировано Петром Виноградовым на примере собственной карьеры в виде презентации с лирическими отступлениями. Петр задал оптимистический настрой на светлое будущее подрастающего поколения архитекторов и дал понять, что АРХИважно быть смелым, искать новое, но знать основы основ профессии.

Вторую часть обсуждения вел Евгений Золотухин, еще недавно иркутский студент, а теперь московский архитектор из мастерской

Асадова и к тому же активный участник общественной жизни творческой молодежи.

Дигитальная архитектура для Жени – архитектура будущего, XXI века. Идейность, стихийность формообразования, но при этом основанность на законах физики и бионики – это, по его мнению, новые принципы архитектуры. Создание компьютером продуманной программы здания, расчет всех параметров, цифровое определение жесткости конструкции – явные преимущества этого направления в современном мире.

Творческая молодежь в стенах Дома архитектора обсудила такие направления, как лэнд-арт, хэппининг и перформанс, – новые формы искусства на стыке архитектуры и дизайна. Не обошлось без воспоминаний о «Шаман-городе» и рассказе КМА о своей деятельности.

Церемония вручения наград фестиваля

Для очень многих пятница, 13, оказалась счастливым днем: были оглашены итоги смотров-конкурсов по разделам и номинациям и вручены награды победителям. Всего в фестивале было представлено 166 работ в разделах «Постройки», «Проекты», «Пропаганда архитектуры» и «Творчество молодежи и студентов», 200 детских работ. Впервые в истории фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» группой компаний Палп Норд и компанией Schiесо учреждены специальные призы генеральных спонсоров. Победившая сразу в двух номинациях «Жилые здания» и «Ландшафтная архитектура» (раздела «Постройки») Инна Дружинина получила кроме золотых дипломов ЗВС монитор и поездку в Германию. Вторая зарубежная поездка – у победителя в номинации «Реконструкция» раздела «Проекты» Николая Жуковского.

Материал подготовлен
Еленой Григорьевой
и Александрой Козак

Встреча с Александром Гербертовичем Раппапортом в дискуссионном клубе Иркутского Дома архитектора 10 июня 2008 года

МАРК МЕЕРОВИЧ

— Я хочу представить нашего гостя, которого мы ждали на протяжении нескольких лет, и который наконец-то смог выкроить время для визита в Иркутск. Мы искренне рады этому приезду: и те, кто знаком с Александром Гербертовичем Раппапортом лично, и те, кто знает его по его статьям, точное число которых, наверное, сам Александр Гербертович не сможет назвать, поскольку их очень много и они охватывают широчайший круг тем и предметов исследований. Кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского Союза архитекторов, член Международной ассоциации критиков.

Хочу напомнить, что дискуссионный клуб, в рамках которого проходит сегодняшняя встреча, отличается по формату от мастер-класса тем, что здесь каждый может задавать свои вопросы и высказывать свое мнение не в конце разговора, а непосредственно по ходу его.

Мы специально не стали жестко фиксировать тему сегодняшнего заседания, а обозначили только тематические рамки. Потому что, во-первых, надеемся, это создаст более свободную атмосферу размышлений и непосредственных реакций на высказывания участников. Во-вторых, потому что эти тематические рамки оказались нам более интересными, чем зажатая на какой-либо конкретный предмет узкая тема. Эти рамки обозначены словами «провинциальная архитектура — столичная архитектура». Выбор данной темы был определен тем, что мы здесь, в Иркутске, пытаемся философствовать на тему архитектуры, теоретически анализировать постройки, которые у нас возникают, критически относиться к проявлениям профессиональной деятельности. Но все время сталкиваемся с довольно своеобразными замечаниями следующего вида: «Ну зачем вы, ребята, так строго судите? Это же провинциальная архитектура, далекая от столичных технологий, современных конструкций. Здесь нет ни необходимых материалов, ни требуемых строительных механизмов, нет, в конце концов, и нужных специалистов. Зачем вы стараетесь оценивать совершенно нормальные дома на основе критериев мировой архитектуры, зачем сравниваете наши сооружения со столичными или европейскими?»

В противовес этим словам звучат и другие: «Творческий акт — это всегда творческий акт. А человек,

который осуществляет этот творческий акт, не может его осуществлять «провинциально», а всегда должен работать по самому высокому счету. К любому произведению архитектуры и градостроительства нужно подходить с одной и той же меркой, у которой нет различий: «примитивного», т.е. провинциального, или «высокого», т.е. европейского или международного.

Я надеюсь, что в этих тематических рамках и в границах этих двух диаметрально противоположных высказываний и будут располагаться соображения участников нашего сегодняшнего заседания дискуссионного клуба.

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ

— Я хотел, прежде всего, поблагодарить тех, кто меня сюда пригласил. Начну я со слова «провинция». Слово «провинция» в переводе на русский означает «за победу». Это та земля, которую римские императоры давали своим полководцам, возвращавшимся с победой из Галлии, Испании или Британии. Я вспомнил это латинское слово, потому что сейчас живу в такой сравнительно провинциальной стране, как Латвия, где государственный язык — латышский. И латышей, живущих в Латвии, очень беспокоит вопрос о том, что 1,5 миллиона латышей, которые еще говорят на латышском языке, недостаточно для того, чтобы сохранить этот язык, потому что с ними рядом гигантская Российская империя, и русский язык, постоянно проникая в Латвию, вытесняет латышский. А я им говорю, что не то что латышский, а даже латинский язык вымер, несмотря на то что Римская империя была покрывает Российской. А они недоумевают. Факт на лицо. Я живу в провинции, в двухстах километрах от города Риги, на хуторе, вокруг меня лесные заповедники. Живу я один, у меня есть только собака Крошка и кот Вася, и за последние четыре года моей жизни я чувствую все больше и больше мою близость к Солнцу которое равно светит в столицах и в провинции.

Сегодня я познакомился с Ольгой Евгеньевной Железняк, мы с ней стали искать тенистый уголок в Иркутске, где бы могли не спеша поговорить. И на мой вопрос, есть ли в городе скамейки, она ответила, что нет. Я, конечно, не поверил. Но вскоре мы нашли такие скамейки. Там сидел симпатичный алкаш, рядом с ним находились банки пива, но и на нас

места хватило. Таким образом, мы уже связали провинцию, латынь, солнечную энергию и человеческие условия существования на этой земле. Осталось коснуться столицы. Я уже перестал понимать, что такое столица. Я живу в хуторе один, и мне кажется, что я единственный житель своей собственной столицы. Все остальное, включая Лондон, Париж, Мехико, — это провинция. Я в этом уверен, потому что, мне кажется, у меня больше возможностей и комфорта в жизни. Благодаря Интернету я знаю все то, что происходит в мире, работать могу где угодно. А крупные столичные города во мне вызывают ужас. Я не могу до конца понять, почему люди живут в больших городах. Конечно, в столицах делаются карьеры, зарабатываются деньги, в столице находятся женихи и невесты. Деньги же это, как известно, — время. Вот и главной категорией моего разговора будет проблема времени.

Но чтобы покончить с противопоставлением столицы и провинции, скажу лишь, что оба эти понятия в эпоху глобализации уходят в прошлое и теряют всякий смысл.

Понятия «столица» и «провинция» устарели, уже не соответствуют никаким реалиям. Вся Земля есть абсолютно единое, одинаковое место. И все места на Земле одинаково прекрасны. Кроме, если уж на то пошло, столиц: в столице действительно тяжело жить. Если бы мы это поняли, то у нас сложился бы другой взгляд на архитектуру. Вы говорите, что провинция — это очень плохо, а я бы сказал, что это очень хорошо. Это победа над столицей. Задача провинции — победить столицу, поскольку столица отягощена колоссальной инерцией, а провинция способна сделать шаг, который должен сделать каждый человек — обрести собственное достоинство. Это уникальный шанс и возможность. Стремление в столицы — это уходящий в прошлое признак провинциализма. На самом деле провинциализм сегодня не имеет никакого отношения к провинции. Тот, кто обожает столицу, тот и есть провинциал. Такая странная парадоксальная ситуация.

ММ

— Продолжая поднятую вами тему, хотелось бы задать вопрос: что такое архитектурно-профессиональное достоинство? Не достоинство жителя, гражданина. А достоинство проектировщика, причем

живущего здесь и теперь? Как вы себе это представляете?

АР

— Я думаю, что достоинством проектировщика, живущего здесь и теперь, является проектирование таких сооружений, которые бы ориентировались только на его действительный жизненный опыт. То есть, когда я строю дом в Иркутске, я не думаю, будет ли он похож на какой-нибудь банк в Токио или спортивный стадион в Лос-Анджелесе. Я хочу, чтобы он соответствовал только тому, что я имею здесь сегодня и хочу иметь здесь завтра. Построив что-нибудь в Иркутске, архитектор должен приходить и смотреть, как здорово у него это получилось, как потрясающе. Если ему покажут какой-нибудь пекинский супернебоскреб, он скажет: «Ну и что, к чему это? Вы у меня посмотрите, как хорошо: тут куст растет, там кошка греется. Вот как потрясающе!» Вот я на своем хуторе построил сарайчик и скамейку и душа поет, я ликую. Но это в идеале, а на деле, к сожалению, должен признать, что я потерял способность проектировать новые сооружения. Я чувствую интерес только к реконструкции уже существующих развалин, пустырей. Если мне показать какой-нибудь заброшенный участок и сказать, что надо что-то сделать, у меня душа прямо разгорается. Мне нужно немедленно это все обойти, обдумать. А если мне дают чистый лист бумаги и чистый луг, чтобы я построил то, что захочу, я говорю: «Я не хочу ничего. Извините, нет ни малейшего желания». Я вам даже исповедаюсь: нет ни малейшего желания что-либо строить.

КОНСТАНТИН ЛИДИН

— Я позволю себе возразить. Так как по одному из высших образований я психолог, могу заметить, что нарциссизм — это такой невроз, который защищает от всех остальных психологических болезней. То есть, если человек вот так доволен собой, то уже других психологических проблем у него не будет никогда. Поэтому классно, когда что ни построил, все нравится. «Я с солнцем! Все, что я придумал, — это все гениально, блестяще, замечательно. Душа радуется». Но все-таки есть какой-то более или менее объективный взгляд, и скамейка рядом с миланским собором в чем-то может и проиграть. В зависимости, с какой точки зрения

на нее смотреть. И мы приходим к такому выводу, что художник может быть голодным, где-то ограниченным в своих потребностях. И архитектура в этом смысле особенно емкая область, потому что картину еще можно написать за свой счет, а вот построить небоскреб за свой счет кто-нибудь из присутствующих вряд ли сможет. Встает вопрос, где брать средства на это. А столицы, с точки зрения экономики, это такие воронки, куда стекаются ресурсы. В России одна такая воронка – это Москва, куда все стекается со всей страны. В Соединенных Штатах, наверное, несколько таких воронок, многоцентровость. Это место, где есть много ресурсов, где есть из чего строить. И все-таки там другая архитектура, это объективно.

АР

– Вы так много интересного сказали, что я даже не знаю, с чего начать. Во-первых, я не такая уж жертва нарциссизма, как вам показалось. Часто я делаю вещи, которые мне совсем не нравятся. Я не говорю, что все, что я сделал, – замечательно. Я таким инфантильным нарциссизмом все-таки не обладаю. Я имею в виду другое, то, что эту скамейку я действительно пережил. А как построить небоскреб, я не знаю, не умею, не хочу. Вообще в большинстве случаев считаю небоскребы идиотской выдумкой. Вы считаете, что нарциссизм – это универсальное средство защиты от всех жизненных проблем. Но чувство собственного достоинства ничего общего с нарциссизмом не имеет. Это разные вещи. Хотя они связаны хотя бы тем, что чувство собственного достоинства исключает комплекс неполноценности, а нарциссизм – этот тоже полное отсутствие комплекса неполноценности. От чувства неполноценности нужно избавляться – в этом суть преодоления провинциализма. А комплекс неполноценности – гораздо более вредный и неприятный дефект, чем нарциссизм. И мне кажется, что иметь дело с людьми, отягощенными комплексом неполноценности гораздо неприятнее, чем с людьми, которые себя обожают и всем довольны, которые радуются сами себе. А что касается того, почему мне не нравится строить новые объекты, ваше замечание на этот вопрос отвечает лишь косвенно. Вы говорите о возможностях, ресурсах столицы, и с этим трудно спорить. Но я возвращаюсь к идее времени. То, что обещают столицы, прежде всего касается молодежи и первого активного возраста человеческой жизни. Большие города возбуждают людей от 16 до 35 лет. Но это не вся жизнь. А вот город-сад, о

котором пишет и Марк Григорьевич, был выдуман человеком пожилым, английским счетоводом Эбенизером Говардом, который никуда не стремился, хотел спокойной жизни и для которого скамейка в доме была куда милее лоджии на 85-м этаже. Но конечно, проблема ресурсов никак не может быть забыта. Однако дело ведь не в наличии ресурсов, а в их распределении. То, что сейчас все ресурсы стекаются к столицам, – в этом нет непреложного закона. Это во многом следствие сверхбюрократизации нашей современной цивилизации. В будущем, скорее всего, эта тенденция изменится. Мы сейчас тратим очень много ресурсов на ненужные вещи. Мы с вами являемся современниками одной из самых безумных фаз развития человечества, которая грозит человечеству катастрофой. Вся проблема человека и архитектуры в том, сумеем ли мы избежать этой катастрофы, вырваться из этой инерции мифологии бесконечно ускоряющегося прогресса, в который человечество оказалось втянуто с середины XVIII века. Я сегодня смотрел иркутские проекты и ощущал эту общую тенденцию и идеологию прогресса. Вы делаете, проектируете дома на мировом уровне, но стоит задать вопрос, чего стоит этот мировой уровень. Может, он ничего не стоит. Конечно, для того чтобы бросить что-нибудь, нужно сначала это освоить. До этого так сделать психологически невозможно. Теперь советский архитектор может проектировать и технически обеспечивать свои сооружения не хуже, чем проектировщики и строители на Западе.

Мы в России сейчас приближаемся к мировому уровню по проектно-технической культуре, где-то по визуальной культуре, а вот экологической культуры еще нет. Экологическая и идеологическая культура в полном провале. У нас до сих пор слово «идеология» считается чем-то, относящимся к марксизму-ленинизму. На самом деле, идеология, как и экология, это учение об идеях. О смыслах жизни и среды, в которой мы живем. Но смыслового содержания среды мы пока что не понимаем. Мы не понимаем, зачем мы живем на этой земле. И конечно же, никогда в этом не признаемся. Но архитектор профессионально должен об этом думать. Для чего мы строим именно такую среду? Для себя, для своих детей, отчасти для своих предков, потому что наши кладбища тоже входят в эту среду. То есть среда охватывает и культуру кладбищ, и культуру жилища, и культуру производства, и культуру транспорта.

Транспортные инфраструктуры и кладбища – это одна проблема. И

когда Путин и Медведев, говоря о будущих инфраструктурах, не упоминают кладбища, они ошибаются. На самом деле это одна проблема. Кладбища – это место путешествия человека в другие миры. Кладбища – это те же вокзалы. Есть путешествия в пространстве – а есть путешествия во времени. Мне кажется, что пока мы этого не поймем, мы будем жить в таком легком раздвоении. Я говорю очень непонятные вещи, но понятность менее существенна, чем важность. Важные вещи всегда бывают непонятными. Понятные вещи часто бывают неважными.

Вот, время. Время, прежде всего, касается молодости, прогресса и возраста. Возникает вопрос о возрасте нашей цивилизации. Мы сейчас переживаем переходный возраст, возрастную ломку. Глобализация связана с возрастной ломкой. Глобализация меняет психологические структуры, в частности нарциссизм. Человечеству придется найти специфические формы нарциссизма. Нам надо будет нарциссически полюбить и землю, и себя на земле. А сейчас мы этого не можем. Мы говорим, что любим себя, хотя, на самом деле, это фантом. С психологической точки зрения объясните мне, что для сегодняшнего человека значит слово «самолюбие»?

КЛ

– Получается, у нас альтернатива: или шизофрения, связанная со столицами и крупными городами, или нарциссизм, связанный с провинциями.

АР

– Нет, у нас много альтернатив. Сейчас я говорю о тех, которые касаются темы нашего дискуссионного клуба. Проблем много и альтернатив много. Но в частности, если вы говорите о нарциссизме, то я говорю, что глобализация, безусловно, приведет к переоценке психологии нарциссизма.

КЛ

– Это уже происходит.

АР

– Это происходит, но мы не замечаем того, что происходит. Мы еще не отреагировали на это. Архитектор – человек, который визуально и материально воплощает самолюбие человека на этой земле.

КЛ

– Это явление – стархитекторство – оно само по себе уже очень нарциссично. Люди, которые влюблены в себя (Фостер, по крайней мере), – у них такая маска.

АР

– Я думаю, что те, кого именуют «стархитекторами», или звездными архитекторами, люди типа Фостера, – это не нарциссически настроенные люди, которые глядят в зеркало и довольны своим видом. Это девушки, которые стоят перед зеркалом и каждую минуту надевают новый сарафан. Они себя в зеркале не видят, они видят только новый сарафан. Идея зеркала – это же главная структура самосознания. Может, это грубо, но архитектор – это человек, функция которого – опредметить самолюбие человека и сообщить ему возможность обретения чувства собственного достоинства, в частности меняя его внешний вид. Я понимаю, что архитектура – вещь не только внешняя, она и внутренняя. И самолюбование с помощью архитектуры – это гораздо более глубокий психологический феномен. И не все способны на него, даже архитекторы. Вот иногда архитектору нравится свое здание. У меня есть знакомые архитектор, который построил Дворец бракосочетаний в Санкт-Петербурге и даже по ночам ходил вокруг него. Я уверен, что это не случай самолюбования. Он был еще молодым человеком и видел в своем здании не столько самого себя, сколько какой-то мир, в котором он хотел бы жить. Самолюбование в архитектуре иногда вообще не предполагает эффектной наружности, но оно очень мощно энергетически. Кстати, физики всегда связывают время и энергию, а масса как-то проскакивает как промежуточное явление. В архитектуре же важны и масса, и эфемерность – они тоже имеют отношение к времени.

Но в общей теме времени для архитектуры я бы сегодня выделил три вопроса – клаустрофобию, дизайн и образование.

Клаустрофобия – это боязнь замкнутого пространства. Недавно мне пришло в голову, что в будущем нам грозит планетарная клаустрофобия. Что мысль об ограниченности земного шара со временем начнет переживаться болезненно. Люди будут чувствовать себя на Земле, как в не просто ограниченном, но даже замкнутом, безвыходном пространстве, как в тюрьме, ибо с Земли никуда не убежать. Эпоха космических фантазий о переселении в другие галактики подходит к концу. Даже если поездки в космос будут людям по карману, это уже не перспективный вариант. В лучшем случае, они, переехав на другую планету, начнут там имитировать Землю. И вскоре увидят, что сделали себе вторую тюремную камеру. Ситуация замкнутости земной культуры не

имеет альтернативу. Единственная альтернатива – какое-то внутреннее переосмысление земной поверхности и человека на ней, которая получила бы статус бесконечности. Когда-то Земля казалась бесконечной. Хотя древние люди знали, что она где-то кончается, но это было чистое умозрение. Первая фаза глобализации, когда человек освоил Землю, она была еще в неолите, когда из Африки человек распространился по всем континентам. Она фактически была осуществлена, но не была осознана. Она не стала фактом сознания. Начиная с Колумба, она стала фактом сознания. Начиная с космических полетов и Интернета, она стала фактом навязчивого представления, от которого убежать невозможно. И архитектура усиливает этот клаустрофобический эффект тем, что распространяет по всей Земле одинаковые стили, одинаковые конструкции, одинаковые дизайнерские формы. Сегодняшние туристы, уезжая из одной страны, прилетают в другую и видят, что попали на точно такой же аэропорт, как и тот, из которого они вылетели. Аэропорт – это удивительная архитектурно-дизайнерская конструкция, которая нейтрализовала всю средовую реальность. Природы там нет. В лучшем случае – горы на горизонте.

Человек становится жертвой собственной мании к перемене мест. Но охота к перемене мест связана не с нарциссизмом, а с желанием убедиться в бесконечности мира. Это те смысловые структуры, сгустки, из которых все начинается и все ставится под вопрос: к чему мы испытываем внутреннюю тягу – к скамейке в тени или зданию в 1,5 километра высотой. Выбирайте, что вам по душе. Так вся соль проблемы в том, что мы очень смутно представляем себе, что значит «по душе», к чему стремится душа – к небоскребу или скамейке. А вопрос этот не пустой и не формальный, и на него нельзя ответить просто так – всему свое место. Это психологический вопрос. Ведь психология – наука о душе.

КЛ

– Смотря, какая душа.

АР

– А души разные? Тогда надо дать классификацию душ.

XXX

– Как всему нашему населению дойти до понимания этой проблемы? Мы обсуждаем сейчас провинцию и столицу. Мы подходим к такому парадоксу, что система

сама в себе порождает проблемы. Чтобы решить проблемы, нужно ее сделать. Нас люди спонсируют. Это разговор о душах.

АР

– Проблема не столько в психологии, сколько в мифологии. Нам только кажется, что это вопрос из психологии. Неизвестно, в какой мифологии мы живем. Это ошибка XIX века. Тогда люди решили, что поскольку все происходит из ума и из души, то все там и находится. Как в древней Греции шутили софисты: «Все, что ты говоришь, выходит у тебя изо рта, если ты говоришь "телега", то телега выходит у тебя изо рта». В известном смысле психология – это зеркало той мифологии, в которой мы живем, той смысловой артикуляции мира, в котором мы живем, где мы обретаем собственное достоинство. Проблема обретения человеческого достоинства в построении новой мифологии, которой у нас сейчас нет. Есть мифология прогресса, которая устарела сто лет назад. Новой мифологии нет, мы ведем свою жизнь сирот. Зеркало планетарно-космического нарциссизма разбито. И нам приходится тешить себя мечтами прошлых лет, устаревшими суррогатами хорошей жизни. Купим платье себе новое, или компьютер, или мобильник. Живем на смысловых суррогатах. Что касается пищи, мы уже поняли, что лучше есть простую пищу, чем дорогие суррогаты. А в смыслах... мы все еще живем, питаюсь суррогатами, срок годности истек уже 50 лет тому назад. Но архитектура не может развиваться, питаюсь суррогатными смыслами. Друзья, я говорю страшные вещи.

XXX

– Мифология может быть привязана к поколениям?

АР

– Конечно, мифология привязана к поколениям. Но это не значит, что каждое поколение должно менять миф своего бытия. Мифология должна быть устойчивее смены поколений, так как только в таком случае будет возможно взаимопонимание отцов и детей, матерей и дочерей. Беда нашей нынешней мифологии, что она – мифология молодежи. Прежние мифы исповедовали культ стариков. Сейчас такого культа нет, есть культ абитуриентов.

ВЛАДИМИР БУХ

– В провинции есть люди, заглядывающие в будущее, интересующиеся неизвестностью. Обычно такие люди отсасываются в столицу. Известные во всем мире, наши

писатели получили оценку не в Иркутске, а в столице. Только потом были признаны нами. Потому что провинциальная ориентация взглядов – на известное. А тех людей, которые занимаются неизвестным, выталкивают, потому что они здесь не нужны. Они мешают, усложняют и путают нашу жизнь. Такая общероссийская тенденция. На Западе не обязательно креативным людям собирать в столице, там есть много других городов, где они могут получить понимание и поддержку. В архитектуре Японии не может быть провинциальной архитектуры, в Европе тоже не так. А у нас, в России, именно провинциальная архитектура. У нас есть всего несколько человек, которые пытаются заглянуть в будущее, остальные только перепевают известное.

АР

– Тут важна техника коммуникации. Сейчас, когда вы публикуете в Интернете статью, ни у кого не придет в голову спросить, где вы живете – на селе или в столице.

И то, что я сейчас думаю и о чем говорю, стало для меня существенным сравнительно недавно. Я четыре раза поменял смысловые ориентиры своей жизни. Раньше я не мог даже подумать, о чем я сейчас с уверенностью говорю. Мне казалось, что человечество идет на пути создания каких-то мощных, урбанистических агрегатов, которые выводят человека в масштабы космической жизни. Сейчас я так уже не думаю. Революции в средствах коммуникации и энергетике меняют все. Города раньше были энергетическим и информационным ресурсом. Сейчас это все растекается по поверхности Земли, мы переходим не просто к глобализации, а в сетевую пленочную планетарную цивилизацию. Мы начинаем жить в совершенно другом мире.

КЛ

– Не имеет ли права на жизнь мысль о том, что клаустрофобия, которая заставляет возникать сейчас мегаполисы, была еще в Древней Греции, когда была построена модель замкнутой Вселенной.

АР

– Во-первых, клаустрофобия, о которой я говорил, не порождает мегаполисы, а, возможно, ведет к самоубийствам в них. Как писал в свое время Виктор Франкл, в Америке часть самоубийц не знает причин своей депрессии. И в Швеции, в Латвии было очень много случаев самоубийств именно в сельской местности, на почве алкоголизма. В контексте смыслового

обеспечения существования наркомания и алкоголизм являются, как ни странно, своего рода альтернативой архитектуре. Есть два реальных пути смыслообеспечения. Это искусство, архитектура, с одной стороны, с другой – фантомный, виртуальный мир, который реализуется наркотиками. Поэтому, я думаю, что сегодня архитектура не в первый раз за историю цивилизации, с одной стороны, противостоит наркотизации, а с другой – и сама встает на пути наркотизации. Огромное число примитивных культур решало свои проблемы с помощью наркотических грибов, опиума и прочих наркотических веществ. Прием наркотиков порождал виртуальные фантомные миры. Архитектура тоже отчасти создает виртуальный мир, в который погружается сознание, и в котором оно обретает достоинство, комфорт или успокоение. Это смысловая система адаптации человека. Архитектура ее дает в какой-то степени. Дети наши растут – красивые, милые, ласковые, очаровательные дети. Было бы страшно, если бы в своей жизни они столкнулись с проблемой бессмысленности существования.

Я сторонник архитектурного алармизма. Я говорю: лучше преувеличить опасность, чем закрывать на нее глаза. А мы находимся в состоянии некоторого самозабвения. Мы не хотим думать о плохом. Это не нарциссизм, а другая какая-то психологическая крайность. Какой то позитивизм воображения.

КЛ

– Можно вспомнить большие города, покончившие жизнь самоубийством, как, например, Теотиуакан. А противоположность – юрта в степи.

АР

– А Вавилонская башня? Люди строили, а Господь разрушил. Господь как разрушитель архитектуры. Он разрушил Вавилонскую башню и создал множество языков. Это один из центральных архитектурно-идеологических мифов – Вавилонская башня и ее разрушение. Она связана с архитектурой, и с языкознанием, и с условиями выживания человечества. Она связана с происхождением множества языков, разрушением одного высокого сооружения и проблемой урбанистики. Этот миф у меня постоянно стоит перед глазами, хотя я его до конца не понимаю. Важность я понимаю, а значение не понимаю. Этот миф очень наглядный, я вижу в лучах заходящего солнца эту недостроенную Вавилонскую башню. Москва, в конечном счете, тоже Вавилон.

ММ

– Александр Гербертович, я все же хотел перенаправить острие нашего разговора на внутренний мир архитектора. Если принять высказанную вами сентенцию о том, что человек должен на каких-то других основаниях осуществлять свое проектное творчество, например исходя из удовольствия, или самолюбования, или индивидуального жизненного опыта, то на какие теоретические, на какие смысловые сущности должно опираться его творчество? Наличие какого типа профессионального сознания предполагает это «иное» творчество? С каким новым самоопределением оно должно быть связано?

АР

– Я полагаю, что архитектор, которого в этом смысле можно взять за образец, это Луис Кан. Это был архитектор, огромное влияние которого я испытал еще на студенческой скамье. Почитайте его доклады, посмотрите его пояснения к проектам. Попробуйте разделить там функциональные, мифологические, художественные основания архитектуры. Они даны в сложном мифологическом синтезе. И он опирался на все это каким-то уникальным способом.

В 1910 году господствовал стиль модерн, который был вытеснен стилем современной функциональной техницистской архитектуры, ставшей новым мифом. Модерн своего мифа, увы, не создал или не успел создать. Потом 50 лет был функционализм, конструктивизм и т.д. Многие считали, что это уже навсегда. В 50-е годы и эти мифы рухнули, но модерн не воскрес (во всяком случае, пока), и мы оказались на лишенной мифологии обочине. Вслед за художественным авангардом и модой архитектура изобретает все что угодно, лишь бы казаться оригинальной (на несколько лет!), гнет, коверкает геометрические формы, лишь бы не быть похожим на вчерашний день. Стархитекторы – пример того, как творческие люди овладели рыночной конъюнктурой и тайной рекламной привлекательности. Современные технологии позволяют сделать все это блестящим, как елочная игрушка. Ну что делать, инфантильное сознание, как ни парадоксально, совместимое с профессионализмом.

ММ

– В своем творчестве архитектор не может не опираться на фундаментальные профессиональные сущности, или на авторитетов, или на определенные системы знаний, или на мифологические или какие-то иные представления. Недостаточно одного желания проектировать как-

то по-иному. Необходимы твердые основания индивидуального творчества. Возможно, путь к ним лежит через самокритику, через отрицание стереотипов, о чем вы говорили. Может быть, в этом отрицании необходимо дойти до какого-то конца, чтобы затем вернуться в начало и все начать понимать и создавать заново. И в связи с этим – на какое содержание должна опираться современная система архитектурно-градостроительного образования?

АР

– Это вопрос вечный. Я бы сказал: опирайтесь на все что угодно, но Бога не забывайте. К нему обращайтесь, он точно вам ответит.

XXX

– Было много стилей, а к чему обращаться новым архитекторам?

АР

– Вопросы такого рода каждый творческий человек вынужден задавать только самому себе. Никто другой вам не ответит. И задавать этот вопрос приходится денно и нощно много лет подряд. И в одну прекрасную ночь вы получите этот ответ.

Но бессмысленно приставать к прохожим с этими вопросами. К сожалению, мы живем в культуре, где одинокое размышление не считается эффективным. Тем не менее есть вопросы, на которые только вы сами способны дать ответ. И люди, которые привыкли сами отвечать на поставленные вопросы, раньше или позже находят друг друга и чувствуют друг в друге родственную душу. Это большая удача – увидеть в глазах другого вопрос, обращенный к себе самому. Архитектура в каком-то смысле напоминает взгляд, обращенный к себе самой. Есть архитектурные сооружения, которые что-то говорят самим себе. А есть здания, которые не выясняют внутренних проблем. Эти новые здания как бы безвоздушные, там нечем дышать. Иду по старому Иркутску, подхожу к старому, ветхому и далеко не комфортабельному дому, и чувствую – дышит. В нем есть след какого-то человеческого опыта.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА

– Вы эти вещи сформулировали давно, или они пришли к вам с опытом?

АР

– Я думаю, что у каждого человека это присутствует с самого начала, но у большинства людей, в т.ч. у меня, это с самого начала бывает как бы заслонено чем-то. Живем мы недолго, но достаточно долго, чтобы в душе что-то изменилось. И со временем вы начинаете иначе

смотреть на вещи. Меня спрашивают: что нам делать со студентами? Я всегда советую задавать как можно больше вопросов себе и им. Вопросов много, ответов мало. Когда количество вопросов станет достаточно большим, начнется порождение чего-то нового. Может быть, не ответы, но какие-то содержательные структуры, которые не хуже ответов. Мы всегда спешим, мы хотим «сегодня», «сейчас», и в итоге вечно отстаем и кого-то догоняем. Неумоимость в задавании вопросов есть странная способность человеческого сознания. В наше время оно очень важно, потому что те мифологии, которые раньше давали ответы на вопросы, нас сегодня уже не удовлетворяют. Мы живем в то время, когда все ответы отвергнуты. А вопросы отвергнуть нельзя. На вопрос каждый имеет право, и каждый нуждается в вопросе. Вот мы соберемся и начнем задавать всякие вопросы, не давая на них ответов. Не важно, согласимся или нет. Можно быть согласным с ответом. Сочувствовать ему. Но это даже не чувство. Это какая-то интеллектуальная вибрация, резонанс. Этот резонанс очень важен. У нас в жизни сейчас дефицит этого резонанса. Мы не переживаем этого.

Я назвал очень много вещей: экология, наркотики, прогресс, идеология, провинция, кладбище, земля. Осталось поговорить о дизайне. Дизайн сейчас – главный враг архитектуры. Сегодня архитектура испытывает мощное влияние дизайна, и это может грозить исчезновением архитектуры.

Дизайн равнодушен к собственной смерти, точнее – он постоянно возникает из нее, отчасти именно потому, что он не связан с Землей. Архитектура связана с Землей и неравнодушна к собственной смерти. Когда вы говорите о Доме-на-ногах, вы как о человеке говорите. Вы боролись за его жизнь, его убили. А если мобильник выкинуть – ну что за трагедия? Дом стоит на месте, он сросся с Землей, а дизайн подвижен, мигрирует. Исторически разошлись эти линии формообразования. Как и когда они сойдутся?

Дизайн делается машинами, в нем не чувствуется тепла человеческих рук. Когда-то это вызывало восторг, сегодня это вызывает ностальгию по рукотворности среды. Дизайн обладает какой-то повышенной гладкостью, гламурностью, комфортом – он лишен своего рода археологического, земного, вещественного обаяния. Дизайн эксплуатирует все виды имитаций, архитектура вызывает чувство доверия своей подлинностью – это только некоторые отличия дизайна и архитектуры как культурных стратегий.

Дизайн не только мигрирует по поверхности нашей планеты, он еще и синхронизирует ее в стилистике, так что дизайн дважды выражает безразличие к историческому времени – он уничтожает это различие уже самой по себе повсеместностью стиля.

Так что идея времени здесь смыкается со стиранием различий между столичностью и провинциальностью, но, к сожалению, стираясь, она приводит к безразличной ко времени однородности планетарной среды, уничтожению исторической гетерохронности, временных напластований. Дизайн и подчиненная дизайну архитектура производят соответствующее моде ощущение одновременности среды.

Яснее всего это проявляется в тенденции городских властей и крупных компаний сносить старую застройку в городах и заменять ее новыми сооружениями, построенными в модном стиле. Противостояние этому новому прогрессивному вандализму можно увидеть в Москве, в какой-то степени в Иркутске, но силы сопротивления ничтожны по сравнению с натиском мощной дизайнерской проектной волны, дизайнерского цунами.

Противостояние архитектуры и дизайна могло бы стать отправной точкой для более глубокого понимания специфики городских форм, но, к сожалению, оно пока что почти не ощущается и более того, между архитектурой, подверженной дизайну, и самим дизайном вырисовывается новая перспектива, устремленная к новой точке схода.

К сожалению, на мой взгляд, их общая точка схода – среда, построенная на принципах наркотизации и физиологического манипулирования сознанием. Вместо дизайна и архитектуры – наркомания как средство манипуляции сознанием. Уже есть сооружения, свойства которых определяются только запахами, особыми видами температурных отношений, световыми и цветовыми вибрациями.

Конечно, эти различия дизайна и архитектуры строятся на интуиции. Но она рождается некоего рода страданием. Только страдания приводят к интуиции. Приходится страдать. Особенно в моменты выработки новых мифологических опор культуры.

На что опереться в страдании? Это вопрос. Если человек понимает значимость страдания, то как начать практику страдания? Гурджиев говорил, что только осознанное страдание приводит к результату. Но что такое осознать страдание? Скорее всего, это значит понимать, в чем оно состоит, как оно возникло – что стало его историческим, или

культурным, или биографическим поводом и причиной и что может избавить нас от него. Простое страдание – часто губительно, осознанное страдание – креативно.

КЛ

– В теории Жака Лакана есть интересная концепция «фазы зеркала». Когда ребенок совсем маленький, он смотрит в зеркало и думает, что там просто еще один ребенок. А потом в один момент осознает, что это он в зеркале, осознает себя в зеркале. Это шок, который ломает психику. Психика начинает развиваться совершенно в другой плоскости. Мы сейчас ищем границы вместо того, чтобы искать центр. Прежде чем выяснить, где ты заканчиваешься, нужно выяснить, где ты начинаешься.

АР

– Тема зеркала сама по себе чрезвычайно разнообразна и богата в смысловом отношении, в том числе и в архитектуре, и в культуре, и в мифологии. У меня в жизни была интересная ситуация – я развелся со своей первой женой и начал сходиться с ума. Пошел к психиатру, он мне прописал амитрептилен – такое лекарство, от которого человек приходит в состояние тупого безразличия к самому себе. Я начал его глотать, почувствовал себя полным идиотом. Потом я случайно поставил на себе опыт с зеркалом, который мне помог выбраться из кризиса. Начал практиковать долгое смотрение на себя в зеркало. Десять минут, двадцать, час смотрел на себя. За это время страдание было вынесено за скобки. Очень интересный эффект. Сначала я видел просто морду, которая меня угнетала. И я даже не мог идентифицировать себя с тем, кого я в зеркале вижу. Он мне был неприятен и чужд, этот человек. По прошествии часа я начал видеть в нем симпатизирующего мне персонажа. Я увидел в нем еще не себя, но друга, существо, которое относится ко мне отнюдь не агрессивно. Это меня поразило. Это было очень важное изменение всей ситуации. Потом я вдруг понял, что я сам себе друг, что я могу себе самому помочь. Я не один, мое второе я, мое Альтер эго, – мое отражение – тоже готово включиться в работу. А ведь ничего не менялось – в комнате был только я и то же самое зеркало. Рефлексия в данном случае имела нечто общее с философской, хотя и отличалась от нее. Она была натуральной, причем иррациональной. Никаких категорий, понятий, имен, слов я вообще в это время не называл. Это пример излечения психологической или

творческой травмы. Оно существует и в художественном мире. Иногда художник начинает понимать, что он знает, что ему сказать. Ему кажется, что он знает, чего хочет. Это очень похожий момент: когда долго всматриваешься в себя, начинаешь понимать, чего ты хочешь. И не дойдя до стадии понимания того, чего ты хочешь, никакое уникальное творчество, никакое достижение своеобразия в принципе невозможно. Оно возможно только после этого. Ну а потом уже возникает некая общность, когда разные люди хотят чего-то совпадающего по своим контурам. Об этом можно бесконечно долго говорить, я думаю, мы не будем задерживать аудиторию в этот жаркий полдень.

XXX

– Когда заказчик настаивает на своем, архитектор должен отстаивать свою точку зрения. Тут не должно быть компромисса.

АР

– Великий американский архитектор Кан так вот отстаивал, отстаивал свою точку зрения и умер с миллионом долгов. Это трагическая история. Только после того, как он умер, стали в Дакке строить этот центр, и его там просто обожествовали, хотя никогда не видели. Позже, уже после смерти Кана, в Дакку приехал его сын, и жители Дакки рвались потрогать его, сына человека, который это придумал. Только прикоснуться рукой, как будто он сын святого. А в Америке над ним смеялись. Он жил в Филадельфии. Есть фильм о Кане, снятый его сыном. Когда Кан умер, оказалось, что у него три семьи – три жены и много разных детей, которые никогда друг с другом не были знакомы. Когда он умер, дети как-то нашли друг друга и сняли о нем фильм, собрав по крохам то, что у них о нем осталось. Все его очень любили. Сын, снявший этот фильм, даже не имел особенных на то мотивов, потому что Кан не жил с его матерью, а только навещал их время от времени. Вот такая интересная судьба. Кан – величайший архитектор XX века, до сих пор мало понятый. К сожалению, у нас мало переведено на русский. Надо бы перевести тексты Кана и издать книгу о его постройках. Он многих учил, и студенты его любили, настоящих последователей его творчества не осталось.

Он делился со студентами не знаниями и не опытом, а вопросами.

Искренность в данном случае важнее ответов. Она может дать больше, чем советы и ответы. Когда учитель в ответ на вопрос ученика отвечает – «не знаю», он дает ему

что ли не больше, чем мог бы дать позитивный ответ. Это странная, непонятная вещь.

Теперь, наконец, об образовании.

У нас в России университеты, перенесенные с Запада, никогда не переживали того, что пережили университеты на Западе в пору своего становления. Университет – это место свободомыслия. А у нас университет – это просто место подготовки специалистов. Это место для личной коммуникации. Университет – совокупность свободомыслящих личностей, а в России и раньше, и особенно сегодня – это фабрика дипломов. Но дело приняло еще более скверный оборот, потому что даже и при таком уровне университетской культуры наши архитектурные вузы лишены и ее. У нас архитектурное, дизайнерское образование извлечено из университетской среды. Оно выделено в особые технические, политехнические институты, где гуманитарные предметы читаются как принудительный ассортимент. А архитектура в этом очень нуждается. В нашем обществе архитектуру не считают собственно гуманитарной дисциплиной, ее долгое время вообще числили по разряду техники. У нас архитектура выделена в технологические школы, и в результате, когда наш архитектор встречается с выпускником архитектурной школы в Лондоне, им трудно найти общий язык, у них совершенно разный менталитет, они по-разному мыслят.

Я не собираюсь идеализировать лондонскую систему образования, там много своих недостатков. Но такая ориентация на личную свободу и самостоятельность, обязательная личностная коммуникация педагога с учеником, глубоко личную. Все, что касается профессиональной подготовки в узко техническом смысле, идет параллельно, чтобы получить лицензию на самостоятельную фирму. Это другая инстанция, которая выдает лицензию на индивидуальную практику, и вы организуете собственную фирму.

Что же до школы, то она, наверное, должна давать студенту здравый смысл, чувство современности в его отношении к истории и какой-то особый творческий дух, который в дальнейшем может стать основой профессионального статуса, своего рода профессиональный инстинкт.

И этот инстинкт важнее эрудиции и логического или технического педантизма. Я не противник эрудиции, но студенту гораздо важнее схватить этот инстинкт профессионального здравого смысла. И сделать это можно только общаясь со студентом на уровне личности.

XXX

– А как же креативность?

АР

– Креативность довольно часто, особенно в юности, развивается как приложение к конкуренции, а конкуренция уходит своими корнями в сексуальность. Все соревнуются, чтобы их заметили. Амбиции связаны с какими-то сексуальными комплексами. Как воспитывать амбиции, не знаю. Это даже смешно. Важно не это. Важно, как креативность сочетается с доброжелательным здравым смыслом. Если эта интуиция соединится с интуицией здравого смысла и доброжелательностью, тогда рождается не стремление к креативности, а сама креативность. А то до этого она только хочет быть ею. Желание есть, а ее самой нет. Я думаю, в любой школе это очень заметный момент – когда человек хочет быть кем-то, но им не является.

XXX

– Может ли быть приличная школа профессиональной подготовки в провинции? Или только в столице?

АР

– Мне кажется, что сейчас только в провинции и может возникнуть приличная профессиональная школа. Потому что учитель в провинции не испытывает конкуренции множества других высокопоставленных лиц, как то происходит в столице. В столице каждый педагог находится в жесткой системе равных ему конкурентов. Здесь он забыт властями, никто ему не мешает. Можно попытаться создать крайне индивидуализированный курс. Прекрасно. А в столицах прежде всего приходится доказывать, что ты не верблюд. Если бы я хотел создать свою школу, я бы ее не в Москве создавал, а поехал бы к вам или в другой небольшой город. Начал бы работать с любимыми студентами, не надо никакого отбора. Нужно только самому любить свое дело и учить тех, кто действительно хочет научиться делу, а не диплом получить.

Круглый стол «Байкал – зона особого внимания»

В рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» (8-11 июня 2008 г.) был проведен круглый стол «Байкал – зона особого внимания».

ВЕДУЩИЙ

Марк Меерович

УЧАСТНИКИ

Астраханцева Виктория Вагановна, председатель правления Братской организации Союза архитекторов России, советник РААСН
Боков Андрей Владимирович, доктор архитектуры, директор Моспроекта-4, действительный член РААСН, лауреат Государственной премии РФ
Буйнов Алексей Николаевич, главный архитектор Иркутской области, лауреат Губернаторской премии
Григорьева Елена Ивановна, председатель правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России, член-корреспондент РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Драховский Мартин, вице-президент Международного Союза архитекторов (Словакия)

Железняк Ольга Евгеньевна, кандидат искусствоведения, профессор, зав. кафедрой дизайна Иркутского государственного технического университета

Зарубин Игорь Владимирович, представитель фирмы «SCHUECO», генерального спонсора фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 08»

Лидин Константин Львович, кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Меерович Марк Григорьевич, кандидат архитектуры, доктор исторических наук, советник РААСН, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Протасова Екатерина Васильевна, начальник отдела генплана ОАО «Иркутскгражданпроект», советник РААСН

Раппапорт Александр Гербертович, кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского Союза архитекторов, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Союза дизайнеров, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Усов Антон Вячеславович, представитель группы компаний «Палл Норд», генерального спонсора фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 08»

Финогенов Антон Владимирович, сотрудник Российского государственного научно-исследовательского и проектного института урбанистики (Санкт-Петербург)

Чертилов Алексей Константинович, доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета

Зиновьев Антон Владимирович, представитель фирмы «SCHUECO», генерального спонсора фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 08»

Лазарева Ирина Владимировна, сотрудник ЦНИИПГрадо (Москва), кандидат технических наук, советник РААСН

Снимщикова Татьяна Викторовна, генеральный директор группы компаний «Палл Норд», генерального спонсора фестиваля «Зодчество Восточной Сибири – 08»

Анненкова Татьяна Борисовна, главный редактор регионального строительного журнала «Строим вместе»

МАРК МЕЕРОВИЧ Сегодняшний разговор будет касаться того, как должны быть изменены проектные подходы, проектировочная идеология, методология и теория проектирования при освоении таких уникальных природных объектов, как Байкал. Объектов, значение которых далеко выходит за рамки региона и даже страны. Объектов мирового масштаба.

Актуальной эта тема является потому, что в своей повседневной теоретической или проектной деятельности мы мыслим и действуем вполне обыденно и традиционно.

Каков должен быть подход к проектированию на Байкале? Каким должно быть профессиональное отношение к объектам подобного значения? Первая часть обсуждения будет состоять из двух основных сообщений, посвященных схеме территориального планирования Иркутской области, в которую включена и часть Байкала, а также текущей практике проектирования объектов, находящихся на его берегах. Во второй части предполагаются локальные выступления, и каждый из участников сможет высказаться по интересующему вопросу. Слово предоставляется Финогенову Антону Владимировичу, содержательно руководителю разработки системы территориального планирования, сотруднику Российского государ-

ственного научно-исследовательского и проектного института урбанистики (Санкт-Петербург).

АНТОН ФИНОГЕНОВ Схема территориального планирования – это основной документ долгосрочного прогнозирования по развитию социальной инженерно-транспортной структуры Иркутской области в увязке с вопросами природоохраны и использования природных рекреационных ресурсов региона, прогноза демографических характеристик развития территорий. Согласно федеральному законодательству, все регионы страны должны в кратчайшие сроки разработать документ подобного рода. Схема является основой для разработки других документов территориального и строительного планирования уже для городских и сельских поселений, муниципальных районов и т.д. Проект разрабатывался на период до 2030 года, т.е. фактически является долгосрочным. Впервые с 90-го года в регионе разрабатывается подобный документ комплексного характера. Базовая задача схемы в условиях рыночной экономики – это проекция на территорию социально-экономической стратегии области. Сложность разработки заключается в том, что на настоящий момент практически нет окончательно утвержденной стратегии социально-

экономического развития Иркутской области на долгосрочную перспективу. С учетом этого за основу нами был принят вариант стратегии, разработанной Фондом регионального развития Иркутской области, о котором многие знают. Даже такая специализация не позволяет четко позиционировать города области в перспективной картине будущего: документ, по сути дела, определяет лишь глобальный сценарий развития экономики региона. И для этого разработчики схемы территориального планирования были вынуждены частично взять на себя еще и роль экономических стратегов на территории. Ясно, что масштабы региона и специфика его территориальных различий обуславливают невозможность использования одного из социальных сценариев экономического развития для области в целом. Тема моего доклада – роль озера Байкал в проектных решениях схемы территориального планирования. Уникальность Байкала известна всем, бренд озера не сопоставим с брендом Иркутской области. В чем суть обоих брендов? Байкал – это уникальный видовой природный объект, мало затронутый антропогенной деятельностью. Иркутская область в первую очередь характеризуется индустриально-сырьевым вектором развития. Два этих бренда мало согласуются

друг с другом. Скажу более жестко: индустриальное развитие негативно влияет на бренд Байкала. Поэтому первичной задачей по отношению к байкальской территории является обеспечение планировочными методами максимального снижения негативного экологического воздействия промышленной составляющей на территории озера и его бассейна. Поэтому проектные решения сориентированы на первичное недопущение создания крупных промышленных предприятий в так называемой зоне байкальской природной территории, а также на ликвидацию в десятилетний срок основных предприятий-загрязнителей. На территории области таким загрязнителем является всем хорошо известный Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Важно отметить, что не меньше загрязнений Байкалу приносит промышленная деятельность в долине реки Селенги на территории Бурятии, в том числе деятельность Селенгинского целлюлозно-бумажного комбината. Но эти вопросы должны быть решены уже в рамках разработки схемы территориального планирования для указанного региона. Ликвидация промышленных объектов близ Байкала и снижение индустриальной составляющей в экономике Иркутской агломерации, которая является ближайшей

и крупнейшей зоной расселения людей близ озера, не могут быть достигнуты без конституционного развития других сфер экономики. Учитывая специфику байкальской территории, наиболее логичным является акцент на развитие туризма и рекреации. В настоящее время на берегу озера Байкал расположено около 400 зарегистрированных турбаз вместимостью порядка 20-ти тысяч человек. В последние годы застройка берегов объектами подобного рода начинает приобретать слабо контролируемый характер, создавая угрозу загрязнения отдельных участков акватории. Процветает так называемый «дикий туризм», польза которого для экономики и природной среды области минимальны и зачастую негативны. Исходя из вышесказанного, важнейшим вопросом является проведение четкого зонирования территории побережья озера Байкал на три основных вида зон. Первый тип зоны – это территория природного резервата, где серьезно ограничена любая антропогенная деятельность, в том числе и с туристическими целями. Второй тип – это территория организованного туризма, не требующего строительства инфраструктурных объектов, т.е. придание цивилизованных форм существующему дикому виду туризма. Такие зоны тяготеют к территориям, куда возможен доступ наземным транспортом близ акватории озера. Третий тип – это территория формирования крупных межрегиональных, федеральных и зачастую международных, четко локализованных туристско-рекреационных зон, обладающих широким набором инфраструктурных объектов с жесткими регламентами эксплуатации. К такого рода зонам относятся территории, многие из которых уже достаточно давно на слуху. В первую очередь – Листвянка, которую более логично позиционировать как центр пригородной краткосрочной рекреации. Основным плюсом территории является близость к крупным городским центрам и транспортным узлам области, из которых базовым является иркутская агломерация. Второй тип территории, который включает две зоны – Большое Голоустное и район Слюдянки – Култук. До определенной степени на перспективу их можно квалифицировать как территории с одним типом специализации. Обе зоны имеют достаточно хорошую транспортную доступность. Большое Голоустное, расположенное среди фактически нетронутых территорий центральной зоны Байкала, имеет возможность позиционироваться как центр отдыха и бизнес-туризма высокого класса. Район Слюдянки

имеет центральное расположение на перспективном туристическом коридоре-маршруте Листвянка – Кругобайкальская железная дорога, Култук, Тункинская долина и перспективу выхода уже на территорию Монголии. Третий тип зоны – район Байкальска, где уже сейчас складывается крупный горнолыжный курорт международного значения. Учитывая хорошую транспортную доступность территории, потенциальные кадровые ресурсы ликвидированного БЦБК, данная территория тоже имеет значительные перспективы. Понятно, что для людей, которые работали всю жизнь на целлюлозно-бумажном комбинате, переквалификация достаточно проблематична, однако другого пути для этого города нет, кроме указанного репрофилирования.

В этой связи важным фактором, определяющим перспективы обеспечения описываемого макрозонирования территорий, является выработка комплекса предложений по развитию базовой инфраструктуры для формирования указанного зонирования байкальской территории. Эта базовая инфраструктура – транспорт. Для развития крупных зон концентрации рекреационной деятельности уровень транспортной доступности должен быть максимально высоким. В свою очередь, для других территорий с регламентами, ограничивающими деятельность человека, наоборот, целесообразно сохранять некоторую транспортную разобщенность. Например, характерным решением такого рода может являться отказ от строительства мостового перехода на остров Ольхон. Понятно, что в рамках схемы принимаются решения, минимизирующие риски подобного проектного действия для местного населения, учитывая их оторванность от крупных объектов социального обслуживания. Однако принцип сохранения некоторой нетронутости и изоляции территории острова Ольхон все же перевешивает и является главенствующим. Я могу показать это чисто графически. Вся зона от Ольхона до Култука связывает водный транспортный коридор, который может функционировать в летнее время. Здесь представлена общая карта планируемого развития Иркутской области. Понятно, что с точки зрения развития в области туристско-рекреационного комплекса других таких уникальных территорий, как Байкал, нет. И главная задача планирования по созданию перспективной функциональной структуры Иркутской области – это формирование макрозонирования области в парадигме того, что север – это перспективная зона развития минерально-сырье-

вой добычи старопромышленного пояса, который тянется от Ангарска до Усть-Кута по основным транспортным артериям. Это углубление переработки, снижение негативного экологического воздействия на территории и агломерация-зона вдоль Байкала, которая должна максимально втягиваться в развитие именно туристско-рекреационного комплекса на базе Байкала. Можно говорить о локализованном сценарии инновационного развития экономики Иркутской области.

ЕКАТЕРИНА ПРОТАСОВА Сегодня Иркутскгражданпроект делает много работ по схемам территориального планирования районов Иркутской области, генеральным планам поселений, по проектам планировки территорий. Примеров, где понятия «проект» и «Байкал» – одно целое, очень немного. Определение места и значения Байкала как объекта проектирования должно формироваться уже на уровне Задания, и значимость территории должна обозначаться заказчиком. Небольшой пример: схема терпланирования Ольхонского района, заказчиком которой выступил комитет имущественных отношений Иркутской области. Первоначально Задание формулировалось как схема рационального использования земель сельхозназначения и их охраны на территории Ольхонского района. И только в середине Задания была упомянута схема терпланирования. Исходя из такой постановки вопроса, подрядчиками была выбрана структура, занимающаяся землеустройством. И мы получили уже «под занавес» подряд на работу в формате разработки той самой схемы терпланирования. Здесь и обозначились все те проблемы, которые связаны с содержательной стороной нашей темы – территория в структуре области и по отношению к Байкалу. Из предыдущего доклада не совсем понятно, в какой же зоне находится Ольхонский район: то ли там вообще надо все зарегаментировать, то ли там все дозволено. Все мы знаем, что Ольхон сегодня – излюбленное место и «дикого», и международного, и межрегионального туризма. Более того, местные жители начинают бурно строиться, развиваться, закрепляться и осуществлять свою хозяйственную деятельность. Ольхон изобилует археологическим наследием, причем разного статуса – от уровня федерального до местного. Большая часть территории Ольхонского района находится в землях нацпарка, который регламентирует полный запрет любой хозяйственной деятельности. Еще одна особенность, характерная

именно для данной территории – это так называемые культовые места, бурятские родовые места, к которым у бурят особое отношение, восприятие и видение их развития. Все эти вопросы в совокупности предъявляют высокие требования к проектировщикам, их профессионализму, принятие проектных решений должно быть взвешенным и обоснованным, и требования должны формулироваться на уровне властей региона, и, может, всей страны.

Второй пример: план рабочего поселка Листвянка. Все вы знаете, что там происходит. Сразу скажу, что еще в 1970 году ленинградским НИИ был разработан генеральный план, который может быть примером, каким должен быть поселок Листвянка, находящийся на такой уникальной территории. Идеология, что это – курортный поселок, была заложена изначально. Очень лаконично, в долинах, развиваются какие-то санаторно-курортные комплексы, кемпинги и т.д.; местное население концентрируется на территории поселка Никола, полностью переезжая туда из Листвянки. С точки зрения подхода к месту – идеально. У проекта – нулевая реализация, и тот генплан, который мы разработали в 2006 году, на мой взгляд, уже, мягко сказать, запоздал, и территория сильно подверглась не всегда обоснованным преобразованиям. Сейчас проблема, которую возможно решать, – хотя бы элементарная разработка «правил игры» применительно к этой территории, ее инженерному и транспортному обустройству. Какие-то конструктивные новшества привнести уже очень сложно. Я считаю, что единственное наше серьезное достижение – мы в свое время отстояли запрет на увеличение численности населения – с сегодняшних двух с половиной тысяч населения поселка до 30 тысяч (такая перспектива предлагалась желающими развивать эту территорию). Эта территория не может вместить столько народу, если только 16-этажные дома строить.

Сейчас мы занимаемся разработкой схемы терпланирования Иркутского района, который имеет выходы на Байкал. Но и «байкальский луч», вдоль которого мы сегодня ехали, – немаловажная тема, непосредственно связанная с байкальской природной территорией. Если образно, уже сегодня «байкальский луч» это множество «Листвянок», которые повторяются на протяжении 60 км, но только с большим количеством субъектов хозяйственной деятельности и с большим клубком проблем. Территория находится в критическом состоянии; если сегодня не

формулировать жестко те правила игры, по которым и будут играть все застройщики, если власти не будут настаивать на их исполнении, то мы, наверное, тоже подойдем к катастрофе. Садоводств здесь безмерное количество, и со статусом элитных поселков, и на уровне возведения щитовых домиков. При общей тенденции уменьшения населения не только в Иркутской области, но и в стране в целом населенные пункты почему-то разрастаются в два-три раза, занимая береговые зоны и территорию нацпарка.

Еще хотела сказать о Байкальске и особой экономической зоне туристско-рекреационного типа в Большом Голоустном. На мой взгляд, судьба Байкальска воспринимается столь болезненно, потому что закрытие БЦБК декларируется в верхах уже давно, но как это будет происходить, что будет с населением – никто ответов не дает.

Вернусь к разговору о заказчике. Сегодня определяющую роль в итогах тендерных торгов играют цена и сроки. Генплан Байкальска по итогам тендера делает «Сибгипробум», который не имеет опыта подобных работ, а уж тем более на такой территории. Это означает, что за миллион рублей и в кратчайшие сроки мы получим то, о чем можно будет только сожалеть.

Прошел федеральный тендер на разработку проекта планировки особой экономической зоны в Большом Голоустном. Пока, по слухам, победил Иркутскгражданпроект. Я начинаю сильно сочувствовать нашему коллективу, если придется заниматься этой темой. На мой взгляд, это худшая территория, на которой можно было разместить нечто такое презентабельное и представительное. Предполагается разместить 3,5 тысячи одновременно отдыхающих. При четырех-, пятизвездочном обслуживании надо будет столько же обслуживающего персонала. Все знают ограниченные параметры территориального ресурса этого места, ограничения связанные с водоохранными зонами реки Большой Голоустной, оз. Байкал, с теми же бурятскими культурными местами, археологическими памятниками, уникальной природой и нацпарком, не говоря о транспортной доступности и сложностях решения инженерного обеспечения и благоустройства. На этой байкальской территории совершенно ужасные климатические условия, хотя на Байкале встречается климат гораздо более благоприятный. Может, лучше было бы разместить в Байкальске особую экономическую зону: прекрасный климат, возможность круглогодичного отдыха, и население, которое как раз освобождается после закрытия БЦБК. Я хотела

подвести разговор к тому, что схема Иркутской области замечательная, она давно нужна, но она совсем другого масштаба и охватывает все-таки один субъект федерации. А озеро Байкал находится в ведении двух субъектов федерации. На мой взгляд, требуется разработка комплексной схемы относительно всего Байкала и Байкальской природной территории, которая бы обозначила картину и ограничений, и ресурсов, определила бы емкость территории, параметров разрешенных видов использования всей территории в целом. И нам, проектировщикам, облегчило бы жизнь, и задало бы те самые «правила игры», по которым можно было бы на этой территории жить и развиваться, включая и население, и рекреации, и бизнес. А потом уже переходить к локальному проектированию, которым мы как раз сегодня занимаемся.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Я хотела бы подбросить дровишек в этот разгорающийся костер мнений. Первое. Напомню, что Байкал – объект всемирного наследия, самое глубокое озеро в мире, и здесь, как ни трудно моим многочисленным иностранным друзьям представить, 20% мирового запаса пресной воды и 90% российской пресной воды. В связи с этим возникает вопрос: а нужно ли вообще на Байкале разводить хозяйственную деятельность? Или, может быть, надо хранить то уникальное, что имеем? Мы все знаем, как ценится в мире пресная вода, да еще такого качества, и легко себе представить, как возрастет ее ценность в будущем. А нужно ли – все по той же причине – развивать здесь туризм? Может, пропускать желающих только по отдельным эксклюзивным билетам?

Второе: БЦБК, о котором уже говорили. Сейчас в печати (например, в «Российской газете») формулируются следующие точки зрения: первая – БЦБК не закрывать (хотя проблема загрязнения была понятна еще с тех времен, когда он строился), пусть он работает, а очистные сооружения – совершенствовать. Второе мнение – точка зрения экологов – закрывать немедленно. И третья точка зрения, на позиции которой стоит сейчас областная администрация и ученые нашего Сибирского отделения Академии наук, – осторожно-осторожно убирать, не забывая, что есть город Байкальск; и если мы комбинат закроем сейчас, то получим проблему, аналогичную Саянску. Там закрыли химические производства – и город остался без денег, один на один со всеми экологическими проблемами. Кроме того, если выключить из системы

очистных сооружений БЦБК, то город начнет сбрасывать свои отходы прямо в Байкал.

И третье, это уже упоминалось. Мы еще при позапрошлой администрации инициировали создание территориальной схемы нескольких субъектов федерации с Байкалом в центре именно потому, что на границах территориальных схем, как правило, возникают проблемы. Байкал расположен именно на границе двух субъектов федерации – Бурятии и Иркутской области. На самом деле, если брать всю систему рек, трехсот тридцати пяти, впадающих в Байкал, то сюда и Читинская область относится, и Монголия с истоком Селенги. Мы хотели бы избежать этих пограничных проблем, создав некую территориальную схему, где Байкал – объект всемирного наследия – находится в центре физически и идеологически. Собственно, вот три позиции: чистая вода – достояние всего мира, БЦБК и Байкал как центр территориальной схемы.

КОНСТАНТИН ЛИДИН Я хотел бы обратить внимание на нотки, которые уже не первый раз ощущаются в наших разговорах о Байкале. Нотки какой-то растерянности: а что нам делать с Байкалом? Мне кажется, что корень этой растерянности уже много лет присутствует. Нет сил принять решение, потому что неизвестно, по каким критериям это решение оценивать. Как определить, в чем же самая главная ценность Байкала заключается? Что надо сохранить любой ценой, что можно изменять, а что изменять нужно. Попытаться сохранить Байкал, отгородив его стеной от всего остального мира, – это же очевидно бесперспективное направление. Это просто попытка «подвесить» вопрос, в надежде, что он сам собой дозреет, чтобы уйти от необходимости принимать решения прямо сейчас.

Мне кажется, что корень этой растерянности в том, что мы все время говорим о Байкале, а имеем в виду его бренд. Мы говорим не об озере – оно же огромно, это геологических масштабов объект, мы не сможем изменить его сколько-нибудь заметно за ближайшие сотни лет. Например, много пишут про Байкальский ЦБК, что он сбрасывает отходы в Байкал, и скоро совсем его загрязнит. А пятно от выбросов ЦБК за все десятилетия его работы – несколько квадратных километров. То есть, на уровне сотых долей процента от общих размеров Байкала.

Но бренд – это штука сложно организованная. Бренд – это образ. У него должен быть смысл. У того бренда, который сейчас у

нас по поводу Байкала, нет этого смыслового ядра. Мы не знаем, что для нас Байкал. Тут какая-то смысловая пустота. Мы эту пустоту обвешиваем чисто внешними понятиями – запас пресной воды, мировое наследие. Это такие ярлычки, которые мы наклеиваем на пустое место. И озеро, его образ, покрытый этими ярлычками, выглядит уже как-то более-менее осмысленно. Но это лишь иллюзия. Опереться там не на что, построить полноценный бренд не на чем.

Продолжается инерционно такое отношение: Байкал – это ничья сокровищница. Туда кто добрался, кто прорвался – тому и все. Кто сумел дойти, не сгинул в дебрях, тот и хозяин, и все, что он тут найдет, – все его. Корни такого образа совершенно понятны, это перво-проходческая тема. Когда сюда впервые люди приходили, так оно и было. Что под ногами откопал, сорвал, добыл – то и съел. Позже стало так: кто первый добрался до сырья, минералов, золота, алюминия – тот и хозяин, тот это все может брать без ограничений и продавать, и богатеть, как сумеем. Этот образ продолжает довлеть по инерции просто потому, что мы ничего ему не противопоставляем. Мы не управляем брендом Байкал. Мы просто черпаем этот образ бесконтрольно и бездумно, растаскиваем его по мелким клочкам, по фрагментам. А ведь образ может исчерпаться гораздо быстрее, чем вода или древесина. Но такое ощущение, что это даже в голову никому не приходит. И в результате, так как у бренда нет смыслового фундамента, то и строить его не на чем. Получаются такие «временники», как то, в Листвянке понастроили, где заемный смысловой фундамент перенесен из другой эпохи, из других мест. Вместо полноценной легенды Байкала мы там уже имеем очередную Диснейленд. А то, что происходит на Ольхоне, – это такой «дикий Запад», куда туристы едут поиграть в покорение дикой природы. И это будет продолжаться до тех пор, пока мы не поймем, что такое Байкал. Это декорации для мультиков, или для голливудского кино в стиле «вестерн», или это что? Цистерна с питьевой водой глобального размера? Пещера Али-Бабы с ничейными сокровищами? Какой смысл у этого бренда, каков его смысловый стержень, смысловое ядро? К сожалению, этим никто не занимается. И даже вопросов таких никто никому не задает, как будто все тут и так понятно. Поэтому возникает впечатление, что и дальше ситуация вот этой бессмысленности будет сохраняться. Такое пессимистическое получилось выступление. Хотя на самом-то деле

я очень надеюсь, что дальше это как-то будет развиваться.

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ Мне хотелось бы этот пессимизм/оптимизм усилить. Мне кажется, что Байкал – это самый актуальный и очевидный пример необходимости утопической инициативы на глобальном уровне. Байкал входит не только в систему целлюлозно-бумажных производств, но и в систему каких-то мифологем земного шара. Таких, как озеро Лох-Несс, водопад Виктория, Мертвое море, Иссик-Куль, вулканические зоны... Все эти точки на Земле являются, помимо того что они входят в те или иные экономические районы, мифогенными точками опоры в представлении человека о земном шаре. К сожалению, до сих пор, кроме созданной наряду с ООН организацией ЮНЕСКО, которая занимается антропогенной деятельностью, никто не занимается мифогенной культурой земного шара. Я поддерживаю идею о Земле как живом существе и своего рода глобальном мифе. Я думаю, что одна из форм стратегической работы по защите Байкала – это необходимая инициатива глобальных организаций по осознанию таких культурно-мифогенных экологических точек Земли. В эту зону входят и местные бурятские, и советские, и русские и прочие топонимы. Здесь слышны какие-то древние корни архаичного периода освоения территории. Например, «ал»: Урал, Байкал, Алтай. Здесь видны какие-то тайные лингвистические и мифические связи. К сожалению, в Байкале нет ничего вроде лохнесского чудовища, а если бы оно было, то озеро немедленно вошло в число актуальнейших чудес света в планетарном масштабе. Потому что в массовой культуре чудесами считается только какие-нибудь монстры. А просто чудо природы за чудо никто не принимает. Может быть, его надо создать?

В слове ГУЛАГ «ал» переменялось на «ла». Может быть, связать ГУЛАГ с мифом о гибели людей, а Байкал с мифологической опорой утверждения жизни. И мы увидели бы, как здесь, в Сибири, стихия жизни боролась со стихией смерти и победила ее. Пока!

Мне кажется, что эту линию международного мифогенно-геолого-эколого-планетарного уровня тоже стоит раскрутить. Без этого мифологического уровня все остальные рассуждения о том, строить ли мост, укреплять ли берег, не закрыть ли порт – все будут упираться в то, что Константин Львович Лидин назвал безопорностью. На сегодняшний день это, может быть, кому-то покажется

безумием. Но на самом деле это и есть реальная действительность глобальной культуры. Мы входим в эпоху глобализма. Глобалистская инициатива на Байкале может стать одной из первых глобальных инициатив. Тут немаловажна и борьба с туристическим бизнесом. Это не пропаганда, это действительно своего рода борьба, если не война. Если поглядеть на туризм с точки зрения процессов глобализации, то станет понятно, что потоки туристов мало чем отличаются от движения кочевников или захватчиков: и те и другие ведут к этническим контактам и способны опустошать территории. Не надо закрывать глаза на то, что вопрос о Байкале – один из возможных вопросов стратегических войн нового типа XXI века. Я думаю, что шанс у такой стратегии сегодня есть. Все это можно начинать без разрешения начальства. Можно начинать в Интернете, в местном сообществе, через общественные организации, через студенческое движение, через международные организации – как угодно. Еще есть Сибирь как место ссылки и как хранилище пресной воды. Значит, соединяются человеческие отходы и чистая вода. Много есть мифологических и эпических возможностей на уровне мифозепического сознания. Если в должной степени это не будет развито, должного понимания вопроса о судьбе Байкала не будет.

МАРТИН ДРАХОВСКИЙ Слушая ваши мнения, я подумал о том, что надо смотреть на Байкал как на самый главный ресурс пресной воды. Надо, апеллируя к экологической, политической точке зрения, пригласить все организации, обратить внимание на бренд этого озера. Нужно либо развивать, либо опустить его. Если хотите, чтобы Байкал продолжал быть ресурсом пресной воды, то нужно техническое разрешение вопроса. Этот ресурс должен быть сохранен, потому что мы можем провалиться в пропасть. Жизнь идет вперед, появляются новые технические возможности для того, чтобы обеспечить устойчивое развитие промышленности, туризма, чтобы они не имели негативного влияния на ресурс воды. Но сохранять его надо так, чтобы территория могла развиваться. Думаю, можно создать специальный Байкальский протокол о пресной воде.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ У нас уже формализовано некое сообщество – Байкал, признание того, что необходимо решение относительно антропогенной деятельности. Здесь встречаются две противоположности, которые существуют вместе:

природа для человека, это часть земель, которая сейчас приватизируется и ею распоряжаются, как хотят. Мне кажется, для Байкала это неприемлемо совершенно. Если говорить о проектировании зоны Байкала, то, конечно, надо обязательно стыковать территории, невзирая на границы, невзирая на субъектов федерации. От правительства должна исходить установка, помогающая работать. Неважно, как она называется – проект или территориальное планирование. Во главе угла должна быть природа для природы, а не для человека. И если это так, то в проекте надо определять те самые резервации, категорически ограничить развитие антропогенных территорий, которые уже случились и, больше того, на перспективу разрабатывать такие рычаги воздействия, чтобы они не уменьшались и не разбухали. И второе, о чем я хотел сказать, – это о брендах внутри бренда. Байкал – бренд, а что внутри бренда? Вода – однозначно, и еще я определяю три объекта (хотя их, конечно, больше). Но лично для меня первым брендом является БЦБК. Мое совершенно радикальное мнение – его не надо закрывать, он сам со временем тихо умрет своей смертью. А уж если закрывать, то не строить на этом месте ничего. Его нужно просто превратить в развалины. Это и будет объектом движения туризма. Население, которое сейчас там находится, уже занимается другим бизнесом. Ни для кого не секрет, что многие летом живут только за счет клубники, а зимой за счет горнолыжного спорта. Поэтому зона может развиваться сама по себе, без БЦБК. А вот этот бренд надо использовать.

Второй бренд мирового уровня – это остров Ольхон. Там надо запретить любую деятельность, вплоть до выселения оттуда жителей. Это не местные, не родные жители, это приезжие, временщики, которые там что угодно творят. И запретить любую туристическую деятельность, кроме однодневных поездок как в музей природы, в музей – святое место, как сердце Земли.

Третий бренд – это Кругобайкальская железная дорога. Она вроде всем известна, но на самом деле это неопознанный объект. Это музей под открытым небом. Может такое случиться, что человечество поймет, что это именно музей, а не туристическая зона.

МАРК МЕЕРОВИЧ Я хочу обратиться в той воспроизводящийся в этой аудитории давно известной (во всяком случае, мне) профессионально-психологический феномен. Феномен раздвоенного сознания.

Когда мы появляемся в подобных аудиториях и обсуждаем подобные темы, мы твердо заявляем о том, что к уникальным природным объектам необходимо относиться с особым вниманием. В частности, «Байкал надо беречь!».

Но, как только мы оказываемся в роли проектировщиков, никто из нас не скажет: «Нет, постойте, эту работу следует отложить лет на десять. Потому, что сначала нужно провести исследования, изучить особенности места, природы, населения, истории, культуры... Сначала нужно выработать специальное ситуативно-конкретное знание, обобщить общественное мнение, а уж потом браться за проектирование. По-другому никак нельзя!..» Никто из нас не скажет: «Я не буду проектировать!» – потому, что знает, что на его месте тут же появится другой архитектор. Причем, скорее всего, гораздо менее ответственный и значительно менее квалифицированный.

По этой или по другой причине, но мы, как правило, оказываемся на стороне не тех, что ратует за сохранение и скрупулезное изучение. А на стороне тех, кто сегодня готов вкладывать деньги в программы освоения берегов Байкала и других не менее уникальных мест на территории нашей страны. Мы сами разрабатываем подобные проекты. Мы активно действуем. Причем на другой стороне, чем та, к защите которой мы сейчас публично призываем.

Подобное поведение – своеобразная профессиональная шизофрения, т.е. раздвоение профессионального сознания, когда в разных ситуациях мы ведем себя совершенно по-разному. И в таком поведении, осознанно или нет, но присутствует элемент лукавства. Я и сам такой, не считите мои слова за обвинение только в ваш адрес. Но этот феномен присутствует, и мне показалось важным на него указать. Подобное поведение является очень важным моментом, ярко характеризующим степень сегодняшней гражданской ответственности профессии перед настоящим и будущим. От него не следует стыдливо отворачиваться. Его следует открыто обсуждать и делать предметом сосредоточенных размышлений комиссий по профессиональной этике.

АНДРЕЙ БОКОВ Байкал – это только ли природа? Природа для природы или что-то другое? Я думаю, это гораздо более масштабное явление, культурно-природное, и аналогичные ему в мире встречаются. Есть такие удивительные, таинственные ценности, которые, хотим мы или нет, привлекают

человеческое внимание. Люди хотят там быть. Я человек не очень впечатлительный, но Анды, Тибет приносят сильнейшие переживания. И к этим переживаниям люди стремятся, туда будут идти. Другое дело, что вокруг этих мест, этих фантастических храмов, никто не выстраивает такую незамысловатую систему архитектурного обеспечения. Проблема Байкала – другая, и решать ее надо иначе. Не средствами войны, а другими, более умными, более этичными, более адекватными месту. Чтобы закрыть БЦБК, нужно начинать войну. Но война эта тоже заканчивается. И нужно понимать, как эту войну заканчивать. Должны быть выстроены правила поведения, отношения человека с этим новым явлением. Это не «природа для природы». Мы должны понимать, что мир существует, пока существует человек. Когда человека не будет, то все пойдет как-то иначе. Проблема эта, как мне представляется, культурная и сугубо российская. Все, о чем мы сейчас говорим, в цивилизованном обществе не обсуждалось бы. Немец никогда не строил бы такое производство в нескольких метрах от воды: он выработал бы систему ограничений и непреложно соблюдал бы эти ограничения. Умный американец такие технологии вообще близко бы не подпустил в такое место, извлек бы из этого запрета выгоду. У нас же это приводит к совершенно противоположным результатам. Значит, надо такие предпринимать действия, которые сделали бы явление (раз уж оно возникло) выгодным всем сторонам. И эти мирные средства есть, я глубоко убежден. Просто надо выработать, понять, представить. Не традиционными способами, которые нам известны, не схемами территориального планирования. При этом я против всякого рода чрезвычайщины, она – признак ограниченности сознания. Прошу прощения, я комментирую те слова, которые мы все выслушали, что эти территории требуют особого статуса, особого отношения. Это свидетельствует, что мы просто стремимся к провалу. Инструментарий для Москвы и для Байкала должен быть один. Беда в том, что территориальное планирование в стране практически отсутствует. Сегодня оно находится в руках Минрегионразвития. А идеи трансрегионального, межрегионального действия просто не существует. Нас ориентируют на некоторое замкнутое развитие каких-то страннных образований. Реально существующие системы нами не осваиваются, их культурная природа не осмыслена, их как бы и нет. Сейчас никто не думает о

том, как страну спасти, понуждать. Минрегионразвития – единственная инстанция, которая хоть как-то к этому идет. Я еще раз хочу сказать, что проблема в наших умах, низкой культуре нашего общества, которое гадит в том месте, где живет. И все к этому привыкли. Пока не наступит какое-либо выздоровление, ситуация, которую мы сейчас наблюдаем, будет сохраняться. Воспитывать общество только лишь понуждением, только постоянным ограничением, только милицией нельзя. Это абсурд. Надо продумывать методы воспитания, надо объяснять людям, что будет выгодно им, их детям, правнукам. Такой метод лечения очень непрост. Европа его прошла 300-500 лет назад. В протестантских странах обучили своих людей тому, что мусор надо определенным образом уничтожать. А просто выбрасывать его в Байкал – нехорошо, неправильно. Приблизительно то же происходит сейчас и с профессиональным сознанием: все неорганизовано, все непонятно выстроено. Нам приходит в голову все та же чрезвычайщина – комбинат превратить в руины. С этим багажом в мозгах, к сожалению, дальше жить будет трудно. И Байкал мы будем благополучно терять. Надо чуть-чуть по-другому думать. Это должны быть актуальные шаги, которые мы готовы предпринимать сейчас. Надо понять: за счет каких средств, какой ценой, кто этим будет заниматься и что мы хотим получить в перспективе. И в этом смысле перспектива «Байкал без людей» мне кажется, безусловно, не самой безупречной. Я за некоторые адекватные решения, которые будут трудными, нетрадиционными, небюрократическими, непривычными. Я представляю, как это может выглядеть. Но если говорить о диагнозе – это и есть, к сожалению, наша культура: варварское, чудовищное, живодерское отношение к себе. Действия же должны быть мягкими, дисперсными прикосновениями ко всем прибайкальским территориям. И не дай бог тащить какие-то коридоры, запутывать все невероятными транспортными узлами! Нужны абсолютно другие средства. Путешествие на Байкал должно стать дорогим, как на Луну. Конечно, должны быть и другие методы, но вот это, в частности, большие деньги. Ну и к примеру, дети-инвалиды. Только надо думать, как это можно сделать.

ИРИНА ЛАЗАРЕВА Я благодарю, что мне дали слово после Андрея Владимировича, потому что он употребил эти чудные слова «культура» и «территориальное планирование». Наконец мы услышали правильный термин «территориальное плани-

рование», а не «территориальное развитие». Помните, что Байкал – это единственное фрагментное, планетное (не планетарное) явление в природе, где в основном идет как бы погружение. Потому что это место – активнейший блок планеты Земля. 2008 год впервые был назван Международным всемирным годом планеты Земля. А 2007 год был Всемирным годом воды. Территория Земли, ее акваториальная составляющая была понята хотя бы частично. Стал понятен каскадный способ освоения пространства, но каким образом, что понимать под «территорией» – этого сделано не было. Я прошла буквально всю трассу вдоль китайской границы. Самое главное – что пока нам непонятна эта планета Земля. Как она вращается, и почему она сплюснулась, и газ приподнялся над планетой, и что будет с нами дальше – это все легко считается. Конечно, надо знать динамику планеты. Но самое главное (и с этим связаны этнокультурные понятия, представления, которые Юнг назвал архетипами и символами) – то множество народов, которое прожило, их памятники, их представления о национальном пространстве. Это совершенно новое понимание, не только территориальное; оно показывает, что культурное и цивилизационное – совершенно разные вещи. Я сразу говорю о «пятом измерении» любого места, культурном и цивилизационном. В любой точке планеты своя уникальная история, своя уникальная перспектива, в частности и на Байкале. Пока вы этого не знаете, бессмысленно рисовать генеральный план по горизонтали-вертикали, каким-то образом ориентируясь по сторонам света, по розе ветров. Мы говорим о феномене, о культуре, о конкретной этнической общности, о том, что означает их деятельность. А в каждом этносе обязательно существовала своя догмационная линия: мораль, нравственность, что нельзя делать. И мы эти памятники, где прожило множество народов, должны принять. Должен быть совершенно другой принцип отношения к отдельной уникальной территории, у которой непременно есть свои символы и история. А еще нужно иметь в виду, что уже в 70-е годы были впервые написаны основы охраны природы и ландшафтов. Хотя пока мы не понимаем, что такое ландшафты, составляющие ландшафта. Но ясно, что в них входит сохранение, предотвращение возможных нарушений природных систем.

АЛЕКСЕЙ БУЙНОВ Прежде всего, хочу высказать слова благодарности всем вам, уважаемые коллеги и участники круглого стола, за ваши

выступления, большинство из которых были для меня в высшей степени интересны и содержательны. Хочу также, с известной долей иронии, сказать: я – тот самый беспринципный человек, который, не пройдя весь путь познания, подписывает задания на выполнение документов территориального планирования. Но у меня есть для этого свои резоны и, если хотите, оправдания. Первое – пройти путь познания целиком не представляется возможным, и второе – выполнять документы территориального планирования на уровне своей компетенции есть жизненно необходимое условие существования региона. Ведь согласитесь, анализировать существующую ситуацию гораздо проще, базируясь на не всегда совершенной, но существующей системе, чем при её отсутствии. Да и сами документы территориального планирования не являются абсолютно статичными единицами. Они должны видоизменяться и видоизменяются во времени и пространстве. И есть ещё один нюанс, о котором я хочу сказать отдельно: большинство документов территориального планирования существуют с грифами «Для служебного пользования» и «Секретно». Соответственно я могу с полным основанием сослаться на эти документы, но не могу их вам продемонстрировать. Знаю, что о вкусе устриц нужно спорить с теми, кто их пробовал, но решения данной ситуации пока нет, и вам придется мне верить на слово, ну, или, соответственно, не верить.

Ну а теперь по сути вопроса. Действительно, большинство поднятых сегодня проблем существует, и далеко не все из них решаются в необходимые сроки, грамотно и со знанием дела. В частности, существует проблема с выполнением генплана города Байкальска. Работа, которая удивила меня своей изначально за пределами низкой стоимостью, для меня не коим образом не корреспондируется даже со стоимостью выполнения топоосновы, на которой, собственно, и должна быть выполнена эта работа. Есть и ещё некоторые довольно весомые моменты, которые заставляют меня относиться к этой ситуации с достаточной степенью осторожности. Но даже промежуточного итога этой работы я пока не видел, и, что называется, поживем – увидим.

Что же касается схемы территориального планирования Ольхонского муниципального образования, то эта работа приближается к своему завершению. Почему так долго? Ответ простой – изначально работа не выполнялась комплексно, в частности был проигнорирован по непонятным

причинам целый раздел «археология». По поводу состава работы было много предметных и беспредметных споров. Отсюда и задержка во времени. Но, кстати, именно раздел «археология» заставил во многом пересмотреть подходы к развитию и использованию земель этого муниципального образования, к количеству отводимых земельных участков при жестком регулировании этого процесса.

Ещё на одной проблеме хочу заострить ваше внимание – на нашей законодательной базе. К сожалению, далеко не всегда наши законы элементарно корреспондируются между собой. Да что греха таить, в разных законах просто разная терминология. Результат – проектировщики вынуждены лавировать между требованиями градостроительного и земельного кодексов, закона о центральной экологической зоне, закона о Байкале, закона об охране историко-культурного наследия и ещё парой-тройкой подзаконных актов. Достаточно сложное занятие, если учесть тот факт, что в некоторых моментах эти документы впрямую противоречат друг другу. И уж тем более непросто сформулировать принципы, по которым должен развиваться туризм на Байкале. Со стихийностью в этом вопросе, несомненно, надо заканчивать, требования к тем, кто старается делать бизнес в этом направлении, несомненно, надо повышать. Возможно, туризм на Байкале должен стать элитарным – как идея, звучит весьма не плохо. Но тут же могу сказать, что любая ситуация должна быть просчитана, а вот этого-то у нас как раз и нет. Можно посветовать, что в обществе нет сейчас уровня культуры, чтобы общаться с таким памятником, как Байкал, хотя бы приближительно на равных. Поэтому мы идем по всем понятному пути запретительных мер и ужесточения законодательства, забывая, что при всей понятности путь-то этот – порочный. Конечно, есть надежда, что определенная основа для решения этого вопроса, заложенная в схеме территориального планирования Иркутской области получит свое развитие в схемах территориального планирования Ольхонского, Иркутского и Слюдянского районов, тем более что этому уделяется повышенное внимание. Кстати, в качестве положительного примера могу привести очень грамотное проектное градостроительное решение по Портбайкальскому муниципальному образованию, но пока это, скорее, исключение из правил, нежели собственно правило.

В последнее время мы достаточно много делаем, но, положив руку на

сердце, могу сказать, что далеки мы ещё от того момента, когда научимся собственно работать и собственно зарабатывать. Для этого нужна выверенная система, а этот инструмент создается годами, если не десятилетиями.

В завершение хочу привести такой пример: когда археологи закончили в Ольхонском районе свою работу, выяснилось, что на этой территории существует порядка тысячи ста памятников археологии, и это факт, с которым нельзя не считаться. Более того, это наше историческое наследие и мы обязаны его бережно охранять. А куда же, скажите, в этой ситуации девать людей, которые там проживают, и которым мы обязаны обеспечить плановое и последовательное позитивное развитие условий их существования. И как это ни парадоксально звучит, чем-то придется жертвовать, а жертвовать не хочется, да, в общем-то, и права такого нет.

МАРК МЕЕРОВИЧ В заключительной части нашего круглого стола я предлагаю обсудить всевозможных позиций – гражданской, профессиональной и других – что делать?

Мы одновременно являемся и профессионалами, создающими среду обитания, и потребителями этой среды. Способны ли мы, осмысляя свой собственный опыт «обживания» пространства, привносить в свои профессиональные действия позитивные изменения? Можем ли мы охватывать своим сознанием масштаб значительно больший, нежели масштаб локального места, масштаб Иркутской области, Байкальского региона или даже страны? Способны ли мы к пониманию того, что та или иная проектная задача имеет всемирное значение и должна быть сформулирована совершенно специфическим образом? Как проектировщикам организовать свое профессиональное мышление? Как правильно определять свою профессиональную позицию, не утрачивая при этом гражданской ответственности? Инициаторами каких законодательных инноваций должно выступать архитектурное сообщество в целях сохранения уникальных природных и антропогенных объектов – ландшафтных, культурных, исторических и других?

КОНСТАНТИН ЛИДИН Известное выражение, когда попадают в незнакомую страну, не спрашивают какие законы – хорошие или плохие, а спрашивают, исполняются ли они. Законы мы можем задумывать разные, а вот будут ли они испол-

няться. И к вопросу об аккуратности немцев. Мне два года назад довелось в Германии поучаствовать в благотворительной акции очистки берегов Рейна от того дерьма, извините, которым аккуратные немцы его буквально заваливают. Там слои мусора! По колено. Вот с километра берега вывезли 16 центнеров мусора. Это аккуратные немцы, у которых якобы чистоплотность в генах закрепилась за 400 лет! Ничего подобного. Аккуратные они тогда, когда за ними наблюдают. Как только они перестают чувствовать за собой контроль, они точно такие же свиньи, как и мы здесь. Поэтому я хотел обратить внимание на очень важную техническую проблему. Это проблема постоянного мониторинга берегов Байкала. Естественно, с опорой на космические технологии, они уже давно существуют. Возможно, берегам Байкала нужно придать особый статус территории внимательного наблюдения. И тогда мы сможем действительно, сидя у себя за компьютером, посмотреть, кто и что там строит еще до того, как уже построили. Кто сколько чего выбросил – проследить и наказать, если нанес вред Байкалу. Нанес ущерб – заплати. Взять эти технологии и применить сюда, чтобы законы об охране Байкала соблюдались.

Мне кажется, что в целом развиваться надо в основном не проектирование домов, а инфраструктуру. Не объекты, а способы их создания и увязывания в единую структуру. Потому что, конечно, котельная в Листвянке – это чудовищное порождение технологии XVIII века. Почему бы не поставить тепловой насос? Он экологически безопасен абсолютно. Никогда мы не выкачаем все тепло из Байкала. А промышленный насос обеспечит теплом весь поселок, даже если население увеличится до 30 тысяч. Половина проблемы снимется. Но для этого надо, чтобы бизнесмены договорились между собой, создали какое-то товарищество, консорциум. Потому что тепловой насос дорого стоит, это не мазутная топка, которую можно соорудить в каждом дворе.

Почему-то все время получается, что мы за охрану статуса, за сохранение прошлого, а «освоители» Байкала, даже самые дикие – это как бы представители передовых технологий, мы консерваторы, а они вроде бы за прогресс. Необходимо так развивать дело, чтобы поменялись местами. Это охранители, экологи должны использовать самые передовые технологии.

Вокруг Байкала действительно в определенной степени идет война. Эта война – очень жестокий, цивилизационный конфликт между

промышленным, индустриальным мышлением и постиндустриальным мышлением. Когда мы поймем, что главная ценность Байкала – это не вода, но сам образ Байкала? За этим сюда туристы едут. Неужели европейцам так уж сильно не хватает чистой воды? Ну пойдешь в ближайший супермаркет, купи себе бутылку, тебе же не надо тысячу кубических километров. Они едут сюда за образом, и, соответственно, проектное задание должно включать образную составляющую. Никакой проект на берегу Байкала не должен наносить ущерб образу. Я сейчас говорю как технолог, в эту область случайно забредший. Нужна технология. Нет сейчас технологий проработанных или, по крайней мере, утвержденных, которые бы позволяли в проектное задание закладывать образ. Какой образ должен быть у строения, чтобы не исказить уже имеющийся образ Байкала? Не конфликтовать, не спорить с ним. А у нас этого нет, или, может быть, я не знаю.

АНДРЕЙ БОКОВ На одном из семинаров, в работе которого я участвовал, была предложена технология фиксации образа и инструментарий. А Э. Кубенский пообещал собрать книгу об этом.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА Необходимы межгосударственные соглашения. Вспомним, сколько неприятностей хабаровчанам и реке Амур доставляют реки, текущие из Китая, Сунгари, например! А есть еще река Селенга, которая берет начало в Монголии и впадает в Байкал. Строительство на Селенге может представлять угрозу Байкалу.

На острове Ольхон недавно была молодежная архитектурная акция «Город шамана». К вопросу об образе: по шаманской мифологии, Ольхон – сердце Земли, а Байкал – око Земли.

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ Дело в том, что мы плохо понимаем значение некоторых слов, которые употребляем. Первое слово – культура. Геббельс говорил, что когда он слышит слово «культура», он хватается за пистолет. В наши дни Геббельс, испугавшись чего-нибудь, наверняка схватился бы за слово «культура». Оно стало уже чем-то вроде пугала. Как только происходит что-то нехорошее, мы сразу говорим: «А где культура?» Мы апеллируем к духовной культуре: «У нас низкая культура, а должна быть высокая». Но ведь культуры отличаются друг от друга не только по признаку «низкая-высокая», а и типологически, существуют разные типы культур. Несмотря на все мое уважение

к протестантизму, я должен сказать, что в большей мере протестантизм и создал всю эту грязь, прежде всего – промышленность, точнее – промышленную цивилизацию. Много лет тому назад Сергей Герасимов поставил нашумевший тогда фильм «У озера», но, конечно, оставался при этом коммунистом.

А для коммунистов тогда вопросы промышленности и военно-промышленного комплекса заслоняли все прочие проблемы, и им совсем было не до природы, не до мифологии природы и не до Байкала. Они строили собственный миф, и миф этот касался мирового идеологического господства коммунизма. Герасимов хотел и проблему обозначить, и невинность sobлюсти. Это было его искреннее стремление. И многие из нас до сих пор действуют по той же самой схеме.

Вот мы сейчас все чаще употребляем слово «развитие». А понятие «развитие» с сохранением Байкала увязывается очень слабо. Ведь Байкал хорош как раз тем, что не развивается. Его не развивать, а сохранять надо. Но не следует думать, что это проблема чисто российской или связанная с идеологией коммунизма. Она в большей мере связана с ценностями протестантизма, распространенными в США.

Я как-то раз ехал в город Нью-Йорк вдоль Гудзона, ехал и смотрел в окошко вагона на Гудзон и узкую береговую полосу между железнодорожными путями и берегом реки. И какого было мое удивление от того, что я увидел там на берегу! Живого места нет – пластиковые пакеты, какие-то банки, горы мусора. И это в стране аккуратных американцев, а не у миргородского забора. Оказывается, не только мы, русские, такие свиньи, что сваливаем все под один забор. Христианская культура обязывает к чистоте только в том случае, если это место связано со святыми. А где нет святых, там чистота вроде бы уж и не обязательна, и грязь не страшна. Экологическая мифология, которая стала в наши дни так популярна, требует еще не только мифологического, но и теологического толкования, чтобы объяснить: как соотносятся христианские ценности с экологической мифологией? Или как относятся христианские ценности к китайской и монгольской мифологии, что здесь происходит? Типы культур в XXI веке приходят в неожиданное столкновение. Одно время китайские поэты отказывались переводить на китайский язык «Евгения Онегина», потому что в первых строках поэмы высказывается неуважение к больному дядюшке. Потом они все же перевели поэму и даже памятник Пушкину

поставили. Противостояния могут вести к войне, а могут вести и к дружбе. И наши нынешние войны – это войны цивилизаций и культур. Обостряется мусульманско-христианское, может, индийско-мусульманское противостояние. И несмотря на то что Байкал стоит в стороне от линии фронта, она проходит и по Байкалу, и по мегаполисам. Большие города и Байкал – это два полюса одинаковых историко-культурных парадоксов чистоты и загрязнения.

Насчет питьевой воды: боюсь, что многие люди пресную воду будут рассматривать как альтернативу нефти. Я уже слышал: «Не бойтесь, нефть у нас иссякнет, но (!) у нас есть много питьевой воды!» Я представляю себе насосные или буровые станции, которые будут гнать бутылки с водой из Байкала. И радости эти насосы у меня не вызывают. Опять коммерция вместо любви к природе. Мы сейчас этих вопросов не разрешим, но поднимать их надо.

АНДРЕЙ БОКОВ Прошу прощения, но я говорил не о высокой или низкой культуре, а об общей культуре. Это состояние разрушенности, которое ведет к таким последствиям.

АЛЕКСАНДР РАППАПОРТ Но когда вы говорите о разрушенной культуре, какую культуру вы имеете в виду? Христианскую? Разрушенную мусульманскую? Или разрушенную языческую? Вы правы, сейчас деградировали все типы культуры: деградировала и христианская, и языческая, и мусульманская культура. Но противостояние состоит все же в сфере сосуществования культур. Конечно – это сложный вопрос, и сам я не знаю, как на него ответить. Я вновь напомним Герасимова: внешне его позиция выглядела очень цельной позицией честного, умного человека. На самом же деле он предлагал решить задачу Байкала, игнорируя внутренне неразрешимый конфликт собственной культуры.

АЛЕКСЕЙ ЧЕРТИЛОВ Мы сегодня, даже не сегодня, а уже много веков находимся не в культурном, а в цивилизованном пространстве, технократическом периоде развития человечества. Поэтому сейчас настает время, когда можно заниматься воспитанием для того, чтобы жить лучше. Это самый лучший способ – воспитание, возвращение культуры. Но надо учиться ближайших сто, двести, триста лет для того, чтобы поменять сознание, поменять менталитет. И сегодня единственный способ, который существует, чтобы удержать ситуацию хотя бы в

том виде, как она есть, – это полные запреты. Тут я не согласен с чиновниками. Надо остановить варварство. Мы сейчас варвары, причем жестокие, доморощенные варвары. Для того чтобы объединиться, охранять надо что-то конкретное. Да, Байкал, да, вода, образ и т.д., но образ охранять невозможно. Нужно охранять что-то материальное. И для того чтобы это определить, надо спросить самого себя: а что действительно ценного есть на этой территории? Не только же береговая линия. Об этой копилке ценностей нам надо спросить профессионалов. Слава богу, мы сегодня имеем хоть какое-то представление о том, что такое охрана природы. В системе охраны культурного наследия есть четкие понятия. И Байкал – это территориальная зона и многое другое, то есть перечень чего-то конкретного. Но следует помнить, что развитие есть уничтожение. И Байкал для меня – это предмет охраны, консервации, передачи следующим поколениям в таком виде, в котором они представляют ценности.

ОЛЬГА ЖЕЛЕЗНЯК Мы можем создать какую угодно систему охранительных мер – и через некоторое время в этой системе будет найдено множество новых способов, позволяющих эти правила нарушать. Воспитание должно осуществляться через мифологию, через идеологию. И начинать его нужно было давно. При всей моей любви к тому, что представляет собой Байкал, я считаю, что таким способом – жесткой системой «полных запретов» (за которые ратует Алексей Константинович) – Байкал абсолютно точно не спасти.

В этом плане мне представляется более плодотворным предложенный Александром Гербертовичем разговор о «культуво-мифогенной» интерпретации стратегий проживания территории. Во всей сложившейся на сегодня ситуации – как в реалиях «проживания» территорий, так и в пространствах теоретического обсуждения, – на мой взгляд, недостаточно в целом проговорены идеологические установки, которые могли бы задать, общую тенденцию понимания Байкала как зоны особого внимания. Возможно, надо формировать новую идеологию, т.к. существующие идеалы «экологичности» и «уникальности» озера Байкал и прилегающей территории не работают ни в одном из сочетаний. При этом заданная идеологическая установка должна превратиться в раскрытый бренд, не обращение к которому будет просто не престижно.

Одной из составляющих такой идеологии может быть, напри-

мер, своеобразная «Иконография Байкала» (включающая систематизацию разных «чувствований» территории и форм отражения этих переживаний; совокупность сюжетов, смыслов и символов, характерных для территории и др.). Она должна отражать «эйдос» места, строиться на реальных исследованиях специфики территории и на основе мифологических представлений, априори включая в себя постулаты экологической сообразности, идентичности и уникальности. Кроме того «Иконография Байкала», как некий бренд, может формировать имиджевую систему.

Первые попытки профессионального осмысления таких иконографических структур-образов Байкала и территории осуществлены в отмеченном Еленой Ивановой проекте «Шаман-город», который был организован мастерской Асадова на Ольхоне в прошлом году. Предложенные в рамках проекта своеобразные пространственные архетипы дают повод для размышлений и последующих интерпретаций.

И, обсуждая «Территорию Байкала как зону особого внимания», наряду со всеми обозначенными проблемами, вероятно, следует говорить также о культурной многослойности и субкультурной множественности, которые порождают разные «чувствования» территорий и формы отражения этих «переживаний».

ТАТЬЯНА СНИМЩИКОВА Я хочу поблагодарить вас за то, что нам была предоставлена возможность стать генеральными спонсорами этого мероприятия, за приятные знакомства и за то, что мы присутствовали на вашем разговоре. Я поняла, что мы все едины в одном: наше подсознание говорит, что нужно что-то делать, принимать решения, проводить мероприятия и охранять Байкал. Байкал – это живая субстанция, которая все впитывает в себя. Ту красоту, которую мы видим, и то, что мы чувствуем своим сердцем, и то, что говорит нам наше подсознание и наше сознание, – это вкладывается в сегодняшнюю речь, сегодняшние мысли. Несомненно, что план мероприятия должен быть важным, нужным, необходимым. Но он должен быть ровным, постепенным, позитивным. Не агрессия, не война и не борьба, а именно любовь, добро, уважение.

1

номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Жилой дом в 1-м поселке
Иркутской ГЭС в г. Иркутске.
Арх. Дружинина И.Е.

2 Бронзовый диплом
Индивидуальный жилой дом
Арх. Козак И.В., Филиппова О.Г.,
Кузин Ю.И., Яков А.Ю.

номинация
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ
И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

3 Серебряный диплом
Гостевые дома в поселке «Байкал»
Арх. Ляпин А.А., Чертилов А.К.,
Горчакова М.А., Баженов С.В.,
Баженов И.В.

4 Серебряный диплом
Дорожное кафе на 25 мест
Култукский тракт г.Шелехов
Арх. Жуковский Н.Л., Нючева О.В.
При участии: Посохова.П., Казаков
М., Хамаганов Д.

5 Бронзовый диплом
«Московский центр боевых
искусств»
Арх. Виноградов П.А.,
Прокофьева А.М., Климова Г.Ю.,
Малиновский П.Г., Шулика О.К.,
Скворцов.Д.А., Максимова Н.В.

2

3

4

Поощрительный диплом

6 Оздоровительный комплекс
гостиницы «Ангарские хутора»
Арх. Солнышков В.В.,
Смирнова О.И., Фетисова Т.

7 Многоквартирный жилой дом
со встроенно-пристроенным
помещением по ул. Ново-
бульварная в г.Чита
Арх. Очиров М.Г., Денисов А.Б.,
Агеева А.В., Домашкина Е.П.,
Сизова Е.Н., Капустин А.В.

6

1

3

4

5

6

номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1 Бронзовый диплом
Реконструкция Торгового центра
«Покровский» в г.Иркутске
Арх. Стегайло В.Б., Бадула О.Б.,
Миронов М.Ю., Зими́на К.В.,
Михайлик А.В.

номинация
«РЕСТАВРАЦИЯ»

2 Серебряный диплом
Реставрация фасадов школы №11
в г.Иркутске
Арх. Жуковская Н., Сенцова Л.,
Егорова Н.

номинация
«ЛАНДШАФТНАЯ
АРХИТЕКТУРА»

3 Золотой диплом
Благоустройство территории
частного дома в г.Иркутске
Арх. Дружинина И.Е.

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

4 Золотой диплом
Ресторан-клуб «Золотая подкова»
«Буйство в стиле НЭП»
Арх. Мыльников Ю.А.,
Крылова Н.Н.

5 Бронзовый диплом
Интерьер торгового центра
«BRAND HALL» в г.Иркутске
Арх. Стегайло В.Б., Михайлик А.В.

6 Бронзовый диплом
Интерьер магазина
«Золотое время»
Арх. Меерович М.Г.,
Якубовский А.П.

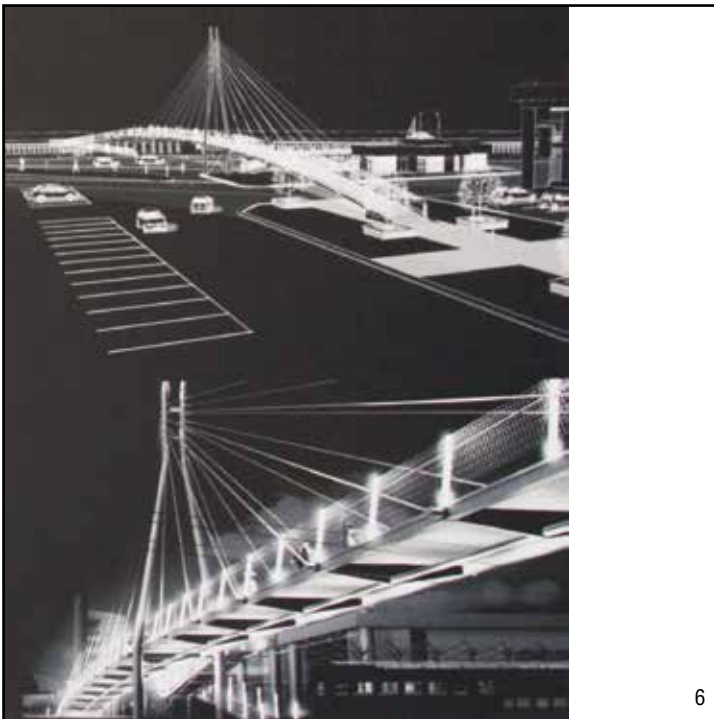
номинация
«ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Жилые блок-секции в 32-м микрорайоне г.Ангарска
Арх. Бадула О.Б., Зимица К.В.,
Петрук Ю.П., Бадула Ф.Р.

2 Серебряный диплом
Дом для серьезного человека
Арх. Мыльников Ю.А.,
Крылова И.Н., Высоцкая Е.А.,
Козелецкая И.В., Сударчиков А.А.

3 Бронзовый диплом
Жилой дом по ул. Марата
в г. Иркутске
Арх. Бызов В.А., Сушкова Е.Д.
при участии: Сергеев А.С.,
Александров С.А.

4 Поощрительный диплом
«Десант в провинцию»
Жилой комплекс на проспекте
Вернадского в г. Москве
Арх. Виноградов П.А.,
Новикова А.С., Шулика О.К.

номинация
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»

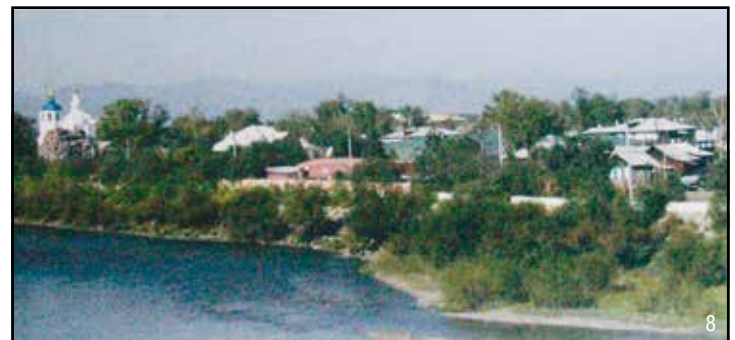
5 Золотой диплом за
Генеральный план.
Проект планировки МОГП
«Агинское» АБАО
Арх. Аляскина И.Б., Большаков Г.П.,
Мохосоев А.А., Гармаева М.Б.

6 Серебряный диплом
Надземный пешеходный переход
Через ул.Рабочая в г. Иркутске
Арх. Стегайло В.Б., Миронов М.Ю.

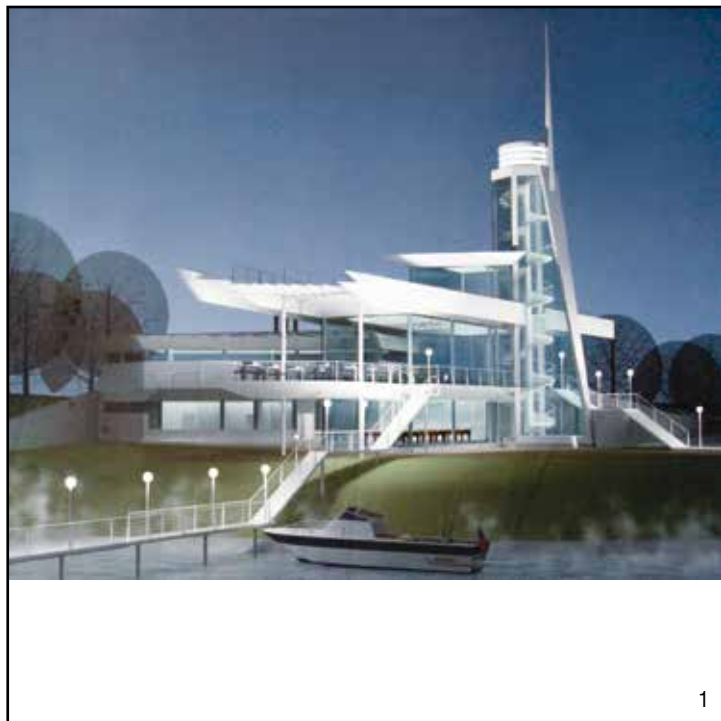
7 Бронзовый диплом
Проект зон охраны г. Иркутска
Арх. Красная Н.Н., Прокудин А.Н.,
Басина Л.Г., Калинина И.В.,
Калинин С.А., Ладейщикова Е.Н.
Таурина В.О.

8 БРОНЗОВЫЙ диплом
Проект зон охраны объектов
Культурного наследия г. Улан-Удэ
Арх. Михайлов Б.Б., Прокудин А.Н.,
Молоев А.С., Саргаева А.Н.,
Сергеева В.И., Хулукшинова Н.Е.,
Егорова Н.А., Жамсуева Д.С.,
Гурьянов М.В., Конев В.П.,
Митыпова Е.С., Урбанов А.А.,
Мальцев Т.П., Мальцева Л.В.,
Нельдушкин А.Н., Андреева Т.П.

9 Поощрительный диплом
Генеральный план Свирского
городского округа
Арх. Протасова Е.В., Хотулев Р.А.,
Куцакова О.Ю., Смирнов Н.В.,
Фролова О.В., Мамонтова М.В.,
Зелент Е.А., Вильке Н.Б.

1

2

4

номинация
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ И
ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1 Золотой диплом
Ресторан «Маяк», г. Иркутск
Арх. Стегайло В.Б., Бадула О.Б.,
Михайлик А.В.

2 Золотой диплом
Расширение учебного блока
Байкальского Государственного
Университета Экономики и права
Арх. Е.Григорьева, С.Муллаяров,
Ю.Шевченко, В.Яковлева
Конструктор Н. Лысева,

3 Бронзовый диплом
Административное здание
по ул. Партизанская в г. Иркутске
Арх. Пожидаев А.А.,
Беспалко М.И., Папанян К.А.

4 Бронзовый диплом
Водно-спортивный комплекс
по ул. Байкальская в г. Иркутске
Арх. Е.Григорьева, Н.Носова
А.Козак, С.Муллаяров
Конструктор А. Этингов

5 Поощрительный диплом
Комплекс «Начальная школа и
детский сад в селе Казачинское
Казачинско-Ленского р-на
Иркутской области»
Арх. Болтенкова Д.В.,
Крутиков А.А., Шумкова В.А.,
Щеглова М.А., Папушева Т.П.

6 Поощрительный диплом
Административное здание с мага-
зином по ул. Канская в г. Иркутске
Арх. Бадула О.Б., Петрук Ю.П.,
Бадула Ф.Р.

7 Поощрительный диплом
«Десант в провинцию» за
Многофункциональный комплекс
по ул. Новочеремушкинская в
г.Москва
Арх. Виноградов П.А.,
Новикова А.С., Максимова Н.В.,
Скворцов Д.А.

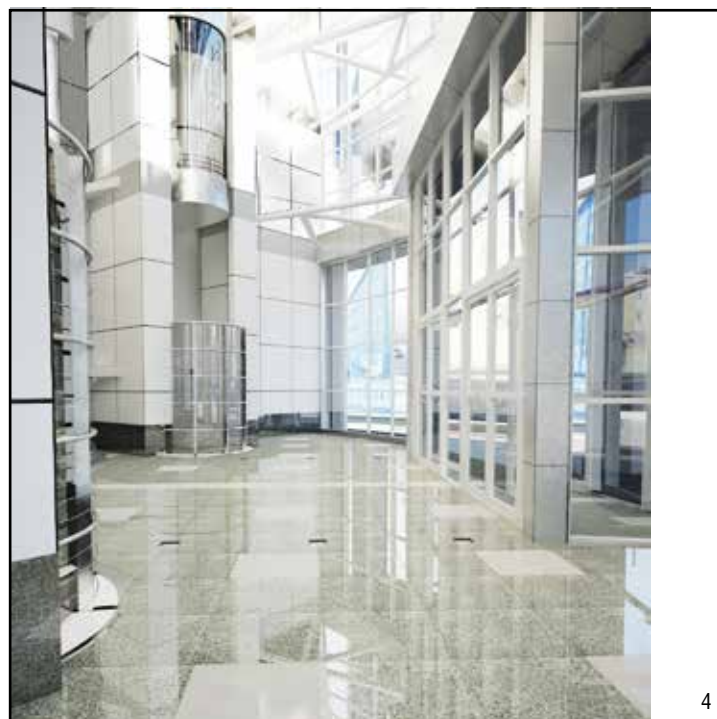
1

2

3

4

номинация
«РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЪЕКТОВ»

1 Золотой диплом
Административно-торговый центр
В условиях исторической
застройки

Арх. Жуковский Н.Л., Нючева О.,
Буторин И., Тяжев В.
при участии: Посохов П.

2 Серебряный диплом
Реконструкцию здания
под размещение филиалов ОАО
Банк ВТБ и ЗАО ВТБ 24

по ул.Российская в г.Иркутске
(вариант № 3)
Арх. Горбенко В.Ю., Нечаев А.Г.

номинация
«ИНТЕРЬЕР»

3 Золотой диплом
«Технопарк» Иркутского
Государственного Технического
Университета

Арх. Паллаускене Е.Н.

4 Серебряный диплом
Центр Управления Перевозок
Восточного региона в г.Иркутске
Арх. Красильников А.Г.,
Старовойтов О.П., Паллаускене Е.Н.,
Свистунова О.С.

СТРОИМ ВМЕСТЕ

Раздел: «Пропаганда архитектуры»
 Номинация: «Архитектурно-просветительская деятельность»

ООО «Бизнесстрой»
 Цикл статей в журнале «Строим вместе»
 Главный редактор: Анненкова Татьяна

ГОСТИ

Н.А. Кузак
 И.В. Козак
 Марк А. Кампо
 А.В. Иванов
 А.А. Ефимов

НОВОСТИ

В течение года в журнале печатались новости САР. Освещалась деятельность Клуба молодых архитекторов. Публиковались материалы с заседаний градсоветов:

- по реконструкции парков и скверов, по вопросам благоустройства
- по восстановлению Московских триумфальных ворот
- по реконструкции транспортной развязки «Маратовская»
- по проектам планировок Центральной части г. Иркутска и Октябрьского района

На страницах журнала был широко освещен фестиваль «Зодчество Восточной Сибири-2007» (итоги фестиваля, интервью с гостями, освещение мастер-классов и круглых столов, экскурсии по городу, работы участников и т.д.)

Журнал в рамках Ярмарки недвижимости провел и осветил круглый стол «Мифы и реальность градостроительной деятельности в г. Иркутске»

НАСЛЕДИЕ

Интервью с руководителем службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области В.П. Шахеровым

Материалы Международной конференции по проблемам реставрации недвижимых объектов историко-культурного наследия Иркутска

Стенограмма заседания историко-культурного клуба «Деревянное наследие г. Иркутска – быть или не быть?!»

Материалы с отчетно-перевыборного собрания Иркутского регионального отделения ВООПИК

Обсуждение исторической части города в рамках проекта планировки Центральной части Иркутска на Градостроительном совете при администрации г. Иркутска

Интервью с реставратором, директором фирмы «Архитектурное наследие» Д.А. Тимофеевым

Материал о возрождении Харлампиевской церкви и проблемах, связанных с ее реставрацией

номинация «НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

1 Золотой диплом
 Монография «Рождение соцгорода», «Рождение и смерть города-сада»
 Автор Меерович М.Г.

2 Серебряный диплом
 Серия работ «Деревянное зодчество Иркутска», «Иркутск, XX в. 40-60 гг.»
 Автор Ашихмин А.В.

3 Бронзовый диплом
 Научные исследования на тему: «Типовые жилые дома 1920-50-х гг. в Иркутске»
 Автор Сидоренко А.В.
 Руководители Меерович М.Г., Чертилов А.К.

номинация «АРХИТЕКТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

4 Золотой диплом
 сборник «Качественная архитектура», журнал «Технологии строительства»
 Издатель ЗАО «АРД-центр»

5 Серебряный диплом
 Цикл статей в журнале «Строим вместе»
 Авторы Анненкова Т., Дулатова Х. Тимохова С., Носова М.

6 Бронзовый диплом
 Сборник « Учебно-ознакомительная поездка в Германию»
 Авторы Васильева И., Малахова И., Потапова А., Витковская А., Хохрина С., Коршунова К., Хромленина Е., Петуховой О., Янов А., Юдаевич А., Ри А., Козлова М.

1

номинация
«ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ
АРХИТЕКТОРОВ»

1 Золотой диплом
Архитектурно-градостроительная
концепция «Гостиничный комп-
лекс на Страстном бульваре»
Арх. Пашкевич И.Е., Османкин В.В.,
Золотухин Е.В., Потапова А.В.

2 Серебряный диплом
Арх. Михайлик А.

3 Бронзовый диплом
Административное здание
по ул. Горной в г. Иркутске
Арх. Григорьев М.С., Ананьев Д.С.

4 Поощрительный диплом
Жилой комплекс «Сибирский»
в г. Иркутске
Арх. Зибров П.А., Сивушкова И.Е.
Конструктор Таргашин Ю.С.

5. Поощрительный диплом
Арх. Концевой А.Ю.

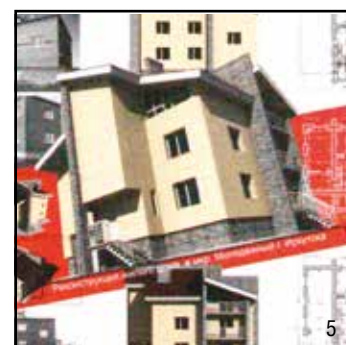

2

6. Поощрительный диплом
Проект Ленд-Арт в г. Иркутске
Авторский коллектив: Клуб Молодых
Архитекторов при ИРО САР

3

5

6

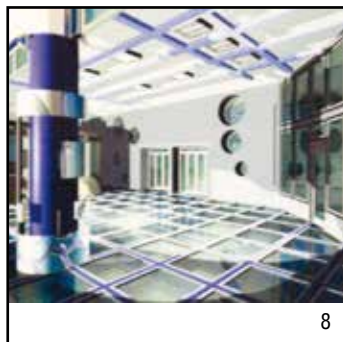
2

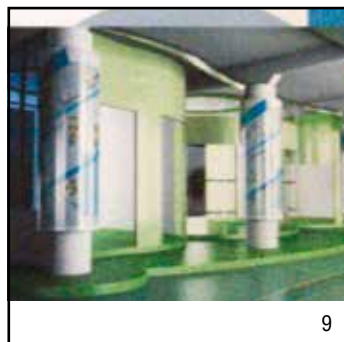
5

7

8

9

11

раздел
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

номинация
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО и
ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»

1 Золотой диплом
Жилая группа средней этажности
Арх. Лесняк Е.В.
Рук. Хохрин Е.В.

2 Серебряный диплом
Дизайн-проект дендропарка
«Каменушка» в п. Листвянка
Арх. Байкалова А.А.
Рук. Железняк О.Е.,
Прокудин А.Н., Акулов В.М.

3 Бронзовый диплом
Жилой комплекс
Арх. Речкина Д.И.
Рук. Марков В.И.

4 Поощрительный диплом
Жилой район на 30 тысяч жителей
Арх. Малеванова Н.В.
Рук. Вяткина Б.М., Макагон Л.Н.

5 Поощрительный диплом
Микрорайон на 10500 жителей
Арх. Дрыжак Д.В.
Рук. Лощук Г.П., Слабуха А.В.

6 Поощрительный диплом
Дизайн-концепция реорганизации
территории ИргТУ
(ул. Лермонтова)
Арх. Корелина М.В.
Рук. Железняк О.Е.,
Ладейщиков А.Ю.

раздел
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

7 Золотой диплом
Интерьер коттеджа
Арх. Гамидова Э.
Рук. Киселева О.В.,
Коробкова Е.А.

8 Серебряный диплом
«Аквариум». Дизайн-проект
интерьера холла ИргТУ
Арх. Иоффе Е.М.
Рук. Лисицина Я.Ю.

9 Бронзовый диплом
Интерьер вестибюля ИргТУ
Арх. Яровая А.В., Жагарин М.Н.
Рук. Лисицина Я.Ю.

10 Поощрительный диплом
Общежитие архитектурного
факультета г. Иркутска
Арх. Обыденнов И.
Рук. Ашихмин Л.В.

11 Поощрительный диплом
«БИО». Дизайн-проект интерьера
холла ИргТУ
Арх. Уникаускайте К.А.
Шевченко М.А.
Рук. Лисицина Я.Ю.

1

раздел
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

номинация
«РЕСТАВРАЦИЯ и
РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1 Золотой диплом
Проект воссоздания Амурских
(Айгунских) Триумфальных ворот
1858 года строительства
в г. Иркутске с реконструкцией
транспортного узла и прилегаю-
щей застройки

Арх. Муравьева Н.А.
Рук. Чертилов А.К.

2 Серебряный диплом
Проект реконструкции-рестав-
рации и приспособления по
первоначальному назначению
храмового комплекса «Церковь
святого Николая Мирликийского
Чудотворца» начала XX века на
железнодорожной станции Тулун

Арх. Баранова Т.Г.
Рук. Прокудин А.Н.

3 Бронзовый диплом
Проект реставрации памятника
истории и культуры «Дом дека-
бриста П.А. Муханова» 1850-х
годов с приспособлением под
музей декабристов по
ул. Тимирязева №45
в г. Иркутске

Арх. Блошкина Е.А.
Рук. Ладейщиков А.Ю.

4 Поощрительный диплом
Проект воссоздания православ-
ного храма Пророка Илии в селе
Анга Иркутской области для
использования по первоначаль-
ному назначению

Арх. Шишканов В.С.
Рук. Чертилов А.К.,
Шестопалова Н.В.

раздел
«ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ»

номинация «ОБЪЕКТЫ»

5 Золотой диплом
Пассаж

Арх. Зуйкова Г., Зайцев А.
Рук. Киселева О.В., Ахметова Е.Р.

6 Серебряный диплом за
Автозаправочная станция

Арх. Вербицкая А.
Рук. Киселева О.В.

7 Бронзовый диплом проекту
Жилой дом «Конструктор»

Арх. Никитина Е.
Рук. Меркулова М.Е.,
Герашенко С.М.

8 Поощрительный диплом
Дом для звезды

Арх. Потапова А.
Рук. Хохрин Е.В.

9 Поощрительный диплом
Проект школы для одаренных
детей

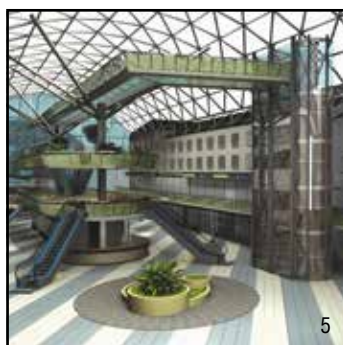
Арх. Тхоревская О.
Рук. Эляян С.Н.

10 Поощрительный диплом
Общеобразовательная школа
на 27 классов с биологическим
уклоном

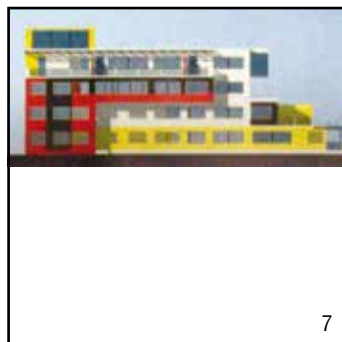
Арх. Сафронова А.В.
Рук. Большаков А.Г.

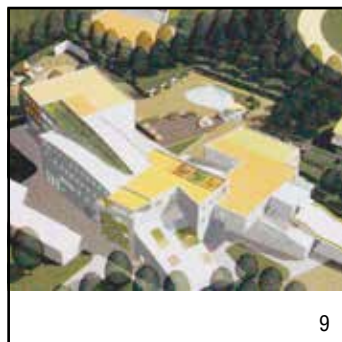
3

5

7

9

10

номинация
«ЛУЧШАЯ РАБОТА» НА ТЕМУ
«АРХИТЕКТУРНАЯ БИОНИКА»

1 Золотой диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ г. Иркутск, ул.
Лермонтова, 89
Руководитель: Ремизова Н.В.

2 Серебряный диплом
МОУ ДОД ДУХ №1 г. Ангарск,
ул. Маяковского, 26
Руководитель: Сморода Г.
Преподаватель: Кручинина У.О.

3 Бронзовый диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 89
Руководитель: Ремизова Н.В.
Преподаватель: Шнитко М.И.

номинация
«ЛУЧШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ»:

4 Золотой диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 89
Руководитель: Ремизова Н.В.
Преподаватель: Гочарова О.А.

5 Серебряный диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 89
Руководитель: Ремизова Н.В.
Преподаватели:
Речкина Д. И., Поречная О.О.

6 Бронзовый диплом
МОУ ДОС ДУШ №4 г. Иркутск,
мкр-н Юбилейный, 90
Руководитель проектной
организации: Петрова О.А.
Преподаватель Баранова Т.В.

номинация
«ДЕТСКИЕ ШКОЛЫ И СТУДИИ»

7 Золотой диплом
ЦДТ архитектуры и дизайна
«Пирамида», ИргТУ г. Иркутск,
ул. Лермонтова, 89
Руководитель: Ремизова Н.В.

8 Серебряный диплом
МОУ ДОС ДУШ №4 г. Иркутск,
мкр-н Юбилейный, 90
Руководители:
Петрова О.А., Баранова Т.В.

9 Бронзовый диплом
МОУ ДОД ДУХ №1 г. Ангарск,
ул. Маяковского, 26
Руководитель: Сморода Г.П

59 ЛЕТ НА ВЫСОТЕ

ЗАКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

СТАЛЬКОНСТРУКЦИЯ

г. Шелехов, ИркАЗ
корпус электролиза

г. Шелехов, ИркАЗ
корпус электролиза

г. Ангарск, торгово-
офисный комплекс

Республика Бурятия, СУЭК
Обогатительная угольная
фабрика

Республика Бурятия, СУЭК
Обогатительная угольная
фабрика

Строительно-монтажные работы ●

Проектные работы ●

Строительное конструирование ●

Монтаж высотных сооружений, ангаров, эллингов, мостов, куполов и др. ●

Инжиниринговые услуги ●

Производство строительных материалов, конструкций, изделий ●

Производство стальных и алюминиевых конструкций и изделий ●

665821

Иркутская обл.

г. Ангарск, а/я 3212

ул. Полевая, 29

Тел.: (3955) 614-079

Факс: (3955) 614-220

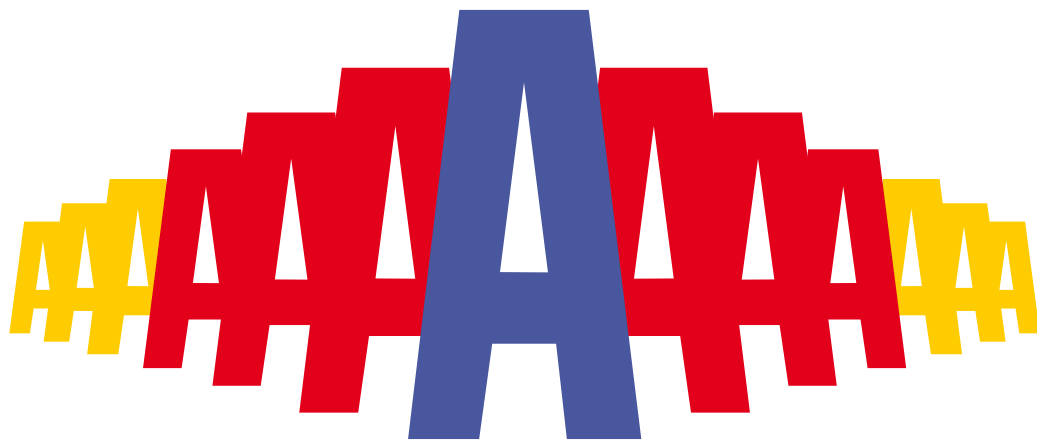
E-mail: stalconstr@mail.ru

г. Усолье-Сибирское

Большая база, 29

Тел.: (39543) 66-338

**XXI WORLD CONGRESS OF ARCHITECTURE
TORINO 2008**

XXIII КОНГРЕСС МСА 29 июня – 3 июля 2008, Турин (Италия)

60 лет МСА МСА был учрежден в Лозанне (Швейцария) в 1948 году с целью объединить архитектурные организации всего мира, независимо от их национальности и религиозных взглядов. На самом деле архитекторы, по сути своей профессии обладающие мощной интуицией, вероятно, почуяли глобализацию задолго до ее реального наступления и предприняли шаги для установления отношений на уровне союзов архитекторов, в том числе и для выработки правил поведения и взаимодействия внутри профессии.

У истоков МСА стояли Пьер Ваго, главный редактор L'Architecture d'Aujourd'hui, Огюст Пере и Патрик Аберкрэмби. Выдающийся советский архитектор Георгий Орлов, автор ДнепроГЭСа и Братской ГЭС занимал пост Президента МСА с 1972 по 1975 годы.

На учредительную хартию МСА подписали 22 страны: Австрия, Бельгия, Болгария, Чехословакия, Дания, Египет, США, Финляндия, Франция, Ирландия, Италия, Ливан, Норвегия, Нидерланды, Палестина, Польша, Португалия, Великобритания, Швеция, Швейцария, Турция и СССР. Каждые три года архи-

текторы собираются на конгресс, посвященный какой-либо животрепещущей теме. В 1958 году Конгресс МСА проходил в Москве. Сегодня Союз объединяет больше миллиона архитекторов из 121 страны.

ТУРИН, столица лигурийцев – столица Савойи – столица дизайна В древности под названием Taurasia был главным городом лигурийских тауринов, в 218 году до н. э. завоеван Ганнибалом, при Августе сделался римской колонией и получил название Augusta Taurinorum; под владычеством лонгобардов главный город герцогства, затем графства, в XI веке путем брака достался савойскому дому. В XVI и XVII веках Турин неоднократно осаждался французами; после битвы при Маренго (1800) им и достался на более продолжительное время; в 1814 по парижскому миру возвращен королю Сардинии, вновь сделался столицей и оставался ею до сентябрьской конвенции (1864). 1861-1865 столица королевства Италии.

Собор Сан-Джованни-Баттиста, построенный в 1492-1498 в стиле ренессанс, при нем часовня дель Сантиссимо Сударио, где хра-

нятся пелены с тела Христа – Туринская Плащаница.

Моле Антонеллиана (построена в 1683) – башня 160 м высотой, первоначально предназначавшаяся для синагоги, затем музей, теперь – музей кино.

Палаццо Мадама (XVIII в., до 1865 место собраний сената) построено по проекту Филиппо Ювары (1678-1736), довольно агрессивно по отношению к остаткам древнеримских построек и средневековому замку.

Королевский замок на площади Кастелло (построен в 1600 г.)

Палаццо дель Академия дель Шенце (Гварино Гварини, 1678) сейчас в нем второй по значению в мире после каирского музей египетского искусства.

Джардино Пубблико с примыкающим ботаническим садом и замком, представляющим подражание пьемонтскому замку XV века (был выстроен для выставки 1884).

В 1895-м – 348 тыс. жителей, один из самых красивых городов Италии.

Главные улицы окаймляют аркады, общая длина которых составляет 18 км. В историческом центре главенствует барокко. Облик города начал складываться в 1563 году, когда правящая

Савойская династия перенесла столицу герцогства из Шамбери (Франция) в Турин.

Четвертый по величине город Италии, административный центр провинции Турин и области Пьемонт, город озабочен своим имиджем, методично трансформируемым от центра индустриального к центру культуры и искусств. Здесь проходят значительные ярмарки и фестивали искусств, музыки, кино.

Зимние олимпийские игры 2006 года подняли статус и привели к изменениям по всем направлениям: от экономики и сферы обслуживания до дизайна. По решению ICSID – Международного общественного совета промышленного дизайна Турин назван мировой столицей дизайна 2008 года, о чем постоянно напоминают ярко-зеленые баннеры вдоль проспектов и вездесущие циркули.

Население Турина, составившее 992 тыс. жителей было дополнено до миллиона восьмью тысячами архитекторов – участников Конгресса.

Хроника Конгресс проходил не в барочном центре Турина, а в комплексе зданий бывшего завода «Фиат», реконструкцией которого занимался

Площадь Сан-Карло

Ренцо Пьяно. Ничего особенного, но десятки залов разной вместимости, встроенные гостиницы, траптории, рестораны и кафе и прочая инфраструктура обеспечили бесперебойную работу конгресса. Пленарные доклады и лекции звезд проходили неподалеку в зале Палавела, объекте Туринской Олимпиады – 2006. Здесь был зал наибольшей вместимости – 6 500, а российские и другие русскоговорящие участники имели гарантированный перевод на русский.

Еще один объект, который невозможно не упомянуть, – EATALY – заведение, отличающееся чувством юмора, меры и национального гастрономического самосознания. Гармоничное сочетание винного погреба, рынка и ресторана, для гурманов штучка.

Для церемоний открытия, вручения наград и многочисленных специализированных выставок использовали кроме основных площадок здания, парки и площади великолепного исторического центра. На одной из центральных площадей фешенебельной Сан-Карло, например, шел с ТВ-трансляцией вживую круглый стол «Архитектура для всех», в связи с которым все места в открытых ресторанах, оакимяющих площадь, моментально оказались занятыми, а цены, и так не малые, подскочили еще.

Торжественность церемонии открытия в загородном

версале нарушил ливень. Небеса разверзлись, но участников конгресса это не очень смутило, они получали удовольствие от общения друг с другом и с призраками замка-музея, а по окончании ожесточенного ливня сумели выпить, перекусить и даже снова промокнуть под струями внезапно включившегося фонтана. Прогрессивная иркутская молодежь обеспечила максимально возможный комфорт в отдельно взятом сообществе в виде персонального столика, пакета с провизией и даже ящика с брютто.

Новый министр культуры Италии Сандро Бонди в своей речи на официальном открытии в Палавеле не нашел ничего лучше, как проехаться законопроектом по качеству архитектуры, затем, правда, сорвал аплодисменты, пообещав изобилие конкурсов. Однако мстительные архитекторы не оставили безнаказанной провокацию по поводу качества и в последующих выступлениях через раз язвили по поводу неосторожного чиновника.

В первой дискуссии блистали Хани Рашид, Кенго Кума и Аарон Беcki, директор Венецианской биеннале, хотя по существу на непростые вопросы модератора отвечал только последний.

В течение всего конгресса в дискуссиях участвовали не только архитекторы, но и люди «из публики»: мэры,

губернаторы, кардиналы, политики.

В огромных выставочных павильонах «Линготто» присутствовала и российская экспозиция. На её хлебосольной презентации по традиции собралось множество иностранных гостей. Русскоговорящей архитектурной общественности, широко представленной российскими участниками Конгресса из Москвы, Санкт-Петербурга, Сочи, Ростова, Белгорода,

Омска, Иркутска, Братска и многих других городов, коллегами из стран СНГ и восточной Европы, было предъявлено «Соглашение МСА по рекомендуемым международным стандартам профессионализма в архитектурной практике», изданное накануне конгресса Союзом архитекторов России.

Как всегда мощно российское участие ощущалось в мероприятиях Региона II (Юрий Гнедовский, Андрей

Площадь Каstellо

Кафтанов), комиссии по образованию (Александр Кудрявцев), рабочих программах «Высокие технологии» (Всеволод Кулиш, Диана Лейкина), «Духовные пространства» (Михаил Кеслер), «Спорт и досуг» (Сергей Тимофеев) и рабочей программе «Архитектура и дети» (Инга Абаева и Нона Азнаврян). Прошлогодний гость «ЗВС» Андрей Иванов сделал доклад по градостроительной реконструкции Баку.

В историческом центре Турина представлялась

экспозиция Центра современной архитектуры (Ирина Коробина) «Москва-4». Александр Бродский участвовал в выставке с экстравагантной темой «Жилище узника» как автор одного из проектов.

ЛЕКЦИИ ЗВЕЗД – традиционно одна из главных составляющих конгрессов МСА.

Абсолютно покорила просвещенную шеститысячную аудиторию Теодор Гонсалес де Лион (р. 1926),

архитектор, художник и теоретик из Мексики. После окончания Академии Сан Карло в Мехико, учился и практиковался в парижской студии Ле Корбюзье (1947-1948). Те архитекторы, кто был на берлинском конгрессе МСА в 2002 году, имели удовольствие видеть в натуре Посольство Мексики в Берлине, признанный шедевр современной архитектуры.

Профессор Терунобу Фуджимори рассказал, как он спроектировал свое первое здание в возрасте 45 лет. Архитектурный историк, чья работа была наблюдать, осмысливать и писать о зданиях, созданных другими, вдруг оказался сам в положении практикующего архитектора, сделав по просьбе друга небольшой объект – чайный домик. Все его вещи удивительно самобытны. Его кредо основано на синтоизме и единении с природным ландшафтом. В каждом предмете он видит душу. Его решения необычны и остры, а проекты настоящему индивидуальны. Удивительно, как автору, знающему теории и истории архитектуры, удалось остаться настолько не подверженным влиянию других. Основной материал его проектов – дерево. В своих работах он использует стволы дикой формы, обычное дело для японских и Курильских продуваемых островов. Есть у него проекты с зеленой кровлей. Но не так, как мы привыкли – на крыше выстилается газон. У него вся крыша – ритм точек-лунок, в которые высаживается лук (или одуванчики в другом доме). Посаженные одновременно, все растения также одновременно и распускаются. Апогей наступает в момент, когда вся крыша расцветает. Беспрецедентно и очаровательно.

Терунобу Фуджимори:

Я вырос в окружении, где большое влияние оказывал анимизм. И только начав проектировать, я столкнулся с проблемой: современная архитектура не очень хорошо уживается с синтоизмом и природным ландшафтом. Архитектура XX века основывалась на науке и технике, едва уделяя внимание природе. Я изменил

свой подход и попытался проектировать, отталкиваясь от традиционного жилища и храмов данной местности. Но и такой подход показался мне несколько странным. Как архитектурный историк я увидел в нем диссонанс.

Питер Айзенманн выступал как всегда с аншлагом: в шеститысячном зале Палавела студенты сидели даже на полу. Этого архитектора из США мы имели удовольствие слушать в Стамбуле на Конгрессе-2005. Тогда его выступление показалось более ярким. Здесь он слишком много ворчал о том, как плохо влияет компьютер на процесс проектирования. Однако полностью восстановил доверие, показав и прокомментировав в конце лекции свой проект, который сейчас реализуется.

Матиаш Клоц, Чили (30.06) блестяще прокомментировал конкурсы, которые он не выиграл, дома, квартиры и другие «маломасштабные» проекты, постройки в Чили, Уругвае и Аргентине, в высшей степени изящные и остроумные. Доменик Перро продолжал проповедовать нейтральную форму. «Вам вернуть?»

Мухаммад Юнус – новое лицо. В 1971 году Бангладеш завоевал независимость, и народ медленно, насколько это было возможно, умирает от голода. Мухаммад Юнус тогда преподавал в университете блестящие учения в области экономики, но, выходя на улицу, начинал сомневаться в их правдивости. Всего за неделю, проведенную в деревне, он убедился, что, даже если проблема сложна, ее решение просто.

Изобретатель микрокредита (1976), лауреат Нобелевской премии (2006) и Премии Ага Хана в области архитектуры (1989) знает простой обезоруживающий секрет: «Когда меня спрашивают, как мне это удалось, я отвечаю, что, тщательно изучив тактику моих противников – традиционных банков, сделал все совершенно наоборот. У людей мой ответ вызывает смех. Но это действительно хороший способ».

Сейчас, когда архитектура, по мнению многих, постепенно заходит в тупик, вне зави-

Палаццо Мадама

симости, архитекторы мы или нет, стоит задаться вопросом: хорошо ли мы узнали собственного противника?

Награды

Местом вручения наград МСА была выбрана Аудитория Артуро Тосканини в центре Турина за перекрестком улиц Россини и Верди.

Церемония сопровождалась концертом, в котором участвовал Ксенакис, композитор-архитектор с богатой событиями биографией: родился в Румынии от родителей-греков, инженер по образованию, он партизанил в греческом сопротивлении, жил в Париже, практиковался в архитектуре у Ле Корбюзье, потом заметно повлиял на современную музыку как композитор. Архитекторы, пришедшие на церемонию вручения наград, услышали первое исполнение оригинальной версии «Метастаз» Ксенакиса.

Золотую медаль, главную награду МСА получил архитектор, художник и теоретик Теодор Гонсалес де Леон из Мексики.

После окончания Академии Сан Карло в Мехико, учился и практиковался в парижской студии Ле Корбюзье (1947-1948) Посольство Мексики в Берлине.

Премия Огюста Пере за применение технологий в архитектуре вручена французке Флансуазе-Элен Журда.

Премия Жана Чуми, критика и архитектурное образование, получил Лука Молинари (Италия), школа Sert-SOAC(Испания).

Премии сэра Патрика Аберкромби, городская планировка и территориальное развитие, удостоены сэры Питер Холл

(Великобритания) и Махмуд Юрси Хасан (Египет).

Поощрительная премия сэра Роберта Мэтью присуждена правительству Каталонии.

Новая премия Василиса Сгутаса «Архитекторы против бедности» в коллективной категории присуждена австралийской компании по здравоохранению, руководитель Поль Фолерос, в индивидуальной категории – Хани Хасан Махмуд Эль Миниави (Египет). Поощрительные премии – Ричард Добсон (Южная Африка), Родни Харбер (Южная Африка) и Бринда Сомайя (Индия).

В конкурсе «Тотем» студенты работали над концепцией символического тотема или архитектурного объекта, который послужит целям коммуникации, обмена информацией и мнениями. Подавляющее большинство студенческих наград – у китайских студентов.

Студенческая премия Союза архитекторов России была присуждена китайскому студенту Хан Ю за проект «Rosoloso» – победителю причитается 10-дневное пребывание в Москве и Санкт-Петербурге.

Награда в конкурсе рабочей программы «Архитектура для всех» присуждена реализованному проекту здания «Театр Мастерская Петра Фоменко» архитектора Сергея Гнедовского и соавторов (проект опубликован в главной теме этого номера ПБ).

Материал подготовлен
Еленой Григорьевой
Фото Елены Григорьевой,
Татьяна Батырова,
Александра Козак,
Елизавета Буйнова

XXIV ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ МСА 3-6 июля 2008, Турин

3 июля в Зале 500 Линготто начала свою работу XXIV ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ МСА.

3 и 4 июля были заслушаны отчеты президента (Гаэтан Сью), генерального секретаря (Жорди Фаррандо), казначея (Дональд Хакл), пяти вице-президентов по регионам МСА (Джанкарло Йус, Мартин Драховски, Маурицио Риверо Борель, Луиза Кокс, Сеиф Альнага), председателей комиссий по профессиональной практике (Рассел Коун), международным конкурсам (Вольф Тохтерманн) и развитию (Джанкарло Йус). Прозвучали доклады по системе валидации ЮНЕСКО\ МСА в сфере архитектурного образования и системе МСА непрерывной профессиональной подготовки

В ночь с 4 на 5 июля умер Джанкарло Йус, итальянский архитектор, реставратор и градостроитель, вице-президент МСА по региону I.

Вдова Джанкарло Катрин обратилась к участникам Генеральной ассамблеи МСА с программной речью, которую кандидат в президенты МСА Джанкарло Йус должен был произнести в этот день.

Участники Генеральной ассамблеи, потрясенные трагическим событием, выра-

зили свои соболезнования в выступлениях и Книге Памяти. В тот же вечер состоялось отпевание в костеле поблизости от Линготто.

5 июля состоялись выборы в руководящие органы МСА на предстоящие три года.

Генеральным секретарем вторично избран Жорди Фаррандо (Испания), казначеем Го Чонг Чиа (Сингапур), вице-президентами по региону I Альбер Дюблер (Франция), региону II Лиза Сиола (Греция), региону III Маурицио Риверо Борель (Мексика), региону IV Казуо Ивамура (Япония), региону V Патриция Эмметт (Южная Африка).

В Совет МСА на следующие три года избраны:

От региона I – Нина Неделиков \ Ханнес Хубрих (Германия), Антонио Рафаэле Риверсо \ Мауро Латини (Италия), Фабиан Листерии \ Белен Палларес (Испания), Джек Прингл \ Дэвид Фалла (Великобритания).

От региона II – Гунхан Даннисман \ Денис Инседаи (Турция), Андрей Кафтанов \ Елена Григорьева (Россия), Мишель Бармаки \ Сани Джамаль (Ливан), Ласло Фольдеш \ Эрно Кальман (Венгрия).

От региона III – Джеймс Шиллер \ Юджин Хопкинс (США), Абель Салазар Варгас

\ Марио Альварес Мунос (Коста Рика), Надя Соман (Бразилия).

От региона IV – Бальбир Верма \ Виджей Гарг (Индия), Зу Чанг \ Занг Байпинг (Китай), Джей-Хо Шим \ Жонг-Рул Ханн (Корея), Эса Мохаммед \ Тан Пей Инг (Малайзия).

От региона V – Фирдаус Уссидум \ Азиз Уахаби (Марокко), Франсис Сосса \ Жак Андо Алле (Берег Слоновой Кости), Мохаммед Муниания \ Гидеон Мутеми Мулиунги (Кения), Али Хайдер \ Мохаммед Якуб Шадад (Судан).

Президентом МСА на следующие три года стала Луиза Кокс (Австралия).

Помимо отчетов, перспектив и выборов обсуждались и острые вопросы: была принята очередная резолюция по поводу продолжающейся расти (уже 400 метров) башни Газпрома в Санкт-Петербурге, румынские архитекторы обратились за помощью МСА по поводу памятника истории – бывшего золотого прииска, который тоже находится под угрозой уничтожения наступающим бизнесом.

6 июля в конкурсе на право проведения Конгресса МСА – 2014 прошли две великолепные презентации

города Дурбана (Южная Африка) и Сингапура. В суровой борьбе с преимуществом в 2 голоса из двух участников Генеральной ассамблеи победил Дурбан.

Японский институт архитекторов уже начал работу по подготовке следующего XXIV Конгресса МСА (Токио, 2011 год). Основное место проведения Конгресса – Токийский международный форум и прилегающие городские центры. 30 июня 2008 года – открытие веб-страницы www.iaa2011tokyo.com. Заявленная тема «DESIGN 2050» звучит многообещающе, учитывая, что английское слово включает в себя понятия «проект», «проектирование», а цифра уносит в далекое будущее. Предполагается, что токийский конгресс станет исключительным событием для обмена опытом, мнениями и выработки основных направлений деятельности на встречу 2050 году и далее. Рассмотрение перспектив не обойдется без таких важных проблем, как изменение климата и население.

До свидания, Турин. До встречи на Конгрессе–2011 в Токио.

Елена Григорьева

Первое заседание нового состава Совета МСА. На первом плане слева Андрей Кафтанов (Россия), вице-президент Региона II Элизабет Сиола (Греция); справа паст президент Василис Сгутас, вице-президент по Региону IV Патриция Эмметт (Южная Африка); в центре Генеральный секретарь Жорди Фаррандо (Испания); президент Луиза Кокс (Австралия); паст президент Дазтан Сью (Маврики).

Елена Григорьева	От редактора	110
Константин Лидин	Год культуры на фоне противоречий	111
Константин Лидин	Карты неопознанной культуры	116
Руслан Хотулев	Объекты культуры в городе.....	118
Марина Ткачева	Круглый стол «Значение гуманитарной культуры как импульса для выработки стратегии развития городов»	119
Марина Ткачева	Город и культура: да пробудится горожанин!	121
Леонид Коган	Я провокатор и исследователь городских процессов.....	122
Вячеслав Глазычев	Что такое архитектура	125
Александр Раппапорт	Концепция размещения произведений монументально-декоративного искусства и монументально-декоративной живописи на территории г. Иркутска.....	128
Марина Ткачева	Новые музеи как локомотивы реконструкции исторических кварталов.....	130
Андрей Ляпин	Чем живы музеи мира?	133
	Расширение Национальной галереи в Вашингтоне	135
	Новый музей в Сеуле (Корея).....	136
	Музей «Алтарь мира» в Риме.....	138
	Музей современного искусства Барселоны.....	140
	MoMA / Музей современного искусства в Нью-Йорке	142
Константин Лидин	Нелакированное лицо	144
Леонид Герасимов	Две стратегии проектирования театра	146
Юрий Герасимов	Реконструкция концертного зала в Красноярске	154
Сергей Гнедовский	Кинотеатр на главной улице Мельбурна	158
Ирина Теплякова	Кинотеатр «Пионер». Реконструкция исторического квартала.....	160
Лариса Крылова	Изостудия на крыше Марсельской единицы	162
Наталья Ушкова	Уличная мода. Черный с белым не носите?	164
Марина Ткачева	Сколько молодежь ни образовывай, она все равно в клубы ходит	165
Марина Абдуллина	Придорожное кафе на 25 мест на 17 км Култукского тракта	166
Ирина Теплякова	Памяти Евгения Ячменева.....	168
Марина Ткачева	Summary	169
Анна Григорьева		

В течение месяцев, пока готовился этот номер журнала, наш город, страна и мир испытали несколько заметных потрясений. Конец лета встряхнула пекинская Олимпиада и пятидневная война на Кавказе, а Иркутску персонально досталось шестибалльное землетрясение.

Нынешний номер посвящен не спорту, не горячим точкам и не сейсмическим опасностям Прибайкалья. Казалось бы, тема номера прямо противоположна тем угрозам и страстям, которые действительно потрясают массы людей. Музам не пристало кричать – их голоса не слышны, когда говорят пушки, или ревет стадион, или трясется земля...

Умберто Эко писал, что главное отличие интеллектуала от интеллигента в том, что просто образованный специалист отвечает на вопросы, а человек культурный, интеллигентный вопросы задает. Причем вопросы неудобные, беспокоящие, потрясающие основы и толкающие к кризисам. Главная задача культуры – не услаждать, а будоражить. Конфликты, кризисы и катастрофы не убивают, а питают культуру. Не сладкими снами снабжает нас подлинная культура, а трудной бессонницей. Елена Григорьева

During the months while this issue was in preparation, our city, our country and the world have experienced several significant shocks. The end of summer was marked by the Olympic Games in Beijing and «the five days' war” in the Caucasus, and Irkutsk was personally shaken up with a grade 6 earthquake.

This issue is devoted neither to sports nor to «hot spots” or seismic risks of Pribaikalie. The subject seems to be just the opposite to those threats and horrors that shock the masses indeed. Muses do not shout. One cannot hear their voices when guns fire, the stadium roars or the earth quakes...

Umberto Eco said that the principal difference between an intellectual person and a cultured one is that an educated specialist answers the questions, but a cultured one usually asks. And the asked questions are mostly inconvenient, they undermine principles and provoke crisis. The main task of culture is to disturb rather than to sweeten. Conflicts, crisis and catastrophes do not kill but nourish culture. True culture does not give us sweet dreams – it torments us with hard insomnia. Elena Grigorieva

Год культуры на фоне противоречий

Просвещения жаждет чело́вечья натура.
Мы пойдем на выставку, мы сходим на балет.
Есть такая штука, называется «культура»,
А чтой-то вы хватаетесь опять за пистолет?
Тимур Шаов. Менуэт

Слово «культура» – одно из самых многозначных. В современных словарях и текстах можно обнаружить сотни вариантов трактовки понятий культуры и культурности. С одной стороны, это удобно: всегда можно придать слову «культура» какое-то свое значение и на его основании обвинить кого-то в бескультурности. Вот, например, в некоторых вузах Иркутска уже не первый год ведется борьба с молодежной модой на голые животы («ти-шот»). Ну вот не может ректор видеть чужой пуп, корбит его. Все просто: вносим представление о закрытом животе в понятие культуры и объявляем «ти-шот» бескультурным явлением. Произвольно трактуя смысл слова, можно наклеить ярлык некультурности (или даже антикультурности) на что угодно.

С другой стороны, результаты такого наклеивания далеко не всегда ограничиваются забавными недоразумениями. Бескультурный человек (группа людей, мода, жаргон, манеры поведения, религия, политические убеждения, образ жизни) как бы оказываются вне закона, с ними можно и нужно сражаться любыми способами – вплоть до полного уничтожения. Вот тут, в священной войне за культуру против бескультурья, зачастую становится отнюдь не смешно. Под флагами разнообразных пониманий культуры европейские народы упорно занимались «окультуриванием» друг друга, а также народов Азии, Америки, Австралии и Африки, причем методы у «носителей истинной культуры» зачастую были совершенно зверскими. Все великие (и невеликие) империи строились для того, чтобы принести свет культуры отсталым народам, диктаторы и вожди несли людям одну лишь культуру, и даже самые гнусные режимы настойчиво именовали себя самими культурными.

Слово «культура» имеет сложную и длинную биографию. Его древнейшие корни лингвисты находят в индоевропейском *kuel – «двигаться, вращаться». Исходный глагольный корень мог относиться к вещи – отсюда происходит русское слово «колесо». Этот же корень можно было отнести к человеку, тогда он приобретал смысл «находиться, пребывать» (по той же лингвистической схеме, по какой образуется выражение «вращаться в обществе»).

В европейские языки, в том числе русский, слово «культура» пришло из латыни. Морфологически оно представляет собой причастие будущего времени (произведенное по тому же типу, что и natura), образованное от глагола colo, colere. «Этот латинский глагол имеет широкий спектр значений. Выделяются три основные группы смыслов: 1) 'обрабатывать', 'возделывать'; 2) 'взрачивать'; 3) 'обитать', 'населять' (последнее через латинское colopus трансформировалось в колония). По мнению одного из авторитетных исследователей, существовала несомненная связь трех групп значений colere в латинской культуре Рима»¹.

На протяжении нескольких веков римляне использовали слово «культура» исключительно в применении к сельскому хозяйству – как возделывание и выращивание растений и домашних животных. Лишь в первом веке до нашей эры Марк Туллий Цицерон ввел в употребление красивую метафору (троп) – cultura animi, «возделывание души». «Как плодородное поле без возделывания не дает урожая, – отмечает Цицерон, – так и душа. Возделывание души (cultura animi) – философия: она выпалывает в душе пороки, prepares души к принятию посева и ввергает ей – сеет, так сказать, только те семена, которые, вырвав, приносят обильный урожай»².

Христианская церковь предпочла животноводство, так что метафора Цицерона преобразовалась в троп «добрый

пастырь». Культура стала восприниматься по аналогии с той заботой и водительством, которые осуществляет пастух по отношению к своим овечкам. Пастух (по-гречески «боуколос») стал устойчивым символом Христа и священников, несущих слово Христово. Традиционное христианское понимание культуры тяготеет к буколичности, оно призывает к мирному труду и кротости. Войны и прочие хищнические проявления человеческой природы воспринимаются негативно, как явления антикультурные – как неизбежное, и даже необходимое, но все-таки зло. Так и продолжалось, пока не настал век Просвещения.

Собственно говоря, уже крестовые походы и последующий Ренессанс породили множество парадоксальных фигур священников-воинов, свирепых римских пап и хитрых политиков-кардиналов. И понятие культуры под давлением реалий европейской жизни запутывалось и множилось в своих трактовках.

В «Идеях к философии истории человечества» (1782-1787) Георг Гердер пишет так: «Нет ничего менее определенного, чем это слово – «культура», и нет ничего более обманчивого, как прилагать его к целым векам и народам. Как мало культурных людей в культурном народе! И в каких чертах следует усматривать культурность? И способствует ли культура счастью людей?»³

Итак, примем как данность отсутствие конкретного смысла у слова «культура». Взращивание, да, но самое важное – взращивание чего? Нет смысла говорить о культуре, пока мы не определимся, о какой именно культуре речь, каковы ее цели и ценности, куда она ведет и призывает.

Однако перейдем ближе к конкретной теме статьи. Поговорим о той культуре, которая присуща современным архитекторам. В чем она заключается, какие ценности и цели несет, способствует ли счастью людей? Много ли культурных людей в профессиональном сообществе архитекторов и каковы критерии культурности? Можно ли, например, считать, что архитектор, проектирующий объекты культуры, – культурный архитектор?

Объекты культуры в архитектурном смысле – это здания, в которых происходит возделывание душ и которые специально для этого и сооружаются. Музеи, театры, школы и университеты, библиотеки и стадионы обильно представлены в проектах «звездных» мастеров архитектуры. Изучая творчество лауреатов Притцкерской премии, просто поражаешься: у каждого из них обязательно есть несколько проектов музеев, театров и так далее. Учитывая стоимость проекта, подписанного «звездным» именем, возникает естественный вопрос: неужели учреждения культуры так богаты? Нет, даже в самых благополучных странах музеи не страдают от избытка финансирования. Скорее можно утверждать, что проектирование объектов культуры – перстижное, ценное само по себе дело, даже для самых авторитетных мастеров. Скажем, недавно прошедший конкурс на проект реконструкции Мариинского театра в Санкт-Петербурге привлек множество «звезд» первой величины – конечно же, не щедрой оплатой. Конкурсные проекты принесли участникам по тридцать тысяч долларов⁴ – для этого уровня деньги более чем скромные.

Активно обсуждаемый сегодня проект строительства Пермской художественной галереи также не отличается раздутым бюджетом. Проект, призванный поднять целый город из депрессивного состояния, наподобие музея Гуггенхайма в Бильбао, организован на высоком международном уровне. Благодаря активному соучастию Центра современной архитектуры, администрации области и города, личным связям энтузиастов к участию в проекте уже привлечены люди уровня Захи Хаид и Ханса Холляйна. Однако и здесь призы участникам конкурса не так уж велики. Первый тур (открытый конкурс портфолио) бесплатный, во втором туре (25

текст
Константин Лидин

1. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX веков. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: ОГИ (Объединенное гуманитарное издательство). 2001. С. 29
2. Цицерон. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1975. С. 252.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 6-7
4. Тарханов А. Гений по-венски // AD, 2004, <http://www.archi.ru/press/tarkhanov.htm>

5. Shed (англ.) – 1) навес, сарай 2) ангар; эллинг; гараж; депо 3) эл. юбка (изолятора).
6. Вентури Р. Определение архитектуры как укрытия с декорацией на нем и другие оправдания банального символизма в архитектуре // Митин журнал. Вып. 50 (лето 1993), С.86.

участников) призы такие: \$100 000 – за первое место, \$70 000 – за второе, \$50 000 – за третье и восемь утешительных призов по \$10 000. То есть 11 из 25 архитекторов что-нибудь да получают, но по меркам «звездной архитектуры» суммы очень даже сдержанные.

Профессиональный архитектор хочет, хотя бы изредка, проектировать и строить объекты культуры. Даже за маленькие деньги – ради престижа, ради возможности поучаствовать во возвращении душ. Очевидно, есть что-то привлекательное в том, чтобы влиять на человеческие души, сеять в них то, что считаешь добрым, разумным и вечным. Это такое тонкое удовольствие, и понимающие люди готовы за него платить. И малобюджетность объектов культуры как раз и служит «фильтром»: если уж архитектор берется за проектирование музеев, школ, театров (вместо того чтобы сосредоточить свои профессиональные усилия на частных особняках и торговых центрах), – наверное, это человек понимающий в культуре, культурный человек.

Обратное, разумеется, неверно. То есть архитектор, который НЕ берется за объекты культуры, – совсем не обязательно некультурный. Сеять и возвращать, получая от этого удовольствие, можно на любом объекте. Однако с объектами культуры это как-то однозначнее.

Архитектура объектов культуры – особая. По тому, как выглядят и что выражают объекты культуры, можно судить о том, какого рода культура преобладает в обществе. Здания банков и гостиниц могут выглядеть как угодно, но облик музеев, театров, школ – это «лицо» преобладающей в данном социуме культуры, отражение доминирующих ценностей и целей, образная квинтэссенция стиля жизни.

Рассмотрим на конкретном примере данный тезис. Возьмем постмодернизм: как отражают здания постмодернистских музеев ценности и проблемы общества?

Постмодернизм, несомненно, относится к наиболее влиятельным течениям второй половины XX века. Точная дата его рождения спорна. По мнению разных аналитиков, она располагается в 60-х или в 70-х годах XX века. Именно тогда западная культура принялась особенно активно возвращать сформулированный Хэмингуэем принцип: «Ирония и жалость». Саму эту формулу произносит один из героев романа «И восходит солнце (Фиеста)», нью-йоркский журналист. Роман, надо сказать, написан в 1926 году и на русский язык переведен в 1935-м. Однако действительно громкая все-

мирная слава и роль духовного учителя поколения пришли к «Старому Хэму» в шестидесятых. Его борода, свитер, трубка и улыбка стали символами шестидесятиничества – наряду с песнями «Битлз». Ирония и жалость для советского человека связаны больше с именами Аксенова и Стругацких, Высоцкого и Окуджавы – но смысл международной идеологии шестидесятиничества остается тем же.

На протяжении двадцатилетия, пока рождался постмодернизм, ирония и жалость оставались в центре внимания творческой интеллигенции. При этом с жалостью получилось как-то не очень, зато ирония расцвела пышным цветом – в стилистическом диапазоне от Энди Уоррелла до Эндрю Ллойда Веббера. Злорадное, истерическое искусство поп-арта и гармоничные, почти классические образы британской рок-оперы пересекаются своим ироническим компонентом. И там, и тут, повсюду в постмодернизме ирония присутствует властно и необходимо, потому что она одна может защитить от невыносимого давления новой реальности.

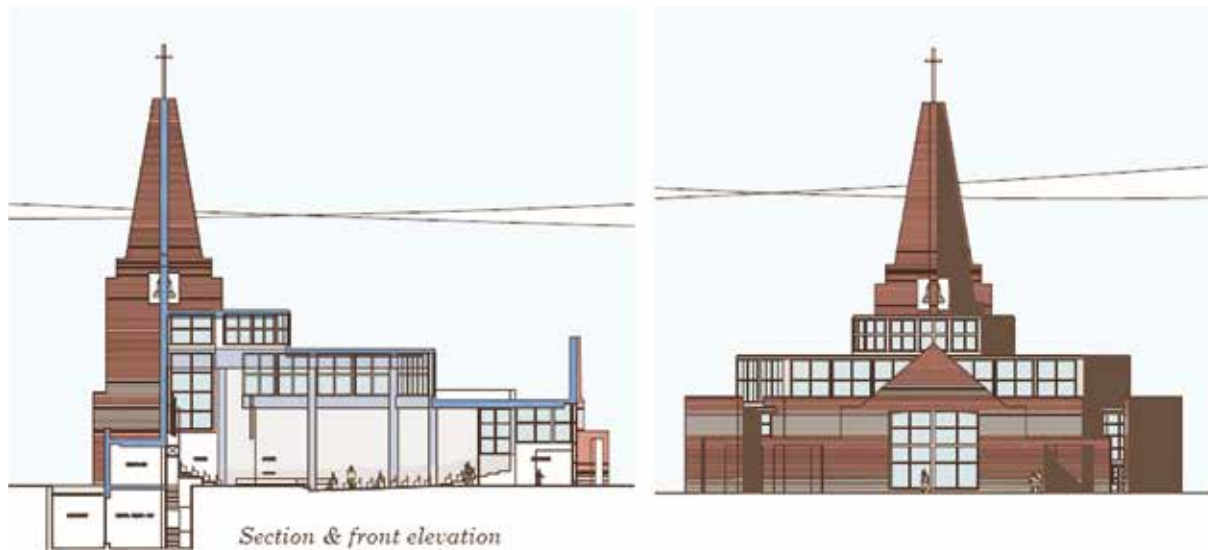
Жалость, сочувствие – состояния расходные, требующие постоянных затрат душевной энергии. Они делают человека слабым, открытым и беззащитным. Жалостливыми легко манипулировать, на добрых и сочувствующих слишком легко «ездить». Напротив, ирония – это изоляция, щит против внешней агрессии. Ироничный человек закрыт «броней» насмешливого отношения к себе и к окружающим. Его нельзя ничем задеть, удивить, обидеть – он ничего не воспринимает всерьез и близко к сердцу.

Буревестник постмодернизма Роберт Вентури писал: «Архитектура – это разукрашенный символами сарай». Позже слово «shed»⁵ стали переводить на русский более политкорректно – как «кров»⁶. Но крайний радикализм в борьбе против орнамента не помешал Вентури спроектировать новое крыло Национальной галереи в Лондоне, где пилястры с коринфскими капителями делятся, троятся и сбиваются в робкие кучки на фасаде, мощно распираемом округлым внутренним объемом. Ироническая насмешка над античным орденом? Да, но мастер сознательно выстраивает защиту от классики – ведь иначе старое здание подавит новое. Нельзя игнорировать классику (это путь безграмотных дилетантов), нельзя и следовать ей, а то пропадешь как самостоятельный творец. Остается иронизировать.

Аналогично построен интерьер Музея искусств в Сизтле (открыт в 1991 году, как и новое крыло лондонской галереи),

Роберт Вентури. Крыло Сайнсбюри Национальной галереи, Лондон, 1991 год. Вопреки собственным положениям о ненужности украшений, Вентури использует декоративные элементы. Однако классический ордер иронически «переосмыслен» – архитектор защищается от властного давления традиции

Роберт Вентури. Церковь Епископальной академии в Ньютон Сквер, разрез и фронтальный фасад. Открытие церкви планируется осенью 2008 года

Цезарь Пелли, здание Сира-центра, Филадельфия. Зеркальный «кристалл» сложной, неправильной формы на фоне старинных зданий (для куцей истории США Филадельфия – такой же древний город, как для Европы, скажем, Сиракузы) нельзя воспринимать иначе, как с долей иронии. Позолоченные очки современного города

7. См. сайт Департамента культуры и архивов Иркутской области <http://www.kpk.irtel.ru/index.html>

где древние скульптуры выходят навстречу посетителю, а окна несимметрично «пляшут» на фасаде.

Даже новейший, еще не построенный проект Вентури – церковь Епископальной академии в городке Ньютон Сквер, недалеко от Филадельфии, выглядит иронично. Учебное заведение, которое сам Вентури окончил шестьдесят лет назад, получило аккуратный ступенчатый зиккурат, одновременно напоминающий пирамиду Джосера, буддийскую ступу и храм ацтеков, но никак не христианскую церковь. Восьмидесятидвухлетний мастер остается верен принципам иронии и жалости.

Идею иронии как защитной реакции на душевный дискомфорт современного города, по-моему, лучше всего выразила британская художница Дэйм Элизабет Фринк. Ее скульптура «Голова в защитных очках» сделана в духе неоекспрессионизма по канону классического бюста. Постмодернистскую пародийность ему придает грубая, как бы изодранная ногтями поверхность черного патинированного металла и позолоченные очки, закрывающие глаза (зеркало души).

Сплошное зеркальное остекление фасадов – излюбленный прием Ханса Холляйна, которого многие считают лидером постмодернизма. Ученик Миса ван дер Розе, который считал сталь и стекло вершиной строительных технологий, Холляйн построил свой Хаас Хаус напротив венского собора св. Стефана, вызвав грандиозный скандал. «Лицо» Хаас Хауса закрыто зеркальными «очками», в которых отражается перекошенный и вытянутый по вертикали собор, превращенный причудами оптики в нечто карикатурно-готическое.

Одновременно с участием в конкурсе на проект Мариинского театра (в котором Холляйна называли главным соперником Доминика Перро) строился грандиозный парк-музей «Вулкания» в кратере потухшего вулкана на юге Франции. Начав карьеру архитектора с «ювелирного» проекта свечной лавочки, Ханс Холляйн сегодня использует идеологию иронического преобразования среды для гигантских объектов, сомасштабных горам и вулканам.

Все эти примеры я привожу для того, чтобы иллюстрировать такой тезис: архитектурные решения объектов культуры – это «узлы», перекрестия процессов, протекающих в самых разных плоскостях и масштабах духовной жизни. Литература, мода, политика, станковая скульптура и строительные технологии, личные выгоды и амбиции торговцев и чиновников, географический рельеф местности и историческое наследие городов – все это связывается в единое целое, когда мы говорим об архитектуре объектов культуры.

2008 год объявлен в Иркутской области годом культуры. Этот замечательный факт был в свое время озвучен на региональном и федеральном уровне, и соответствующие политики получили на волшебном слове «культура» свои политические дивиденды⁷.

План мероприятий Года культуры (так, с большой буквы) включает двадцать два пункта. Среди них есть несколько таких, которые выявляют заботу о сельских жителях: дотации на развитие

Дэйм Элизабет Фринк. Голова в защитных очках. Зеркальные очки не просто отгораживают человека от окружающей действительности. Они еще и отражают эту действительность в искаженном, насмешливом виде – так «работает» ирония

Ханс Холляйн. Парк-музей «Вулкания». Расколотый конус светового колодца над главным помещением музея, расположенного под землей

библиотек и кинематографа на селе. Несколько пунктов направлены на поддержку талантливых детей и молодежи. Планируется денежное и моральное поощрение лучших учреждений культуры, особенно замечательно выглядит такой пункт: «Награждение лучших специалистов традиционной народной культуры (100 премий) по результатам конкурса документов»⁸. Вообще создается впечатление, что традиционные ремесла (включая изготовление документов?) – это самый важный элемент областной культуры, их будут поддерживать и финансировать.

Об архитектуре нет ни слова. Между тем, строительство или реконструкция объектов культуры – слишком значительное событие, чтобы рассматривать его мимоходом, среди прочих мероприятий. Если архитектурная тематика отсутствует в плане, – значит, она отсутствует и в реальности. Правительство города и области, по-видимому, не собирается ничего такого строить или проектировать. По крайней мере, в Год культуры.

Ну что же, такая культура. Сеять и взращивать в душах иркутян планируется вот это: разрозненные, обрывочные фрагменты из традиций, кинематографа, «закупки альбома фотографий 180 деятелей культуры Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского округа для библиотек области» (есть такой пункт в плане Года культуры)... Нескольким молодым дарованиям и учреждениям культуры дадут небольшие дотации. Ничего яркого, значительного, оригинального город не получит. Такие ценности: курочка по зернышку клюет, выше лба уши не растут, торчащий гвоздь – забывают. Нам что, больше всех надо?

Пока администрации города и области растут свои унылые, тоскливые ценности на отдельных участках культурного поля, бизнес по-своему обращается с объектами культуры. Яркий пример – история с Домом культуры Иркутского отделения Всероссийского общества глухих (ВОГ). По адресу: Клары Цеткин, 13а. С архитектурной точки зрения здание

ничего особенного собой не представляет, но это – объект культуры, специфической субкультуры глухих и слабослышащих людей. Так вот, председатель ИО ВОГ Л. Магальников решил, что на месте клуба должен стоять многоэтажный жилой дом. Инвесторы нашлись в Москве. Директор ДК, возражавшая против проекта, была уволена по сокращению штатов. Сейчас клуб официально закрывается на ремонт, но глухонемые подозревают, что здание могут поджечь, поэтому приезжают сюда на ночное дежурство. Тем временем по данному факту проверку начинает Следственное управление Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Иркутской области.⁹ Вот пример позиции, которая никак не вписывается в понятие культуры. Ничего она не взращивает, а только жадно потребляет – все, до чего удастся дотянуться.

Впрочем, бизнес не только разрушает объекты культуры, но и строит. Роль носителей и выразителей культурных идей берут на себя ночные клубы, рестораны, гостиницы и торговые центры. Это победительная, агрессивная культура, в которой бьет ключом дикая и нецивилизованная энергия. Да, Холляйн насмешливо иронизирует над классическим ордером – но ведь он этот ордер прекрасно знает. А вот фасады некоторых свежестроенных гостиниц демонстрируют попытки буквально воспроизвести классические ордера – попытки малограмотные и оскорбительные для каждого образованного человека.

Да, сплошное зеркальное остекление уже по карману иркутскому бизнесу – но почему-то никто и не пытается просчитать, что именно будет отражаться в стеклах фасада. В результате тонкая ирония приема исчезает, остается напыщенное самодовольное бахвальство. Похоже на то, как пьяненький купчик в ресторане сует купюру музыкантам и голосит в микрофон что-то несообразное – в полной уверенности, что поет не хуже Кобзона.

Впрочем, не весь иркутский бизнес так уж напрочь лишен архитектурного вкуса и совести. К счастью, есть и положительные примеры – мало, но есть. Не будем еще раз говорить о проектах Стегайло – они заслуженно отмечены многими наградами и публикациями. Но вот один пример, который хотелось бы поддержать, несмотря на его неоднозначность и спорность (а где вы видели бесспорное оригинальное произведение?). Имеется в виду строящийся комплекс «Сезон» Н. Жуковского по заказу С. В. Прокофьева. Кстати, я уверен, что фамилию бизнесмена, финансирующего проект следует

Ханс Холляйн.
Хаас хаус, Вена.
Выпуклый фасад с зеркальным остеклением выглядит наподобие кривого зеркала. Барочный собор св. Стефана напротив здания отражается в зеркальных стеклах вытянутым, иронически искаженным

8. <http://www.kpk.irtel.ru/info.html>

9. Мамонтова Ю. К глухим прислушивается прокуратура. По факту строительства жилого дома у ДК им. Горького начинается проверка // Областная газета, http://www.og-irk.ru/vp349/k_gluhim_prislushalasy_prokuratura/view_6948.html

Поселок Листвянка. Новенькое здание гостиницы в стиле Диснейленда чужеродно смотрится на фоне неяркого, величественного байкальского пейзажа. Культура бизнеса эпохи первичного накопления капитала безгранично уверена в собственной возможности и праве перedelывать и географию, и историю

называть рядом с авторами проекта. При той зависимости архитектора от источника денег, которая сложилась в нашей стране, слишком многое зависит от личных вкусов и запросов заказчика – вот пусть он и несет свою долю ответственности за проектное решение.

Место размещения объекта непростое – угол улиц Маркса и Пролетарской. В центре композиции находится бюст Ленина работы С. Меркурова, памятник культуры федерального значения. Бюст со своей непростой историей, созданный по заказу города в 1924 году, но установленный только в 1936-м на месте небольшой часовни. Бытует городская легенда, что в часовне той было четыре входа для молящихся из разных конфессий, и символизировала она единство купцов всех наций и вероисповеданий. Справа от Ленина – мозаичное панно с текстом Интернационала в простодушной стилистике позднего конструктивизма (1936 год), рядом с розовеньким фасадом классицистского облика. Угловатые формы нового здания «Сезона» смотрятся весьма современно – и вся эта разностильная и разновременная мозаика не разваливается,

а срastается вместе с великолепным драйвом. Пример настоящего постмодернизма, где поющие пролетарии из «Окон РОСТА» отражаются в черном стекле хай-тека над розовым бюстиком гранитного вождя.

Замечательно и то, что параллельно улице Пролетарской в теле нового здания проходит две пешеходные зоны. В них планируется расположить мелкие лавочки и прилавочки – в традиционном духе торговых рядов, но без унылого музеефицирования. При нарастающем дефиците общественных пространств – и такой подарок людям в самом центре города!

Общий пейзаж культур в наше время в нашем городе весьма разнообразен. Множество всевозможных видов и разновидностей культуры существует параллельно, где-то соперничая, а где-то и сотрудничая, но чаще всего – игнорируя друг друга. Пока еще, несмотря на массу негативных моментов, иркутская региональная культура сохраняет жизнеспособность и находит силы сопротивляться депрессивным тенденциям.

Пожелаем ей хороших урожаев, обильного приплода и поменьше сражений.

Карты неопознанной культуры

Независимо от того, какой смысл мы вкладываем в понятие «культура», мы в общем соглашаемся, что она, культура, распределяется в пространстве города неравномерно. Идея о наличии «мест концентрации культуры» и мест «бескультурных» настолько привычна, что кажется естественной. Между тем последовательное применение подобных представлений может привести к довольно нелепым выводам.

Предположим, что «культурные места» имеют место. Независимо от людей, эти пространства пропитаны культурой, самый воздух здесь содержит значительный процент культуры, и пребывание в «культурных местах» само по себе делает человека лучше, эрудированнее, духовнее. Мнение весьма распространенное. Многие педагоги и просто родители так и считают – дескать, надо почаще загонять молодежь в библиотеки и музеи, пусть даже силой. Тогда у воспитуемых и будет неизбежно происходить рост культуры. С административной точки зрения такой подход тоже выглядит очень понятно и просто: чем больше в городе (поселке, районе) «мест культуры» – тем, значит, и город культурнее. Надо повысить культуру – откроем музей или купим десяток книжек в библиотеку, вот культура и повысится.

Как и всякая простая модель, представление о «местах культуры» привлекательно однозначностью рекомендаций. Существует, однако, вполне реальная опасность: упрощая, умертвить. Культура по сути своей не может быть простой, потому что она – явление живое, а живое простым не бывает. Привычным, повседневным – да, но никак не простым.

Карта культурных объектов Иркутска создает странное впечатление, что вся культура сосредоточена на небольшом пятачке в историческом центре города. Почти все левобережье, а особенно спальные районы предстают этаким «пустыней», где светочи культуры встречаются один на десять квадратных километров. Картинка знакомая – примерно так же выглядит вся Россия с точки зрения некоторых московских чиновников.

Подобная картина возникает как раз в том случае, если считать объектами культуры только те, которые входят в официальный список таковых. Музеи, театры, библиотеки – это да, это культура. Неважно, сколько добровольных посетителей в музее и есть ли они вообще. Вывеска важнее живого содержания.

Совсем другая карта получится, если принять менее формальное, а более содержательное определение «места культуры». Предположим, что это такое место, где интересно, где люди собираются, чтобы общаться, спорить, учиться, меняться и расти. Допустим, что места культуры – это места личного роста. Разумеется, при таком подходе некоторые официальные учреждения выглядят не блестяще. Где больше жизни (и, следовательно, культуры): в театре, где половина билетов регулярно остается непроданной, или в молодежной тусовке на набережной?

Зато при таком подходе на «картах культуры» появятся многие объекты, сейчас отсутствующие: школьные кружки, самодеятельные театры, спортивные и музыкальные клубы и так далее. Значительную часть этих неопознанных объектов культуры даже сами участники не воспринимают в качестве культурных центров. Просто люди собираются вместе, потому что им вместе интереснее, чем порознь. Такую культуру легко отличить от официально признанной по признаку самостоятельной жизнеспособности. «Культуру снизу» не обязательно поддерживать и контролировать. Напротив, ей достаточно не мешать, и она сама найдет источники финансирования.

Прагматичные американцы раньше всех поняли, что места культуры должны кипеть жизнью и привлекать всеобщий интерес. Иначе не добиться процветания, в первую очередь – экономического. Методы, которыми менеджеры американских музеев обеспечивают финансовый поток, у многих европейцев вызывают резко негативную реакцию. Морщатся брезгливо, возмущаются «профанацией вечных ценностей» – а методы перенимают. Скажем, в маленьком немецком городке Вальдкирш местные жители устроили музей музыкальных автоматов. Прямо в жилом доме на первом этаже собрали экспозицию, поставили несколько работающих моделей. Раз в три года собирают «Оргельфест» – фестиваль любителей со всего мира. Все это на самообеспечении. Приезжают туристы, платят за вход и за экскурсии, покупают сувениры, музыкальные шкатулки, едят и пьют в местных рестораниках – словом, приносят прибыль.

У нас пока что легче найти примеры мертвого, формального отношения к местам культуры. Вот, скажем, сквер имени Кирова. Привели в порядок дорожки, почистили газоны. Стало очень правильно, упорядоченно и скучно. В своем прежнем состоянии сквер привлекал и студентов, и детей, и пожилых, а теперь почти совсем обезлюдел. Выгнали мелкую торговлю – стало чище, благоустроеннее. Но вместе с источниками мусора ампутировали и что-то живое. Понятно, что городскую администрацию это вполне устраивает, но зачем такое «окультуривание» жителям города?

Низовая, самодеятельная культура прячется от неуклюжей, мертвящей заботы чиновников, от жадности диких капиталистов, от лживости средств массовой информации. Придут, завалят бумажками, или заставят за все платить, или напишут ахинею и всех поссорят – лучше уж спрятаться, не появляться на картах, оставаться неопознанными. А в секрете даже интереснее.

Вот только жаль, что город выглядит неважно – скучно, депрессивно, неинтересно. Культурная пустыня с маленьким оазисом в историческом центре.

Объекты культуры в городе

Наш журналист Марина Ткачева взяла интервью у ведущего специалиста отдела генерального плана и территориальной деятельности «Иркутскгражданпроект» Николая Владимировича Смирнова о принципах размещения объектов образования, здравоохранения и культуры в генеральных планах и объектах планировки развития территорий.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ. Каким образом в градостроительных документах учитывается проектирование объектов культуры, какие будущие функции предусматриваются для этих объектов?

НИКОЛАЙ СМИРНОВ. Планирование осуществляется по СНиПу 1989 года и нормативам 1996 года; все расчеты ведутся на 1000 человек постоянного населения. Учитываются уже существующие сохраняемые здания, и планируется строительство новых объектов. Дополнительные объекты размещаются в составе общественных центров. Далеко не все предложения реализуются: если в советские времена планирование объектов культурного назначения проводилось по остаточному принципу, и для них не всегда находились деньги, то сейчас некоторые объекты являются коммерческими, и главное затруднение – отсутствие инвесторов. В строительстве муниципальных объектов имеет значение не только наличие средств в бюджете, но и воля руководителей. Так, в генеральном плане Иркутска запроектирована библиотека на 2 млн томов. Будет ли она строиться и когда – это зависит от муниципальных властей. Мне кажется разумным предусматривать размещение только тех объектов, которые являются обязательными и финансируемыми за счет муниципалитетов: объекты здравоохранения, дошкольные и школьные образовательные учреждения. Для всех других объектов конкретный состав центров имеет скорее рекомендательный характер, и планировать следует не строительство, а резервирование территорий под общественные центры. При этом как можно жестче следить за сохранностью этих территорий именно для строительства объектов культуры, пусть даже оно и будет отложено. В генпланах и проектах планировки это и делается. Контроль за соблюдением документов ложится не на проектировщика, а на заказчика: городскую, районную администрацию, органы архитектуры и градостроительства.

Надо отметить, что нормативы разработаны еще в советское время и не охватывают изменившуюся конъюнктуру, весь перечень объектов культурных и, в особенности, развлекательных учреждений. Согласно градостроительным нормам, учреждениями культуры и искусства считаются помещения культурно-массовой и просветительской деятельности, танцевальные залы, театры, кинотеатры, клубы, концертные залы, цирки, библиотеки, универсальные спортивно-зрелищные залы. В других документах указаны библиотеки, музеи, выставочные и концертные залы, клубы и учреждения клубного типа (социальные нормы и нормативы 1996 года). В действительности разнообразие культурных учреждений гораздо шире. Не всегда действующими нормативами предусматривается функционирование учреждений культуры в небольших поселках и селах; например, кинотеатры – только в населенных пунктах от 50 тыс. чел. Но в области есть такие поселки и населенные пункты, где при небольшом населении функционируют кинотеатры (Еланцы, Бодайбо). Хотя для них и нормативы клубных

учреждений иные: для городов свыше 500 тыс. – 15 мест на 1000 жителей, от 20 до 50 тыс. – 50 мест на 1000, от 1000 до 3 тыс. населения – 150 мест. Возникает иная структура мест в культурных учреждениях.

В селах есть достаточно много ветхих зданий, которые подлежат восстановлению, сносу или замене.

ПБ

Подлежит ли восстановлению объект культурного назначения в случае, если население сокращается, село или поселок «сворачивается»?

НС

Все зависит от расчета перспективной численности населения. Если населенный пункт не ликвидируется, то помещение сохраняется, но с расчетом прогнозируемой численности и нормативов. Тенденции в разных населенных пунктах разные; прогнозы даются ориентировочно на 2025-2027 годы. При этом прогноз составляется на основе комплексного анализа факторов, с учетом сложившейся долгосрочной динамики процессов в конкретном населенном пункте, его функциональной специализации и состояния экономики, состояния указанных факторов в соседних населенных пунктах. Иногда расчеты ведутся, ориентируясь на так называемое межселенное значение некоторых объектов, а не только собственной численности населения (например, районные центры или Иркутск). Во всех случаях максимальный учет всех факторов является залогом и большей точности прогноза. Что касается культуры, то поездки с культурными целями из одного пункта в другой нехарактерны, единичны. Наиболее значительную роль играют торговля и здравоохранение, отчасти – бытовое обслуживание.

ПБ

Бывают ли случаи, что стабильность населенного пункта поддерживается не хозяйственными факторами, а культурной деятельностью?

НС

Все начинается с хозяйственной занятости и возможности жить. Я бы сказал, что сегодня наиболее распространенными являются не культурные мотивы, а фактор близости к природе. Пригородные поселки разрастаются, в них очень развито коттеджное строительство. Но их население по-прежнему тяготеет к традиционным культурным объектам. Процессы субурбанизации и агломерации не влияют на отношение к культуре: образуется единое социальное пространство, в котором востребованы уже существующие объекты культуры. Сокращение времени на перемещение, как кажется, также не является решающим фактором для расширения спектра культурных событий. И в этом отношении общесоциальные процессы (расширение сферы частного потребления культуры, возрастание популярности кинотеатров нового формата с новыми техническими возможностями) значат больше, чем поиски абсолютно новых художественных и культурных впечатлений.

Круглый стол

«Значение гуманитарной культуры как импульса для выработки стратегии развития городов»

В январе 2008 года по инициативе Центра независимых социальных исследований и образования (ЦНСИО, Иркутск) и Фонда регионального развития Иркутской области (ФРРПО) был проведен Круглый стол, посвященный значению гуманитарной культуры как импульса для выработки стратегии развития городов. В нем приняли участие: научный сотрудник Института культурного и природного наследия АН РФ, главный редактор журнала «Открытый музей» Ана Глинская; сотрудники Фонда регионального развития Иркутской области Дмитрий Савельев, Анна Плотникова, Светлана Калинина; научный директор ЦНСИО Михаил Рожанский; эксперт Федеральной службы Россызьяохранкультуры, редактор рубрики «Наследие» журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» Алексей Чертилов; сотрудники ЦНСИО, Института географии; сотрудники и студенты исторического и филологического факультетов ИГУ, архитектурного факультета ИргТУ; журналисты.

Во вступительном слове Михаил Рожанский отметил, что Иркутск напоминает иные провинциальные музеи, обладающие колоссальными фондами и запасами и считающие этого вполне достаточным для их популярности. И в такой ситуации он находится уже не одно десятилетие. Более того, уже много лет в сознании горожан противопоставляются культурное наследие города и его развитие, чем пользуются те, кто разрушает город. А современная тенденция – использование культурного ресурса как фактора, помогающего городам выработать эффективную стратегию развития. Чем может привлечь Иркутск? Как происходит смена парадигмы, когда городская культура начинает работать на развитие? Сейчас в России стали происходить интересные культурные события именно в тех местах, которые прежде жаловались на их отсутствие, и Ана Глинская – один из лидеров сообщества, придумывающего и организующего такие акции.

Ана Глинская рассказала о проектах, инициатором и участником которых была. Первый случай – создание музея совершенно нового формата в Красноярске в помещении открытого в 1987 году и абсолютно невостребованного очередного музея В.И. Ленина. Инициативное руководство Комитета по культуре Красноярского края тогда обратилось в Москву с просьбой выработать концепцию развития музея. В этом выдающемся документе масса красивых идей, концепция очень современна, но ни одна идея не была реализована. Показался интересным проект музейного салона, из которого, при существенной помощи администрации города, родилось Красноярское международное музейное биеннале, на тот момент единственное в мире. Событию помогло стечение обстоятельств: перестройка дала большой выброс энергии; одновременно в одном месте собралась команда инициативных людей; нашлась технически оснащенная свободная площадка. Это событие поддержал Британский совет. Неординарность ситуации заключалась в том, что в Красноярске не было ни одного добротного музея: это был «один большой алюминиевый завод», как отзывались о нем наблюдатели. Но с появлением биеннале город изменился: проводилась хорошо организованная и популярная книжная ярмарка, по ее следам в других городах стали возникать различные культурные события. Эта инициатива привлекла молодежь; проводились задающие «планку» акции. Были даже мнения, что бурное разви-

тие Красноярска началось именно с этого локального события – перестройки музея и проведения Музейной биеннале.

Во Владивостоке стала проводиться биеннале визуальных искусств, начало которой было положено талантливым театральным режиссером. Идеология биеннале – сделать город точкой контакта со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, форпостом для ознакомления с культурой азиатских стран.

В Тольятти, мрачном индустриальном городе, в помещении стеклянного универмага расположен музей, про который мало кто знал и мало кто туда стремился. И на реденькой весенней травке пустыря в Международный день музеев был проведен музейный пикник. Было очень интересно, главным образом потому, что музей дал понять: он готов разговаривать с людьми на их языке. «Пикник» угас, но продолжают большую дизайнерскую «тусовку» участники-активисты первых музейных пикников.

Ана Глинская отметила, что всякий раз жизнеспособные культурные инициативы возникали как ответ на «вызовы места»: во Владивостоке – стремление справиться с экспансией Азиатско-Тихоокеанского региона, сделать из агрессивного «асфальтового катка» хотя бы некое подобие диалога; в Тольятти – скудость культурной среды; в Красноярске, помимо засилья промышленных предприятий, – отдаленность от границы, «центральность места», где ничто извне не будоражит и не напрягает.

Сейчас на Западе и в России художники, выплескивая избыток творческой энергии, очень часто активно обживают заброшенные индустриальные сооружения. А когда место осваивается, раскручивается, то для него находят хозяева. Некоторые склонны от этого страдать, некоторые – нет, считая, что художники, как стая птиц, могут сняться с места и улететь, выбрасывая протуберанцы своей энергии в другом месте.

Еще одна тема, затронутая Аной Глинской, была связана с ролью музеев в современной культурной динамике. Она высказала мысль, что музеи для любой культурной инициативы – трудные партнеры. Это связано, по ее мнению, с глубиной и массивом того знания и культурного багажа, который в музеях содержится, с их академичностью, серьезностью и инерцией. Но недостаток – продолжение достоинств: в музеях находится огромный ресурс глубины. Если удастся найти «тайный ход к сердцу музея», то результат превышает деятельность массы современных художников. Ведь современное искусство – это весьма пестрый поток, в котором очень мало жемчужин; и фестивали современного искусства, как правило, не дотягивают до уровня большого искусства. Ориентация на значительные для места события и ориентация на значительное искусство – это очень разные направления деятельности. «Моторами» такой деятельности становятся люди из числа «городских сумасшедших» – инициативные, одержимые креативным проектом и идущие на все ради его реализации.

На первой волне перестройки материальные средства для реализации проектов часто давали иностранные фонды. Они помогли хорошо стартовать. Сейчас фонды ушли, ситуация стала менее благоприятной, но на эти инициативы больше внимания стали обращать власти, а люди учатся работать во взаимодействии с ними. Очень

Подготовила
Марина Ткачева

важно отметить, что от инициативности властей в этом направлении многое зависит. В Красноярске, например, смена команды в Комитете по культуре привела к затуханию Музейной биеннале, в Улан-Уде интереснейшая идея проведения международного конгресса театра мифа и ритуала не продвигается из-за инерции властей.

В любом случае яркое культурное событие может пройти один – максимум два раза. Нужен точный проект, который опирается на инициативу и своеобразие данного места, но нужны и поддерживающие эту инициативу «дрова». При этом разовые события имеют еще один риск: самый лучший проект может столкнуться с обстоятельствами непреодолимой силы (болезнь участников, занятость желательных персон, временное отсутствие места). Регулярные же события идут по нарастающей, расширяя известность и привлекая все новых участников.

Любое жизнеспособное событие, как зачатие ребенка, – высокоэнергетичный процесс; нужно, чтобы у процесса проектирования была большая энергия. Как обеспечить такую высокую энергетику процесса? Это и есть вопрос.

Михаил Рожанский высказал соображение, что бюджетные деньги музеев и «рискованные деньги», найденные инициаторами для проведения разовых культурных событий, можно было бы объединить в интересном начинании со взаимной пользой: и музей, и культурная группа будут побуждаться к активности, которая подпитывается возникающими мелкими творческими группами. Еще одна плодотворная идея – концепция «культурного квартала», в котором происходят интересные события. В центре Иркутска есть все условия, чтобы стать местом активности, но пока эти ресурсы не очень активно используются. Так, есть все условия для создания Музея «тридцатки» (дома № 30 на ул. К. Маркса): у жителей собраны богатые архивы, фотографии, и обладатели этих архивов стали искать возможность обнародовать свои богатства после публикации в альманахе «Байкальская Сибирь» статьи Елены Ивановой о «тридцатке». Такие энтузиасты, каждый со своим интересом и предложением, встречаются и в других точках, они проявляют себя, если им дать повод, а затем – шанс реализовать интересную акцию.

Ана Глинская в связи с этой репликой упомянула удан-удэнский фестиваль «Озерные люди», в котором ярко проявила себя инициатива «потомков хунну». Такие культурные конструкты, как фестиваль или биеннале, задают рамку возможностей для вхождения в их орбиту и реализации частной, локальной инициативы.

Алексей Чертилов в своем выступлении говорил о связи культурных инициатив и деятельности государства, приводя в качестве примеров влияние декабристов на жизнь культурного Иркутска, реорганизацию ВСОРГО как толчок для начала музейной деятельности, открытие университета и появление столичной профессуры, приказ о создании обществ, следствием которого стало появление Общества по охране памятников. Возможно, таким толчком станет празднование юбилея города.

Михаил Рожанский вернул внимание к «вызовам места», выделяя несколько, по его мнению, наиболее важных для нашего города. 1. Иркутск – «город в тени Байкала»; для туристов это абсолютно однозначная ситуация. 2. Нас-тупление высокоэтажной и «точечной» застройки – тоже вызов, который должен стать причиной для действительно культурного ответа, пока ни разу не прозвучал. Не было выставки погубленной архитектуры и утерянных памятников или чего-либо подобного. 3. Иркутск – место активной торговли, находящееся недалеко от границы, да к тому же – место активной миграции. Этот потенциал также почти не используется. Подобное разнородное привлекает внимание туристов и приезжающих в любой город, но для культурной жизни Иркутска он вроде и не существует. В городе есть набе-

режная, где бывают все туристы, и не по одному разу; вполне реально сосредоточить культурные инициативы именно здесь. Набережная – это и «быстро пролетающая реальность» для тех, кто приезжает в город по железной дороге. Когда-то там выставлялись художники – и ушли. Есть недостроенная Нижняя набережная, которую можно более свободно осваивать.

Дмитрий Савельев обратил внимание на тот факт, что в обсуждении ни разу не был упомянут бизнес и вопрос о выгоде от культурных инициатив. Американская Чаттануга, где произошли самые кровавые события в гражданскую войну, в середине XX века представляла собой угасающий промышленный центр: загрязненная река, брошенные цеха. Инициатива изменить ситуацию исходила от бизнес-сообщества; был придуман Музей воды. А в прилегающем штате Джорджия все брошенные шtolьни превратили в страну гномов. Решение конкретной проблемы было увязано с проблемой создания экологически чистой территории. На сессии Зимнего градостроительного университета студент-француз просчитал выгоду вложения в деревянную архитектуру. Самой востребованной оказывается идея исторического центра. Но надо думать над экономической стороной дела, а потом уже над культурной, в том числе и над инициативами. Проект должен быть впечатляющим, широким. Бизнес должен давать сигналы для сохранения истории, тогда как сейчас центр города испытывает давление такого бизнеса, который историю стирает.

Мария Ковальская (ЦНСИО) говорила о том, что осуществление такого проекта невозможно без гражданского движения, заинтересованности городского сообщества, должны быть объединены интересы власти, населения и бизнеса. Если проект наталкивается на равнодушие горожан, то можно потерять все, что составляет непохожесть и красоту Иркутска.

Елена Ложникова (ЦНСИО, г. Шелехов) высказала мысль, что использовать ту территорию, где люди бывают ежедневно, не столь трудно, и речь тогда может идти, например, о выставке фото. В шаговой доступности осуществлять микропроекты (ежемесячно обновляемую в магазине выставку и т.п.) – вполне реально. Они не будут требовать денег, одновременно побуждая инициативу людей, которых бизнес вытесняет из сферы мелкого предпринимательства.

Алексей Чертилов упомянул и другой город области, где ситуация сходна с иркутской, – Усолье-Сибирское. В Иркутске сталкиваются незаинтересованность власти, незаинтересованность бизнеса в сохранении деревянной архитектуры и отсутствие гражданских инициатив. Перспективность сохранения «деревяшек» налицо. Но это не частная инициатива; нужно провоцировать интерес бизнеса. Уличная выставка не вся жизнь и культура города, а только ее часть, и надо думать об архитектуре как ценности, на основании которой вырастает культура.

Михаил Рожанский добавил, что в туристических центрах жизнь интересна не только приезжающим, но и самим жителям. Так, в историческом парижском районе Бельвиль регулярно проводится День района. Для его проведения создаются карты с обозначением мастерских, галерей, коллекций, которые можно посетить. Само по себе такое событие не требует больших вложений, но интересно не только (и не столько) туристам, сколько парижанам. В сознании и тех, и других возникает образ района, безопасного и интересно для жизни в нем.

Дмитрий Савельев вернулся к теме участия бизнес-сообщества в культурной деятельности: пока что у владельца деревянного дома нет уверенности, что он наладит свое дело и его дом останется цел. Если есть гарантии, то будет и инициатива. Но если все будет знать, что вместо его дома построят точно такой же, а не многоэтажный офис, дело сдвинется с мертвой точки.

Михаил Рожанский предложил исходить не из того, что часто встречаются случаи безынициативности, но учиться на тех ситуациях, когда инициатива поддерживается и организуется. Он предложил представить такие начальные шаги, которые не потребовали бы больших вложений.

Алексей Чертилов еще раз вернулся к теме деревянного Иркутска, напомнив, что Иркутск – один из десяти мировых центров деревянной архитектуры. Но если в Европе гордятся деревянным наследием, строят а la старина, то в Иркутске его жгут, растаскивают. А ведь деревянный центр – главный ресурс для выживания Иркутска как исторического города. Если обратиться к тому, как он традиционно использовался, то станет понятно: зачастую это были гостиницы, доходные дома (так называемый «картонный промысел»). Во всем мире население лучше всего зарабатывает на туристическом бизнесе. Если даже представить себе, что город ценится исключительно из-за своей близости к Байкалу, то и тогда использование деревянных домов в качестве гостиниц на сутки очень перспективно. Изба может стать брендом Иркутска, заодно показав, что пребывание в городе может быть интересным.

Никита Баженов (архитектурный ф-т ИрГТУ) говорил о низкой доступности мест культуры, о том, что она сосредоточена почти исключительно в центре, а также о плохо организованной информационной поддержке интересных культурных мероприятий. Почти нет таких событий, которые были бы интересны людям от двадцати-двадцати двух лет, что-то делается, в основном, для детей. Он предложил открыть площади города для культурного самовыражения молодежи и других активных горожан.

Анна Плотнова еще раз напомнила, что залогом успеха является работа с населением, без которой проекты останутся всего лишь проектами.

Светлана Калинина заметила, что иногда ответы на простейшие вопросы об Иркутске невозможно получить простым путем, что Иркутск плохо представлен в Интернете.

Татьяна Тимофеева (ЦНСИО) предложила создать неформальную культурную карту Иркутска, предположив, что там найдется место и неформалам, и ролевым, и йогам.

Марина Ткачева (ЦНСИО; «ПРОЕКТ БАЙКАЛ») назвала места и сообщества, которые, по ее мнению, могут стать точками роста культурных инициатив. Это: Гуманитарный центр-библиотека Полевых в микрорайоне Университетский; молодые активные художники, оставшиеся в Иркутске после окончания художественного училища; Клуб молодых архитекторов (КМА), в

деятельности которого принимают участие студенты-архитекторы и выпускники архитектурного факультета. И художников, и архитекторов можно привлечь как к проведению креативных акций, так и к оформлению города. Помимо этого, КМА уже довольно регулярно проводит интереснейшие акции («Один день»; «Надзор»), о которых надо шире информировать, чтобы они становились общегородским событием, интересным не только для молодежи.

Михаил Рожанский напомнил, что, во-первых, культурное событие должно стать доступным для участия не театральных, музейных или других профессионально ориентированных посетителей, а для горожан. Например, в Париже при проведении Праздника музыки площадки предоставляют всем без отбора, руководствуясь только заявкой. Следует лишь предусмотреть на случай непогоды и закрытые площадки (многочисленные торговые площади, например). Во-вторых, информационное сопровождение вполне реально организовать через Интернет или доступные печатные издания. Уже есть люди, готовые заниматься и гостиничным, и ресторанным бизнесом в небольших масштабах; бизнес может быть и музейным, и выставочным. Их участников можно объединить информационной сетью, в которой они заинтересованы, можно придумать и акции для их реализации. В-третьих, актуальным становится картирование публичных пространств хотя бы в центре Иркутска, где можно проводить деятельностные игры, акции. Но пока нет гражданского общества, защита центра Иркутска останется делом людей, озабоченных эстетикой и историей, а не тех, кто плотно связан с жизнью центра постоянно.

Дмитрий Савельев согласился с Михаилом Рожанским в том, что жизнеспособной деятельностью становится, принося выгоду ее участникам. Если выбрать в качестве приоритета исторический центр города, то вполне реально объявить его районом малоэтажной застройки. Тогда можно демонстрировать его как пример образа жизни в малоэтажном деревянном жилье, а атрибутом его станет культурная деятельность.

Участники обсуждения предлагали и вполне конкретные акции: проведение фестиваля барабанщиков; организацию клуба на базе магазина «Букинист»; конкурсы малых архитектурных форм; организацию экскурсий по местам действия литературных произведений писателей-иркутян; замену рекламы на стихотворные тексты.

В заключение Ана Глинская сформулировала мысль, что микропроекты, как правило, удаются только тогда, когда они, как шлейф, дополняют мощную вдохновляющую идею, увлекающую многих участников.

Город и культура: да пробудится горожанин!¹

Мы привыкли к совпадению понятий «город» и «культура». Также вполне естественно, что в разговоре о городской культуре на первое место по своему значению выходит проблема формирования сознания самих горожан. Ведь именно сами горожане являются главными действующими лицами происходящих здесь процессов. А одновременно нельзя не заметить, что существует стойкая традиция почвенного, деревенского сознания в нашей истории, и нужна особая настойчивость в преодолении этой ситуации.

За последние пятнадцать лет у моих сограждан настойчиво пробуждали сознание собственника, сознание возможности быть самостоятельным человеком, уважение к собственности как таковой. А вот о воспитании уважения к общественной собственности своего города, своего

городского окружения пока ещё не говорят. Но ведь именно это лежало изначально в основе европейской городской цивилизации. Городская среда как собственность городского сообщества является не меньшим общественным капиталом, богатством, чем недра страны. Но в отличие от недр, городская среда как часть городской культуры по своему охвату и временному влиянию неисчерпаема и безгранична, она воспроизводится естественным путем самими горожанами.

Есть у чилийского поэта Пабло Неруды поэма, которая называется «Да пробудится лесоруб!». В нашей стране лесорубы давно пробудились, и плоды их деятельности хорошо видны. Теперь пора, наконец, пробудиться горожанам, гражданам городов. И призыв «Да пробудится горожанин!» в наши дни уместен как никогда.

текст
Леонид Коган

1. Печатается по изданию: Городское управление. 2005. № 4.

Я провокатор и исследователь городских процессов

Интервью с Вячеславом Глазычевым¹

– Культура как фактор развития городов и регионов, каким образом эта тема актуализирована сегодня для Вас?

Глазычев В.Л.: Сейчас у нас уже есть соответствующий опыт, а не только желание какого-то действия. Когда мы в 2000 году с С.Э. Зуевым, который, как вам известно, к арт-менеджменту имеет некоторое отношение, внедряли в сознание окружного начальства идею европейской культурной столицы, было совершенно очевидно, что в наших условиях простое копирование европейского образца невозможно – ни финансово, ни организационно, ни как угодно. Идея была вначале проста и совпадала с политической, т.к. все, что «сшивало» воедино разбежавшихся субъектов федерации, было на пользу. Ясно, что через культурный процесс, наиболее быстрый, наиболее реактивный, можно сделать вещи, которые в экономике и во всем прочем занимают годы и десятилетия. И постепенно наша программа расширялась, она все время видоизменялась.²

С самого начала мы стремились к тому, чтобы разорвать пленки, разъединившие культуру на сектора еще в советское время. Мы поставили задачей втянуть университетские сообщества (если они действительно являются сообществами, что не факт, – скорее, однако, только в этой совместной работе они и начинают вызывать к себе сообщества), местные архитектурно-дизайнерские группы (по моей или сходной профессии это легче всего дается), художников самого разного направления – для того, чтобы выстраивать фестивали или марафоны культурных событий. Здесь больше работаю не я, а мои нижегородские коллеги Анна Марковна Гор и еще несколько любопытных людей; они создали центр современного искусства в Нижнем Новгороде, и мы как бы разделили функции: фестивали остались за ними, а я работаю больше в линии, которая пытается соединить все человеческие силы на осмысление города, городской среды, проблем города, проблем скуки, проблем молодежи.

Мы пошагово втягивали в дискуссии разные факультеты, разных людей из разных университетов. И вот это стягивание, сшивание разобренных блоков дает сегодня явный результат. То, что единственный путь – во внесении инновационного начала в городскую среду, мне очевидно. Здесь культура в наиболее широком смысле является самым главным двигателем.

И когда удается в этот процесс втянуть еще и бизнес-сообщества, которые очень осторожны, очень пугливы (бизнес обычно настроен на то, что его просто хотят «подоить»), и он будет сохранять такую уверенность до тех пор, пока ему не будут предъявлены новые пути решения его же задач с охватом более широкого горизонта), когда бизнесмены начинают видеть своего потребителя как человека, обладающего еще и культурными ожиданиями, интересами, ориентациями, – тогда происходит крошечная революция. Вот этим я четыре года с азартом занимаюсь с коллегами.

– Возможно ли культурный проект встроить в экологию города так, чтобы он начал реально работать?

Глазычев В.Л.: Возможно. Вот мой самый любимый пример, потому что он имеет «стаж», – маленький город Мышкин, получивший уже известность, из телепередач, и не только. Все началось в 1994 году, когда я выбрал его как один из полигонов. Тогда действовал еще контракт с тогдашним Министерством культуры, и мы попытались

в нескольких малых городах осуществить связку между культурным проектом и проектом жизнеобустройства. Причем идея была очень хороша: одновременно четыре разных группы, разные методики, разные места. Потом, как водится, сменилось начальство в министерстве, и им стало это неинтересно.

Но что такое был Мышкин? Прежде всего была задача обнаружить активное меньшинство. В малом городе это несложно, все равно все всех знают, следовательно, тебе надо только заработать минимальное доверие. Обнаружился удивительный человек – Владимир Александрович Гречухин, тогда директорствовавший в народном музее и «подвязавшийся» на отделе писем в местной районной газете. Удалось провести очень любопытные проектные семинары, на которых были выработаны целые ряды затей, хотя всем казалось, что туризм – это дорого, сложно и далеко. Более того, был период страшного провала, когда я в своей книжке по городской среде извинялся перед городом за то, что их подставил, – потому что областные ярославские власти, «подуськиваемые» районными властями, лишили город городского статуса, ликвидировали городскую администрацию, которая уж очень «раскочегарилась». Через несколько лет я должен был опять вносить изменения в свои извинения, потому что они вернули статус, все снова выстроилось, и был замечательный результат: уже в 2002 году маленький, всего 6 500 человек, Мышкин имел в десять раз больше туристов, чем соседний Углич, официально внесенный в Золотое Кольцо. И не просто имел, а втянул в этот процесс (и это было элементом нашего проекта изначально) семью, школьников, изготовляющих сувениры, торгующих этими сувенирами, потом некое обслуживание и все прочее. На этом выросла уже, я бы сказал, как это ни странно звучит, – «культурно-благотворительная функция мышкинского сообщества по отношению к территории».

Потом мой друг Сергей Зуев «завязал» самарские Кошки в ярославский Мышкин, между ними возник презабавнейший такой вот «культурно-шутейно-музейный контакт», и проект продолжает сегодня жить и развиваться самостоятельно. И для меня это самое ценное, что есть во всей практике общения с городами за вот почти уже десять лет.

Но и в целом ряде других мест такие «подвижки» происходят... Значительно легче взаимодействовать с людьми, которые ставят спектакли, рисуют картины и делают бог знает что. Вот наша задача – создать кристаллик, вокруг которого ожидание необходимости самореализации выстроится в горизонтальную сетку, соединяющую людей, принадлежащих к самым разным формальным группам. Кстати, местная администрация оказывается одним из самых ценных двигателей.

– Изучался ли каким-либо образом международный опыт, я имею в виду опыт таких брендов, как Зальцбург, Канны, Авиньон и др.?

Глазычев В.Л.: Да, конечно, и изучался он по-разному. Сегодня, что называется, «мы в курсе», но инерция собственного процесса достаточно велика, чтобы развивать его самостоятельно. Мы пока не можем играть в крупные проекты. Когда в рамках «Культурной столицы» удалось на бюджетный рубль добрать десяток рублей внебюджетных, это был уже огромный успех. Это тоже школа, этому мы тоже учились и продолжаем учиться.

1. Интервью дано в январе 2004 года для журнала «Арт-менеджер», опубликовано в №1 за 2004 год.
2. Конкурс Приволжского федерального округа «Культурная столица» проводится уже четвертый год, и в 2004 году было названо две культурных столицы – более крупный Ижевск и небольшой Димитровград.

Вот вы назвали Авиньон, но это же гигантское предприятие, с колоссальным бюджетом, с достаточной автономией, дипломатией в отношениях с городскими и региональными властями. Это нам еще долгий путь, пока что здесь, в России, проходят только средне-малые проекты, где число спонсоров невелико, и их ответственность и интерес непосредственные, а не опосредованные. В каком-нибудь Ижевске без поддержки ряда местных предприятий это сделать невозможно, тогда как такие предприятия берутся работать только прямо на себя, — а это другой масштаб, еще не масштаб страны.

— Есть ли понимание у менеджеров культуры в этих городах того, что они обладают таким мощным ресурсом развития, как культура?

Глазычев В.Л.: Вопрос непростой и ответ непростой, потому что сейчас происходят довольно драматические «схлестывания» алгоритмов между традиционными отраслевыми деятелями, которых менеджерами можно назвать очень условно, и теми, кто уже образован, кто уже двигает свои проекты.

Но бывают и любопытные сдвиги. Вот, скажем, в Кирове после нашей «Культурной столицы» руководитель дирекции культурных столиц (сейчас делается отдельная управленческая конструкция) стала главой управления культуры. Происходит вот это драматическое перевоплощение, перевооруживание, и еще надо проследить, как это произойдет.

Скажем, в Дмитровграде, где всего 135 тыс. жителей, сразу наметился невероятный конфликт между интересами маленького отдела культуры, живущего по своим алгоритмам, и задачей проведения «культурной столицы». Мы разговаривали с мэром города, который во всяком случае дал слово создать автономную молодежную дирекцию программы «Культурная столица» вне существующего отдела культуры. Дело в том, что пока это было встроено внутрь, вся энергетика тех молодых и любопытных людей была погашена и подавлена традиционной вертикалью власти, которая куда страшнее на уровне субъектов федерации, чем на уровне России в целом.

В Тольятти, начиная примерно с середины 80-х годов, происходит очень любопытный процесс (я в нем принимаю частичное участие). Его основные участники: любопытный Фонд развития городской культуры, во главе которого стоит, так сказать, культур-менеджер нового поколения, и не менее любопытный Фонд наследия, в котором руководителем является представитель классической старой заводской бюрократии (со всеми ее плюсами и минусами), исполнительным директором — культур-менеджер нового поколения. Они устанавливают между собой определенное родство душ, программ, и городская администрация уже не может не считаться с наличием этих институтов. Кроме того, бывший мэр становится ректором университета, и, соответственно, появляется еще один вектор культурного движения. Таким образом, возникает куда более сложное пространство культурной деятельности, чем раньше можно было бы помыслить. Все это еще только варится, и было бы преждевременно делать выводы, но то, что процесс приобрел на порядок большую динамику, — это уже очевидно.

Как все сработает? Здесь надо смотреть, штудировать, изучать эффекты — в общем, как показывает опыт, надо еще 7-8 лет, чтобы что-то получить. Во всем мире удается делать это быстрее, а у нас еще только один цикл прошел, да и то пока, в основном, в столице. Пока нет того временного отрезка, который позволил бы исполнять другую роль, кроме как роль включенного наблюдателя, кем я, собственно, и являюсь: с одной стороны, провокатором процесса, с другой — исследователем результатов этих процессов.

— Что вы скажете об американском опыте развития городской среды — я имею в виду культурный округ

— и о возможности применения этого опыта у нас?

Глазычев В.Л.: Это нам пока очень трудно дается, хотя мы пытаемся в какой-то степени аналогичную задачу решить. Случай Ижевска очень характерен в данном отношении: у города есть ясно выраженный центр — это набережная гигантского пруда, разрывающего саму ткань города, — пустующее сердце, в котором нет места, где, как говорится, можно комфортно назначить свидание. И вот мы сейчас провели первый тур проблемного обсуждения ключевых точек города — тех мест, где, с точки зрения местной элиты, напряженность наиболее высока; а дальше мы переходим к определению того, какие основные проблемы существуют в городе, — и проблема скуки выступает как ключевая, которая давит на психику тотально. И у людей при власти растет понимание того, что это принципиально важно. И тогда можно начинать разговор о своего рода «вычлениении» центра там, где его нет.

У нас же нет даунтаунов, поэтому американский город нам не указ, там — свои проблемы, свои драмы. В общем, тут, что называется, важно знать их опыт, но понимать, что нужно действовать несколько иначе.

Почти то же самое мы делаем в Дмитровграде, где тоже вместо центральной площади — центральный пустырь, и вопрос его очеловечивания, насыщения и экономической эффективности этого насыщения уже достаточно осознан. И самое ценное там то, что нам удалось вовлечь студенческую молодежь в процесс осмысления, обсуждения и проектирования. Но это все еще настолько в начале процесса варки, что я боюсь делать какие-то серьезные выводы.

— В связи с тем, что вы говорили о пустырях в городах, уместно вспомнить и о тематических парках. Всего в городах постсоветского пространства около 2 тыс. парков, и все эти парки, как говорится, похожи один на другой. В то же время в тех же Соединенных Штатах их больше 30 тыс., и каждый старается быть чем-то непохожим. Парк — это одно из привлекательных мест города и, на первый взгляд, легко реализуемый культурный проект. Каковы перспективы развития этого направления у нас?

Глазычев В.Л.: Есть такой сюжет, и он очень непрост, потому что заимствовать внешнюю форму немислимо, экономически бездарно. Есть несколько не совсем дурных попыток идти по самому легкому пути, это когда возникает нечто вроде парка скульптуры. Это путь недурственный, но слишком простой, он городских проблем не решает.

Вот я только что через Amazon выписал книжку, посвященную проектированию Диснеевских систем. Городские бюрократии еще плохо образованы в этом ключе, уж точно. Это не значит, что они дурные. Они стараются, но им очень тяжело это понять. Легче всего они схватывают подражание внешним формам, а это смертельно, потому что стоит это безумно дорого, а эффект сомнительный. Кстати, Зураб Церетели и компания в Москве, я считаю, творит чудовищное безобразие, подменяя мышку мышкой, зайчика, не знаю, кем-нибудь еще, а в общем, пытаюсь воспроизвести машину, рассчитанную исключительно на американскую семью, — конструкцию, культуру, мягко выражаясь, «не от большого ума».

Тематические парки — свои — могут возникнуть. Судя по всему, намечается ядро в Екатеринбурге. Они там первыми по-настоящему начали заниматься сугубо промышленной археологией. Я так думаю, что они, может быть, первыми смогут сделать любопытное пространство, которое было бы не только обозримым, но и действующим. В свое время я был приятно поражен политехническим музеем тогдашнего Западного Берлина, в котором вы как посетитель могли сами изготовить лист бумаги и сами на нем оттиснуть какую-то картину. Вот такое активное включение еще настолько не заведено в наших музеях, пока есть лишь ничтожные (слава богу, они уже есть) попытки стать интерактивными. А без интерактивности

тематический парк не работает, потому что не сходитя аудитория и стандарт. В Японии получилось, потому что там соблюдается колхозный принцип достаточно тесно-го проживания. В нашей стране коллективное действие просто распалось и единственное, где оно еще существует, – это дискотеки. Очень трудно грамотно выстраивать сценарий, тогда как тематический парк – следствие этого сценария, с моей точки зрения, а не глубоко самостоятельная вещь. Все же надеюсь, что нам удастся выйти на формирование экспертных советов в городах, таких, как сейчас в Ижевске, где много профессионального обсуждения ключевой проблемы «тошнотворности» среды.

А самое ужасное – это получить тематический парк, который делает архитектор. Я сам архитектор и поэтому знаю: самое опасное, когда я свое видение должен выдать за видение других. Однако пока работает стереотип «напиши сам себе задание», и арт-менеджера как менеджера инновационного процесса у нас еще никто не привлекает. А он здесь принципиально важен, консультант нужен уже на этапе формирования технического задания, и для этого он должен вырваться сам, не по чужим книжкам, которых довольно много и которые очень симпатичны. Вот мой опыт, начиная с середины 80-х, диалогового взаимодействия с людьми – реальными людьми, а не с теми, кого я выдумал бы себе, – показывает, что процесс реализуем, но он колоссально энергоемок, и, извините за выражение, емко в смысле интеллекта. Его просто так не решить.

С одной стороны, это искусство, а с другой – доверие и выработка доверия, потому что содержание проекта должны рождасть именно эти люди. Только у подобных проектов есть шансы пустить корни.

– Как культурные проекты влияют на качество жизни в городе?

Глазычев В.Л.: Очень сильно, поскольку качество жизни оценивается степенью переживания, а не по показателю, отпечатку, как, например, можно говорить об обеспеченности жильем количеством, извините за выражение, посадочных мест. Этот процесс невероятно сложный. Нельзя прыгнуть из помойки в рай. Есть обязательный промежуточный шарнирный путь, этап «приведения в чувство» и выработки некоторого самоуважения городского сообщества. Чебоксарский опыт показывает – это так. Несколько малых городов, которых наблюдали наши экспедиции, подтверждают – это так.

Моя стратегия, если так можно выразиться, заключается в том, чтобы не пытаться одновременно тянуть все точки, а стараться принести дополнительную энергию в те точки города, где уже есть какое-то движение. И тут, мне кажется, «зарыто много собачек», потому что следующим качеством становится многообразие выбора. Это не жестко связано с деньгами. Я часто привожу такой пример: Казань вложила безумные, по сравнению с Саратовом, деньги в свои пешеходные улицы. Но саратовская пешеходная улица является европейской по типу поведения, а казанская – нет. Просто саратовская проектно, или интуитивно, или потому что денег не хватило, оказалась рассчитанной на разные кошельки одновременно, да плюс на нее наложилась местная, очень специфическая филологическая культура (по причине последней названия заведений в Саратове обладают яркой характерностью: например, интернет-кафе «Бешеная мышь» или магазин кондиционеров «Бедный студент» на той же улице, и это не единоразовые), а так и возникает многомерная среда. В Казани колоссальные деньги заложены в брусчатку, фонари, скульптуры, но, кроме дорогих бутиков, там есть и «подлые» пивнушки. Между двумя горизонтами нет промежутка; в результате, вечером все это умирает для нормального человека – там неуютно, хотя и неопасно. Вот это и есть тот тонкий механизм настройки, который без менеджеров культуры, без исходного программирования культурного действия, получить нельзя.

Сейчас очень интересный процесс разворачивается в Нижнем Новгороде, где возникла идея наполнить некоторым смыслом как бы пустую административную форму – центр округа. Всего лишь рамка для федерального рассмотрения. Но и это шанс. Дальше удалось добыть кое-какие деньги. Так или иначе, было проведено – впервые – голосование по вопросу о том, как эти деньги потратить (не идеально, может быть, организованное голосование, но тем не менее). Затем начинает происходить переосмысление пешеходной улицы города. Худо-бедно возникает комиссия, много упрощенная по типу участников, которая осмысляет, обсуждает эти проекты еще до того, когда они получают форму конкретных инвестиционных или архитектурных градостроительных проектов. Вот это нормальный путь, но пока это «нормальной нормой» не стало. Еще предстоит задать образцы, а также задать некие противоресурсы обычному хаотичному течению жизни.

Ну почему в Ижевске местные деньги потрачены на памятник Пушкину, при всем почтении к Александру Сергеевичу? Когда остроумные ребята в Симбирске начинают играть с буквой «Ё», Карамзиным и всем прочим – тут есть шанс. А когда просто памятник Пушкину акурат в Ижевске – формально: все хорошо, по сути: никого не затрагивает. И мера самосознания городского сообщества без людей пишущих, рисующих, сочиняющих, снимающих неосуществима в принципе; когда власть начинает это понимать она начинает видеть в этих людях партнеров. Это и есть стратегема нашей программы «Культурная столица», которая, пусть с большим-меньшим успехом, но движется.

– Вы как-то говорили, что в России нет городов, а есть слободы. Насколько культурный проект может изменить это понятие?

Глазычев В.Л.: Говоря жестко, это единственная форма превращения слободы в город, потому что слобода предполагает неустойчивое существование: сегодня я здесь, завтра меня сковырнули, куда-то выкинули. Город предполагает некую устойчивость, наследование среды – меняющейся, но и наследуемой. Слобода становится городом, когда в ней из двух типов состояния – работы и сна – выстраиваются промежуточные: третий четвертый и т.д., – когда обогащается выбор.

– Каковы, на ваш взгляд, возможности культурного проекта сделать город инвестиционно привлекательным?

Глазычев В.Л.: Боюсь, тут есть легкое опережение, потому что в принципе – да, такие возможности есть, но это «в принципе» предполагает все-таки многостадийную схему. Структурно шаг в культурной эмансипации означает, конечно же, шаг в квалификационном горизонте всего целого: возрастание выбора, развитие воображения, которое охватывает все сферы нашей жизни, в том числе деловую. Но ступенечек здесь много, и надеяться просто на то, что «вот сделаем хороший музей, и сразу потекут ручьем инвестиции», было бы неосторожно.

Не так давно, осенью прошлого года, прошла встреча с западными потенциальными инвесторами, на которой Россию представляло шесть регионов, из них пять – нефтегазовые. Среди них была одна Чувашия, у которой нет ни нефти, ни газа. И статус культурной столицы прозвучал понятным для иноземцев сигналом. Это опознаваемый признак, и он сработал довольно эффективно. Но, в целом, это очень деликатное дело, здесь простые схемы не просматриваются.

– Как происходит вовлечение населения в процесс обновления города через культурный проект?

Глазычев В.Л.: Ну, вот здесь я, на основании уже многолетнего опыта, довольно жестко. Я бы сказал так: вовлечение населения в массовом порядке – это пока чистая утопия или формальность типа субботника. Для меня

первостепенной задачей является вовлечение элиты, т.е. людей с повышенным IQ и с повышенным чувством сопричастности. Если этих людей удастся зацепить, то пассивное большинство в значительной своей части за ними последует. Вот такова рабочая гипотеза, которая, в основном, более или менее работает.

Работать просто в пространство – это примерно «греть вселенную», это как советское ЖКХ. Конечно, какой-то эффект есть и от такой работы, но КПД ее ничтожно мал. Работа, ориентированная на выявление и сотрудничество вот с этим активным меньшинством, пусть его будет вначале 2-2,5%, – это уже гигантский сдвиг. Дальше вы можете быть почти уверены, что следующие 25%, что называется, ваши сами, и не надо тратить на это энергию и бешеные деньги.

– А каково, на ваш взгляд, влияние культурного проекта на миграционные и демографические процессы города?

Глазычев В.Л.: Это вопрос очень тонкий и очень плохо исследованный. По одной простой причине – статистика ни к черту не годится. У меня есть прекрасный пример. Я изучал Лаишевский район, в котором работал. По формальному балансу мы получали: сколько было народа, столько и осталось; при этом выяснялось, что из 26 тыс. человек тысяча выехала, и тысяча приехала, т.е. в сумме «по нулям». Дальше вставал вопрос: откуда приехали, куда уехали.

И здесь вес культурно-средовых факторов вроде был достаточно высок: например, ни для кого не секрет, что люди в массе своей заботятся о детях, так что вопрос о цивилизованности места, у которого есть не только денежная форма, весьма существенен; цивилизованность места, в свою очередь, подразумевает, в том числе, и доступ к образовательному процессу, – вот почему место, где есть филиал университета, имеет гораздо более высокий коэффициент притягательности, чем место, в котором этого нет. Но при всем при том не будем забывать, что чисто финансовая сторона настолько еще весома, что в ряде случаев может довольно серьезно «перевешивать» другую. Однако изучить это серьезно, по-моему, еще никто не сумел.

Вот я сейчас вошел в состав экспертного совета ВЦИОМа, после его расчленения. Попробую убедить коллег внести целый ряд дополнительных элементов в вопросники, которыми мы постоянно пользуемся.

Фонд общественного мнения, фонд с которым я дружен, недавно сделал неудачную попытку выйти на уровень проникновения в образ жизни обычного человека: они получили на кучу вопросов более 70% ответов «не знаю», что означает, что все эти вопросы были поставлены недостаточно точно.

Все это – очень тонкий механизм, на который пока что наша социология не была настроена, т.к. кормилась она только от выборов, а там, что называется, «вопрос простой». Торопиться здесь с уверениями, что завтра мы с вами добьемся какого-то эффектного культурного проекта и сюда побежит народ, – я думаю, не стоит.

– Кто такой арт-менеджер города?

Глазычев В.Л.: Культур-менеджмент – это, прямо говоря, просто непаханое поле. Более того, я глубоко убежден, что эта деятельность никоим образом не может, не должна быть элементом городской бюрократии. Зато она может быть контактно связанным с ним (и в этом смысле вполне муниципальным, но при этом автономно работающим) конструктором, предназначенным установить обратную связь между усилиями обеих сторон. Я никогда не брошу камень в городские администрации, потому что вижу и знаю, как много они пытаются сделать, оставаясь обычно в неведении относительно эффектов своих действий. Насколько готовы к этому те или иные муниципальные сообщества – это вопрос открытый. Думаю, что очень по-разному, и зависит это не от размера города, а от целого ряда случайностей. Но там, где есть осмысленные управленческие команды, там есть шанс.

Совершенно аналогично я пытаюсь внедрить в нашу жизнь функцию, которая называется «пространственное планирование». Она не встраивается в существующую систему исполнительной власти. Абсолютно необходим экспертный агент, который позволяет установить связь между плановым действием и, грубо говоря, простыми координатами реального физического и социального пространства.

Культур-менеджер – это то же самое, только применительно к более плотному человеческому сообществу. То, что уже подрастает поколение потенциально способных людей, – это факт, когда это перейдет в актуальное состояние – пока не знаю. И я тут не пассивный наблюдатель, а, в какой-то степени, агент действия, эффективность которого еще предстоит оценить.

Что такое архитектура

Затевав разговор об архитектуре XXI века, уместно спросить: «А что такое архитектура?»

Этот вопрос отнюдь не является академическим. Существует некий негласный договор, что мы вообще-то понимаем, что такое архитектура, в нас сильна привычка не задавать самых общих вопросов.

В конкретных ситуациях задавать общие вопросы – абсурдно. Но для профессионала это более чем естественно.

Вот мы говорим об архитектуре XXI века. А откуда мы знаем, что в XXI веке сохранится то понимание архитектуры, которое было в прошлом столетии. Не происходит ли постоянное изменение этого понятия и не объясняются ли исторические споры тем, что люди начинают иначе его понимать? Что же такое архитектура, ну хотя бы для нас, сегодня? Ответ на этот вопрос немедленно наталкивается на множественность существования архитектуры в деятельности и представлениях с разных позиций.

Сегодня архитектура представлена в сотнях обликов и образов. Это и любовь к своему дому, дому своего детства и дому своих предков, это и то, что мелькало в наших путешествиях в окнах автобусов и поездов, воспоминания о картинах

старых мастеров с их перспективами или альбомы и журналы с современными постройками, это и умение чертить и рисовать перспективы, отмывки, аксонометрии, пользоваться фотографией и снимать архитектуру в более или менее изысканных ракурсах и эффектах, это и законодательство, касающееся застройки городов и владения недвижимостью, правомносить или перестраивать исторические сооружения, это и стоимость квадратных и кубических метров, умение использовать традиционные и новые материалы, это и невероятное многообразие конструкций – от архаических до самых современных, космических, это и лингвистические интерпретации обликов зданий, чтение их языка. Это и психология переживания пространства, света и темноты, тесноты и простора, это и история, и система инфраструктур и коммуникаций – и так до бесконечности... В сфере архитектуры заняты сотни профессий, она обживается десятками социальных ролей, ее по-разному воспринимают дети и взрослые, европейцы и американцы, китайцы и шведы.

Начиная разговор об архитектуре, мы можем быть уверены, что изначальный образ предмета, о котором пойдет речь, будет у кого-то совершенно не похож на ваш, и все эти обра-

ТЕКСТ
Александр Раппапорт

зы вместе не похожи друг на друга. Да и у самих архитекторов за словом «архитектура» кроются совершенно разные, а порой и взаимоисключающие друг друга представления. Для одной архитектура это почти что жизнь, то, без чего нельзя обойтись, для других это дорогое излишество.

Но кому же нужно и нужно ли вообще это общее понятие?

Оно не нужно никому в отдельности и необходимо всем вместе. Это общее представление об архитектуре есть миф, то есть то, что существует, никогда не даваясь нам в руки. То, что принадлежит нам всем вместе и никому в отдельности. То, чего уже нет или еще нет, и в то же время то, что есть и в прошлом, и в будущем. Все мы в тех или иных обстоятельствах порой поднимаемся от конкретной повседневности до необходимости этого общего понимания.

Это вопрос о культуре и способности достичь договоренности о чем-то, выходящем за пределы конкретных обстоятельств. Человек, который сегодня покупает себе квартиру, едва ли нуждается в уточнении понятия «архитектура», но те, кто сносит старые кварталы и вступает в конфликт с историками, уже оказываются в зависимости от его понимания. Муниципальные власти, принимающие решения об использовании городской территории, нуждаются в более развитом понятии «архитектура», чем пожарные. Дети, играющие во дворе своего дома, видят архитектуру иначе, чем чиновники, взимающие налог на недвижимость. Но и дети, возвращающиеся домой после долгих странствий, и чиновники, оценивающие убытки от пожара, вдруг начинают понимать ее совершенно иначе, чем в обычных обстоятельствах.

Наконец, сами архитекторы в своем социально-культурном и профессиональном самосознании, встречаясь с представителями иных профессий, вдруг чувствуют, что нуждаются в символическом уточнении своего основного символа, своего мифа – Архитектуры. Так греки, встречаясь с варварами, вдруг осознали что они – другие, потому что варвары не знали не только их языка. Они не чувствовали присутствия в жизни ни Аполлона, ни Зевса, ни Посейдона.

Я не устаю повторять, что все мы «земляки», потому что выросли на Земле и, если бы встретились с инопланетянами, вдруг сразу увидели бы свое отличие от них. Возможно, как раз в способности понимать, что такое архитектура, это наше земное происхождение было бы всего очевиднее.

В последние годы все чаще попадают утопические сочинения, в которых предсказывается, что в будущем человек не только освоит космические просторы Вселенной, но и сам из органического тела превратится в тело виртуальное, информационное поле, некий спектр излучений.

Меня поражает то, что один из самых острых русских сатириков, драматург А. Сухово-Кобылин, создавший непреходящую в своей радикальности критику российской бюрократии театральную трилогию – «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина» – был еще автором одной из таких спиритуалистических утопий. Чем это объяснить? Сам Сухово-Кобылин много лет пытался освободиться от обвинений в убийстве любимой им женщины. Приходит в голову, что, не видя способов избавиться от жуткой коррумпированности петербургского чиновничества, Сухово-Кобылин вообразил, что все беды от физического материализма человеческого тела, и показал в своей фантастической утопии будущий, можно сказать футуристический (за несколько лет до футуристов, и в частности Хлебникова, который мог испытать влияние фантазии Сухово-Кобылина), мир, в котором тело уступило бы свое место каким-то электрическим импульсам.

Насколько мне симпатична драматургия Сухово-Кобылина, настолько же чужда его утопия. Как архитектор, я вижу глубокую органику архитектуры как раз в ее телесности, и телесность эллинской мифологии, унаследованная, кстати сказать, и христианством, кажется мне божественной. И Архитектура как миф, несущий смысловую полноту человеческого бытия (очень точно почувствованную и пережитую Хайдеггером), немислима без телесности и не может быть сведена ни к магнитным полям, ни к схематизмам рационального рассудка. Вот почему я все больше и больше вижу новое противостояние Архитектуре в современном

Дизайне, который как раз и от Земли дальше (он занимается мобильными артефактами), и к электронике ближе.

Исходя из того, что архитектура есть, прежде всего, миф, мы можем понять и оценить факт ее относительной невидимости, прозрачности и демоничности. Она, как и многие античные боги, часто присутствует в мире как бы незримо и часто маскируется, выступает под чужой внешностью. Но, говоря о будущем и о судьбе – которые точно так же неопределенны и расплывчаты, многообразны и противоречивы, мы вынуждены наводить на резкость всю эту мифологическую картину, так как она и есть перспектива, в ней точки схода, присутствующие не как сиюминутная данность, а как обозначения целей и надежд. Если человек есть единственное из живых существ, которое живет и дышит исключительно будущим, то его утопические образы и есть его хлеб, а строятся они не только из понятий и категорий, они строятся из мифологем, и архитектура есть одна из таких мифологем. Чем богаче и конкретнее она может быть представлена, тем богаче и реальнее сама жизнь.

И эта мифологема архитектуры теллуричная, то есть земная и телесная, хотя и духовная. Она – двойной природы и потому лежит на стыке того, что Кант разъединил, да так и не смог снова соединить. Архитектура есть единство духовного и телесного, имманентного и трансцендентного. И тот самый факт, из которого я ее вывожу, – ее земное происхождение не может заслонить собой то, что сама Земля только тело в космическом пространстве.

Жизнь только кажется независимой от всех этих понятийных структур, на самом деле лишите жизнь этих идеологических конструкций, мифологем и категорий – и она утратит или почти утратит всякий смысл, вернется в состояние обмена белковых тел.

Те, кто прагматически отмахиваются от всего этого, невольно убивают жизнь, наносят ей непоправимый урон, обесмысливают существование. В сиюминутности нет того, что делает жизнь жизнью. И в то же время наоборот: пребывание во власти одних лишь химер, теорий и схем, проектов и утопий точно так же убивает жизнь. Стало быть, человеческая жизнь есть равновесие и обоюдное присутствие этих схем и этой сиюминутности, и в этом соприсутствии и кроется понятие архитектуры, снимающее кажущееся многообразие ее трактовок. Живая жизнь, неотделимая от памяти, – это есть синхронность всех связей и смыслов. Архитектура эту синхронность и воплощает.

История всех этих представлений означает не только их смену, но и удержание в памяти. Вот в чем все дело. Надо не терять не только сами архитектурные памятники, но и смысловое богатство сознания, со всей его парадоксальностью и исторической противоречивостью. Когда все это многообразие выстроено по той или иной логике, в том числе и исторической, это есть культура, когда же оно всплывает в сознании как одновременность и единство того, что было, есть и будет, – это миф.

С точки зрения содержания миф и культура равномошны. Их различие в способе рефлексии. Культура мыслится исторически и логически упорядоченной. Она и противостоит человеку как унаследованная им данность, реальность и действительность окружающего его мира и как материал постоянного обновления, перестройки, усовершенствования. Миф же не предполагает ни новой упорядоченности, ни редукции целого к какой-то из его важнейших частей, например к мышлению или законам природы. Миф, как и язык, дан как Дом бытия, смыслы которого эквивалентны самому существованию.

В наше время культурного релятивизма огромная часть мифологических смыслов оказалась подверженной эрозии. Некоторые институты, такие, как семья, старость, смерть и прочие экзистенциалы, оказались релятивизированы и редуцированы к другим. Их поддерживают теперь с помощью рациональных мер, в частности – юридических. Семью укрепляют законами о финансовых льготах, наказаниях за злостную неуплату алиментов и пр. Но никакие организационные меры не смогут восстановить смысловую полноту мифа о семье, семейном очаге, поколениях детей

и отцов. Все это мифологемы, которые не могут быть восстановлены ни законодательством, ни финансами. Некогда законы следовали мифологии, теперь отношение перевернулось на 180 градусов.

К числу таких подвергшихся эрозии мифологем относятся и архитектурные мифы, смыслы самой архитектуры. Современная печать, пишущая об архитектуре, производит впечатление сведений об обратной стороне Луны, то есть о чем-то, чего люди толком не видели, где не жили. Архитектура редуцировалась к показателям, стоимостям, символам моды и престижа. Но она никак не сводится к этим частностям. Восстановление смысловой полноты архитектуры не по плечу науке, хотя наука, особенно археология и история, могут восстановить какие-то забытые смыслы. Восстановление смысловой полноты мифа – дело не специальных отраслей знания, а повседневности в ее собственном раскрытии через речь и мысль.

При этом важно подчеркнуть, что речь идет не об утрате мифологичности бытия как такового: мифологизм не истребим и не может исчезнуть. Но только об утрате важных смысловых пластов жизни человека. Одним из таких размываемых пластов и является архитектура.

Могут спросить: не есть ли это необратимый исторический процесс?

Ответ на это вопрос не может быть предметом научного доказательства. Сама по себе ситуация необратимости – есть мифологема. Можно верить в нее, можно не верить. Можно исходить из того, что некоторые культурные процессы совершают движение в обе стороны и вслед за размыванием каких-то смысловых пластов неизбежно начинается их восстановление. Я придерживаюсь как раз такой колебательной, маятниковой мифологии приливов и отливов. И возвращение к архитектуре связываю с грядущей эпохой возвращения к Земле, ослабления центробежных космических интуиций XX века.

История архитектурной мысли в ее максимальном масштабе может быть разбита на ряд принципиальных этапов.

1. Доязыковый и доисторический, когда мы не имеем ни языка, ни архитектуры, но имеем самый продолжительный в истории человека период формирования каких-то жизненно важных инстинктов и стереотипов, которые впоследствии закрываются языковой рефлексией, уходят в подсознание.

2. Языковый этап, который включает в себя все исторические периоды. Мы можем опустить спорный вопрос о первичности акустического или графического языка, равно как и сложный вопрос о роли жеста, и предположить, что язык начинается со своих акустических форм.

3. Письменный этап, в котором язык фиксируется не только памятью, но и текстами и изображениями.

4. Рациональный этап, который начинается с Витрувия и его комментариев. Этот этап начинается в Новое время и продолжается 1750 лет, но на самом деле он действовал только последние 250 лет, то есть примерно с 1500 до 1750 года. Сам он может быть разделен на четыре периода:

– собственно античность, когда трактат был написан, хотя и мало востребован (1-500 гг.);

– средневековый, в котором он чудом уцелел, видимо в силу уважения монахов к латинским манускриптам (500-1500 гг.);

– ренессансный, когда он был извлечен на свет и вдруг сделался чем-то вроде новой Библии для просвещенных архитекторов (1500-1600 гг.);

– академический, в котором он стал канонизированным образцом для подражания, предметом толкования и комментариев и структурной парадигмой для всех категориальных поворотов архитектурной мысли (1600-1750 гг.).

5. Научно-технический и утопический этап (1750-1900 гг.). В это время рациональный комментарий переходит в совокупность независимых исследований. На этом этапе академическая традиция, сохраняясь в системе образо-

вания, утрачивает свой идеологический статус и уступает место позитивной науке, разделенной на три различных, хотя и тесно связанных русла:

– историко-археологического исследования архитектурных памятников и их форм,

– конструктивно-технического и функционального анализа архитектуры,

– утопических программ возрождения архитектуры как орудия социальной трансформации.

6. Модернистский миф (1900-1950 гг.).

На этом этапе утраченный к 1750 году миф классической архитектуры возрождается в мифологии нового «большого» стиля современности как геометрического функционализма. Теоретическое осмысление этого этапа идет по двум руслам:

– профессиональному, когда теоретическая рефлексия рождается в творчестве лидеров архитектурного проектирования (О. Перре, О. Вагнер, Ле Корбюзье, В. Гропиус, Б. Таут, Ф.-Л. Райт, братья Веснины, М. Гинзбург и др.);

– историко-философскому, отчасти продолжающему исследовательские начинания предыдущего этапа, отчасти же подчиняющему их новой мифологии зодчества, в котором теоретическое основы архитектуры строятся историками, психологами, философами – и образуют в целом скелет так называемой «формальной школы», теории архитектурного пространства, теории языка архитектуры, концепции архитектурной среды и методологии проектирования.

Модернистский миф создал в XX веке редкую по прочности и когерентности систему аналитических и синтетических интенций и обещал стать действительно новой эрой архитектуры и культуры. Но эти ожидания не сбылись.

7. Постмодернистский этап (1950-2000 гг.).

На этом этапе сам модернистский миф постепенно рассасывается, осознается как техницистская и социальная утопия. Его реформистские замыслы в области градостроительства сталкиваются с непреодолимыми социально-экономическими препятствиями. Опыт социалистических стран отходит от техницистского мифа в сторону академизма и классики. Зато линия обогащения архитектурного мышления научными знаниями и методами продолжает усиливаться. В обиход архитектурной мысли входят новые идеи из лингвистики, структурной антропологии, психологии и протематики, математики и физики, компьютерной науки и системного анализа. Парадокс состоит в том, что обогащение архитектурной мысли этими научными и философскими знаниями окончательно разрушает модернистский миф.

Природа этого процесса до сих пор остается мало исследованной. На смену более или менее однородному модернистскому мифу приходит туманный постмодернистский миф, в котором множество разнообразных векторов и направлений не разрушает его благодаря тому, что в нем совершается отказ от рационального единства классики и модернизма и утверждается первичность хаоса и динамических турбулентных процессов.

В постмодернистской архитектурной мысли так и не вырабатывается собственной архитектурно-теоретической базы, но зато ясно различимы три важнейших момента и способности:

а) способность архитектурной мысли впитывать в себя любые экзотические внешние системы мысли и идеологии;

б) способность приспосабливать свое композиционное и формальное творчество к прагматическим обстоятельствам;

в) способность мимикрировать самую архитектуру под доминирующие тенденции дизайнера, строительной технологии, философии или науки (рекламный стиль Вентури, Гери, деконструкционистские опыты Эйзенманна, Либескинда, «бигнес» мультинациональных корпораций Колхааса, Фостера и пр.).

Анализ теоретической мысли этого этапа оказывается, с одной стороны, крайне сложным, так как он впитывает все течения научной и философской мысли, все они воплощены в архитектурной теории и критике, и одновременно простым, так как все они далеки от создания собственной автономной архитектурной доктрины, теории архитектуры как таковой. Что и делает проблему автономии и суверенитета архитектурной мысли к концу XX века необычайно актуальной.

8. Новый этап (2000... гг.), на котором на горизонте теоретического хаоса начинает формироваться возможность новой интеграции и нового мифа.

Эта новая интеграция и новый миф могут сложиться уже не как синтез или энциклопедическое объединение всей энциклопедии современной науки, а как появление новых фундаментальных проблем культуры и жизни планетарного масштаба. Это, прежде всего, контекст так называемой глокализации, то есть соотношения и взаимодействия глобальных и локальных инициатив, при стремительном распространении новых коммуникационных систем в виде сетевых структур Интернета.

Глобальные проблемы планетарного масштаба возникли еще в начале 1960-х годов в идеологии Римского клуба и никуда не исчезли, но на время были как бы заслонены космическим и коммуникативным энтузиазмом. С тех пор космический энтузиазм начал спадать, а коммуникативные системы стали уже частью реальности (виртуальной) и в качестве таковой временно выпали из сферы собственно философского и теоретического внимания.

Я очень грубо и схематично перечислил эти обстоятельства современного этапа, которые нуждаются в более тщательном анализе, только для того чтобы подчеркнуть основную мысль. Соорганизация и сосуществование инициатив, в этих проблемных ситуациях и конфликтах, сегодня невозможны ни на базе научного, ни на базе технического объединения. Я полагаю, что реальный путь (если исключить трагическую наркотизацию и, как следствие, постепенное вымирание человечества) состоит в обнаружении в недрах планетарно-

го сознания новой мифологии. Я вижу перспективы такой мифологии в двух позициях:

а) культ планеты Земля как родины человечества (все люди – земляки), в частности обязывающего заботиться о ее экологической целостности и богатстве (как в природном, так и в культурно-символическом смысле);

б) необходимость нового уровня в отношениях мировых религий, утверждающего возможность любви вопреки религиозным различиям.

Важность именно мифологического горизонта здесь я вижу в том, что синтез и примирение разнообразных направлений мысли должны были бы осуществиться на более низком уровне, чем уровень вербально рефлексированных идеологий. И в этом отношении я вижу в архитектуре, как одной из сфер деятельности, укорененной в довербальных горизонтах сознания, фундамент для создания такой мифологии.

Архитектура на всем протяжении человеческой истории была одной из основных структур религиозно-идеологического становления человека. Она не просто служила религии и идеологии, но была тем резервуаром смыслов, которыми пользовались все мировые религии и идеологии. Быть может, сейчас наступит новый этап в судьбе архитектуры, и вместо очевидного рассеяния ее инициатив ей придется актуализировать свои ресурсы для создания планетарного единства человечества.

Разумеется, я не хуже других вижу утопический стиль такой надежды. Но это меня не пугает, так как утопия как раз и принадлежит той форме проектного мышления, которая в архитектуре была и остается формой связи вербального и довербального сознания.

Концепция размещения произведений монументально-декоративного искусства и монументально-декоративной живописи на территории г. Иркутска

текст
Марина Ткачева

Автор композиции
Народный художник России
Член-корреспондент
Российской академии
художеств В.Г. Смагин

Монументально-декоративная композиция, представляющая собой объемно-пространственный памятный знак, символизирует единство науки и искусства. Такое единство является основой не только научно-технического прогресса, оно рассматривается как условие развития цивилизации в целом. В основе композиционного решения лежат рисунки гениального художника, великого ученого Леонардо да Винчи. Памятный знак по замыслу автора является не только монументально-декоративным произведением в конкретной архитектурной среде, но и раскрывает основные цели и задачи Иркутского государственного технического университета.

В сентябре 2007 года был заключён муниципальный контракт на создание концепции монументально-декоративного оформления Иркутска. Потребность в создании единого монументально-декоративного пространства стала очевидной после бурных дискуссий 2004 года, разгоревшихся в связи с установкой памятника Колчаку. Тогда не только место скульптуры, но и само её существование было поставлено под вопрос. Была создана инициативная группа; в нее вошли главный дизайнер Иркутска, архитектор А.П. Картопольцев, народный художник России, академик, профессор В.Г. Смагин, директор Музея декабристов Е.А. Ячменев. Именно Е. Ячменеву принадлежит заслуга подробного описания и инвентаризации всех городских памятников, которая была проведена в 2005 году. В списке оказалось около 70 объектов, что сильно удивило участников работы: им (да и не только им!) казалось, что памятников в городе мало. В 2007-2008 годах творческой группой художников, архитекторов и дизайнеров был составлен список исторических событий и известных людей, которые «достойны увековечивания», подобраны градостроительные площадки для их установления. В декабре 2007 года разосланы письма в городские общественные организации с просьбой высказать своё мнение. Ответов пришло мало. Но в начале 2008 года Городской думой была принята «Концепция размещения произведений монументально-декоративного искусства и монументально-декоративной живописи на территории г. Иркутска». Она предполагает отведение определенных мест для размещения будущих объектов и их характеристики. Создатели документа особо подчеркивают значение связи

будущих объектов с архитектурной средой: их должна характеризовать единая стилистика с архитектурой, «решенная согласованность функции архитектурного объекта и изображения». В документе точно определены основные понятия, на которых строится концепция (монументально-декоративное искусство, памятник, монумент, архитектурный памятник, памятный знак и т.д.), подчеркивается, что ее реализация призвана формировать неповторимый образ конкретного города. А. Картопольцев подчеркнул, что в документе не определяется конкретный вид, стиль, жанр памятника, но устанавливается общее видение, контекст его существования и окружение.

В концепции нашли отражение исторические события, объекты и известные люди. Места установления объектов, по возможности, определены непосредственно вблизи исторических «точек» городского пространства. Безусловно, это будет способствовать «освежению» городской памяти и хотя бы частично вернет центральной части города ее исторический облик. По всей видимости, эта категория памятников не будет вызывать особых протестов и дискуссий, ибо статус Иркутска и его предстоящий юбилей настраивают на торжественный лад. Так, мэрия намерена установить (или обновить) композиции на 22 «местах размещения» к предстоящему 350-летию города. Из них 10 – это въездные знаки в административные округа, четыре – на въезде в город. Заказаны памятники декабристам и первопроходцам.

В марте мэр заявил, что нужно увековечить как можно больше «выдающихся современников», судьбы которых так или иначе связаны с Иркутском. В этот список вошли режиссер Н. Охлопков, конструктор М. Янгель, кинорежиссер Л. Гайдай, историк Н. Романов, танцовщик Р. Нуриев (родившийся в поезде вблизи Иркутска). Очевидно, споры и дискуссии может вызвать не список, а способы воплощения темы. Создатели концепции предлагают открытый конкурс как форму осуществления проектов.

Наибольший интерес и наибольшую свободу в формах воплощения представляют скульптуры и знаки, не связанные непосредственно с выдающимися историческими деятелями и знаменитыми современниками («Легенда о Байкале и Ангаре», «Омуть с душком», «Клоуны», «Памятник влюбленным»). Такие объекты смогут более успешно выполнять функцию организации пространства и интересной разнообразной рекреативной деятельности в нем. Представляется, что уже сейчас есть прецеденты такого пространства: на перилах видовой площадки Нижней набережной гроздьями висят

замки с выгравированными именами. Секрета никакого: на это место приезжают новобрачные после регистрации или венчания и оставляют «клятву верности» на чугунной ограде. Чем не памятник влюбленным?

По рисункам Леонардо да Винчи В. Смагин спроектировал «Полёт» («Крылья»), символизирующий единство науки и искусства. Он задуман не просто как символ ИрГУТУ – место развития высоких технологий; скульптура сама должна быть очень сложной, высокотехнологичной. Может, она будет кинематическая, может, будет двигаться, может, будет издавать звуки... Впечатляющие примеры создания таких объектов были продемонстрированы на Олимпиаде в Пекине. Это было бы инновационным прорывом в городском мемориально-декоративном оформлении.

Предложен проект сквера Л. Гайдая, где будут расположены атрибуты кино (экран, киноаппарат в руках оператора) и герои любимых комедий. Вместе с тем привлекательно то, что сами скульптуры – только часть проекта; разработаны и формы скамеек, и урны, и озеленение, и небольшие средовые объекты, предполагающие «открытость» сквера для рекреации.

Интересно и предложение об установлении первого в мире памятника Р. Нуриеву, революционеру балета XX века и выдающемуся танцовщику.

Появится ли у нас нечто подобное Чехову, увиденному глазами пьяного водопроводчика, младенцу в капусте (как в Томске), студентке и первому светофору (как в Новосибирске), – будет зависеть не только от фантазии скульпторов, дизайнеров и архитекторов, но и от художественной интуиции властей и готовности спонсоров помочь городу.

Разработка такой концепции в Иркутске – значительное событие в проектировочной дизайнерской и архитектурной деятельности. Ее создатели в качестве примера имели только прецеденты столичных городов. В региональных российских центрах подобные инициативы еще не получили воплощения. Наличие концепции, безусловно, придает Иркутску характер «столичности». Важно только, чтобы ее реализация способствовала созданию имиджа Иркутска как «города для людей», увеличивала пространство безопасной и интересной публичной жизни горожан. Конструктивным будет и максимально большое число людей, заинтересованных в проектировании и обсуждении проектов такой важной сферы облагораживания городской среды, как ее монументально-декоративное оформление.

Дипломный проект
«Бульвар Гайдая.
Дизайн архитектурной
среды». Студентка
Анастасия Хайрутдинова.
Руководители: Игорь Козак,
Елена Григорьева

Новые музеи как локомотивы реконструкции исторических кварталов

текст
Андрей Ляпин

Фото
Александр Колесников

В разнообразной панораме архитектурной практики европейских стран на протяжении последних двадцати лет по-особому выделяются проекты создания и реконструкции музеев.

Музеи в этот период строились самые разные – художественные, исторические, природные, технические, транспортные, детские, и большая часть из них становилась ярким событием для архитектуры и культуры того города, где музей создавался. В 80-е годы XX века при строительстве музеев сформировалась новая тенденция, которая отличает организацию и архитектуру музеев этого периода от предшествующих музейных зданий 1960–70-х годов. Если в предшествующий период здание музея архитекторы понимали и стремились формировать как отдельный, обособленный от окружающей застройки объём, то в 80-е годы музеи создаются как часть окружающей, часто исторической застройки.

Целью этой статьи является анализ практики строительства музеев лишь с одной стороны – новый музей как ведущий элемент реконструкции и обновления исторических кварталов в городах. Оставив в стороне все другие важные аспекты архитектуры музеев – характер коллекций, трактовку экспозиционных пространств, проблему фондохранилищ и поиски дизайнеров в интерьерах, мы рассмотрим только те случаи, когда вновь создаваемый музей принципиально меняет в лучшую сторону целый городской квартал или район, или даже весь город.

Первые масштабные проекты такого рода появились в Англии в 1980-х. В 1981 году правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер учреждает две новые градостроительные корпорации по реконструкции бывших портовых территорий в крупных английских городах – в Лондоне и Ливерпуле. Корпорация по развитию лондонского района Доклендс должна заняться реконструкцией района заброшенных портовых территорий на Темзе, а корпорация по развитию района Мерсисайд должна вдохнуть новую жизнь в территорию неработающих доков и вокруг них, в Ливерпуле.

К этому времени архитекторы, планировщики, инвесторы и городские власти уже пришли к выводу о том, что в исторических районах невозможно вести дальнейшую застройку, опираясь на простую функциональную схему микрорайонов, однако новой методики развития исторических кварталов еще выработано не было.

Учрежденные корпорации начали решение практических проблем нового строительства, сохранения исторических памятников и развития экономики в отведенных им районах, по ходу создавая, конструируя и открывая приемы и методы подходящей для исторических кварталов городской планировки.

Краеугольным камнем в фундаменте их деятельности стал метод создания в своих районах «зон развития предпринимательства». Разместив свой бизнес в квартале, отведенном под зону предпринимательства, фирма автоматически получала льготы различного характера, и с её деятельности снимался ряд ограничений по развитию бизнеса.

Однако на практике было совсем не просто убедить предпринимателей размещать свои офисы в деградированном районе, в кварталах со сложившейся негативной репутацией, где почти не было обустроенных общественных пространств и слабы транспортные коммуникации. Предприниматели были осторожны: на новом месте они боялись больше потерять, чем приобрести.

В качестве связующего звена между старыми кварталами и новой желаемой экономикой были взяты объекты культуры и исторические памятники. Или их сочетание. Ну а среди создаваемых объектов культуры первыми стали музеи. Важно было, что вновь организованные музеи привлекали людей и создавали у них новый – «положительный» – образ места.

Первым завершенным музеем в соответствии с такой задачей стала художественная галерея «Тэйт Ливерпуль»

на территории бывших доков в портовом квартале Альберт Док в Ливерпуле. Конверсия складов на территории доков в галерею современного искусства была произведена по проекту архитекторов Джеймса Стёрлинга и Майкла Уилфорда. Галерея была открыта в 1988 году и сразу стала одной из самых знаменитых достопримечательностей Ливерпуля.

Те идеи архитектурной формы и выставочных пространств, которые предложил Стёрлинг, были одновременно и новыми, и современными, и словно бы давно ожидаемыми публикой. Стёрлинг не построил галерею с чистого листа, а вписал новую жизнь в старые склады – крупные здания викторианского времени, наполненные историей и вызывающие в памяти людей многие славные достижения Англии XIX века – географические, торговые, культурные, военные. Все были восхищены архитектурным, функциональным и планировочным решением новой художественной галереи. Архитектурные журналы всего мира давали развернутый анализ и комментарии проекта, художники и музейные работники отмечали качество и удобство экспозиции, туристические фирмы были довольны существенным увеличением притока людей в реконструируемый район. На волне перестройки слава этого проекта достигла даже советской России. Через небольшие, но запоминающиеся рецензии с маленькими черно-белыми фотографиями в журнале «Архитектура СССР» и в газете «Архитектура» советские архитекторы познакомились с проектом Стёрлинга.

В 1989 году лондонская корпорация по развитию района Доклендс представляет свой вариант музея в историческом квартале. Недалеко от знаменитого моста Тауэр, на Батлеровской пристани, открывается Музей дизайна. Новый музей, так же как в Ливерпуле, был размещен в перестроенном здании склада. Однако здесь перестройка здания была намного более радикальной, и фасады музея получили явно модернистскую трактовку.

Всеми проектными работами в самом Музее дизайна и в прилегающих к нему кварталах руководил один из самых знаменитых дизайнеров Англии 70–80-х годов – сэр Теренс Конран. Он стремился создать новый район с развитыми общественными и культурными функциями при сохранении исторического облика набережной Темзы.

Вместе с планировщиками корпорации по развитию района Доклендс, вместе с политиками и присоединившимися немногочисленными частными инвесторами Теренс Конран делал нечто необычное для господствовавших тогда градостроительных теорий – он вновь объединял в одном районе и работу, и культуру, и жильё. Отвечая на критику со стороны планировщиков-функционалистов, он отмечал: «...идея смешения функций вовсе не является современным феноменом, как считают архитекторы и планировщики, на самом деле она лишь следует образцу любого европейского города».¹

Время подтвердило правоту принятого корпорациями по развитию районов подхода – сегодня реконструированные в Лондоне и Ливерпуле районы демонстрируют устойчивое экономическое развитие и преобразовались в кластеры музеев, ресторанов, магазинов, офисов и жилья. Музейные здания по-прежнему остаются для обеих корпораций надежным началом при дальнейшей реконструкции других заброшенных кварталов. К настоящему времени ливерпульский район Мерсисайд пополнился Музеем истории «Битлз», Морским музеем Мерсисайда, Музеем жизни Ливерпуля и Национальным таможенным музеем.

Лондонский Доклендс стал местом для реализации самого успешного культурного проекта мирового масштаба последних лет – галереи современного искусства «Тэйт Модерн». Открытую в мае 2000 года галерею уже в первый год посетили 5,2 миллиона человек. Сегодня «Тэйт Модерн» продолжает

1. Коккинаки И. Музей дизайна в Лондоне // Дизайн на Западе. М., 1992. С. 18.

оставаться самым посещаемым художественным музеем. Ежегодно она принимает более 4 миллионов посетителей.

«Тэйт Модерн» также не является новым зданием: галерея на берегу Темзы сделана на основе бывшей электростанции. Проект реконструкции крупного промышленного здания был доверен известным швейцарским архитекторам Жаку Герцугу и Пьеру де Мерону. Реновация старой электростанции в «новое пространство для нового искусства» привела к развитию целого кластера креативных предприятий меньшего размера, в том числе – к воссозданию шекспировского театра «Глобус». Бывшая мёртвая зона Лондона превратилась в экономически преуспевающий район.

В ходе реализации проекта галереи «Тэйт Модерн» очень выразительно проявилась одна важная особенность, характерная для современного подхода к успешной реконструкции исторической застройки. Специалисты по городской планировке сегодня едины в том, что при реконструкции исторических кварталов и возрождении экономического развития важно не только строительство новых объектов, но и обустройство общественных пространств. Каждый новый строительный или инвестиционный проект сопровождается расчетами рекреационных территорий, транспорта и пешеходных связей.

Когда стало ясно, что галерея «Тэйт Модерн» станет новой туристической достопримечательностью Лондона, была радикально улучшена система пешеходных связей не только в ближайших кварталах, но и далеко вокруг. Был построен новый пешеходный мост через Темзу, соединивший галерею с площадью перед собором Святого Павла и всем историческим центром Лондона. Автором проекта пешеходного моста Тысячелетия (открыт на рубеже тысячелетий) стал еще один выдающийся мастер современной архитектуры – Норман Фостер.

В середине 1980-х годов в США городские планировщики также пришли к выводу, что крупный музей регионального значения может стать хорошим началом для реконструкции не только района, но и всего города. В это время сообщество предпринимателей и общественных организаций небольшого южного города Чаттануга в штате Теннесси решило

возродить свой город, который находился в глубоком экономическом и экологическом кризисе. Бывший центр металлургической и лесоперерабатывающей промышленности, крупный железнодорожный узел после закрытия сталелитейных заводов и драматического сокращения железнодорожных перевозок находился в состоянии экономической депрессии и социального упадка.

Шансов на то, что металлургия когда-то вновь возродится, не было. Активное городское сообщество, прежде всего предприниматели, владеющие недвижимостью, стали искать новую экономическую базу существования города. Была сделана ставка на туризм и размещение высокотехнологических предприятий. В 1984 году была разработана и принята «Рабочая книга возможностей и обязательств», – по существу, стратегическая модель нового развития города. Первая стадия этой модели предусматривала развитие туризма, вторая стадия была ориентирована на привлечение высоких технологий. Вскоре определили проект-лидер, который принципиально изменил роль и образ города в регионе, стал ядром по возрождению экономики города.

Был разработан и реализован план строительства в городе крупного туристического и культурного объекта. Таким объектом стал Музей природы реки Теннесси – Аквариум Теннесси, самый большой пресноводный аквариум в США, который быстро стал привлекательнейшим туристическим объектом в городе и обеспечил Чаттануге национальную известность как городу, в котором находится самая большая коллекция пресноводных животных и растений.

В мае 1992 года Аквариум Теннесси был открыт, а уже к концу года принял один миллион посетителей – очень значительное число туристов для города с населением в 150 тысяч жителей. Вслед за появлением большого числа туристов в центре города началось возрождение ресторанов, кафе, сувенирных лавок в даунтауне – исторической части Чаттануги.

Через год, в 1993-м, в городе открылся первый новый отель – «Риверсайд Апартаментс» – «Отель на речной стороне». В течение 1990-х годов в Чаттануге строятся новые отели,

Новый музей Гугенхейма в Бильбао открыл новую страницу в архитектуре музеев и принципиально изменил положение этого североиспанского города в культурном и туристическом ландшафте Европы

открываются рестораны, принципиально обновляется система общественного транспорта. Сегодня экономика города продолжает набирать обороты – построено более десятка новых отелей, Конгрессный центр, новые жилые комплексы и футбольный стадион, реконструирован кампус университета. Город вновь стал местом размещения страховых компаний, банков и торговых предприятий. В 2003 году в Чаттануге открылось сразу несколько новых проектных организаций. Однако Музей-аквариум Теннесси продолжает оставаться визитной карточкой города. Развитие продолжается. Сейчас от площади перед музеем начинается и тянется на несколько километров вдоль реки речной парк Теннесси – территория рекультивированной земли, возвращенной природе, а вдоль нее размещаются новые предприятия и бизнес-парки.

Архитектура Аквариума Теннесси принципиально отличается от английских музеев. Это красное модернистское здание сразу изменило облик набережной и стало доминантой всего исторического центра города. Хорошо проработанное благоустройство и превосходный ландшафтный дизайн прилегающих площадей подчеркивают современный и общественный характер здания, а также связывают его силуэт с большим участком долины реки Теннесси.

Середина 90-х годов в Европе ознаменовалась новым громким музейным проектом. Художественный музей Гугенхейма в испанском городе Бильбао стал мировой архитектурной сенсацией, статьи о нем несколько лет не сходили со страниц архитектурных и художественных журналов. Знаменитый американский архитектор Фрэнк Гэри, выигравший конкурс на проект музея, создал необычную и запоминающуюся архитектурную форму.

За дискуссиями по поводу архитектурных достижений Фрэнка Гэри в российской профессиональной печати оказался в стороне другой аспект этого проекта – организационно-градостроительный. Новый смелый проект музея, выдающаяся коллекция произведений искусства, собранная Гугенхеймом, привлекли в город туристов, что было задачей городских властей Бильбао.

Возле нового музея появился пешеходный мост через реку, началась реконструкция старых домов и возрождение предприятий по обслуживанию туристов – ресторанов, магазинов, гостиниц.

Для понимания того, почему успешно действует эта цепочка: новый музей – подорожание недвижимости возле музея – экономическое возрождение – реставрация исторических зданий – надо обязательно принять во внимание подготовительную работу и расчеты планировщиков и экономистов. Прежде чем Фрэнк Гэри начал самые первые эскизы и проработки, целый коллектив планировщиков выполнил анализ ситуации, сделал прогнозы и подготовил программу будущего музея, так же как программу обновления ближайших кварталов. Эти люди остались без внимания прессы, но без них новый музей в Бильбао не мог появиться.

Метод размещения новых музеев в исторических кварталах, которые необходимо и сохранить и обновить начинает использоваться все шире. В конце 1990-х два очень крупных проекта начались одновременно в Германии и Австрии.

В 1998 году в австрийской столице началась реализация проекта «Квартал музеев». Огромный исторический архитектурный комплекс Императорских конюшен XVIII века в центре Вены преобразовали в целый комплекс самых разнообразных музеев. В архитектурном конкурсе на проект квартала приняли участие 88 проектных фирм. Австрийские архитекторы одержали верх в родных стенах, и проект Музейного квартала был доверен фирме «Ортнер и Ортнер» из Вены.

Главные музеи квартала – Музей современного искусства и Музей Леопольда – открылись в 2001 году. Для них были спроектированы современные пятиэтажные здания. Всего квартал вместил шесть музеев, включая Архитектурный центр, и сорок организаций культуры. Сегодня ежегодно музеи квартала посещают более полутра миллиона человек. Разумеется, у Музейного квартала есть свое коммерческое сопровождение – квартал 21, место, передаваемое в аренду бизнесу и предприятиям обслуживания. Обе части

Музейного квартала управляются единой дирекцией, которая тщательно отслеживает экономическую и культурную ситуацию и управляет с помощью арендных договоров, перезаключаемых через два года.

Проект в Германии необычен и по масштабу, и по форме. Бывшая промышленная зона Цолльферайн в центре Рура, в городе Эссен, включающая заброшенные угольные шахты, заводские цеха и электростанции, промышленную железную дорогу, была сохранена как памятник индустриальной эпохи. Решение о сохранении этого промышленного комплекса было принято в 1986 году. Десять лет ушло на то, чтобы понять, как можно использовать эти громадные, несоразмерные человеку сооружения. Шаг за шагом была сформирована программа будущего памятника эпохи индустриализации – комплекс музеев, массовых аттракционов, познавательный туризм, серийные общественные мероприятия, такие, как выставки, концерты, фестивали и киносеансы на открытом воздухе. Что нового внесли немецкие планировщики в программу подобного музейного комплекса? Они переориентировали бывшую промзону на производство дизайнерских решений и венчурных предприятий. С северо-востока к комплексу примыкает бизнес-парк, а с юго-запада «Городок дизайнеров», внутри самого комплекса разместилась новая Школа менеджмента и дизайна Цолльферайн. Имя Цолльферайн получила не только школа, была учреждена новая торговая марка «Цолльферайн», которую на льготных основаниях могут использовать те, кто разместится в «Городке дизайнеров». Это не столько музейный комплекс, сколько предприятие по освоению мировых рынков производства.

Первыми в эксплуатацию в 1997 году были введены Центр дизайна земли Северный Рейн-Вестфалия и Музей дизайна, в старых зданиях шахты № 12. Проект реконструкции выполнил Норман Фостер. В 2001 году вступил в строй комплекс массовых аттракционов на месте железнодорожных путей: по проекту Дирка Пашке создали плавательный бассейн, каток, колесо обозрения и платформу для киносеансов на открытом воздухе. В 2006-м завершено строительство Школы менеджмента и дизайна по проекту японского архитектора Кадзуо Седзима. Наконец, в 2007-м по проекту Рема Колхааса был реконструирован углепромысловый цех, где разместился Посетительский центр и Музей Рура.

Довершением такой масштабной программы популяризации германской индустриальной истории стало признание промышленного комплекса «Цолльферайн» памятником культуры мирового значения и внесение комплекса в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Первая попытка использовать новый музей для того, чтобы принципиально обновить исторические кварталы, сегодня предпринята и в России. Городские власти Перми и Центр современной архитектуры (Москва) начали разработку проекта обновления деградированных исторических кварталов города на берегу реки Камы. Локомотивом для реконструкции исторической застройки должен стать новый Художественный музей Перми. Взяв за основу уникальную коллекцию народной деревянной скульптуры, собранную энтузиастами в Пермском крае, городские власти сразу начали продумывать этот проект комплексно, относясь к идее строительства Художественного музея как к инвестиционному проекту, способному изменить и улучшить ситуацию в городе в целом. Важно, что все необходимые расчеты и обоснования были выполнены, важно, что архитектурный конкурс на проект Художественного музея был международным, ориентированным на стандарты Международного союза архитекторов и привлек таких звезд, как Заха Хадид. Сейчас итоги конкурса подведены. Победитель конкурса московский архитектор с итальянской фамилией Бернасconi должен готовить рабочий проект.

В завершение необходимо сказать о литературе и источниках. Аналитических статей на эту тему на русском языке очень мало. И потому хочется выразить благодарность редакторам журнала «Проект Интернешенел», в котором помещены материалы по обновлению берегов Темзы в Лондоне (статья Барта Голдхоорна и Хана Мейера) и статьи по конверсии промышленного комплекса «Цолльферайн».

Литература

1. Броницкая А., Ситар С. Конверсия Цолльферайн // Проект Интернешенел. 2007. № 15.
2. Голдхоорн Б. Лондон и Темза // Проект Интернешенел. 2004. № 6.
3. Зусес Н. Бернасconi против Олджиати // 4 гоот. 2008. № 4.
4. Коккинаки И. Музей дизайна в Лондоне // Дизайн на Западе. М., 1992.
5. Лебедев А. Киберпространство вместо конюшен // Вокруг света. 2003. № 1.
6. Ляпин А. Чаттануга модель развития города // Моделирование географических систем. Иркутск. 2004.
7. Мейер Х. Лондонский Доклендс: Между частным жильем и планом регионального развития // Проект Интернешенел. 2004. № 6.

Чем живы музеи мира?¹

Центр Жоржа Помпиду, Париж
Одной продажей билетов Центр Помпиду зарабатывает 24 млн евро в год: он пользуется бешеной популярностью у туристов и парижан, и посетителей у него в 2 раза больше, чем у Эйфелевой башни, – 8 млн в год. В Помпиду можно потратить изрядное количество времени и денег: помимо собственно Национального музея современного искусства здесь есть публичная библиотека, Исследовательский институт акустики и музыки, кружки для детей и современный кинозал. Государство серьезно поддержало Помпиду в год открытия: Центр получил седьмую часть бюджета страны, выделяемого на культуру. Сейчас госдотации сократились до 3,3%, что составляет 100 млн евро в год (почти во столько же обходится Парижская опера). Билеты на выставки стоят 10 евро, на киносеансы, концерты и разного рода пати – 10-14 евро.

Прадо, Мадрид
Испанский музей Прадо не относится к числу богатых музеев – даже несмотря на то, что государство выделяет значительные дотации: с 2002 года финансирование музея увеличилось с 10 до 30 млн долларов в год. Также посильный вклад вносит общество друзей музея, существующее с 1980 года. К счастью, друзья Прадо нередко дарят ему картины, причем уровня Франсиско Гойи и Бартоломе Мурильо. Спонсором музея выступает известный испанский фонд Telefonisa. Цены на билеты значительно ниже, чем в центральные европейские музеи: 3 евро – для льготников, 6 евро – для остальных. Цена билетов на выставки определяется директором музея.

Лувр, Париж
Один из крупнейших и самых посещаемых музеев мира (в 2006 году был поставлен рекорд – 8,3 млн посетителей в год). Лувр активно зарабатывает не только на билетах (9-10 евро), но и на своем имени. В этом году за 400 млн евро музей продал Объединенным Арабским Эмиратам право открыть филиал Лувра в Абу-Даби, который планируется построить к 2012 году. В экспозицию нового музея войдут произведения искусства из Лувра, Центра Помпиду, музея Орсе и Версаля. Огромную часть доходов Лувр получает за проведение в своих залах различных светских мероприятий: приемов, гала-концертов, церемоний награждения, коктейлей и обедов. В зависимости от зала – от 10 000 до 50 000 евро в день. Кое-что музей зарабатывает и за предоставление залов для съемок – именно в Лувре снимался «Код да Винчи».

Музей Соломона Гуггенхайма, Нью-Йорк
Музей осуществляет свою экспансию по всему миру – в Венеции, Берлине, Бильбао, Лас-Вегасе. За организацию музея в Бильбао Фонд Гуггенхайма получил от правительства Испании 20 млн долларов. Просветительские выставки чередуются с коммерческими – вроде выставки мотоциклов или коллекции Джорджо Армани, который, по слухам, внес посильный вклад в размере 15 млн долларов. При Гуггенхайме работает популярный и недорогой магазинчик. Основные расходы оплачиваются спонсорами, причем действует сложная иерархическая система: членство – от \$2 500 (корпоративный друг) до \$500 000 (член попечительского совета). В различные попечительские советы музея входят и русские – Владимир Потанин, Жанна Буллок, Леонид Лебедев и Стелла Кей. Глава Гуггенхайма Томас Кренс – символ предприимчивости и/или беспринципности современного музейщика.

Музей Соломона Гуггенхайма, Бильбао
Филиал Музея Гуггенхайма в Бильбао был открыт для публики в 1997 году. Уже за первый год работы музей посетили 1 300 000 человек. Сейчас его в среднем посещает по

миллиону в год. По подсчетам исследователей, музей зарабатывает в год около 30 млн евро – за счет билетов, спонсорских вливаний и т.д. Гуггенхайм в Бильбао всего на 25% финансируется из госбюджета (обычно Испания покрывает до 90% стоимости содержания музеев). Согласно докладу Гуггенхайма 85 млн евро, которые дали баски на строительство, окупились в течение 3 лет. Впрочем, с этими цифрами далеко не все согласны: по данным одного из последних исследований, сумма сильно занижена, и если посчитать ее честно, окажется, что музей обошелся Стране басков в 166 млн евро – и окупится не раньше 2010 года.

Орсе, Париж
Музей, обладающий лучшей коллекцией импрессионистов, зарабатывает прежде всего продажей билетов – благодаря рекордной посещаемости и огромной популярности собственно импрессионизма. При этом билеты стоят не так дорого: обычный – 7,5 евро, льготный – 5,5. Еще один важный источник дохода – путешествие экспозиций, собранных из музейных картин, по всему миру. Постройка Лувра в Абу-Даби, где будут и картины из запасников Орсе, также принесет музею приличную сумму. Все остальное – как везде: кафе, ресторан, очень хороший книжный, сувенирная лавка. За умеренную плату в музее читают лекции, показывают фильмы, проводят концерты.

1. Рудык А., Абов М. Чем живы музеи мира? // Большой город. 2007. № 17 (190), <http://www.bg.ru/article/6994/>

Музей Соломона Гуггенхайма, Бильбао

Британский музей, Лондон
Британский музей существует частично на государственные деньги, частично зарабатывает сам. Вход в музей бесплатный, на выставки – в районе £5. Минимальный вклад – для того чтобы стать попечителем музея – £45, что дает право бесплатно посещать выставки, а также получить приглашение на один великосветский музейный прием. Несмотря на радужные отчеты, Британский музей давно испытывает финансовые трудности. По некоторым данным, через несколько лет долги музея превысят 5 млн фунтов. Недавно администрация музея представила программу по сокращению расходов на 6,5 млн фунтов. Количество выставок на глазах сокращается, некоторые залы закрывают раньше времени, на 80% урезана сумма на приобретение новых произведений – теперь она составляет жалкие £100 000.

Музей современного искусства, Нью-Йорк
В МоМА билеты недешевы: стандартный – \$20. За отдельные деньги можно прийти на час раньше или позже закрытия (утром – \$44-50, вечером – 60), чтобы не толкаться в обычные часы посещения. МоМА серьезно зарабатывает передвижными выставками, а некоторые выставки специально делаются для мировых турне. Магазины, принадлежащие МоМА, отличаются от всех остальных музейных лавок: там торгуют прежде всего дизайнерскими штучками и даже мебелью от главных дизайнеров мира. За \$60 000 можно стать корпоративным спонсором (и год водить всю корпорацию в музей на халяву), за \$40 000 вы получите 20 приглашений на специальные показы выставок, самый дешевый вариант спонсорства – \$3 000 в год (дает приоритет в бронировании билетов в лекторий и на выставки).

Метрополитен-музей, Нью-Йорк
«Мет» – один из самых благополучных в финансовом отношении музеев. Основной доход приносят спонсоры и попечители, а власти Нью-Йорка оплачивают охрану и аренду земли. Это один из самых посещаемых музеев мира, поэтому он прилично зарабатывает на билетах. К тому же в Метрополитен регулярно устраивают совершенно немuseumные мероприятия: вечеринки, концерты, приемы. Система попечительства – одна из самых продуманных в мире: за \$95 в год можно получить 10%-ную скидку в магазине, за \$500 – бесплатно посещать танцевальные вечеринки в галерее. Спонсор (\$4 000 в год) может бесплатно завтракать до посещения музея, для патронов (\$8 000) устраивают специальные концерты. За \$20 000 в год можно посещать приемы у президента музея. В 2005 году «Мет» заработал на членских взносах больше 20 млн долларов.

Музей Виктории и Альберта, Лондон
Одна из старейших британских арт-институций – с крупнейшей коллекцией декоративно-прикладного искусства – явно учится у Томаса Кренса. В начале 2007 года здесь, например, показывали коллекцию сценических костюмов Кайли Миноуг. Выставка оказалась невероятно прибыльной: только в первый день билеты забронировали 4 000 человек. Значительный капитал привносят благотворители: 40 фунтов в год стоит членство в обществе попечителей музея, патроны платят от £1 000, а те, кто может позволить себе внести £5 000, приглашаются на ежегодный ужин донаторов в обществе директора музея. Еще бывают корпоративные члены (£10 000) и корпоративные патроны (£18 000). В благодарность в музее устраивают для своих благодетелей пятничные вечеринки и VIP-приемы с участием разных известных граждан.

Музей изящных искусств, Бостон
Бостонский музей первым освоил прогрессивную технологию: теперь можно загрузить на мобильный телефон репродукции картин из его коллекции – Моне, Эдварда Хоппера и т.д. Более того, скачать можно даже картины, спрятанные в запасниках из-за особой световой чувствительности. Одна картинка стоит \$1,99, можно подписаться

на месяц за \$4,99 – получится 5 картинок и некоторые бонусы. Пока в открытом доступе всего 50 художников, но базу данных обещают расширить. Насколько эта услуга будет прибыльна, пока непонятно.

Тейт-Модерн, Лондон
В Великобритании вход в государственные музеи бесплатный. Что, с одной стороны, должно привлечь широкие массы в музейные залы, а с другой – заставить визитеров проводить в музее больше времени, а значит – посещать местные кафе, рестораны, книжные магазины, сувенирные лавки. При этом на временные выставки вход все-таки платный – £8-10; а цена на билет зачастую зависит от времени суток – вечером дороже. При этом в музее разработана многоступенчатая система экскурсий: романтический тур для двоих – £80-100, групповая экскурсия – от £8 (за одного) до минимум £120 (за всех). Специальные групповые экскурсии за час до открытия стоят от £1 000 за группу. В музейном ресторане можно устроить корпоративную вечеринку.

Музей изобразительных искусств им. Пушкина, Москва
Скромный доход Пушкинского складывается из продажи билетов (взрослый – 60 р., для студентов и пенсионеров – 30 р., для иностранцев – 300 р.), а также из экскурсий и кружков. Для детей организован Клуб любителей искусства (700 р. в год) и – для тех, кто постарше, – Клуб юных искусствоведов (500 р. в год). Можно научить ребенка рисовать (от 1 000 до 1 500 р. в год). Также музей регулярно выпускает каталоги выставок. Но, конечно, эти доходы не сравнимы с расходами на выставки (а это, прежде всего, оплата транспортировки хрупких ценностей, недешевые страховки), хранение и реставрацию. Поэтому Пушкинский плотно работает с корпоративными спонсорами – в их числе Газпром, Внешэкономбанк, ЛУКОЙЛ и даже немецкая компания Ruhrgas.

Третьяковская галерея, Москва
Третьяковка традиционно зарабатывает продажей билетов: это более 40% от внебюджетных доходов галереи в год. Некоторые деньги приносит атрибуция произведений русского искусства, хотя после того как музеям запретили официально заниматься экспертизой – она приобрела форму консультаций (3 000 р.). Музею серьезно помогает попечительский совет. Основательный доход приносит прокат картин галереи на западных выставках, а также сдача в аренду собственных помещений (за выставку Энди Уорхола в 2005-м Третьяковка получила \$200 000). Сравнительно недавно образовалось еще и Общество друзей Третьяковской галереи, сделанное по западным лекалам: в 2005 году Третьяковка собрала таким образом 1,25 млн долларов. Из бюджета Третьяковка за пять лет должна получить 887 млн рублей (около 35 млн долларов), то есть в три раза меньше, чем Эрмитаж.

Эрмитаж, Петербург
Эрмитаж – один из немногих музеев, зарабатывающих реальные деньги самостоятельно. Во многом благодаря Михаилу Пиотровскому, при котором и государственное финансирование, и доходы самого музея возросли во много раз. Бюджет Эрмитажа в 2006 году составлял около 54 млн долларов – для России это рекорд. От грядущего сотрудничества с Музеем Гуггенхайма в Лас-Вегасе музей рассчитывает получить прибыль 1-2 млн долларов с каждой выставки. Эрмитаж позволил компании Coca-Cola выпускать банки с изображением эрмитажных шедевров вроде Сезанна и Матисса. От сделки музей получил \$150 000. В музее помимо обычного магазина работает и онлайн-новый, который доставляет сувениры по всему миру. Доход от магазина и ресторана составляет примерно 1 млн долларов в год. В бюджете на Эрмитаж выделено около 115 млн долларов (на 5 лет). Опять же, больше всех в России.

Расширение Национальной галереи в Вашингтоне

Архитектор Йо Минг Пея

Среди наиболее известных работ Пея 1970-х годов – восточное крыло Национальной галереи искусства в Вашингтоне (треугольная в плане постройка из бетона, мрамора и стекла – строго геометрическое в сравнении с классицизмом западного здания. Сверху оно выглядит как соединённые друг с другом призмы.), Музей Эверсона в Сиракузах (шт. Нью-Йорк) и Библиотека Джона Кеннеди в Бостоне. Созданное им западное крыло Бостонского музея изящных искусств с эффектным застекленным цилиндрическим сводом было открыто в 1981-м, а Музей и Дворец славы рок-н-ролла на берегу озера Эри в Кливленде, с пирамидой из бетона, металла и стекла над холлом, – в 1995-м. Пея получал также заказы на строительство зданий во Франции, Австралии и азиатских странах. Самые горячие споры вызвала созданная им стеклянная пирамида в парадном дворе Лувра в Париже.

По свидетельству специалиста музейного дела, «конфликт между архитектором и художником стал для меня совершенно ясен, когда я двигался по уровням Восточного крыла Национальной галереи вместе с живописцем, имев-

шим немалый опыт сотрудничества с архитектором. Я видел, как его лицо все мрачнело с каждым шагом по этому восхитительному зданию, и наконец он взорвался: как я и говорил, – архитекторы всегда стараются «выпроектировать» нас из своих построек, и здесь этому удалось!».

Это сказано о Восточном крыле галереи Йо Минг Пея – того самого, о позднейшей работе которого над реконструкцией Лувра говорилось в нашей книге с искренним восхищением. Мастер явно сделал выводы из прежних заблуждений, тем более что он испытывал куда больше почтения к истории Лувра, чем к истории washingtonского музея, хотя тот по-своему великолепен (Глазычев В.Л. «Энциклопедия АРХИТЕКТУРА»).

фото
Анна Григорьева

Новый музей в Сеуле
(Корея). Фото Елены
Григорьевой

Ara Pacis / Музей «Алтарь мира» в Риме

фото
Денис Дресвянкин

Архитектор Ричард Мейер, 2006

Это здание, ставшее любимым для тысяч аборигенов и туристов, покорило и недавно побывавших в Риме молодых иркутских архитекторов. Прилегающая площадь с небанальным решением ландшафта и воды стало культовым местом. Однако судьба проекта была полна коллизий.

Внедрение новой архитектуры в ландшафт старых городов, гордящихся своей историей, часто проходит особо болезненно, сопровождается громкими скандалами и становится предметом политических спекуляций.

Здание, основным назначением которого стало сохранение хрупких остатков алтаря римского императора Августа от непогоды, открылось в 2006 году и представляет собой замечательный образец новейшей архитектуры – простой, функциональный и остроумный, возведённый из почти белого местного травертина. И первое – со времени правления Бенито Муссолини – законченное современное здание в центре Рима. Что само по себе не могло не стать поводом для раскола общественного мнения, как и «неи-

тальянское» происхождение архитектора. В то время как американский авангардист отметил, что теперь его творение станет частью туристического маршрута для тысячи иностранцев, приезжающих в Рим, бывший министр культуры Италии Витторио Згарби заявил, что «эта неприличная помойная яма, созданная бездарным архитектором, стоила городу два миллиона евро».

Со стороны же некоторых «правых» законодателей мгновенно прозвучали обещания демонтажа и переноса здания в предместья Рима в случае их победы на следующих муниципальных выборах.

Сам Ричард Мейер, более десяти лет боровшийся за разрешение на строительство музея, остроумно прокомментировал ситуацию, приведя близкое каждому итальянцу сравнение: «Архитектура – это футбол. И тут свои болельщики».

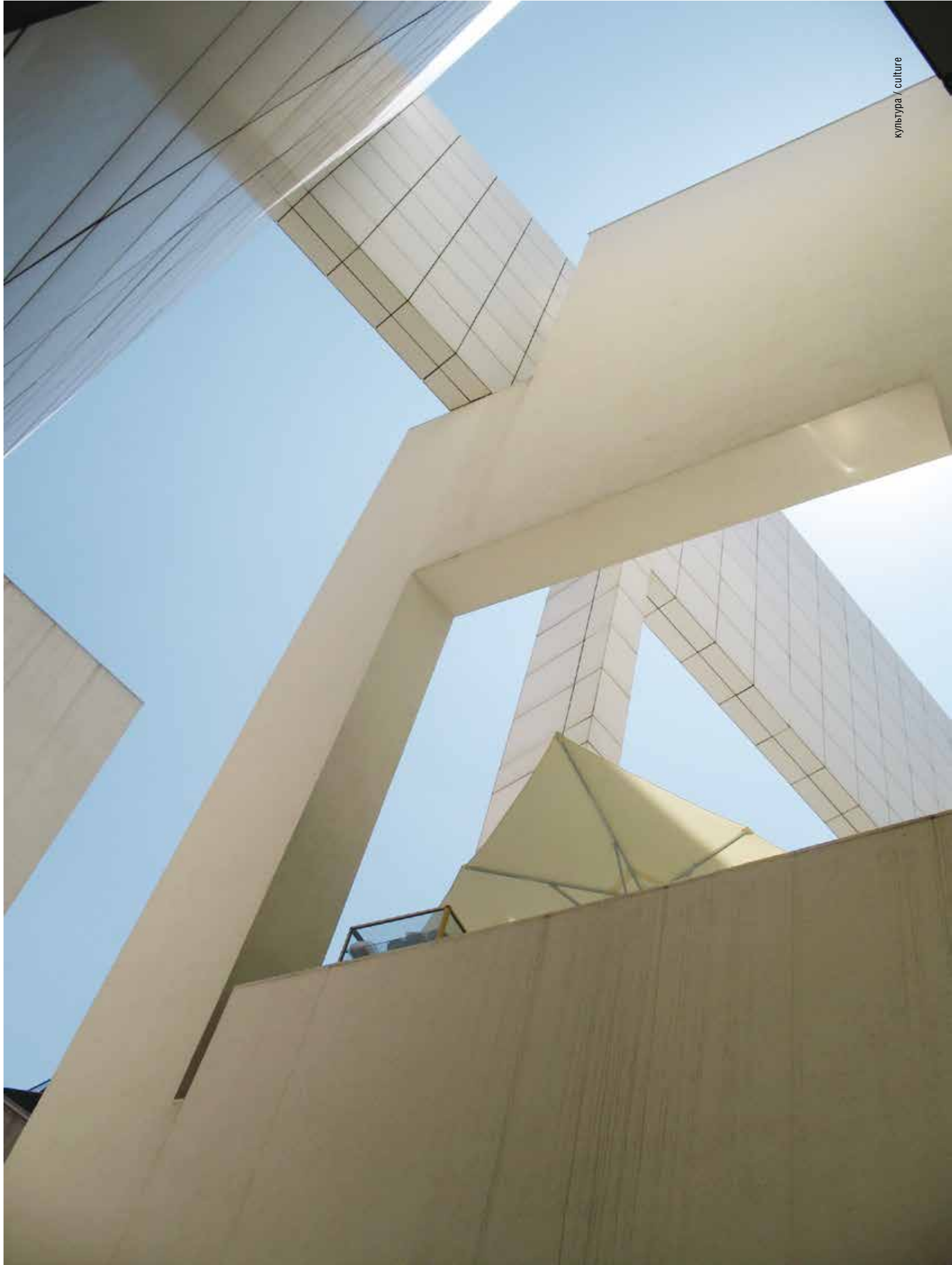
Museu d'Art Contemporani de Barcelona / Музей современного искусства Барселоны

фото
Денис Дресвянкин

Архитектор Ричард Мейер

Музей современного искусства Барселоны / Museu d'Art Contemporani de Barcelona был построен после окончания Олимпийских игр 1992 года. Но не только его экспозиции привлекают посетителей, не меньший интерес вызывает и само здание, созданное известным американским архитектором Ричардом Мейером, белоснежное, выполненное в безупречном модернистском стиле с живописным сочетанием простых геометрических объемов и стеклянных плоскостей. Музей расположен в квартале El Raval, одном из наиболее интенсивно обновляемых районов Старого города, на площади Plaça dels Angels. Этот квартал, напоминающий лабиринт, контрастирует со сложными архитектурными решениями здания музея – белые стены, современные правильные формы, стекло и металл на фоне готической архитектуры XIII-XIV веков. И это не просчет местных властей, а сознательная акция, призванная повлечь за собой преобразование всего района, его архитектурной среды и образа жизни.

MoMA / Музей современного искусства в Нью-Йорке

фото
Елена Григорьева

Архитектор Йосио Танигучи

Конкурс на проект реконструкции MoMA выиграл еще в 1997 году шестидесятилетний японский архитектор Йосио Танигучи. Он был практически неизвестен за пределами Японии, на родине же прославился именно зданиями музеев, которые строит в тесном сотрудничестве с музейными кураторами. Собственно, до реконструкции MoMA представлял собой мезиво разнородных по стилю и качеству зодчества построек. Первое музейное здание выстроили в 1939 году по проекту Филиппа Гудвина и Эдуарда Дьюрелла Стоуна, в 50-60-е над расширением музея работал великий Филипп Джонсон, а в начале 1980-х добавились вызвавшие множество нареканий пристройки Сезара Пелли. Сейчас эти чуть ли не враждовавшие друг с другом строения заставили выступать ансамблем, объединив общим фасадом, очистив от всего лишнего и связав прозрачными переходами с новым шестиэтажным зданием галереи Давида и Пегги Рокфеллер. В старых корпусах

остались киноархив и отдел фотографии, основная же часть коллекции переехала в новое здание с просторным атриумом высотой 33 метра, который позволяет выставить часть произведений при естественном освещении. Новый MoMA в два раза больше старого: выставочные площади выросли с 7 896 кв. м до 11 612, знаменитый сад скульптур расширился более чем на 250 кв. м. Пространство музея не только увеличилось в плане метража, но и раскрылось оптически: основным материалом стало стекло. За стеклянными фасадами нового ансамбля прекрасно видны все его составляющие, включая сад со скульптурой, и даже многие экспонаты вроде стоящего в вестибюле роденковского «Бальзака», так что кажется, что здание музея совершенно растворилось в городской среде.

Нелакированное лицо

К вопросу о культуре презентации города

текст

Константин Лидин
Леонид Герасимов
Юрий Герасимов

1. Лидин К.Л. С огромной «двойкой» в дневнике. Имидж города в эпоху рыночной экономики // Проект Байкал. № 13. С. 12-16
2. Лидин К.Л. Семантическая среда как ценное имущество. Город в точке бифуркации // Проект Байкал/Project Baikal/ 2006, №9. С. 38-41

На рынке эмоциональных состояний самыми ценными и популярными являются эмоции радость и гордость. Многочисленные их разновидности (умиление, надежда, уважение, достоинство, восторг, экстаз и т.д.) составляют образное содержание большей части соответствующих товаров – кинофильмов, живописи, фотографии. Напротив, эмоции группы печали, стыда и презрения востребованы гораздо меньше: их рынок составляют редкие любители.

Оно и понятно: кто же захочет добровольно переживать позор или тоску, да еще и платить за это?

Каждый нормальный человек хочет жить в красивом месте. Трудно себе представить, чтобы кто-то мог с удовольствием говорить о своем городе (поселке, селе) как об уродливом и унылом – если такое и говорится, то с горечью и гневом.

Однако далеко не каждый город действительно может похвастаться тем, что выглядит радостно и гордо. Тут имидж-мейкеры не помогут – «лицо» города космети-

кой не исправишь. Конечно, можно тут подкрасить, там подмазать – но такие приемы годятся лишь для создания благоприятного впечатления у проезжающего начальства. Даже туристов так уже не обманешь. Однако, если нельзя изменить реальный облик города, можно поправить его на картинке. Тут на помощь фотографу приходит современная компьютерная техника гламурной ретуши. Реальное изображение подрезается, свет делается ярче и прозрачнее, повышается цветность и контрастность, мелкие детали затушевываются. В самых безнадежных случаях помогают спецэффекты: искаженная перспектива, необычный ракурс. И вот – вместо «тмы низких истин» готов радостный и гордый обман.

Но вот беда: в процессе глубокой обработки исходное изображение может совсем «потеряться». Тогда полученная открытка «С приветом из Иркутска» становится практически неотличимой от такой же «С приветом из Красноярска» (Томска, Омска, Казани, Тьмутаракани...). Вместо неповторимой, уникальной физиономии города получается стандартный лакированный рекламный (в худшем смысле этого слова) имидж.

Что же делать, если большинство зданий, перспектив и панорам родного города объективно насыщены «серыми» эмоциями стыда, печали и отвращения?

И кстати, что значит «объективно»? О какой объективности может идти речь, когда мы говорим об эмоциях?

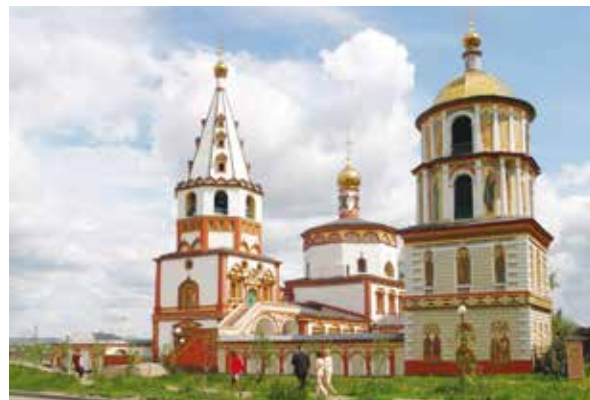
Некоторое время назад мы уже писали о программе компьютерного анализа ImageExpert, которая позволяет измерить эмоциональное содержание любого изображения.¹ Беспристрастный компьютер использует объективные законы психологии восприятия, поэтому «на выходе» программы – не те эмоции, которые изображение вызывает у зрителя (и которые иногда в основном зависят от состояния именно зрителя). ImageExpert определяет эмоциональное содержание, заложенное в самом изображении. Такое содержание не обязательно проявляется в каждом конкретном случае взаимодействия картинка – зритель. Скажем, если зритель сильно опечален, или возбужден, или напуган, то он в любой картинке увидит лишь свое собственное состояние. Но в среднем, при массовом восприятии, определяющим становится именно объективное содержание данной картинке.

Добавим сюда правила съемки архитектурных и градостроительных объектов, основанные на законах геометрической оптики. Они тоже давно разработаны теоретически и апробированы на практике. О закономерностях восприятия элементов городской среды журнал «Проект Байкал» тоже уже писал.² Получается, что объективность в эмоциональном восприятии города реально существует.

Дизайнер, занимающийся презентацией города на открытках, в интернете и прочих носителях оказывается перед весьма непростой дилеммой. Или он обрабатывает исходные образы, приводя их к искомой эмоциональной области (радость, гордость, интерес), – и теряет правду жизни, а заодно и оригинальность исходного материала. Или он честно передает неповторимое лицо города, рискуя получить печальный и отвратительный результат.

Единичные примеры, разумеется, ничего не доказывают, но программа позволяет обрабатывать и большие коллекции изображений. На больших подборках сходство еще заметнее: «открыточный» залакированный стиль полностью подавляет индивидуальность города.

Впрочем, если бы все без исключения рекламные материалы действительно были единообразны, то и говорить было бы не о чем. Законы жанра, что тут поделаешь. Однако исключения имеют место.

Несколько примеров сходства рекламных фотографий Иркутска и Красноярска. Имидж Иркутска – в фотографиях А. Князева – в диска «Иркутск» (Изд-во «Восьмое небо» – Vesta-Entertainment», 2006) Фотографии Красноярска 2004 года с сайта петербургского автора В. Животовского <http://vad-impl.ru>. Как говорится, найдите отличия...

Сайт www.vladstudio.com³ содержит материалы в основном бесплатные. Это обработанные фотографии и компьютерная графика, так называемые «обои» (wallpapers) – картинки, которые служат постоянным фоном на экране компьютера. Обои – довольно важный элемент повседневного компьютерного дизайна, ведь от характера фоновой картинке во многом зависит настроение, с которым пользователь вступает в контакт со своим компьютером. Каждый желающий может выбрать на сайте такую «обоину», которая будет наилучшим образом настраивать на работу, пробуждать интерес к жизни и вообще поддерживать морально и психологически. За небольшую сумму можно также скачать картинку в нестандартном разрешении – большого размера, полиграфического качества и т.д. Как ни странно, этих небольших сумм достаточно, чтобы все дело экономически оправдывало себя и даже приносило доход.

Коллекция обоев «Сибирские деревянные дома» включает 86 фотографий деревянных домов Иркутска и ближних к нему поселков. Фотографии сделаны автором сайта и деликатно обработаны в стилистике открыток, но не современных, ярких и блестящих, а старинных. Очарование стиля «винтаж» достигается специальными приемами компьютерного дизайна (кстати, на сайте помещен и способ обработки).

Темные, желто-коричневые тона и своеобразная графичность, как бы нарисованная пером, тушью и сепией,

уважительно передают облик старых зданий, потрепанных непогодами. Ничего гламурного. Однако проверка программой ImageExpert показывает, что ведущей эмоцией и здесь остается радость-гордость, точнее, ее разновидности средней силы – достоинство, надежда, любопытство. Требования жанра соблюдены, но не за счет высветления и усиления цветности, а более тонкими приемами: центрированием композиции кадра, точным подбором фактуры, теплой цветовой гаммой и т.д.

Посетители сайта, как говорится, «голосуют рублем» (а чаще долларом). Счетчик показывает, что коллекция «Сибирские деревянные дома» вызвала интерес более чем у шестидесяти тысяч человек. Вот здесь-то и таится секрет экономической успешности. Даже если один-два процента посетителей пожелают что-то купить – коллекция уже оправдывает вложенные в нее труд и время. Еще раз подчеркнем: никакой благотворительности, весь проект полностью коммерческий.

Авторы ни в коем случае не собирались делать рекламу сайту, на котором размещена коллекция. Но определенная пропагандистская цель у нас все же есть. Вот она: коллеги, дизайнеры, архитекторы, все, кто занимается формированием «лица» нашего города! Не надо покрывать это лицо толстыми слоями гламурного лака. Давайте презентовать свой город уважительно, честно и культурно!

Или, скажем, попробуйте определить: в каком городе сделана последняя фотография?

3. Принадлежит иркутскому дизайнеру Владу Герасимову

Примеры обработанных фотографий. Несмотря на изменения, внесенные дизайнером, общее впечатление очень правдиво. Старые иркутские дома так и выглядят, если внимательно и уважительно посмотреть на них, проходя по иркутским улочкам. Ощущение антикварной ценности этих домов, их живописного богатства – это все есть на самом деле, надо только разглядеть

Две стратегии проектирования театра

текст
Сергей Гнедовский

Среди общественных зданий, относящихся к сфере культуры, возможно, наиболее интересные и сложные задачи перед архитектором ставит театр. Помимо решения сугубо функциональных и достаточно жестких технологических условий архитектор непременно выполняет определенную миссию – создание уникального объекта, в котором воплощаются культурные ценности, идеалы и противоречия, присущие времени. Театральное здание исторически связывается с оценкой культурного статуса города, поэтому, наряду с предоставлением условий для реализации творческой деятельности, оно, как правило, является предметом амбициозных планов городских и региональных администраций.

Вполне правдиво было бы сказать, что в последнее десятилетие страна переживает бум театрального строительства. Достаточно упомянуть, что в Москве построено, реконструировано и находится в стадии проектирования 23 здания театра. Не менее активно театральное строительство развивается в городах России и в Сибири в частности. Астрахань, Грозный, Нижний Новгород, Тюмень, Ханты-Мансийск, Новосибирск – далеко не полный перечень адресов. Но не только улучшению условий творческой деятельности, ответу на социальный запрос и амбициозные планы служит столь масштабное вложение средств в капитальное строительство театральных объектов. В крупнейших мегаполисах они стали весьма эффективным средством завоевания коммерческого пространства. В ряде объектов Москвы доля культуры в объеме площадей инвестиционного финансирования составляет от 3,5% (Центр досуга, культуры и искусства им. А.Райкина) до 15% (Центр оперного пения Галины Вишневской). Все это свидетельствует о стихийности путей формирования театрального объекта – его пространственного построения, социальной роли и образного построения. Вместе с тем театр

был и остается важнейшим элементом культурной политики, контуры которой претерпели существенные изменения на рубеже века нынешнего и века минувшего.

Массовость и множественность культурного предложения, обращенного к самым различным слоям населения, формирует пространство выбора – городское пространство, воспитывает вкус, стиль жизни, воображение, характер и т.д. Коммерциализация культуры и ее использование бизнесом и торговлей как средства наращивания спроса, с одной стороны, и использование той же торговли как средства активизации существования городского населения в среде, «освященной» объектом культуры, с другой, стали вполне естественным процессом современной культурной жизни. Массовая культура построена на соединении коммерческого и некоммерческого – это уже укоренено в сознании современного поколения. Оно выросло во времена крупных торговых комплексов, с понятием которых связано не только собственно приобретение товаров, но и способ проведения досуга. Фактически коммуникативная среда, которая формируется телевидением и рекламой, средствами массовой информации, – это все части общего культурного процесса, которые можно надстроить содержанием, и не последнюю роль в этом играет театр.

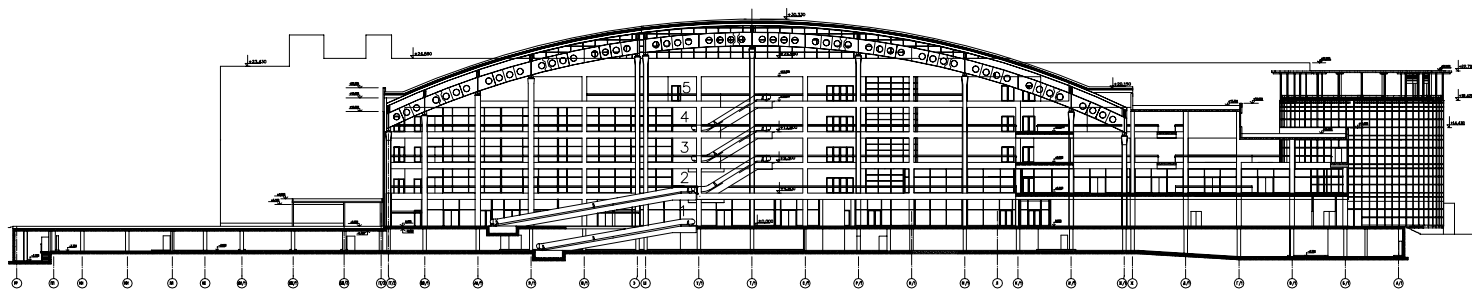
Рассмотрим два примера из моей практики, где театр в типологическом ряду занимает два противоположных места. В одном случае театр входит в структуру культурно-спортивного и общественно-делового центра и является гастрольной площадкой, в другом – отвечает творческой концепции выдающегося театрального режиссера П.Н. Фоменко.

Марьинский комплекс спроектирован как универсальный культурный центр, где нет ведущей функции, нет какой-либо специализации. Именно такой центр является центром притя-

Культурно-спортивный и общественно-деловой центр в Марьино, Москва.
Общая площадь комплекса – 135 000 кв. м, в т.ч. площадь подземного паркинга – 36 000 кв. м, площадь объектов культуры и спорта – 29 000 кв. м, помещения коммерческого назначения – 70 000 кв. м. Строительный объем – 950000 куб. м

жения различных социальных и возрастных групп населения. Это спроектированная среда, где могут найти условия для реализации различные формы культурной деятельности – от массовых до уникальных городских проектов. В состав комплекса входят театр, концертный зал на 1000 мест с ровным полом, спортивный комплекс с бассейном, выставочные залы, центр искусств для самодельных занятий, восьмизальный кинотеатр, гипермаркет и торгово-выставочные помещения площадью 70 тыс. кв. м. По существу, реализуется идея организации плотной городской среды – мини-города с площадью и переулками, со всеми сложностями городской жизни. В этих условиях театральный зал намеренно выполнен в подчеркнуто традиционной форме, олицетворяя классический образ театра как устойчивый культурный символ. Такая же роль отводится концертному залу, рассчитанному на исполнение камерных симфонических и джазовых произведений.

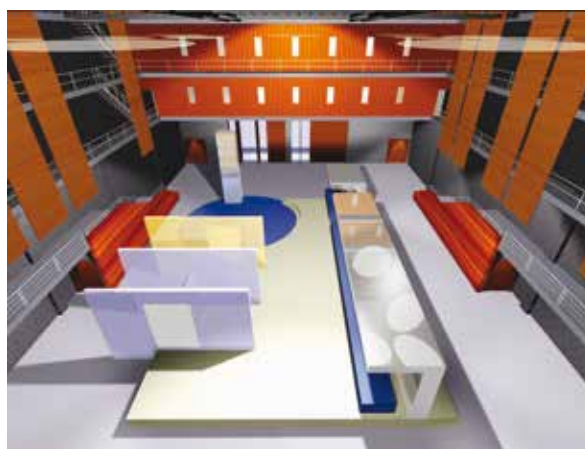
Определенный архитектурный консерватизм двух разножанровых залов сочетается с устройством в них гибкой системы верхней механизации сцены, позволяющей реализовать достаточно широкий диапазон постановочных решений. Кроме того, в состав комплекса включен универсальный зал, решенный по принципу свободного пространства. Над всей его площадью располагаются технологические мостки, между

которыми движутся кран-балки, колосниковый настил обеспечивает установку индивидуальных декорационных подъемов. Вдоль боковых галерей зала движутся световые башни и акустические панели. Места в зале съемные, позволяющие менять их расположение в зависимости от вида зрелища, также их можно полностью убрать.

Разработке задания на проектирование центра, обладающего театрально-зрелищной частью, предшествовала оценка социокультурной ситуации района, транспортные и межрайонные связи. Встроенность объекта, в части масштаба и специализации залов, в существующую городскую сеть зрелищных объектов, возможные режимы работы с учетом их использования в структуре центра досуга – функциональной подсистемы центра.

Таким образом, театральный комплекс формируется исходя из внешних факторов, определяющих его содержание и архитектурный облик.

На другом полюсе стоят уникальные объекты культуры, ориентированные на избранный круг потребителей культуры как некие точки роста, где хранятся традиционные и происходят новые формы творческой деятельности, продуцирующие не столько культурные акции, сколько культурные события и ценности.

Варианты использования универсального зала

Концертный зал

Театральный зал

Театр-мастерская
П. Фоменко.
Площадь здания
10 600 кв. м.
Двухуровневая автостоянка
на 76 машиномест.
Вместимость зрительных
залов: большой – 450 мест,
малый – 150 мест

Прежде чем приступить к проектированию здания театра «Мастерская П.Н. Фоменко», мы обсуждали все аспекты будущего театра. Петр Наумович делился своим видением вместимости залов, их стилистики. Был убежден, что театр необходимо поставить именно на том месте, к которому привыкли его поклонники. Сравнительно небольшие залы на 450 и 150 мест позволяют сформировать некий искусственный дефицит мест, что обеспечит их полную заполняемость, в то время как в очень больших залах по тем или иным причинам обязательно будут пустые места. Кроме того, это лучше и с творческой стороны, поскольку, чем меньше зал, тем теснее контакт со зрителем. В процессе проектирования мы знали функциональное назначение всех помещений.

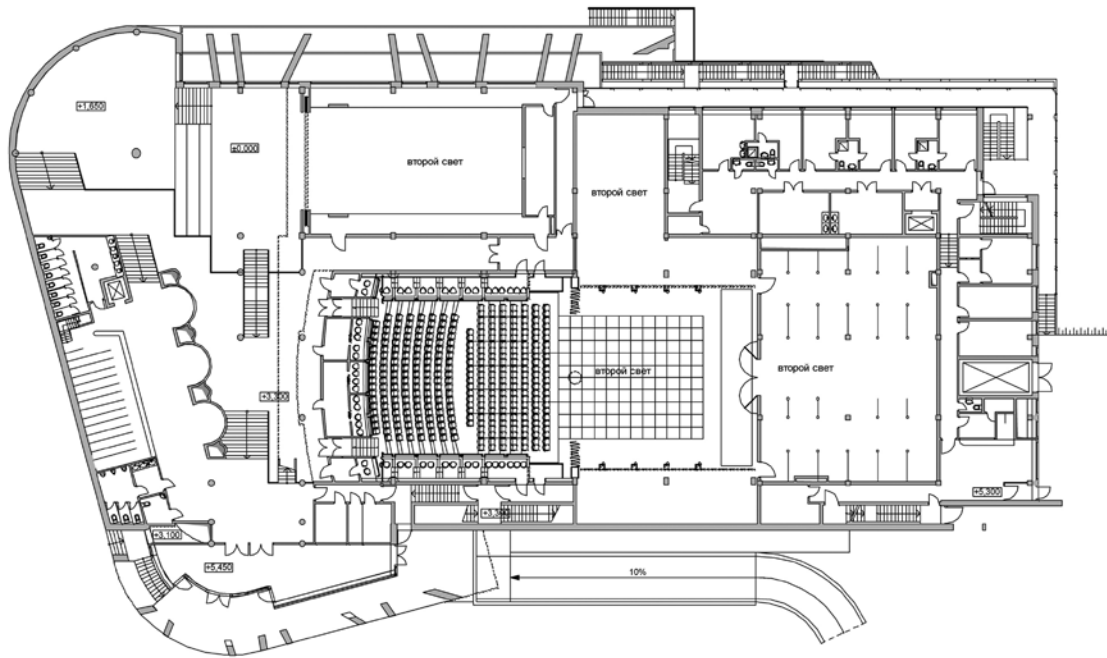
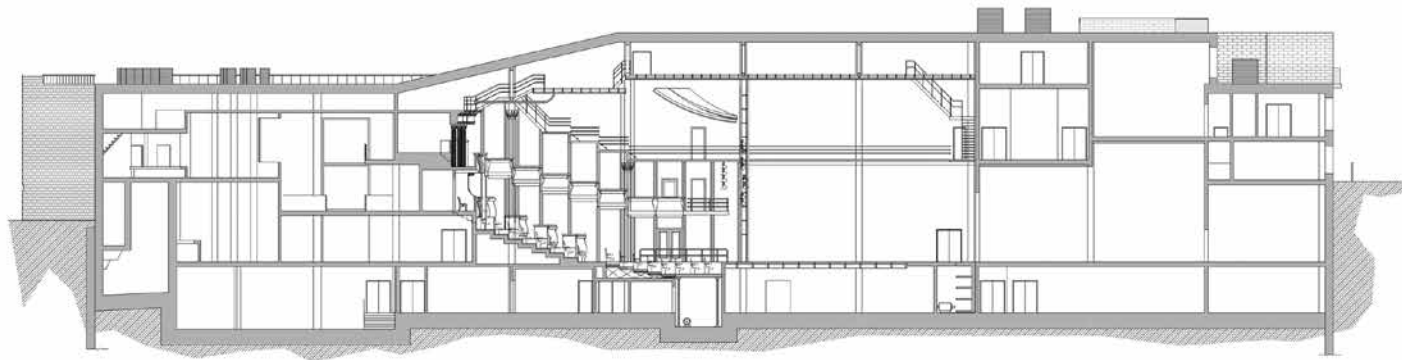
На композицию здания сильное влияние оказал рельеф участка – крутой склон Москвы-реки. При входе в театр,

ввиду того что он вписан в откос, приходится спускаться вниз, а не подниматься вверх, как это принято в обычных театральных зданиях. А чтобы этот спуск был незаметен, сделаны три уровня – входная группа, фойе нижнего зала, фойе большого зала. На уровне гардероба расположены своеобразные ложи-эркеры, на которые можно выйти, чтобы осмотреть интерьеры театра. Ниже располагается зимний сад.

В пространстве фойе «закодированы» три театра.

Первый – классический французский барочный театр, где главным было не столько зрелище на сцене, сколько «театр публики». Это исторически сложившийся тип особого театрального поведения. Если же посмотреть с мостиков на «черный квадрат» на полу перед малым залом, то перед нами предстает второй театр – английский. Третий театр – античный, с мраморными ступенями и подушками на них. На

подобных подушечках в древности сидели патриции, наблюдая за действием на сцене. Специфические знаки театральных эпох, воплощенные в архитектурных формах, могут быть прочитаны как своеобразный текст. При этом они как бы провоцируют театр к их художественному освоению.

Большой зал театра на 450 мест по просьбе Петра Наумовича обрел классические исторические черты с балконами, «царской» и гостевой ложами. Это тоже дань театральной традиции. Однако мы постарались предусмотреть в зале ряд современных технологических решений. Например, партер может трансформироваться и выравниваться до уровня сцены,

трансформируются акустические щиты потолка, образуя дополнительные сценические падуги. Имеется оркестровая яма, которая может опускаться или подниматься. Там есть так называемые калиперы, которые в одном уровне позволяют актеру со сцены пробежать в зал и снова вернуться на сцену.

Партер чуть утоплен по отношению к сцене, и его можно обойти по кольцу, чем уже активно пользуются актеры даже в тех спектаклях, которые переносятся со старой сцены. Верхняя галерея позволяет актеру перемещаться над зрителями. Таким образом, предлагаются различные приспособления, которые дают режиссеру дополнительные творческие возможности,

Малый зал на 150 мест

Фойе театра

Большой зал на 450 мест

Буфет

поскольку в театральном здании играть можно практически везде. Вообще Петр Наумович ставит свои спектакли, казалось бы, в самом неудобном пространстве, всякий раз решая по-новому отношения «зритель – сцена»: то актеры окружены зрителями, то они играют вдоль длинной стены, то поперек зала, но всякий раз образуется новое напряжение между театральным действием и зрителями. Вот такие возможности предоставлены в классическом большом зале театра.

И в малом зале на 150 мест можно делать самые невероятные вещи. К примеру, его стена раздвигается, что позволяет объединиться с пространством фойе. При этом сцена «выходит» в фойе, и зрители, располагаясь в античном греческом театре, могут наблюдать за театральным действием в малом зале. Стена, которая обращена к реке, имеет большие остекленные проемы, которые позволяют увидеть панораму Сити. Фасад облицован саратовским белым известняком, чтобы подчеркнуть его тектоничность и историческую преемственность с издревле существовавшим в этих местах Дорогомиловским месторождением белого камня, из которого в XVII веке строился московский белый город.

На фасаде реализована легкая 40-метровая лестница, ведущая на эксплуатируемую крышу-лужайку. Смысл лестницы, ведущей в небо, метафоричен: она, как и композиция скульптора Андрея Красулина, символизирует вечное духовное восхождение и совершенствование человека.

Оба примера показывают две стратегии проектирования театрального сооружения. Первая опирается на социокультурный феномен театра, вторая – на творческую концепцию неравнодушного отношения к театру.

Концертный зал «Зенит» / Zenith Strasbourg Concert Hall

Место: Франция, Страсбург
Архитектор: Massimiliano Fuksas

Эта постройка – самая большая из всех «Зенитов». Ее отличает легкость: стены выполнены из натянутой на металлический каркас полупрозрачной оранжевой ткани. Благодаря такому типу оболочки новый концертный зал претендует на мировой рекорд: его площадь составляет 12 000 кв. м: таким образом, эта мембрана является самой большой в мире.

Музыкальный Апельсин – http://archi.ru/foreign/news/news_current.html?nid=4932&fl=3&sl=2

Официальный сайт мастерской Massimiliano Fuksas – <http://www.fuksas.it>

Использован материал сайта www.archi.ru

Центр «Кайкса Форум» / Caixa Forum

Место: Испания, Мадрид
Архитекторы: Herzog & de Meuron

Новое здание «Форума» – реконструированный комплекс электростанции Медюдия, построенной в начале XX века. Историческая постройка из красного кирпича была увеличена в пять раз: ее изначальная площадь в 2000 кв. м дополнена четырьмя новыми наземными этажами и двумя подземными.

Еще одна электростанция – http://archi.ru/foreign/news/news_current.html?nid=5373&fl=1&sl=2

Страница Herzog & de Meuron на портале archinform – <http://eng.archinform.net/arch/291.htm>

Официальный сайт центра – http://www.fundacio.lacaixa.es/centros/caixaforummadrid_es.html

Использован материал сайта www.archi.ru

Музей Гуггенхайм-Эрмитаж / Guggenheim-Hermitage Museum

Место: Литва, Вильнюс
Архитектор: Zaha Hadid

В Вильнюсе завершился конкурс на проектирование очередного филиала музея Гуггенхайма. Победу одержала Заха Хадид, предложив образ самый неконкретный и абсолютно не характерный для Вильнюса. Победа старого плаката.

Заха Хадид выиграла конкурс на музей Гуггенхайма в Вильнюсе – http://archi.ru/foreign/news/news_current_press.html?nid=5804&fl=1&tid_1=1

Официальный сайт мастерской Zaha Hadid Architects – www.zaha-hadid.com

Использован материал сайта www.archi.ru

Реконструкция концертного зала в Красноярске

Красноярская краевая филармония является крупнейшим в городе социально-культурным объектом. Данным проектом предусматривается реконструкция и техническое перевооружение здания филармонии, при этом учитываются перспективы развития при дальнейшей эксплуатации.

Оснащение новейшими технологическими системами электроакустики, связи, трансляции, сигнализации и современными системами инженерного оборудования позволяет вывести здание Красноярской краевой филармонии на уровень ведущих объектов культурно-массового назначения в стране.

При разработке проекта рассматривались различные варианты объемно-планировочной схемы с учетом максимального сохранения основных существующих планиро-

вочных и функциональных схем здания с целью выбора оптимального решения для законченности системы градостроительного ансамбля на «Стрелке» – в исторически сложившемся центре города Красноярска.

Проект реконструкции филармонии предполагает обновление основного здания филармонии, спроектированного в 1984 году, и достройку новых объемов в составе комплекса по проекту группы архитекторов под руководством Артура Пилипенко.

Работы по реконструкции здания предполагается осуществить в 2007-2009 годах.

Здание Красноярской краевой филармонии расположено в историческом центре Красноярска по адресу

Малый зал

пр. Мира, 26. Со стороны северного и восточного фасадов здания филармонии находится площадь Мира, с восточного – ул. Просвещения, с южного – ул. К. Маркса. Площадь Мира и территория реконструируемого здания филармонии формируются как историческое и культурное ядро Красноярска и является зоной массового отдыха и крупных общественных мероприятий.

Проект здания Большого концертного зала на 1800 мест и Малого концертного зала на 400 мест (здание Красноярской краевой филармонии) в Красноярске разработан институтом «Красноярскгражданпроект» в 1981 году. Авторский коллектив возглавляли: архитектор А. Демирханов, инженер-конструктор В. Москалёв. Строительство завершено в 1984 году.

Здание представляет собой динамичный по силуэту объём, из двух разновеликих залов – большого и малого, врезанных в 2-этажную прямоугольную пластину обстройки с размерами в плане в осях 108,440 x 88,640 м. Островное положение комплекса определило решение фасадов здания – фасады решены с учётом их функционального и эстетического назначения и восприятия со стороны города, реки и нижнего парка.

Для создания условий проведения общественных мероприятий и концертных программ, соответствующих современным требованиям, в здании Красноярской краевой филармонии предлагается провести реконструкцию с увеличением площадей репетиционных залов, гримерных фойе Большого зала, но с сохранением основных функционально-планировочных решений.

Проектом предусмотрено новое строительство одноэтажной пристройки со стороны главного фасада здания на отм. +0,600 с размерами в осях 24,0 x 36,0 м для расширения фойе Большого зала; входных групп, холодного склада декораций, технических помещений на отм. -3,600; пристройки неотопливаемой лестничной клетки по оси 26 южного фасада здания; пристройки лифтовой шахты к входной группе служебного входа восточного фасада; замена существующих пассажирских и грузовых лифтов.

Здание филармонии состоит из трёх частей, имеющих возможность как раздельной, так и совместной эксплуатации:

Зал 2-го этажа

Туалет

Кафе

Большой зал

Большого и Малого концертных залов, административно-хозяйственной и технической части. Большой концертный зал на 1800 мест предназначен для эстрадных и хореографических концертов, для проведения общественных мероприятий (собраний, конференций), для концертной деятельности больших гастрольных коллективов. Малый концертный зал на 400 мест предназначен для малых филармонических концертов, концертных программ народных ансамблей и литературного чтения, а также для проведения общественных мероприятий. Административно-хозяйственная и техническая часть обеспечивает деятельность художественно-административного аппарата филармонии и всех его художественных коллективов – ансамбля танца Сибири, Красноярского симфонического оркестра, филармонических коллективов, инструментального ансамбля «КрасА».

Объемно-планировочное решение здания филармонии изначально запроектировано таким образом, что учитывает размещение здания на площадке с большим перепадом высот по нисходящей к пойме р. Енисей. Разбег между отметкой служебного входа в административно-хозяйственную часть с восточной стороны здания на нижней террасе и главным входом в вестибюль Большого концертного зала западной части здания составляет 9,6 м.

Максимальная высота здания от уровня планировочной отметки земли до уровня парапета над колосниковой частью составляет 46,0 м.

На отметке -13,200 располагаются камерный зал; репетиционный зал хора; склад музыкальных инструментов; библиотека нот; столярная мастерская; административные помещения.

На отметке -10,200 располагаются репетиционный зал; пошивочный цех; помещения художественных руководителей.

На отметке -6,900 располагаются холл гардероба, гардероб; кассовый зал; репетиционный зал оркестра; блок гримёрных помещений; блок технических и вспомогательных помещений.

На отметке -3,600 (главный вход) располагаются вестибюли Большого и Малого концертных залов; вестибюль административного и хозяйственного блока; вестибюль VIP-зала; буфеты Большого и Малого концертных залов; блок гримёрных помещений; блок бытовых помещений. Все помещения имеют удобную внутреннюю связь по этажу. В составе вестибюлей обоих залов запроектированы гардеробы, туалеты и вертикальные коммуникации. Для питания артистов и обслуживающего персонала сцены на отметке -3,600 предусмотрены два буфета.

Загрузка Большого концертного зала на 1800 мест осуществляется с отметки пятого этажа 0,000, который связывают с вестибюлем, гардеробом четыре лестницы: две закрытые, две парадные открытые.

На отметке 0,000; +0,600 располагаются главное фойе Большого концертного зала; главное фойе Малого концертного зала; партер Большого зала; партер Малого зала; VIP-зона, помещения сценических комплексов Большого и Малого залов.

По обеим сторонам Большого зала располжены ложи на 12 мест каждая, с самостоятельными выходами из вестибюлей VIP-зоны и дирекции филармонии.

Сцена оборудована двумя пассажирскими лифтами и лестницами для обслуживания.

На отметке +3,300 располагаются фойе Большого зала, помещения сценической технологии Большого зала, партер Малого зала (второй уровень).

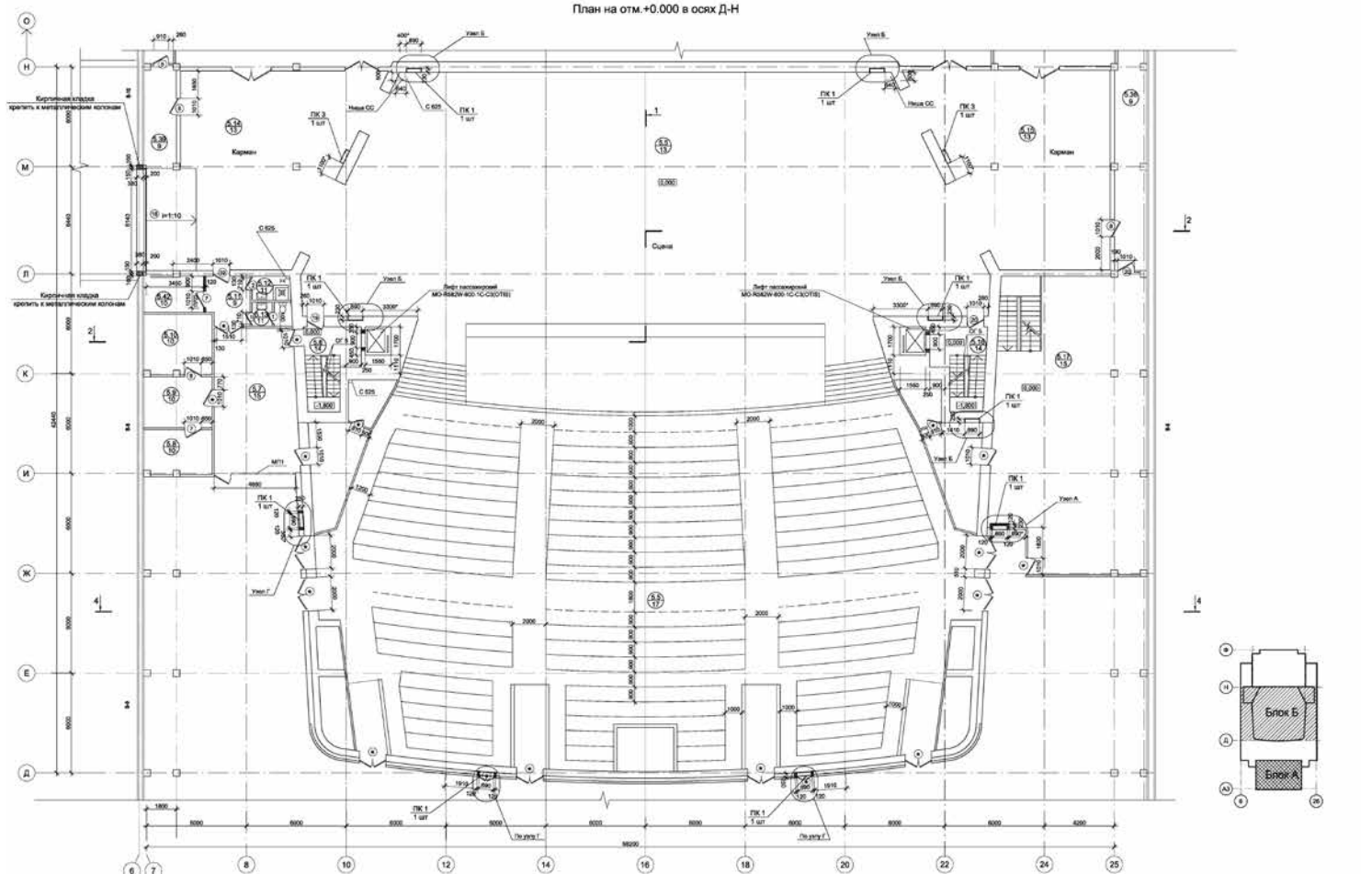
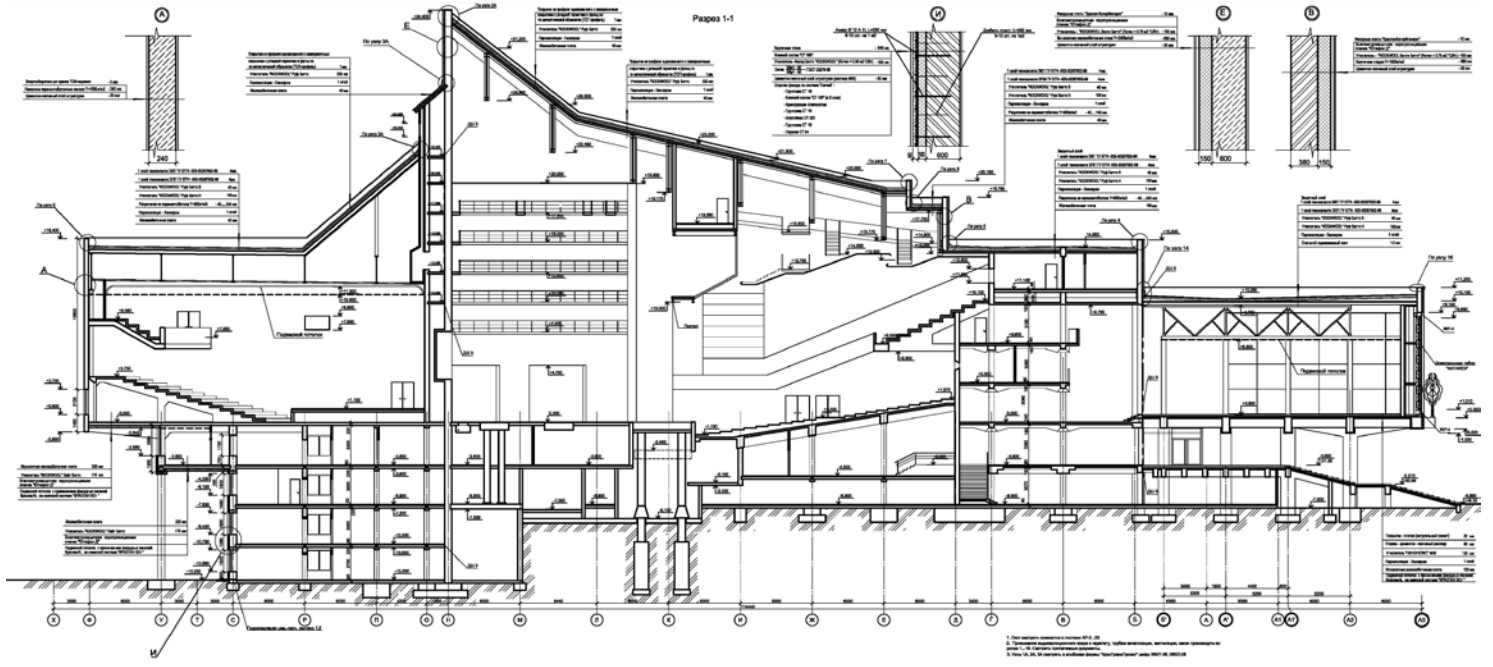
На отметке +6,600, +7,050 располагаются фойе балкона Большого зала, фойе балкона Малого зала, помещения света и звука режиссуры Малого зала.

На отметке +11,100 (восьмой этаж) располагаются: фойе балкона Большого зала (пятый уровень), помещения фронтального освещения, студия звукозаписи. Комплекс студии звукозаписи с рекреациями и санузлами полностью изолирован от зрителей.

За основу решения демонстрационной площадки Большого зала принята сцена-эстрада с оркестровой ямой на 72 человека. Демонстрационная площадка Малого зала – открытая эстрада с акустическим оборудованием. Габариты колосниковой части: ширина 27,3 метра, глубина 14,6 метра, высота до колосников 20 метров, строительный портал 27,3x10 м. Сцена-эстрада оборудована штaketными подъемами, двухполосной транспортной лентой на втором плане, фурой президиума.

Зрительный зал на 1800 мест решён в виде партера на 1300 мест и балкона на 500 мест.

Кинотеатр на главной улице
Мельбурна. Фото Елены
Григорьевой

ARMAGUARD

On3

BAR CODE

BLUE FIRE

Кинотеатр «Пионер»

Реконструкция исторического квартала

ТЕКСТ
Ирина Теплякова

Авторский коллектив: В. Стегайло, А. Михайлик
Компьютерная графика А. Михайлик
Проектирование 2007 г.

Речь пойдет о квартале в историческом центре Иркутска, ограниченном улицами Карла Маркса, Декабрьских Событий, Ударника, Каландаришвили.

На сегодняшний день самым заметным объектом в этом квартале для иркутян является здание кинотеатра «Пионер». Судьба квартала интересна. В конце XIX века деревянной усадьбой владел купец Сапожников. В 1897-1898 годах усадьбу приобрело Иркутское общество взаимного страхования имущества от огня, и уже через год было построено каменное здание по проекту архитектора Артюшкова (исполнявшего в

то время должность губернского архитектора). В 1924 году усадьба была муниципализована и находилась в ведении Иркутского губернского отдела местного хозяйства. В 1927 году здание было передано Обществу политкаторжан и политссыльных. 6 ноября 1935 года в помещении бывшего конференц-зала демонстрацией фильма «Чапаев» открылся первый в Восточной Сибири детский звуковой кинотеатр «Пионер». 1 июля 1936 года кинотеатр был закрыт на капитальный ремонт и реконструкцию (по проекту архитектора Б.М.Кербеля), и уже через год состоялось торжественное открытие кинотеатра. В ходе этой реконструкции был надстроен второй этаж и появились известные нам боковые галереи.

Проект реконструкции квартала был разработан по заданию заказчика и инвестора группы компа-

ний «Фортуна», впоследствии был представлен на Международной проектно-инвестиционной выставке в Каннах в марте 2007 года.

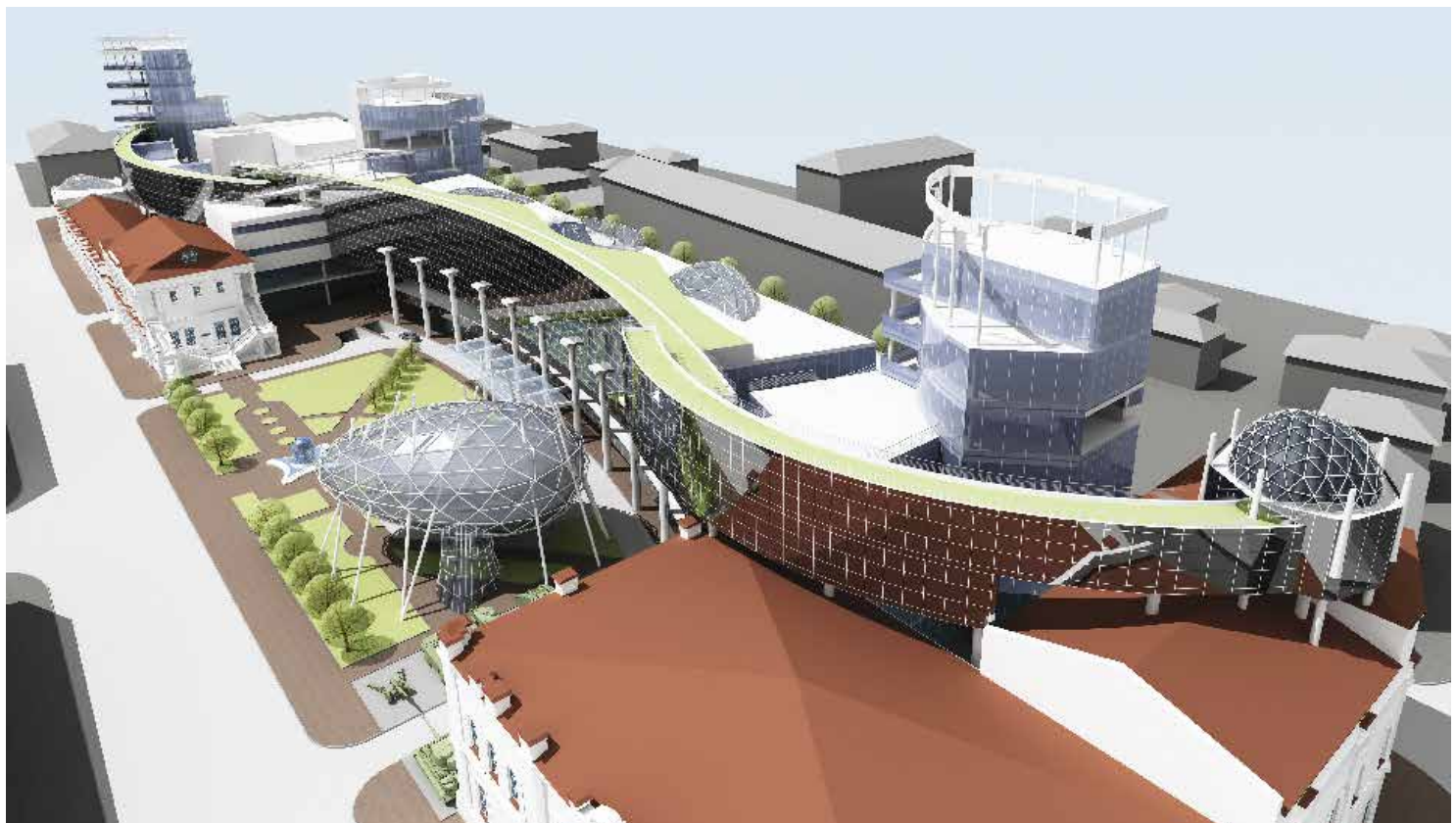
Задача, стоящая перед архитекторами, усложнялась такими факторами как узость квартала, непосредственное соседство с Желябовским комплексом (который примыкает к улице Ударника), наличие знаковых исторических памятников (здание кинотеатра «Пионер», Дома офицеров, здание аптеки).

Композиция самого комплекса рассматривалась авторами как часть комплексной застройки улицы Карла Маркса. В плотной ткани улицы пульсирующими пространственными отступами явлен прием курдонера, который авторы проекта поддержали в качестве идеи расширения пространства. Благодаря реконструкции и благоустройству сквера существующий парк военной техники утверждает свою значимость в городе, что является немаловажным плюсом. Проектом предусмотрена подземная парковка на 200 машиномест.

К зданию кинотеатра «Пионер» примыкает объем детского развлекательного комплекса. Три высотных объема-доминанты, обозначающие местонахождение квартала, начинены офисными помещениями и соединены между собой галереями. Гостиничный комплекс, лентой

протянутый через тело квартала, воплощает, как минимум, две архитектурных идеи-образа. Первая – сплошное зеркальное остекление поверхности прячет внушительный объем, делая его невидимым и параллельно отражая в себе историческое окружение. Вторая – крыша галереи покрыта озеленением, которое усложняет и обогащает городскую среду, восполняя острую нехватку зеленых зон в городе. Отражение неба и окружающей застройки становится наиболее воспринимаемой частью фасада и выводит на первый план отдельно стоящее двухэтажное здание ресторана – «яйцо». Сам ресторан воспринимается как некий арт-объект, утвержденный на контрасте фактур, стили и образа по отношению к окружению. Эта идея контраста читается и в благоустройстве сквера – симметричное окружение (слева «Пионер», справа Дом офицеров) подчеркивает «инакомыслие» здания ресторана и говорит о его противостоянии контексту. Тем самым рождается диалог культурных и исторических пластов. А диалог – это уже связь, ведь собеседники не обязаны быть похожи друг на друга.

Лента гостиничного комплекса заканчивается еще одним рестораном на крыше Дома офицеров, – новая и интересная видовая точка на карте города.

Изостудия на крыше Марсельской единицы

текст и фото
Лариса Крылова

Это не абсурд, это не вызывает страха, опасений и каких-либо еще отрицательных эмоций, если эта крыша работы мастера...

«Марсельская жилая единица» (1947-1952) Ле Корбюзье – многоквартирный жилой дом в Марселе, расположенный отдельным блоком на просторном озелененном участке. Корбюзье использовал в этом проекте стандартизированные квартиры «дуплекс» (в двух уровнях), с лоджиями, выходящими на обе стороны дома. Изначально Марсельский блок был задуман как экспериментальный дом с идеей коллективного проживания (своего рода коммуна). Внутри здания – в середине по его высоте – расположен общественный комплекс, где есть кафетерий, библиотека, почта, продуктовые магазины и прочие виды услуг. На стенах лоджий впервые в таком масштабе применена полихромия – раскраска в яркие чистые цвета. В этой постройке воплотилась идея «Лучезарного города» Корбюзье – города, благоприятного для существования человека.

Марсель как раз такой лучезарный город, он понравился нам сразу, с первых минут: берег моря со старинной крепостью, знаменитая марсельская гавань, полная покачивающихся яхт, ровный ландшафт города, но при этом оберегаемый со всех сторон горами, очень просторный, аккуратный, дышащий морем город...

На объект мы шли в предвкушении, обсуждая пять принципов архитектуры Ле Корбюзье, но очень спокойные, ведь каждый видел этот объект на слайдах в университете. И вот

он: свободный, спокойный и мощный. Свободный от каких-то коммерческих новообразований, спокойный от благородного серого цвета бетона, в сочетании со стеклом, деревом и цветом, появляющимся так неожиданно и так интригующе, и мощный объем многоэтажного здания, при этом стоящий на ногах.

Легкий трепет сменился неподдельным восторгом от пребывания на крыше, полной очень интересными вещами, одной из них и была детская изостудия. Невесомый объем на тонких опорах, окно от потолка до пола, маленькие мольберты, расставленные в художественном беспорядке и удивительный вид на море, горы и город, раскрывающийся с крыши, – нам всем тут же захотелось порисовать!

Уличная мода. Черный с белым не носите?

текст
Наталья Ушкова

Еще только два-три года назад, гуляя по улицам Иркутска, можно было уверенно обнаружить некоторые общие закономерности в нарядах. То дамы всех возрастов повально облачались в яблочно-зеленый и оранжевый, то в красные обтягивающие брючки, то сплошь и рядом торчали непомерно длинные носы туфель, сверкали стразы и голенькие поясицы.

Нынешнее лето можно назвать уникальным для нашего города – моды больше нет. Пройдитесь по Карла Маркса от Дома офицеров до царя – увидите такую пестроту и разнообразие, что невольно подумаете: журналы мод потеряли своих читателей!

Сидя в кафе, разглядываю потихоньку сотрапезников. Чудно! Рамка окна вольно собрала их в единую картину, и картина эта просит подписи вроде: «Музей моды. Воротнички и босоножки от 60-х годов XX века до наших дней». Манекенная пластика большинства присутствующих добавляет остроты в переживание выставки.

«Просто какая-то презентационная комната хорошего секунд-хенд магазина», – думается мне. Даже новенькие сумочки, даже супер-новенькие прозрачные лосиночки выглядят до странности знакомыми, будто вчера вынутыми из матушкиного сундука. Если бы не вездесущие мобильные телефоны, любого из моих соседей легко можно принять за путешественника во времени, одетого сообразно своей эпохе. Ну, в случае с девушками в нижнем белье – раздетыми...

Отчего же возникает такое впечатление?

И почему такой музейный дух не витает, скажем, над московским метро, в котором тоже более чем достаточно странно одетых людей?

В Москве меня, как и многих моих друзей из провинции, охватывает опьяняющее чувство карнавала. Этакий парад масок, начинающийся в пять утра и не стихающий до глубокой

ночи. Волнующая праздничность московской толпы обладает сложными ритмами, гипнотизирует и создает неповторимое ощущение событийности. Такое впечатление, что настоящий житель столицы тратит множество усилий, чтобы ВЫГЛЯДЕТЬ – выделяться, ощущаться, звучать, привлекать... И это им, надо сказать, удается на все сто. Если наш милый городок похож на музей моды прошлого века, то столичные улицы немедленно заставляют вспомнить всяческие цитаты из научно-фантастических произведений, где дело происходит в далеком будущем, поэтому все люди сплошь и рядом носят на себе странные и непостижимые одеяния. Кстати, московские друзья также отмечают удивительность нынешнего лета в плане отсутствия ярко выраженных общих тенденций в одежде.

Но все-таки вернемся к вопросу: почему «их» разнообразие наводит на мысли о далеком будущем, а «наше» – о недавнем прошлом?

Боюсь, ответ окажется совсем нелестным для нашего города. Иркутскую область не случайно называют депрессивной зоной. Похоже, что в то время как центральные регионы страны активно движутся в новый, разнообразный мир, где искусство создавать и носить маски равно социальному успеху, наш мирок, как благовоспитанная старушка, все больше погружается в воспоминания о прошлом, где маски надевали только на балы, а интенсивность общения и вовсе не являлась предметом первой необходимости.

Не случайно в Иркутске слово «имидж» быстро стало непопулярным, почти ругательным. Так и не прижились тренинги по формированию личного и корпоративного имиджа. Арт-салоны, студии и стилисты по-прежнему предлагают набор «побрить-постричь-похудеть», а не комплексную работу над образом.

Потребитель агрессивно отвергает попытки вовлечь его в работу над социальной маской.

Кто-то при этом полон праведного негодования: я честный человек и не собираюсь выдавать себя за кого-то другого, кто-то просто недоумевает: эт чо за имидж-то такой, меня и так все знают и любят!

Именно сегодня, когда впервые в истории стали массово доступны чудесные ткани и фурнитур, прекрасная косметика и стильная обувь, когда одни только солнечные очки могут сделать человеку более мощную рекламу, чем пара телевизионных программ, именно сегодня, когда можно слепить себе фигуру на заказ, создать шелковые волосы и сказочные ресницы, обрести волнующую гладкость кожи и поменять цвет глаз к вечернему платью... как досадно, что именно сегодня люди предпочитают нырнуть в спасительные образы из семейного фотоальбома или вчерашнего кинофильма! Или вовсе избегать встречи с зеркалом.

Справедливости ради скажем, что и в других областях человеческих возможностей психика безнадежно отстала от физических реальностей. В дизайне люди не успевают осваивать материалы с принципиально новыми свойствами, многое

делается по старинке в медицине, продолжается охота на редких животных и похищение живописных полотен, когда имитации уже неотличимы от оригинала.

И все же... любой житель нашего города мгновенно отличит иностранца, зашедшего в кафе, от своего брата, иркутянина (даже очень странно одетого). Неизгладимая печать манекенной пластики и запах нафталина выдает нас с головой. Расхожее выражение «слепо следовать моде» придется решительно выбросить из современного лексикона. Быть модным в XXI веке – значит быть творческим, думающим и смелым. Обидно, но сегодня, чтобы выглядеть по-настоящему модно, придется серьезно попотеть – придумать образ, найти ему контекст, цель, смысл и форму существования. Тут вам и сценарий, и режиссура, и актерская игра.

К счастью, истинные модники, решительно покинувшие магазин секонд-хэнд образов, еще встречаются на улицах Иркутска (редко, но встречаются!) и составляют многочисленный алмазный фонд нашей надежды на выход из депрессии.

Городская жизнь обогащается все новыми явлениями, имеющими к традиционной культурной деятельности весьма косвенное отношение. Но для определенной категории жителей, которые уже вышли из возраста игр на детских площадках и в песочницах и еще не вошли в состояние обремененных повседневными заботами, работающих «от сих до сих» взрослых, интересны не походы в филармонию или новую выставку, а «тусовка» в ночных клубах. Молодежная субкультура уже стала объектом изучения социологов (хотя нельзя сказать, что это изучение исчерпало разнообразие темы), но клубная жизнь как процесс, происходящий в определенной месте, имеющем свои типичные и нетипичные признаки, не подвергалась даже поверхностному описанию. Однако клубы – это знак «времени развлечений», они имеют свою топографию, публику и привычный уклад событий. В тексте молодой журналистки есть свежесть взгляда и ощущение некоторых проблем, связанных с ночными клубами.

текст
Марина Ткачева

Сколько молодежь ни образовывай, она все равно в клубы ходит

В музеях гремят ключами одинокие охранники, в театрах опускаются занавесы, на экранах кинотеатров идут титры фильмов «для взрослых». Вместе с ночью на город наступает молодежь. После трудного студенческого дня и вечерней подработки молодые люди жаждут «хлеба и зрелищ», а точнее, выпивки и танцев. Это и многое другое им в большом ассортименте предоставляют разноформатные ночные клубы.

Список иркутских клубов внушительный: есть и элитарные, и клубы для небогатых юных масс, а любители необычных музыкальных направлений могут удовлетворить свои танцевальные желания на тематических танцполах.

Весной 2008 года в группе молодых иркутских журналистов был проведен опрос. Самыми популярными клубами города оказались «Мегаполис», «Объект 01» и «Панорама» (их упомянул 91% опрошенных). На втором месте – «Стратосфера» (86%), «Акула» (77%). Далее следуют «Шамбала» (50%), «Орбита» (46%), «Чердак» (41%), «Дикая лошадь» (36%), «Матрешка» (18%), «Полигон» (14%). Аутсайдеры – «Ливерпуль» и «Бездна» (5%).

На вопросы о том, являются ли клубы культурным местом и что нужно предпринять, чтобы они стали таковыми, журналисты ответить уже затруднились. Большинство опрошенных склоняются к мнению, что клубы по природе своей не могут являться культурным местом. «И не нужно вносить культуру в ночную жизнь», – говорят молодые журналисты, ссылаясь на то, что идут в увеселительные заведения с другими целями. Небольшой процент опрошенных все же видит светлое культурное будущее ночных клубов. Для этого всего лишь необходимо «сделать молодежь культурной». Как говорится, хочешь изменить мир – измени себя.

Подобные вопросы были заданы и членам Клуба молодых архитекторов. Самыми популярными оказались «Шамбала»,

«Объект 01» и «Мегаполис». Далее следуют «Акула», «Дикая лошадь», «Панорама» и «Чердак». На последних местах расположились «Стратосфера», «Матрешка» и «Барракуда».

Список названных клубов оказался куда более скудным, чем у журналистов. Может, на популярность ночных заведений у архитекторов влияет интерьер клубов? Большая часть опрошенных членов КМА считают интерьеры иркутских клубов «ужасными», но, к счастью, не влияющими на их посещаемость.

Половина опрошенных студентов-архитекторов считает, что ночные клубы не являются и не должны являться учреждениями культуры, а другие 50% утверждают, что ночные клубы – это свой, особенный пласт культуры. Но молодые архитекторы сошлись во мнении, что менять в ночной жизни ничего не нужно, и сами с удовольствием проводят там редкие свободные часы.

Комментарий редактора рубрики. Длина очереди у входа в ночной клуб значительно превышает длину очереди в музей. Вряд ли можно ожидать, что закрытие клубов или культурно-просветительская работа изменят ситуацию. Сравнить ночные клубы с традиционными культурными учреждениями тоже не имеет особого смысла. Но существование ночных клубов (как и других атрибутов жизни молодежи) невольно вызывает вопросы об обстановке, в которой она проходит, о ее месте в панораме городской жизни. И если молодые профессионалы – архитекторы и дизайнеры – не задумываются над изменением интерьеров и наружного вида развлекательных мест, то оставлять их совсем без внимания будет большим просчетом. Ведь их внешний вид, интерьер, световое и звуковое оформление – тоже часть формирующегося облика современного Иркутска, создающая его нынешнее состояние.

текст
Марина Абдуллина

Придорожное кафе на 25 мест на 17 км Култукского тракта

Заказчик: ЧП «Быкова Е.»
 Проектировщик:
 ООО «Архитектурная фирма
 Н. Жуковского»
 Архитекторы:
 Н.Л. Жуковский,
 О.В. Нючева,
 Конструктор Д.Г. Хамаганов.

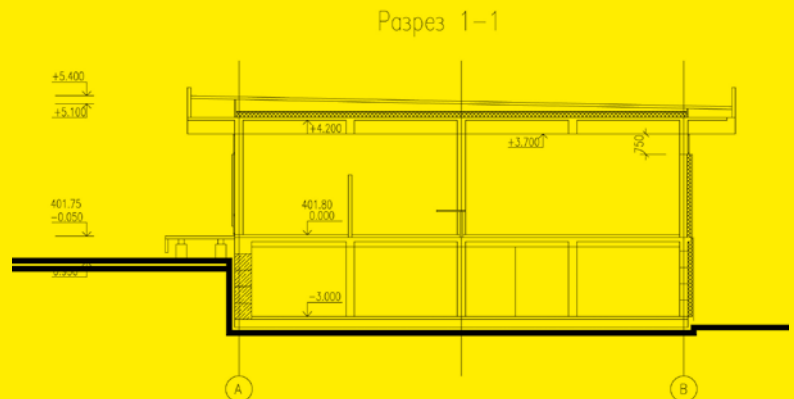
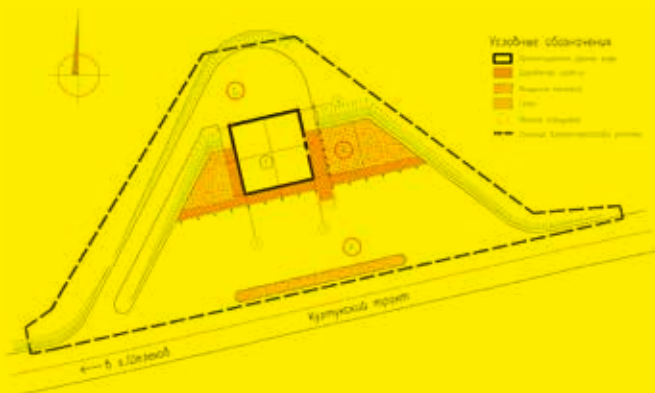
Первоначальный вариант планировки объема – простая «двухчастная форма», или, проще говоря, «ко мне передом – к лесу задом», в котором «задом» (простите за фривольное сравнение) являлись подсобные помещения кафе. Но его постепенно вытеснил вариант второй. Здесь тема восточных мотивов переплетается с европейской открытостью.

При более внимательном рассмотрении оказалось, что «избушка» прописалась в таком шикарном лесу, закрывать глаза на который будет

непростительной ошибкой. И глаза открыли – два противоположных фасада остеклены полностью от пола до потолка. Один выходит на основной бор, второй – на автомобильную трассу (в нашей сказке ею оказался Култукский тракт). Этим самым решаются две задачи. Первая – это созерцание потрясающего природного окружения, которое как бы входит в интерьер через остекленные фасады. Вторая – созерцание собственного кося, простите, автомобиля, который беспрепятственно «пасется» с противоположной стороны.

Отсылка к восточной теме в форме широких выносов кровли оправдана практически – грамотная солнцезащита, позволяющая в период солнцестояния оставаться в тени, не меняя выгодных позиций.

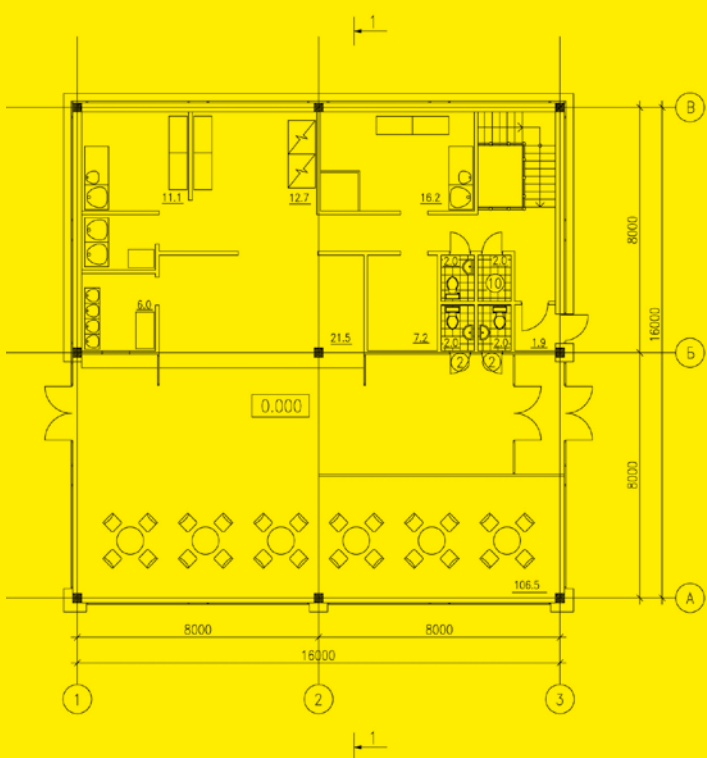
Ирина Теплякова

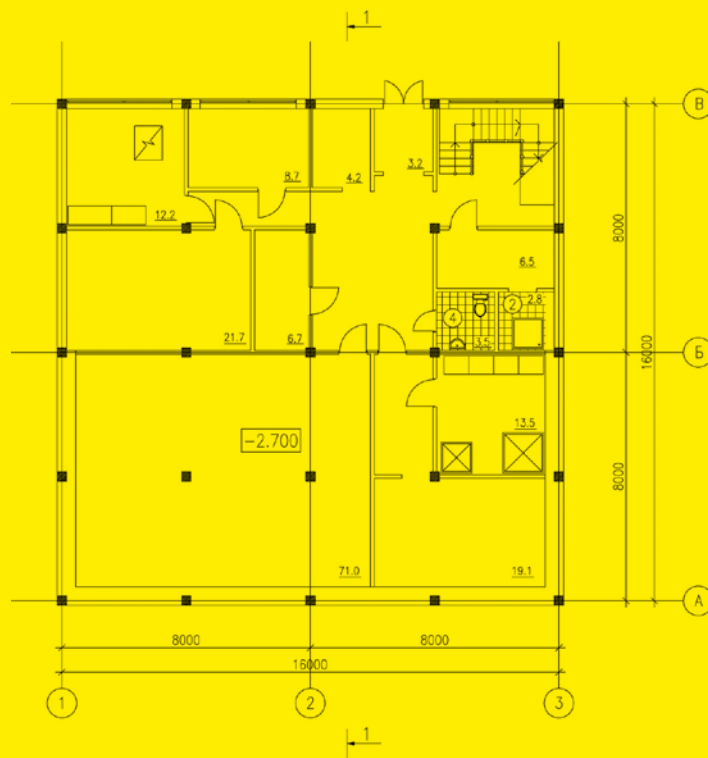

План на отметке 0.000

План на отметке -2.700

Памяти Евгения Ячменева

текст
Марина Ткачева

Печальные обстоятельства 27 июня сделали особенно очевидной ту роль, которую Евгений Александрович Ячменев сыграл в судьбе Иркутского мемориального музея декабристов.

Он был истинным человеком культуры, человеком моцартианского типа: ему удавалось все, за что он брался, с удивительной легкостью, непосредственностью и стремлением максимально реализовать свои способности. Вел экскурсии, играл на фортепиано, участвовал в спектаклях возрожденного им домашнего театра Волконских и в литературных концертах, по-французски говорил, грассируя, как Волконский... Чрезвычайно полно осуществившийся человек. Благодаря усилиям и увлеченности Евгения Александровича пополнялась и пополняется коллекция уникальных экспонатов музея: подлинные портреты матери декабриста княгини Александры Николаевны Волконской и декабриста Никиты Муравьева, прижизненный портрет Михаила Щепкина, книги с автографами современников. Переводятся на русский язык книги о декабристах и Сибири. Расширяется география контактов музея с потомками декабристов, с городами и музеями России, зарубежными энтузиастами-декабристоведом и литераторами. По предложению и с помощью Евгения Александровича Натальей Федоровной Караш подготовлена и издана книга «Князь Сергей Волконский: история жизни декабриста». Для читателей она станет открытием еще не известных граней характера цельной, неординарной личности.

Музей в его нынешнем виде во многом создан энергией его директора. Можно было спорить о концепции музея: стоит ли превращать его в музей дворянского быта, нужно ли вести образовательные и просветительские программы в том направлении и объеме, которые он предлагал. Очевидно одно: он был душой и сердцем музея, сделал его уникальным, непохожим на другие.

Остались проекты, которые предложены Евгением Ячменевым и которые, осуществившись, станут значи-

тельными культурными событиями Иркутска. Наиболее существенный из них – мегапроект «Декабристское кольцо». Он объединит популярные туристические места нескольких регионов в единый маршрут, поможет показать людям декабристские места, приобщит их к исторической памяти и личностям. Но его изюминка заключается в исконно музейном деле: реализация такого замысла поможет «встать на ноги» общественным музеям, которые (чего греха таить) существуют в весьма неблагоприятных условиях, методически грамотно построить их экспозиции, дать практические советы по их развитию, сделать их притягательными для туристов и коренных жителей. В то же время хочется оставить тот наив, провинциализм (в хорошем смысле слова), который сохранил бы аромат места, где музеи находятся. Такая формулировка цели во всех отношениях является образцовой, четкой и грамотной, решая методические музейные задачи и – одновременно – привлекая на туристический рынок тот музейный продукт, который имеет безусловную ценность.

Эта программа находится в контексте весьма современного и увеличивающего масштабы явления – приобретающего все большую популярность образовательного, познавательного историко-культурного туризма. В нашем случае идея поистине глобальна; даже в самом скромном формате она объединит декабристские места Иркутска и области: Урик, Олонки, Оёк, Грановщину, Усть-Куду. В перспективе сюда войдут места пребывания декабристов в Западной Сибири и Забайкалье. Помимо этого, проект ведет к необходимости объединить и усилия музеев областного центра, ибо в коллекциях ВСОРГО (Краеведческого музея), Художественного музея и Мемориального музея находятся разные части коллекций, завещанных потомками декабристов. Наиболее выигрышными оказываются именно проекты, объединяющие музеи, ибо они делают друг для друга более интересными, а мы все становимся обладателями общего знания, которое нас обогащает.

Еще один проект связан с разработкой концепции размещения произведений монументально-декоративного искусства и монументально-декоративной живописи на территории Иркутска, принятой Городской думой в 2007 году. Именно Евгений Александрович взялся описывать исторические места, места памяти и памятники на территории Иркутска: ведь это был его город. Его знание истории было многогранным и доскональным, но никоим образом не узко академическим. Он стремился к изменению городской среды, используя свои знания, чтобы сделать город интересным для его жителей. И осуществление уже утвержденных, и продвижение новых проектов, связанных с культурно-историческими событиями городской жизни, станут прекрасной памятью незаурядному историку.

Будущее музея, безусловно, связано с теми творческими проектами, которые делают музей продолжателем традиций культурного очага Иркутска: литературно-музыкальные салоны с разнообразными программами, домашний театр, участники которого перед отъездом на учебу покажут спектакль в память о Евгении Александровиче. Предполагается сделать общую с музеями Забайкалья экспозицию, посвященную потомкам декабристов, рассеянных по всему миру. Значительным вкладом будет открытие кабинета (пусть сначала доступного и не для всех желающих) выдающегося декабристоведа Сергея Федоровича Коваля, которое музей планирует приурочить к декабристским вечерам.

В перспективе хочется, чтобы вся усадьба – и Трубецких, и Волконских – была музеефицирована, чтобы во всех уголках были размещены экспозиции: в конюшне, людской, во вновь выявленных средовых архитектурных памятниках усадьбы Трубецких (амбары начала XX века). Необходимо облагородить саму территорию, прилегающую к строениям, сделать улицу по-настоящему исторической. И конечно, самой важной и ближайшей для реализации является реставрация первоначального облика особняка Трубецких.

Summary

Page 42

It Ought to Be Luxurious

Stoic philosophy of the drawing-room interior

The image (presentation) of a proper member of society depends on peculiarities of the society. In the Roman society of Claudius and Neron's times a representative of an upper class was to live in excessive and unnatural luxury.

The image of the interior that ought to look luxurious and rich returned to the Renaissance. Economic progress in such Italian cities as Florence, Rome, Venice and Genoa created an outstanding level of rich and very rich people. Specific situation in politics and trade gave rise to the need for ostentatious luxury. After those trends had faced a strong personality of a very decent and conscientious artist, masterpieces of design art came into the world.

In the XVIIth century French King-Sun Luis XIV built Versailles Palace where the principles of Palladianism grew up into a full-fledged style. In France it was called neoclassicism (from Latin word «classicus» or «exemplary»). Later on, when Luis Quatorze's style became exemplary indeed, in Russia and Germany it was called classicism.

At the end of the XIXth century architects started using Palladian principles again, and Classic orders began to appear on the facades. That trend got the name of historicism (in France) or neoclassicism (everywhere except France, where that term was already «occupied»).

Aesthetic program of Georgian architecture agrees neither with classicism (neoclassicism) nor with historicism (again neoclassicism). Next renaissance of rational basis so brightly conveyed by Inigo Jones bore too much resemblance to Italian prototypes. English aristocracy and middle class that looked down upon «the continental culture» preferred to rely on their own traditions with some elements of Gothic and Roman architecture of not metropolitan but provincial type.

Aesthetic principle of restrained richness and luxury controlled by reason returns again and again or, rather, it never passes. Especially in the drawing-room interiors, where public duty suggests an image of calm and self-confident richness.

K.Lidin, M.Meerovich

Page 62

Cultural Heritage and Identity in Architecture and Town Planning of Georgia

The cultural heritage of Georgia is represented by single monuments of architecture and culture as well as by urban entities. The latter includes historic cities and settlements that have the status of reserve museums (Mtsheta, Signahi, Ushguli etc.) including non-operating or partially operating ancient towns and monastery complexes cut in rocks that have been known for centuries (Vardzia, Uplistsihe, David Garedzhi); parts of modern towns that have a centuries-old history (Tbilisi, Kutaisi, Batumi, Telavi); urban heritage with cultural layers of several centuries B.C. that become a common property of the state as a result of present-day archeological diggings (Nokalakevi, Dmanisi).

Georgia has a Cultural Heritage Law. The centuries-old historical parts of modern towns with a density of architectural and cultural monuments are embraced in conservation zones. These are a historical development conservation zone, a development control zone and a landscape conservation zone. Such zones are situated in Tbilisi, Kutaisi, Batumi and Telavi. Special procedures regulate construction within those zones.

Marina Tumanishvili, Tbilisi, Georgia

Page 111

The Year of Culture against the Background of Contradictions

The architectural decisions of cultural objects are «the knots», the crosses of processes that run in different planes and scale of spiritual life. Literature, fashion, politics, indoor sculpture and construction technology, personal interests and ambitions of traders and officials, geographical relief and historical heritage of towns – everything is involved into a single whole when we speak about architecture of cultural objects.

2008 is declared a Year of Culture in the Irkutsk region. This remarkable fact was announced at the regional and federal level, and the corresponding political figures got their political dividends on this magic word «culture». The plan of measures of the Year of Culture includes 22 items. And none of them concerns architecture. The city and regional administration does not seem to build or plan anything special. At least during the Year of Culture. At the same time business treats objects of culture in its own way. Night clubs, restaurants, hotels and trading centers undertake the role of the bearer and the voice of cultural ideas.

Different kinds of culture exist in parallel, sometimes competing, sometimes cooperating, but more often ignoring one another. Regardless of many negative examples, Irkutsk regional culture still keeps viability and gathers strength to oppose depressive trends.

Konstantin Lidin

От ворот поворот

Для тех, кто не ходит пешком, написаны эти строки. Все больше становится людей, предпочитающих задуматься один раз, принять решение и дальше только пользоваться результатом полета мысли. Такие люди, уходя на работу, из квартиры попадают в подземный гараж. Из гаража на автомобиле – в офис. Стоянка – опять же в подземном гараже офисного здания. Другой вариант маршрута выглядит как «загородный дом – офис» и обратно. Но и в этом случае уточненный вариант «от ворот – до ворот» сохраняется. Ворота не являются признаком чего-то не из нашей жизни. Так как же они должны выглядеть, чтобы мы воспринимали их как источник удовлетворения от принятого в их пользу решения?

Основными элементами конструкции автоматических ворот являются:

- блочная или угловая рама;
  - полотно ворот;
  - электрический и/или ручной привод;
  - направляющие;
  - система управления, в состав которой может быть включен пульт дистанционного управления;
  - дополнительное оснащение: аксессуары, фурнитура, датчики различного типа, противовзломное оснащение, освещение и др.
- К основным требованиям, предъявляемым к воротам, независимо от их предназначения и конструктивного устройства, следует отнести:
- безопасность, надежность, комфортность эксплуатации;
  - простота и минимальный объем обслуживания;
  - возможность функционирования при отключенном источнике питания (наличие ручного привода – для автоматических ворот);
  - надежность защиты полотна и привода ворот от неблагоприятных внешних воздействий (осадков, взлома и т.д.);
  - эстетичность исполнения.

По конструкции специалисты выделяют следующие основные типы ворот: секционные, ролловые (по другой терминологии – рулонные), ролловые решетки, складывающиеся ворота, используемые, например, для пожарных частей, щитовые раздвижные, огнестойкие раздвижные, ворота с круговым движением, быстроходные (вертикальные и горизон-

тальные), распашные, полосовой занавес типа «гармошка».

По функциональному предназначению ворота подразделяют на промышленные и бытовые. Для частного сектора в основном это гаражные (секционные) и въездные (распашные и раздвижные).

Итак, выбираем ворота для дома.

Основное требование для нашего региона – низкие потери тепла. Из вышеперечисленных под это требование лучше всего подходят «секционные». Современные технологии позволяют устанавливать в ворота стеклопакеты, через которые можно просматривать помещения и при этом не допускать существенных теплопотерь. Встроенные в современные ворота блокировочные устройства существенно уменьшают возможность несанкционированного доступа. Отключение электроэнергии не повлияет на работу ворот, если предусмотреть ручной привод или блок бесперебойного питания.

Сегодня гаражные ворота воспринимаются как неотъемлемый атрибут комфортабельного загородного дома. А ведь были времена, когда не то что такие «мелочи», как ворота, само понятие «частный гараж» воспринималось как нечто из области фантастики. Тяжеленные, с вечно заедающими замками, распахивающиеся с грохотом и скрипом гаражные ворота кустарного производства никого не удивляли, а были, скорее, нормой. А уж о том, что ворота могут самостоятельно открываться при подъезде к гаражу, не мечтали даже самые заядлые автомобилисты. Однако время летит стремительно, и уже сегодня никого не удивит тем, что ворота могут быть утепленными, могут сами открываться и закрываться, что цвет их можно выбрать на любой вкус, не опасаясь того, что через пару лет их придется перекрашивать.

Итак, планируя приобретение гаражных ворот, следует для начала сделать выбор из всего разнообразия существующих на сегодняшний день моделей и разновидностей ворот. Задача не из легких, учитывая то, что каждый из нас желает иметь красивые, современные и вместе с тем надежные, теплые и удобные ворота, прекрасно вписывающиеся в архитектурный стиль загородного дома. Ограничиваясь

рамками статьи, остановимся на секционных.

Подъемно-секционные

Конструкция подъемно-секционных ворот состоит из трех важнейших составляющих:

1. Полотно ворот, которое представляет собой скрепленные горизонтальные панели (секции) высотой 50-60 мм. Такие секции должны быть из оцинкованной стали и утепленные двустенные, толщиной не менее 50 мм. Секции заполняются жестким пенополиуретаном, что и делает ворота теплыми. Секции полотна довольно широкие (до 650 мм), поэтому, как правило, их требуется от 4 до 6 штук, что уменьшает количество стыков между секциями, повышая жесткость конструкции и улучшая ее теплоизоляционные свойства. При открывании ворот такое полотно перемещается вертикально вверх и убирается под потолок. Конструкция ламелей позволяет им складываться встык без уплотнителей, снимая требование морозоустойчивости к уплотнителю. Такое техническое решение снижает потери тепла и повышает шумоизоляцию.

2. Направляющие (горизонтальные и вертикальные), по которым перемещается полотно, а также боковые, предотвращающие насильственное поднятие полотна при их взломе.

3. Другие комплектующие (петли, кронштейны, ролики и т.д.), обеспечивающие бесперебойную работу гаражных ворот. Здесь стоит упомянуть резиновые уплотнители, которые устанавливаются в сочленениях панелей полотна. После ряда открываний на морозном воздухе их технические характеристики меняются не в лучшую сторону. Именно такие уплотнители не способствуют тому, чтобы секционные ворота хорошо держали тепло: уплотнитель первой секции защищает нижнюю часть гаража, обеспечивает амортизацию при опускании ворот. Уплотнитель створа ворот предохраняет от проникновения холодного воздуха и влаги снаружи. Именно это и позволяет называть секционные ворота самыми бесшумными и непродуваемыми.

Кроме того, в конструкцию подъемно-секционных ворот могут быть включены элементы остекления и калитка.

В целом же следует отметить, что подъемно-секционные ворота обладают массой преимуществ по сравнению с другими типами ворот. Во-первых, это проверенная временем надежность и безопасность конструкции. Во-вторых, именно подъемно-секционные ворота отличаются высокими свойствами герметичности и теплопроводности (не уступают кладке в 1,5 кирпича). В-третьих, такие ворота имеют хорошую тепло- и звукоизоляцию, они устойчивы к неблагоприятным погодным условиям, в том числе к условиям нашего климата. Кроме того, данный тип ворот, благодаря тому, что металлические части их конструкции покрыты слоем цинка, не подвержены коррозии и обладают повышенными сроками эксплуатации.

Подъемно-секционные ворота не требуют места перед гаражом и не скрадывают пространство внутри него, что делает их очень удобным вариантом для гаражей с небольшим въездом. Отныне в условиях непогоды Вам не придется расчищать площадку перед гаражом, а подъезжать к воротам Вы сможете прямо вплотную, не опасаясь за то, что они смогут повредить Ваш автомобиль. Ну и наконец, особо следует отметить привлекательный внешний вид таких ворот. Они являются универсальными с точки зрения архитектуры: подходят для помещений разных размеров, формы ската крыши и вида проема, будь он прямоугольным, полукруглым или скошенным. Более того, существуют десятки вариантов отделки таких ворот с применением красок, пластиков, термостойкого стекла или же алюминиевых сплавов, что делает подъемно-секционные ворота привлекательным элементом дизайна самого дома.

Эксперт Виктор Калужских

С чего начинается дом?

Ответ на этот вопрос звучит по-разному. Привычка рулить подсказает: «Я дом узнаю по воротам». В других случаях, еще не входя в дом, мы делаем выводы о его хозяевах и их отношении к жизни. Так что же можно сказать об иркутских хозяевах по входным дверям?

Иркутянам полюбились двери производства КНР. Отчасти из-за цены, но скорее по незнанию, что стоит за этой дверью. В ценовом диапазоне до 10 тыс. рублей подавляющее большинство продающихся дверей в нашем регионе китайского производства. Хорошо это или плохо? Можно ли приобрести качественный товар, привезенный из Китая? Можно. Если фирма, которая продает вам товар на российском рынке, имеет своего представителя на заводе-производителе в Китае и контролирует качество выпускаемого товара на месте. Если же эта фирма просто закупает готовый товар в Китае, то никто не поручится за содержимое двери (наполнителя, замков и другой фурнитуры). В Китае подделывается все, в том числе и замки, и фурнитура известных фирм.

Если дверь стоит ниже 4 тыс. рублей, то она имеет настолько непрочную сталь, что взламывается при помощи простой открывашки для консервов. Форумы потребителей пестрят фотографиями и видео по вскрытию таких дверей.

Почему так происходит? Дело в том, что в Китае действует рынок продавца, а не покупателя, поэтому борьба за качество на внутреннем рынке для Китая не актуальна. Огромная масса населения Китайской народной республики способна поглотить все, что производится, в том числе и двери любого качества. Большинство производителей настолько испорчено высоким спросом, что клиентами не дорожат совершенно: уйдешь ты – придет другой. За окном – длинная очередь потенциальных покупателей. Не нравится китайская специфика? Тогда делай свою продукцию в своей стране.

В этой ситуации, даже если фирма-клиент несколько лет связана с одним и тем же производителем, за редким исключением, она всегда может быть скомпрометирована. Товар в ответственном заказе может состоять на 30 процентов из брака, на 20 – из пересортицы, а оставшееся может быть не того цвета, не того фасона, рисунка, что вы заказывали. Есть желание судиться? Удачи!

Поэтому многие фирмы-клиенты, поначалу доверившиеся поставщикам и имевшие после этого огром-

ные проблемы или просто потерю веры в человечество, поняли: доверия здесь не может быть и в помине. Над каждым китайским производителем непременно должен стоять надзиратель, контролирующий ход исполнения заказа и знающий весь набор китайских уловок.

В России ситуация иная: за потребителя надо бороться. Поэтому потребители могут выбирать и деньгами голосовать за свой выбор. Именно этим мы и займемся.

Что собой представляет хорошая входная дверь?

1. Хорошие стальные двери представляют собой конструкцию из цельногнутого полотна с несъемным наличником и из сложного дверного короба с двойным притвором. Чем сложнее геометрическая форма гнутого профиля и больше толщина материала, тем жестче и прочнее получается конечное изделие. Кроме того, применение гнутых профилей позволяет добиться нескольких преимуществ:

– создать дверь большой толщины при минимальном увеличении веса;

– установить два контура уплотнения по всему периметру двери, что улучшит ее тепло- и шумоизоляционные свойства и герметичность.

2. Каркас дверного полотна изготавливают из металлопроката. При этом нужно заметить, что в Китае нет хорошего проката. Форма используемого полуфабриката во многом определяет способность конструкции сопротивляться деформациям. Наименее жесткие элементы – полоса и уголок. Наибольшую жесткость имеют прямоугольная труба (жесткость двери из нее примерно втрое выше, чем двери с каркасом из уголка) и гнутые профили, образующие в конструкции сложные замкнутые контуры. В настоящее время многие иностранные и отечественные фирмы перешли на создание дверей именно из гнутого стального профиля (из листа толщиной от 1,2 до 2 мм).

Коробка дверного блока, подобно каркасу двери, может изготавливаться из уголка, профильной трубы и гнутого профиля. Наилучшими свойствами по жесткости, тепло- и звукоизоляции обладают коробки из гнутого профиля. Они позволяют «уплотнить» полотно двери в коробке. Это улучшает внешний вид изделий, повышает их устойчивость к взлому с применением фомки, позволяет создать два контура прилегания с особой геометрией.

3. Ребра жесткости. Для повышения прочности конструкции каркас полотна укрепляют ребрами жест-

кости. Чем их больше, тем лучше. Система ребер бывает продольной (только вертикальные), поперечной (только горизонтальные) или смешанной. Вертикальные ребра хорошо противостоят скручивающим нагрузкам – попыткам отогнуть верхний или нижний угол полотна со стороны замка. Горизонтальные ребра лучше противостоят попыткам отжать от коробки или продавить дверное полотно. Смешанная система ребер успешно противостоит и тому, и другому. Ребра жесткости скрыты за внешней оболочкой двери, их нельзя увидеть. О них вам расскажет продавец. Но насколько это достоверно, для китайской двери проверить невозможно.

4. Сборка. Основной способ сборки дверной конструкции – сварка. В дешевых отечественных моделях (\$ 150-200) и ряде китайских обычно используется ручная электродуговая сварка. Швы получаются неровными и довольно хрупкими, отсюда противозломные свойства двери невысоки. Кроме того, со временем вероятно ее деформация, приводящая к заеданию и даже заклиниванию замков. Более надежны двери, выполненные с применением точечной сварки. Наилучшей является полуавтоматическая сварка в среде CO₂, возможная только в условиях крупного производства.

5. Звуко- и теплоизоляция полотна в китайских моделях обычно представлена такими вариантами:

– Ячеистый картон, по форме представляющий собой соты. Приклеивается к металлу химическим способом. В некоторых китайских изделиях на поверку вместо заявленного ячеистого картона находились старые газеты.

– Минеральная вата, при эксплуатации со временем проседает под собственным весом, и дверь теряет свои звуко- и теплоизоляционные свойства. Кроме того, когда в зоне замков находится волокнистый утеплитель, то выпающие из матов волокна могут вызвать заклинивание замковых механизмов.

– Минеральная плита, в отличие от минеральной ваты, не проседает под собственным весом, так как она имеет более плотную структуру и приклеивается к металлу методом горячего прессования.

Наилучшими свойствами по теплу и звукоизоляции обладают двери с пенополиуретановым заполнением. Кроме того, в отличие от всех других наполнений двери с пенополиуретаном могут ставиться не только в подъезде дома, но и выходить на улицу. Из Китая по какой-то при-

чине двери с пенополиуретановым наполнителем не завозятся.

6. Дверь должна обладать хорошей защитой. Под хорошей защитой понимается дверь с замком сейфового типа с ригельной системой запора в три стороны. Замок с функцией перекодировки для исключения варианта подделки ключа. Замок совмещен с задвижкой, независимой от ключа. Верхний замок с защитой ригелей от спливания прокручивающимися втулками.

7. Фурнитура двери. Дверная ручка «в идеале» изготавливается из нержавеющей стали и устанавливается в заводских условиях вместе с замком. Глазок должен позволять видеть все пространство перед входной дверью, т.е. иметь угол обзора в 180°.

8. Гарантия. Сама дверь должна иметь гарантию не менее года. Большинство продавцов решает дать гарантию только на замки, значит, качество самой двери вызывает сомнения.

Теперь дадим небольшую памятку покупателю по выбору двери.

1. Если хотите купить качественную дверь, приобретайте ее только у солидной фирмы, чьи представители контролируют качество производства.

2. В Китае не делают хорошего проката, поэтому толщина китайского дверного полотна должна быть в 1,5 раза больше, чем российского, для получения тех же свойств (т.е. 1,5 мм и более). При этом стоит найти «честного» продавца, который скажет реальную толщину двери, в отличие от декларируемой.

3. Помните, хорошая дверь не может стоить ниже 4000 рублей.

4. Лучший наполнитель по тепло- и шумоизоляции, а для наружных дверей единственно применимый, пенополиуретан.

5. Не переплачивайте за фирменный замок в китайской двери. Никакая фирма не сможет гарантировать, что в двери стоит настоящий CISA, если она сама туда его не вставляла.

6. Гарантия продавца должна распространяться не только на замки, но и на саму дверь.

Иосиф Миневич

Абдуллина Марина Ринатовна – журналист (Иркутск)

Безгочев Виктор Григорьевич – эксперт-консультант по разработке программ и прогнозированию процессов в области региональной экономики, бизнес-планированию, экономике-предприятий (Красноярск)

Бубис Надежда Георгиевна – историк (Иркутск)

Герасимов Леонид Николаевич – доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, кандидат физико-математических наук, специалист по теоретическому и математическому программированию

Герасимов Юрий Леонидович – разработчик программного обеспечения для Windows и веб-сервисов

Глазачев Вячеслав Леонидович – доктор искусствоведения, профессор Московского архитектурного института, действительный член Международной академии архитектуры и Зальцбургского семинара планировщиков городов, генеральный директор издательства «Европа», президент Национальной академии дизайна, член Общественной палаты Российской Федерации, председатель Комиссии по вопросам регионального развития и местного самоуправления

Гнедовский Сергей Викторович – руководитель ПНКБ «Архитектура и культурная политика», заслуженный архитектор России, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, лауреат национальной премии в области архитектуры «Хрустальный Дедал»

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член президиума Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ, профессор МААМ

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Козак Александра Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России сотрудник АПМ-5 ИГП

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Тихоокеанского государственного университета, дважды лауреат Губернаторской премии (Хабаровск)

Крылова Лариса Александровна – студентка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, сотрудник АПМ-5 ИГП

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, профессор МААМ

Носова Наталья Александровна – архитектор, лауреат Губернаторской премии (Иркутск)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского Союза архитекторов, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта МСА, член Союза дизайнеров, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Сладков Дмитрий Владимирович – член Комиссии по местному самоуправлению и жилищной политике Общественной палаты Российской Федерации, заместитель руководителя экспертного совета по вопросам перспективного развития города Сарова

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Туманишвили Марина – член Союза архитекторов Грузии, доктор архитектуры, ведущий специалист городской службы по градостроительству г. Тбилиси

Хотулев Руслан Анатольевич – архитектор (Иркутск)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета

Шалахина Джамия Халиловна – главный инженер Российского государственного научно-исследовательского проектного института урбанистики (Санкт-Петербург)

Шободоев Евгений Борисович – историк, сотрудник архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск)

Ушкова Наталья Николаевна – психолог, журналист (Иркутск)

Закрытое акционерное общество Проектно-изыскательский институт

664081 г.Иркутск, ул.К.Либкнехта, 239 В
Тел.: 28-14-28

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
С И Б И Р И

Серебряный диплом

Реконструкция здания под размещение филиалов
ОАО Банк ВТБ и ЗАО ВТБ 24, по адресу г.Иркутск,
ул.Российская,10

Бронзовый диплом

Административное здание по ул. Горной в г. Иркутске

Жилой дом с административными
помещениями по ул. Байкальская
в Октябрьском районе г. Иркутска

Объект Эскизный проект застройки
в границах улиц Пушкина,
Румянцева, Профсоюзная, Кайская
в г.Иркутске.

Дома с нежилыми помещениями по
ул. Сурикова в г. Иркутске

Уважаемые архитекторы!

Руководство ЗАО ПИИ «ГорПроект» поздравляет Вас с Всемирным днем архитектуры!
Этот праздник не зря отмечается по всему миру, поскольку произведения архитекторов дарят
эстетическое и практическое удовольствие всем людям.
Хочется пожелать Вам, чтобы Вы получали радость от спланированного Вами и построенного
дома, чтобы Ваши великолепные замыслы всегда претворялись в жизнь и никогда не
залеживались в папке! Чтобы мелкие неурядицы и крупные неудачи никогда не выбивали Вас из
колеи, а нелегкая работа архитектора всегда выводила Вас на дорогу, построенную Вами же!

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 27, т.: (3952) 34-23-06, ф.: 20-23-15, e-mail: lgp@lgrp.ru

Жилой дома в Первом поселке ГЭС,
победитель фестиваля «Зодчество
Восточной Сибири – 2008»
в разделе «Постройки»

4 0 л е т с в а м и

Институт свою цель определяет в решении ряда задач:

- продвижении новых конструктивных и инженерных систем и решений
- оптимизации архитектурно-планировочных решений
- улучшении потребительских свойств проектной продукции
- принятии правил на конкурсное проведение проектирования для градостроительно значимых объектов
- культивировании понимания необходимости и первоочередности градостроительных решений

Основной стратегией института является рост и развитие:

- сферы и объема проектных услуг
- качества принимаемых проектных решений
- уровня автоматизации системы управления и создания проектной продукции
- информационной базы

Мы по-прежнему главной задачей ставим создание полноценной среды